

МОЯ ВОЙНА. АФГАНИСТАН

**35-ЛЕТИЮ ВЫВОДА СОВЕТСКИХ ВОЙСК
ИЗ АФГАНИСТАНА ПОСВЯЩАЕТСЯ**

(СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ И ОЧЕРКОВ ВЕТЕРАНОВ ВОЙНЫ В АФГАНИСТАНЕ)

ДЕПАРТАМЕНТ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ
СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ФОНДА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ

РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ВОЕННЫХ ИНВАЛИДОВ «ВОИН» В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

МОЯ ВОЙНА. АФГАНИСТАН

ПОСВЯЩАЕТСЯ 35-ЛЕТИЮ ВЫВОДА СОВЕТСКИХ ВОЙСК ИЗ АФГАНИСТАНА

Под общей редакцией председателя Правления Регионального отделения
Общероссийской общественной организации военных инвалидов «ВоИн» в Свердловской
области, депутата Законодательного Собрания Свердловской области В.В. БАБЕНКО.

Сборник издан в рамках проекта «Моя война. Афганистан», который осуществило
Региональное отделение Общероссийской общественной организации военных
инвалидов «ВоИн» в Свердловской области при поддержке Фонда президентских грантов,
Департамента внутренней политики Свердловской области.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Член Правления Регионального отделения Общероссийской общественной организации
военных инвалидов «ВоИн» в Свердловской области В.А. ГОВОРУХИН

Член Правления Регионального отделения Общероссийской общественной организации
военных инвалидов «ВоИн» в Свердловской области Э.А. КУЗЬМИН

Член Регионального отделения Общероссийской общественной организации военных
инвалидов «ВоИн» в Свердловской области Д.П. ПОРЫВАЕВ

Член Регионального отделения Общероссийской общественной организации военных
инвалидов «ВоИн» в Свердловской области А.В. БАННИКОВ

Директор МБУ «Муниципальный музей памяти воинов-интернационалистов «Шурави»
Н.Л. ПРОСЯНКИНА

Руководитель проекта «Моя война. Афганистан» В.А. ЛЕПАЛОВСКАЯ

Автор-составитель: главный редактор газеты «Ветеран Афганистана» О.Г. ЧЕТЕНОВ

В сборнике использованы фотографии из Государственного архива административных органов
Свердловской области, Управления архивами Свердловской области и из открытых источников.

Редакционная коллегия выражает глубокую признательность всем ветеранам войны в Афганистане,
предоставившим для сборника свои воспоминания и фотографии из личных архивов.

Материалы предназначены для широкого круга читателей, интересующихся историей России,
её Вооруженных Сил.

Сборник не является коммерческим изданием и выпущен в информационных
и просветительских целях.

Дорогие боевые друзья!

15 февраля 1989 года – особая, значимая страница отечественной и мировой истории. Сколько бы лет не прошло, день завершения вывода ограниченного контингента советских войск из Республики Афганистан навсегда останется в памяти ветеранов той войны и всего нашего народа. Помня его, мы отдаем дань глубокого уважения солдатам и сержантам, офицерам и генералам, врачам и гражданским советникам. Всем, кто проявил стойкость и мужество, с честью выполнил поставленные командованием задачи. И, конечно, вспоминаем своих боевых товарищей, кто исполнил долг перед Родиной ценой собственной жизни. На знаменитом в России мемориале «Черный тюльпан» – 242 фамилии погибших (умерших) в Афганистане свердловчан. Мы знаем о каждом, мы помним о каждом, мы склоняем головы перед их решимостью, мужеством и отвагой.

В закончившейся 35 лет назад войне принимало участие 8,5 тысяч свердловчан, каждый второй из которых вернулся домой с боевыми наградами. Звание «воина-афганца» стало синонимом отваги и мужества.

Всё больше времени отделяет нас от тех лет, когда сегодняшние ветераны, а тогда совсем еще зелёные мальчишки, выполняли боевые задачи на далекой афганской земле: охраняли мирные кишлаки от банд моджахедов, громили их караваны с оружием и наркотиками. Вряд ли многие из нас тогда задумывались о перипетиях сложной международной политики, геополитической стратегии и планах НАТО. В Афганистан нас отправила Родина, и мы с оружием в руках защищали её интересы.

Мы первые встали на пути зарождавшегося международного терроризма и экстремизма и на долгие десять лет задержали его распространение на территорию нашей страны.

Участники боевых действий в Афганистане, с честью прошедшие через тяжёлые испытания, вместе с участниками Великой Отечественной войны по праву находятся в авангарде ветеранского движения Свердловской области.

Воины-интернационалисты, как и прежде, свято хранят и преумножают славные традиции нерушимого боевого братства, завещанные нам дедами и прадедами, поддерживают друг друга и семьи погибших и умерших от ран и контузий товарищей, стремятся активно участвовать в общественной жизни страны, воспитании молодежи в духе патриотизма, гражданственности и бескорыстного служения России.

Сколько бы лет не прошло, время расставит всё по своим местам. И справедливая политическая оценка событиям тех лет будет дана. Но независимо от оценок, существует солдатский Подвиг, о котором на страницах этой книги рассказывают не журналисты, не писатели, а непосредственные участники тех далеких сегодня событий.

Уважаемые ветераны боевых действий! Примите слова глубокой признательности за ваше мужество, самоотверженность, верность служебному долгу! От всей души желаю воинам-интернационалистам Свердловской области, ветеранам всех войн и вооруженных конфликтов, их родным и близким счастья, удачи, здоровья, успехов в труде на благо процветания нашей Родины!

В.В. БАБЕНКО,
председатель Правления Регионального отделения
Общероссийской общественной организации
военных инвалидов «ВоИн» в Свердловской области,
депутат Законодательного Собрания Свердловской области

Службу в Афганистане проходил с 1986 по 1988 год в должности командира танковой роты. Воинское звание – капитан. Часть дислоцировалась в Кундузе. Награжден медалью

«Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа».

«Я профессиональный военный, закончил Челябинское танковое училище в 1980 году, служил в Чехословакии, потом в Ленинградском военном округе. В соответствии с распоряжением Министра обороны и Командующего войсками Ленинградского военного округа был направлен в ДРА в 1986 году на замену офицеру, который служил там до этого.

Служил в Афганистане два года командиром танковой роты. Национальный состав в роте был разный – беларусы, русские, но в основном выходцы из Средней Азии — таджики, турки-месхетинцы, узбеки.

Всякое было: и хорошее, и плохое. Личный состав из Средней Азии – большой плюс для нас: люди из их среды выполняли роль переводчиков,

потому как нужно было искать и поддерживать связи с местным населением. Знание фарси (таджикского языка), относящегося к той же языковой группе, что пушту и дари, на которых говорили в Афганистане, очень помогало устанавливать «соседские отношения», чтоб нам не расставляли мин. Но все равно ухо приходилось держать востро. Днем местные все были добренькие, учтивые, а в сумраке начиналось время душманов. Но мы с солдатами проводили работу с местными жителями, и нашу заставу не обстреливали. Да и застава была на горе, чтоб можно было вести наблюдение.

Помню, в 1987 году при сопровождении колонны на подъезде к Кундузу мы были обстреляны, но экипажи вышли достойно из этой ситуации. Было попадание в один танк, никто не пострадал, вытекло только топливо. А вообще, конечно, подрывов было много, люди погибали, но не на моих глазах.

Та война и ее цели были оправданы. Считаю, что руководство нашей страны принимало правильные решения. Многие страны хотели приложить руку к тому региону, а мы не дали этого сделать. И тем самым обезопасили и свои границы.

Афганистан изменил мое отношение ко многому, научил ценить мирную жизнь, навсегда усвоить, что любая война – это плохо.

Я тогда был холостой, а когда вернулся с боевых действий, стал искать вторую половинку. Наверное, это тоже показатель ценности жизни, и желание всё успеть. Ну, и конечно же, Афганистан – это опыт и знания, которые потом пригодились в Закавказье, куда меня направили служить после ДРА. Там тоже было неспокойно, между армянами и азербайджанцами разгорелся конфликт, произошло землетрясение в Спитаке, за два дня до которого я уехал за новобранцами на Алтай, потом события в Тбилиси 1991 года.

Не раз жизнь проверяла меня на прочность. Но, слава богу, кто-то всегда меня оберегал, ангел-хранитель, наверное. Сейчас я в отставке, но тоже прислушиваюсь к интуиции, к внутреннему голосу, и по-прежнему реагирую на всякие громкие внешние звуки. Прислушиваться и внешне, и внутренне и быть начеку – это осталось с времен в Афганистане и уже со мной навсегда».

Андреев Андрей Анатольевич родился 7 октября 1965 года в Качканаре. В 1985 году окончил механический техникум в Верхней Туре. Работал на Качканарском заводе по ремонту горного оборудования. В 1985-1987 гг. проходил службу в должности командира отделения-командира орудия Д-122 в 181-ом мотострелковом полку 108-й Невельской мотострелковой дивизии в составе Ограниченного контингента советских войск в Афганистане.

«Призывался как все – через Егоршино. Вечером мы приехали с Качканара – нас было 7 человек, переночевали, а уже утром было распределение: всех новобранцев построили на плацу, а всего нас было около трёх тысяч, «покупатели» стояли на трибуне с личными делами, чьи фамилии называли – те выходили; покупатель спускается, их забирает и уводит. Мы были предпоследние – 56 человек. Офицер нас отвёл в сторону, сказал, что поедем в Ашхабад, а служить будем в Германии или Чехословакии. Но у меня по географии пятёрка была, так что где мы будем служить я понял сразу.

Ехали до Ашхабада 6 дней. Там было два городка, я попал в первый городок, где были только артиллеристы и миномётчики. Мы ехали с Лазаревым Сергеем, вот он попал в другой, мотострелковый. Шесть месяцев там оттарабанили. Мама с отцом приезжали на неделю, дом снимали, на ночь меня отпускали. Два раза с ними говорил командир взвода, старший лейтенант. У нас сержант увольнялся в запас, и он хотел меня в учебном подразделении оставить. Я офицеру сказал, что не хочу оставаться. Даже

специально завалил один экзамен – по тактике, чтобы не оставаться. Мне дали младшего сержанта и всё, отправили в Афганистан. Хотя честно скажу: никакой романтики у меня не было.

Из своей пушки в учебке пострелять не пришлось. Со склада привезли 45-пятку военных лет, вот из неё 3 раза стрельнули. Сразу кино вспоминается, как деды наши воевали. Гаубицу можно было тянуть на тягаче, можно на «Урале». Если мины – на тягачах уже не едем, только на «Урале». Был норматив: как её в походное положение ставить, как в боевое. Но стрелять из неё мы не стреляли. Только теория. А в Афганистане практика быстро нам ума прибавила, что правда, то правда.

В Союзе расчёт Д-122 был семь человек, в Афгане – только четыре, чуть не в два раза меньше. Я – командир орудия: мне говорят координаты, я высчитываю, говорю наводчику. Наводчика не трогали, не отвлекали – потому что ни дай Бог, не то, что надо выставит. И двум бойцам приходилось снаряды таскать. Приезжаем мы в район боевых действий – ни окопов не роём, ни площадку под гаубицу. Она универсальна тем, что у неё 3 станины, основная станина и две вспомогательных. Сама гаубица установлена на колеса от ЗИЛа, если движемся в походном положении. Офицер говорит: «Место расположения здесь!» Мы гаубицу от тягача отцепляем, машина отъезжает, снимаем чехол, раздвигаем станины, по центру станин снизу ставим домкрат, специальной ручкой вверх-вниз качаешь и приподнимаешь гаубицу до того момента, чтобы колёса приподнялись над землей. Раздвигаешь станины в стороны, получается по виду как знак на автомобиле «Мерседес». Станины не надо специально выставлять по градусам и размерам, там стоят упоры, поэтому раздвигаешь станины до упоров, которые и фиксируют боевое положение. В Союзе надо было станины фиксировать специальными штырями, забивать их, чтобы гаубица не «плясала», а там куда их забивать: кругом скалы. При этом способе важен один плюс, что, если доворот хороший дадут, станины перебивать не надо, гаубица вращается на 365 градусов.

У нас в батарее было 6 орудий по штату. Я приехал – было 4, и уехал было 4 – выходили из строя в афганском климате (пыль, песок) и ремонтировались.

Гаубица, как я говорил, имеет калибр 122 миллиметра и бросает снаряды весом в 23,2 килограмма. Траектория гаубицы, конечно, значительно круче, чем пушки.

Конечно, всякое орудие может дать траектории различной крутизны. Для этого достаточно лишь изменять угол возвышения орудия. Но при очень больших углах возвышения траектория получится слишком крутая, и снаряд упадет близко от орудия. Поэтому крутизну траектории гаубичного снаряда и дальность его полета

изменяют еще и другим способом: из гаубиц стреляют зарядами различного веса. Малый заряд выгоднее для поражения близкой цели, но не годится для поражения далекой цели. Для поражения более удаленной цели применяют заряд большего веса. Чем дальше цель, тем больше берут заряд. Заряд гаубицы изменяют, вынимая из гильзы перед заряданием пучки пороха. Поэтому гаубицы никогда не заряжаются гильзой и снарядом в сборе. Они имеют, как говорят, раздельное зарядание: сперва вкладывается снаряд, а затем гильза с зарядом.

Выстрел. В ящике 2 снаряда и 2 гильзы. Они обязательно лежат отдельно. Ящик весит 82 килограмма. В каждой гильзе находится четыре пучка пороха. Для уменьшения силы заряда необходимо достать то количество пучков, которые подаются при команде. При команде «Третий заряд!» солдат, пока я произвожу расчеты, открывает гильзу, там 4 пучка пороха, он убирает три пучка. Если команда «Второй заряд!» – выкидывает два пучка, и крышкой закрывает гильзу, а при команде «Первый заряд!» – достает один пучок. Зарядание выглядит следующим образом – вынимаешь из ящика снаряд, досылаешь его досыльником в ствол, в стволе 36 нарезов, и чтобы он обратно не упал – на самом снаряде насечки, которыми он цепляется за нарезы в стволе. Досылаешь гильзу, закрываешь замок и производишь выстрел.

Характеристики орудия: прямая наводка 800 м, а потолок дальности стрельбы – 16 км. Снаряды бывают трех видов, на ящиках всё маркировано. Осколочно-фугасный – взрывается на земле, радиус поражения 200 м. Осветительные – когда местность подсветить нужно пехоте или десантникам. Еще есть снаряды, которые взры-

ваются на высоте, как осветительные, но из него вылетает 3200 иголок. Иголка как гвоздик без шляпки с зубринами сантиметра 3-4. Каждая иголка не просто падает, а ещё и вращается. Когда стреляли, было видно: снаряд разрывается – и словно молния в небе сверкает.

Гильзы с порохом – они одинаковые, ко всем идут. Отстрелялись, собрались, подцепили гаубицу, уехали. Худо, когда орудие зарядили, и в это время поступила команда «Отбой!» Разряжать нельзя, стрелять нельзя, вот и катались некоторые горемыки с заряженными орудиями.

В Афган прилетели из Ашхабада – полный самолёт. Прилетели в Кабул и уже оттуда всех прибывших распределили по полкам. Нас, 14 человек, в аэропорту посадили в ГАЗ-66 и увезли в наш полк.

Полгода жили в палатках, основным зданием был двухэтажный штаб. Через полгода моей службы в полку нашу батарею отправили на полгода охранять ГЭС в Суруби.

Когда вернулись в полк в конце 1986 года – все уже жили в сборно-щитовых модулях. В полку было 3 батареи: полгода в Суруби стоит 1-я батарея, потом 2-я, затем сменяет 3-я. Единственная дорога шла на Джелалабад, и мы постами располагались рядом с ней. Не далеко, в шаговой доступности, была дача бывшего короля Дауда. Дом, не больше, чем на нашей качканарской «Рублевке», но сделан в изящном стиле. Там стоял царандой (военнослужащие Министерства внутренних дел Демократической Республики Афганистан), и мы с ними были в хороших отношениях. Поэтому неоднократно ходили на дачу, фоткались. Жаль фотографии утеряны. Рыбу ловили в реке. Сам пост на скалах: скала, выступ, опять скала – на выступе

ГЭС Суруби изображена на афганской банкноте в 100 афганей

установлены 2 орудия, наверху стоит танк.

В неделю в среднем было по 2 обстрела, в основном ракетными снарядами. Где мы стояли, было водохранилище и ГЭС, там тоже были скалы и дорога. И справа, и слева, все точки были пристреляны. Задача танкистов была засечь откуда ведётся обстрел, и даже не попасть, а просто открыть огонь, чтобы душманы «шуганулись». Буквально на минуту, пока мы ориентируемся. У танка обычно были только его первые два выстрела, точность – наша. Бывало, делали 1, 2, 3 выстрела, а, бывало, по полтора часа стреляли. Если «ответки» нет: или ты попал, или они ушли – проверять в горы никто не полезет, они там выше нашей горы Качканар раза в 4-5. Мы по вспышкам ориентировались. Душманы же в основном из «безоткаток» по нам били, с гранатомёта им не достать было.

Взвод у меня был 20 человек, но в наличии было 15-16, а то и 13: кто по госпиталям, кто где. Гепатит всех косил: у нас в батарее из 42 человек 41 загремели в инфекционный госпиталь, но не все сразу, а с интервалами. И я там переболел в сентябре 1986-го, месяц лечился. А когда подошло время выписываться – товарища привезли на смену.

Кроме нас там никого не было, нас сразу предупредили: в случае чего – помощь из полка придёт через 4 часа в лучшем случае. Так что сами стреляли, сами себя охраняли.

Питались нормально. В 1-м взводе нашей батареи склад был, колонна идёт – и нам привозили продовольствие. У нас на посту кухня была, два повара, которые в наряд не ходили, на них была только кухня, сами хлеб пекли.

В нашем расчёте были четыре человека: мы с товарищем с Урала, чеченец Ахмед и грузин Каха. С Ахмедом переписывались до чеченской войны. Каха в 1989 году поступил в Ленинградский юридический университет. Я к нему в гости съездил. Потом у грузин началась война с абхазами, у нас связь прервалась.

В полку редко были, мы относились к нему чисто на бумаге, как сейчас говорят – действо-

вали автономно. Если полк на боевой операции – на две-три недели они приезжают, весь полк себя в порядок приводит, технику, ходят в наряды. А мы, артдивизион, приезжали максимум на неделю, в основном чтобы технику в порядок привести. Колонна идёт со стороны Баграма, например, нас с собой забирает в усиление, уезжаем на 2-3 месяца, куда они едут – там поработали, другие за нами приезжают, мы в другую сторону. Могли приехать – полка нет, он на боевых, мы свои дела поделали – и поехали.

Нас ставили только в середину колонны. Спросил у старшего по званию, почему так, тот ответил – это самое безопасное место. К каждому орудию был прикреплен «Урал» и МТЛБ (многоцелевой транспортёр-тягач лёгкий бронированный). МТЛБ идёт – на нем штук 20 ящиков снарядов, и за каждым МТЛБ идёт «Урал» со снарядами. Другая МТЛБ – опять «Урал» идёт.

На боевых жили в МТЛБ. Палаток мы с собой не таскали. Расчёт 4 человека – их можно разместить в десантном отделении. Водитель «Урала» у себя в кабине обычно размещался. Но не сразу все спят: человека два постоянно стоят в карауле. Так что места хватало. Палаток и спальных – ничего такого не было. Если помыться – в другой полк заезжали специально, на 12 часов, бывало, на сутки. Нам место в столовой выделяли, на довольствие ставили, сухпай, баня....

Однажды было дело, вчетвером перекидали около 100 тонн за один раз. Ящик весит 82 кг. Сперва ящики со снарядами брали не с МТЛБ – это запас, как НЗ, поэтому брали с Урала. Кидать нельзя. Двое на край ящик со снарядами ставят, двое снимают и аккуратно опускают на землю. Самое главное так их расставить, чтобы они были в куче. Минимум нужно было ставить 10-15 ящиков, друг на друга ставить нельзя. Два выстрела сделали – кричат «Отбой!» Видимо, десантура или пехота душманов погнали, они отступили. 16 км гаубица уже не берёт. Закидываем ящики обратно, в походное положение, отъехали буквально 100 метров – снова достаём. И так было раз шесть-семь: туда-сюда, туда-сюда...

У нас на войне при мне никто не погиб. Однажды за две недели отстреляли по цели где-то от Кабула 40 км утром, а вечером обратно поехали. Впереди пошёл наш «Урал», в кабине сидел парень из Ленинграда. Открыл окно, там все с открытыми окнами ездили – жара страшная. Руку локтем вперед из окна выставил, рукава за-

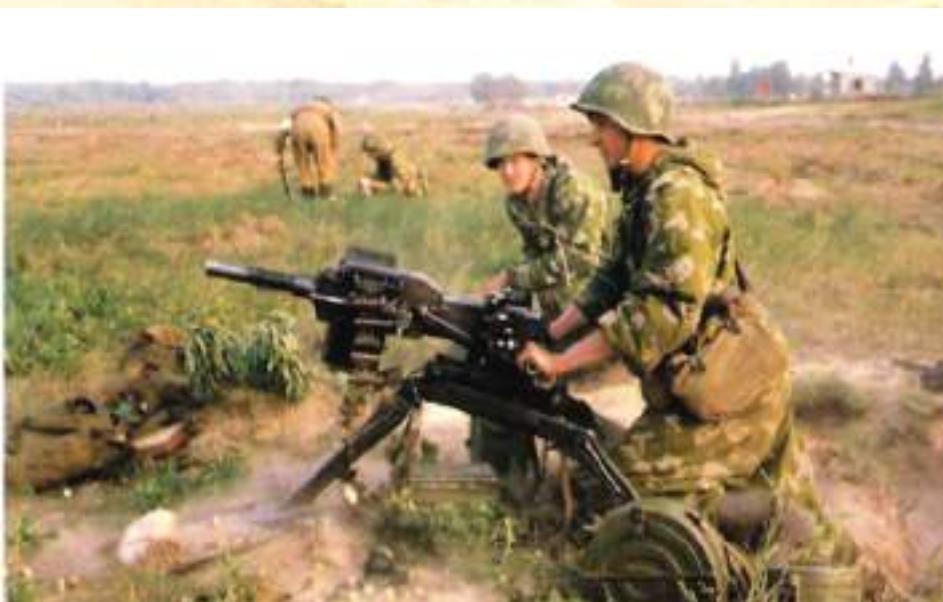
сучены. Бронежилет на двери автомобиля висит, он у всех водителей так висел. Едем, и вдруг «Ба-бах!» – крышка от фильтра от «Урала» к нам прилетела. Пыль осела, спрыгнули... Короче, машина передним колесом наехала на мину. И взрывной волной парню руку практически оторвало, висела на коже. Вкололи бедняге промедол. До Кабула уже недалеко было, и от нас машина ехала с крестом. Короче, руку он потерял. И ведь я ему сам говорил – поехали с нами!

Я сам три раза подрывался – на МТЛБ, отделался контузиями. Нас обычно в середину колонны брали, а если переход километра 3-4, тебе никто сопровождения давать не будет. Тогда артдивизион свои орудия подцепил – и в путь.

Примерно в феврале 1987 года состоялся полковой парад. От каждого подразделения со своей техникой участвовали лучшие солдаты части, лучший танк, миномет. Выставили и наш артиллерийский расчет. Тогда в нашу часть приехали первый заместитель начальника Генерального штаба Вооружённых Сил СССР Варенников В.И. с президентом Афганистана Наджибуллой. Я их видел в метрах полтора от себя. Операторы снимали. Меня мама потом два раза по телевизору видела. Смешно, на парад выдали со склада новую «эксперименталку» («афганку»), парад закончился – её снова сдали на склад.

А обычная форма одежды: обычная «афганка», летом берцы, панама, были и кепки: зимой сапоги, бушлат, шапки. А бывало и в тапочках по части ходили.

В Афганистане я находился 18 месяцев и 11 дней. Уволен в запас 11 мая 1987 года. Начинать службу младшим сержантом, через полгода было присвоено звание сержант, и так же оставался командиром орудия. Ещё через 3 месяца было присвоено звание старший сержант. И за 3 месяца до окончания службы было присвоено звание старшина. Последние дни я служил в должности заместителя командира взвода. Неплохая карьера по военным меркам».

■ Полковник Пограничной службы ФСБ России Лев Анисимов родился в городе Чусовой Пермской области 5 апреля 1966 года. С детства мечтал стать пограничником. Благодаря настойчивости и упорству, мечту осуществил.

«Мой отец пограничник, служил в пограничных войсках, – рассказывает Лев Михайлович. – Наша семья ездила по границам. Казахстан, Киргизия. Я видел эту службу, она мне понравилась, другого я не представлял. По окончании школы поступил в пограничное училище. Когда мне исполнился 21 год, я закончил высшее пограничное военно-политическое ордена Октябрьской Революции Краснознамённое училище КГБ СССР имени Ворошилова (сейчас называется Голицынский пограничный институт ФСБ России). С тех пор служил до 2019 года на различных офицерских должностях. Вместе с учебой в военном училище это составило 36 лет».

В Афганистан Анисимов был направлен с задачей охраны государственной границы Советского Союза на территории Афганистана. Во время Афганской войны было необходимо усилить охрану государственной границы СССР, поэтому пограничные войска встали и со стороны Афганистана. Примерно стокилометровая территория вдоль государственной границы на территории Афганистана охранялась нашими пограничными войсками.

Службу проходил в должности заместителя командира миномётной батареи. Подразделение обеспечивало огневую поддержку пограничных мотоманевренных и десантно-штурмовых маневренных групп при выполнении ими боевых операций на территории Афганистана. Также одной из основных задач подразделения было

участие в обеспечении вывода советских войск из Афганистана. Пограничники обеспечивали безопасный вывод 40-й армии. После того, как советские войска вышли из Афганистана, вышли и пограничники. За выполнение этой ответственной задачи Лев Анисимов награждён медалью «За отличие в охране государственной границы СССР», медалью «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа». Также награжден именными часами от Председателя КГБ СССР.

«Выполняя различные боевые задачи, на территории Афганистана я находился с октября 1988 до 15 февраля 1989 года – рассказывает Анисимов. – Особых моральных и физических неудобств я в Афганистане не испытывал, потому что во время подготовки в Пограничном училище мы уже знали, какого рода служба нас ждёт. Понимаете, пограничная служба предполагает постоянное соприкосновение с противником. Когда пограничник несёт службу, она предполагает его присутствие на границе. Поэтому все пограничники, выполняя приказ на охрану государственной границы, выполняют боевую задачу и выходят на охрану с боевым оружием и боеприпасами. Иногда пограничный наряд – это один человек, иногда два, готовых вступить в бой. Бывают и более крупные пограничные наряды. Это зависит от обстановки, складывающейся на государственной границе.

За 4 года в училище нас готовили к различным ситуациям, условиям обстановки. После учёбы какой-то период времени мы выполняли задачи в мирных условиях. Так, в 1987-м году я окончил училище, год прослужил на заставе, направлен в Афганистан, через год война закончилась, а с ней и моя служба в этой стране. Вернулся на родную пограничную заставу.

Большое количество офицеров-пограничников выполняли задачи в Афганистане. Кто-то остался охранять границу с Афганистаном и после войны».

После распада Советского Союза Пограничная группа Российской Федерации стояла в Таджикистане, пограничники выполняли те же задачи, не только в интересах Таджикистана как самостоятельного государства, но прежде всего России. В начале 90-х российские пограничные войска встали на пути серьёзного наркотрафика из Афганистана, на пути террористов, которые шли в Таджикистан и другие страны для дестабилизации обстановки. Путь наркотрафика известен: из Афганистана через государства Средней Азии в государства Европы. Российские пограничники уже тогда оказали сопротивление терроризму.

Специфика службы в подразделении, где офицер Анисимов проходил службу на территории Афганистана, заключалась в том, что оно могло находиться на расстоянии до 4 километров от места боевого столкновения, но, как правило, гораздо ближе. Миномёт – такое оружие, которое применяется со скрытых позиций. Поэтому в «штыковую атаку» офицер не ходил. Поддерживая наши подразделения, которые выполняли боевые задачи, минометчики наносили огневое поражение по местам сосредоточения душманов или бандитов, моджахедов. У пограничников специфические задачи, это не танковая рота на танковую роту пошла, это не характерно для пограничников.

Хоть журналисты любят употреблять слова «бандиты», «моджахеды», они не были глупыми, хорошо воевали, также наносили огневое поражение по нашим войскам. К счастью, Анисимову под обстрелы попадать не приходилось. А так, в условиях непосредственного соприкосновения с бандами двигаться приходилось в составе колонны, в окружении, наперевес с оружием стояли. Период наступил более мирный, они уже знали, что советские войска выходят из Афганистана, побаивались вступать с нами в бой. Для них важнее был выход ограниченного контингента советских войск из страны.

«А вообще война – крайнее средство, когда мирным путём невозможно договориться, – считает Лев Михайлович. – Боевые действия начинаются, когда никто не хочет друг другу уступить или когда нужно уничтожить врага, в нашем случае, на территории Афганистана. Мы же не с государством воевали. Война шла с бандформированиями, которые не хотели поддерживать власть страны. Тогда руководство Афганистана попросило руководство Советского Союза оказать им помощь. Задачи были поставлены Вооружённым силам и пограничникам, само собой. Пограничники первыми зашли в Афганистан, а вышли из него последними. Это не афишировалось, но это факт. Когда командующий 40-й армией генерал Громов говорил: «За моей спиной не осталось ни одного солдата», на самом деле пограничники ещё находились на территории страны, в частности наше подразделение, и ещё в течение нескольких дней выполняли задачи».

Привыкнуть к войне простому человеку вряд ли возможно. Но есть категория людей, которая не мыслит себя без того, чтобы ни быть в боевом тонусе. Они добровольно идут выполнять боевые задачи. Есть контрактники. Анисимов один из них, контракт он заключал каждые 5 лет. А когда начинал службу, контрактов не было. Был воинский долг, который «звёт», ты обязан был его выполнить, раз присягу дал на верность Родине.

Был и такой вариант: офицеры служили в Афганистане, после окончания конфликта продолжали службу в мирных условиях. Начались события на Северном Кавказе – Чеченские войны 1 и 2 – они в составе подразделений служили в новых должностях, получили очередные звания. Например, офицер служил командиром взвода, в Чеченских событиях он уже, например, командир роты или батальона. То есть снова воюет. Закончились Чеченские войны, начались локальные конфликты, в Таджикистане и в других местах, идут служить дальше. И не просто идут, а продолжают честно выполнять воинский долг.

В Свердловской области есть участники тех событий, герои России. Молодежи стоит почитать историю пограничных войск – «Застава 25-ти героев». Летом 1993-го на участке Московского пограничного отряда таджико-афганской

границы 48 пограничников и военнослужащих 201-й дивизии оказались в окружении моджахедов, отряд которых был до 400 человек. Погибло 25 ребят. Шести бойцам присвоено звание Героя России, среди них сержанту Сергею Евланову, нашему земляку. Четверым, к сожалению, это звание присвоено посмертно.

С одной войны на другую. Кто-то по зову сердца, потому что хочется ему таких условий. А кто-то выполняет свой долг и участвует в боевых действиях со своим подразделением.

Вот, например, вертолетчик полковник Игорь Родобольский вошёл в Книгу рекордов Вооружённых сил по количеству наград и боевых орденов. Он Герой Российской Федерации, на его груди 7 боевых орденов, медали. Воевал в Афганистане, Чечне, участвовал в разных событиях и конфликтах, в которых были задействованы наши Вооружённые Силы.

Анисимову довелось послужить Родине в Киргизии, Таджикистане, Афганистане, на Казахстанском участке в Челябинской области. Потом здесь в Екатеринбурге служил. Затем продолжил службу в Курганском пограничном институте. Там он был начальником кафедры, потом факультета, обучал курсантов. Оглядываясь назад, он считает, что счастлив, раз ему выпала такая судьба.

В 1979 году Накип Аскаров проходил службу в 35-м Мургабском пограничном отряде в горах Памира в должности командира взвода. 27 декабря офицеров срочно подняли по тревоге, собрали в штабе и

объявили, что в Афганистан были введены советские войска.

Все новогодние праздники пограничники провели в боевом ожидании, но после поступила команда: «Отбой». А в мае 1980 года отряд совершил марш-бросок, затем на вертолётах пограничников забросили в Афганистан. Перед ними была поставлена задача по перекрытию границы между Афганистаном и Пакистаном.

Группа, в которой насчитывалось порядка 150 человек, находилась на территории Афганистана. Поставленная задача: не допустить проникновения бандформирований на территорию Советского Союза, наладить контакт с местными жителями. Условия были очень суровые. Пограничники находились на высокогорье, на высоте более четырех тысяч метров. Дорог, по которым можно было спокойно перемещаться, не было, действовали автономно. Питание и боеприпасы

доставлялись только по воздуху, на вертолётах.

Пограничники, как им и положено, охраняли границу. Задерживали нарушителей, плотно работали с разведкой, которая взаимодействовала со своей агентурной сетью.

Аскаррову приходилось неоднократно выходить на разведку, на границу с Пакистаном, когда группу из примерно 15 человек забрасывали на границу с задачей контролировать обстановку и наблюдать за территорией. В случае опасности группа должна была первой вступить в бой и предупредить основные силы советских войск. Забрасывали обычно на неделю. В течение этого времени необходимо было вести себя крайне скрытно. Костры разводить было нельзя, питались солдаты и офицеры без горячей пищи, только сухими пайками.

Однажды Аскарров с группой бойцов в составе 5 человек случайно зашёл на границу Пакистана. Наблюдая в бинокль, офицер увидел базу, где находились боевики. Когда группа вернулась в расположение и офицер докладывал результаты разведывательной операции, глядя на карту, он понял, что подразделение случайно углубилось на территорию Пакистана.

Лейтенанту Аскаррову приходилось часто с разведчиками выходить в рейды. Командование ставило задачу выдвигаться в сторону Пакистана. Аскарров должен был в кратчайшие сроки подготовить и экипировать людей, провести инструктаж, выдвигаться в рейд. Всё это, как правило, происходило в ночное время. Каждому было отведено своё место, разведчики вместе

В группе Аскарова ребята были, в основном, из Подмосквья, с Липецкой области, из Тулы, Челябинска. Офицер был единственным представителем Свердловской области. Все правильно понимали задачи. Ветеранов часто спрашивают: «Было ли Вам страшно на войне?». Аскарков считает, что чувствовать страх – это нормально. Страшнее было показать себя трусом. Но в истории отряда не было ни одного случая, чтобы кто-то отказался от боевого задания или написал рапорт о том, чтобы его вернули в Союз.

Каких-то контактов, к сожалению, уже не сохранилось. Очень хорошо запомнился командир группы старший лейтенант Монохин, командир батальона Владимир Ковалев, замполит Лысенков, и особенно друг, однополчанин, тоже командир Володя Зеленков. Аскарков, кстати, недавно случайно в «Одноклассниках» с ним «встретился». Теперь однополчане постоянно созваниваются, общаются.

с переводчиками находились сзади. Задачей группы Аскаркова было пропустить с территории Пакистана группу людей, которые приходили в Афганистан, чтобы передать агентурные данные нашим разведчикам. Такие рейды всегда были непредсказуемы.

Боевые задачи в Афганистане Аскарков выполнял около 7 месяцев. За выполнение интернационального долга больших наград не получил. Он же был в числе первых, а первым быть всегда тяжело. Награжден нагрудным знаком «Отличник погранвойск» I степени, «Отличник погранвойск» II степени, после был вручен знак «Воин-интернационалист». Но дело ведь, по большому счету, не в наградах. Самая большая награда – это то, что он с товарищами выполнил поставленную задачу и вернулся живыми.

Однажды произошел случай, когда офицер с небольшой группой бойцов ходил в разведку и зашел в один из небольших кишлаков. Никого не было там, но шестое чувство Аскаркову подсказало, что нужно быстро уходить. Группа развернулась обратно, в дувалы никто не заходил. Спустя время, Аскаркова вызвал капитан из разведки и сказал, что ребята из группы «родились в рубашке». Оказалось, что пока советские воины двигались в направлении кишлака, за ними буквально по следам шла группа моджахедов около 25 человек, они вели наблюдение за «шурави» и искали удобный повод для нападения. Если бы бойцы зашли в один из домов, взяли что-либо, то группа оттуда уже бы не вернулась.

Наверное, если бы в его жизни не было службы в Афганистане, то и жизнь, скорее всего, сложилась бы по-другому. Пройдя Афганистан, по-иному смотришь на многие вещи, ценишь жизнь саму, ценишь отношения, ценишь надёжность людей. Афганистан Аскаркова многому научил с точки зрения принятия решений. Именно там он понял, что только от тебя самого зависит успешность выполнения задачи. Только от твоих действий зависит жизнь твоя и твоих товарищей. Только ты сам должен принять решение и нести за это ответственность. Те, кто прошел Афганистан, пересмотрели своё отношение к жизни в целом, – это самое главное.

Только в экстремальных условиях, – считает Накип Аскарков, – человек проявляет все свои качества. А ведь командиру взвода тогда только исполнилось 23 года. В его подчинении были солдаты, самому старшему из которых «стукнуло» 19 лет. На офицере лежала большая ответственность. Когда его группа выходила в разведку, он отвечал за жизнь своих подчиненных, и от его правильных решений и действий зависело очень многое. Поскольку военнотружущим на войне приходилось решать сложные боевые задачи, действовать с риском для жизни, молодые парни очень быстро выросли. Такие задачи требовали большого жизненного опыта.

Дамир АСКАРОВ

■ Председатель Нижнетагильского местного отделения Свердловской областной организации имени Героя Советского Союза Исламова Ю.В. Общероссийской общественной организации «Российский Союз ветеранов Афганистана и специальных военных операций», кавалер ордена Красной Звезды Андрей Банников закончил школу № 23 Нижнего Тагила, с детства занимался футболом, хоккеем. Ближе к службе в армии был членом оперативного комсомольского отряда, начал заниматься рукопашным боем, записался в авiakлуб и совершил шесть прыжков с парашютом, тем самым подготавливаясь к предстоящей службе в Вооруженных Силах.

МОЯ ВОЙНА. АФГАНИСТАН

В армию Андрей Банников был призван 1 апреля 1983 года. Вначале служить довелось в разведывательной роте Ферганского учебного подразделения (войсковая часть 52788). Там молодой боец и узнал, что в «учебке» готовят бойцов для службы на территории Демократической Республики Афганистан.

В фильме Федора Бондарчука «9 рота», считает Андрей Банников, очень хорошо показана специфика учебного подразделения, обучение и сплочение воинского коллектива, а затем отправка на территорию Афганистана.

Первые несколько месяцев молодое пополнение находилось на территории аэродрома города Кабул, где дислоцировался 350-й парашютно-десантный полк. Задачами были выезд на близлежащие горные высоты. Приходилось и выдвигаться на передовые рубежи, участвовать в боестолкновениях.

Первая боевая задача была получена весной 1984 года. Началась армейская операция в районе Дех-Сабз и две разведывательные роты полка попали в засаду душманов. Поставили задачу помочь спустить ребят с горной вершины. Но сначала надо было туда подняться, по возможности избегая прямого контакта с противником. Тогда молодые десантники и начали учиться рассчитывать время, различать по свисту пуль оружие, из которого в тебя стреляют и многой другой военной «азбуке».

Эвакуировали раненых, погибших, это боевое крещение запомнилось Банникову надолго.

В Афганистане Андрей служил с 1984 года. Получив тяжелое ранение, 7 марта 1985 года был комиссован.

Мама ходила в церковь все время, пока сын находился на войне, ставила Богу свечки, просила сохранить сына, ждала и надеялась. В то время в Нижнем Тагиле уже хоронили погибших ребят, так что, конечно, ей было страшно.

Разведчика сильно поддерживали письма с Родины. В то время не было телефонных разговоров, ведь куда звонить на войну и отправлять смс? Солдаты и сами часто писали письма родным. Большинство по зову души, нерадивые – по приказу командиров. Всегда было приятно уединиться, почитать письмо, ощутить поддержку и заботу.

Первые месяцы жили бойцы в палаточном лагере. Жили в больших палатках с дощатыми полами, самодельными печками, спали на двухъярусных кроватях.

Полк, в котором служил Андрей, находился на территории крепости Бала Хиссар в Кабуле, первые укрепления которой археологи относят к V веку нашей эры. Впоследствии крепость многократно перестраивалась. В течение многих столетий крепость служила укрытием для правителей Афганистана. Метровые стены защищали советских военнослужащих от душманских обстрелов реактивными снарядами.

Но не только с душманами приходилось нашим солдатам иметь дело. Афганский народ, по мнению Андрея Банникова, очень трудолюбивый. А часть непримиримых представителей оппозиции народной власти, при поддержке США, финансируемые западными спецслужбами, пытались помешать прогрессивным преобразованиям и переменам. Вот и приходилось нашим воинам охранять южные рубежи своей многонациональной страны.

Нельзя забывать и еще об одном очень важном моменте. Присутствие в Афганистане советских воинов очень осложнило деятельность производителей и поставщиков афганских наркотиков по всему миру. Они перекрывали

тайные горные тропы контрабандистов, захватывали или уничтожали караваны с оружием и наркотиками. А ограниченный контингент советских войск в Афганистане явился не только вооруженной, но и своего рода идеологической стеной между мусульманским религиозно-политическим движением – ваххабизмом и европейской культурой.

Почти всегда на завтрак, обед и ужин во время боевых действий были однообразные сухпайки, в месте постоянной дислокации питались в солдатской столовой. Может быть, не очень вкусно, но белки, жиры и углеводы исправно соответствовали нормам пищевого довольствия.

Больше всего Андрею не доставало сладостей. На праздники и Дни рождения солдаты делали самодельные торты. Приготовить торт было несложно даже в армейских условиях. В котелок крошилось печенье, заливалось сгущенкой. Перед приготовлением именинника обычно спрашивали: «Тебе какую сгущенку: двухчасовую, трехчасовую, четырехчасовую или пятичасовую?» Сгущенка варилась разное время, и когда виновник торжества заказывал, например, пятичасовую, значит, она была очень коричневого цвета. Каждый на свой вкус выбирал какого цвета он хочет торт. А больше выбирать было не из чего. В адскую афганскую жару скучали по газировке. Андрею даже снилась вода «Дюшес». Он представлял, как достает из холодильника бутылочку сладкой воды и долго, большими глотками пьет эту колющую горло воду с неповторимым довоенным ароматом...

Командиры учили: «Вас приехало сюда 13 человек, учитесь воевать каждый день, прикрывайте друг друга и постарайтесь вернуться домой живыми». Но были на войне моменты, когда Андрей почти не верил в удачу.

Во время встреч с подростками, проведения Уроков мужества, на вопрос: «Было ли Вам страшно на войне?» Андрей обычно отвечает,

что молодой человек призывается на армейскую службу в 18-19 лет, когда страха у него практически нет. Только с годами начинаешь ощущать страх, но по большей части не за себя, а за своих родных и близких людей.

Домой десантник Банников летел на самолете «Ил-18». Он чувствовал, что для него война закончилась, впереди – долгое лечение в госпиталях. Немного волнительно было за боевых товарищей, оставшихся в Афганистане, но Андрей был уверен – они справятся. Когда штурман громко объявил: «Пересекаем границу Союза Советских Социалистических Республик», сердце защемило от радости – «Дома!»

Андрей помнит всех своих командиров, боевых товарищей, и живых, и погибших, с которыми воевал в далекой южной стране. С сослуживцами старается поддерживать связь, благо сегодня, в век развитых информационных технологий, это стало гораздо проще. Говоря военным языком – связь в подразделении устойчивая и непрерывная.

Банников говорит «спасибо» родителям, которые переживали и заботились о нем все годы службы, командирам, которые сделали из него настоящего солдата и патриота страны, сослуживцам и боевым товарищам, с кем «съел пуд соли».

После излечения Банников пошел работать мастером-электриком на Высокогорский механический завод. Но память, потребность оказывать помощь и поддержку боевым товарищам,

семьям погибших, привела его в областной союз ветеранов Афганистана.

Ограниченный контингент советских войск был выведен из Афганистана 15 февраля 1989 года, и практически сразу, по всей стране, ветераны стали объединяться и создавать общественные организации. Их задачами были не только поддержка друг друга и семей погибших и умерших от ран и контузий товарищей, но и стремление активно участвовать в общественной жизни страны, воспитании молодежи в духе патриотизма, гражданственности и бескорыстного служения России.

Свердловская областная организация имени Героя Советского Союза Исламова Ю.В. Общероссийской общественной организации «Российский Союз ветеранов Афганистана», созданная в 1991 году, – одна из самых крепких

и организованных в стране. Потом был создан Российский Союз ветеранов Афганистана. Совместно с органами государственной и муниципальной власти Свердловской области ветераны-«афганцы» неустанно ведут большую благородную работу по патриотическому воспитанию молодежи, своевременному решению вопросов социальной поддержки, медицинской реабилитации, трудоустройства, обеспечения жильем ветеранов и инвалидов, семей погибших (умерших) участников боевых действий.

История организации нижнетагильских ветеранов войны в Афганистане началась 18 декабря 1992 года, когда в Нижнем Тагиле состоялась городская конференция воинов-интернационалистов, на которой была учреждена общественная организация «Союз ветеранов Афганистана». В нее вошли ранее существовавшие организации – Дзержинское районное отделение, Комитет воинов-интернационалистов НТМК, Союз инвалидов Афганистана, Ленинское, Тагилстроевское и Пригородное отделения СВА, а также военно-патриотический клуб «Гранит».

В городе сразу резко увеличилось количество военно-патриотических клубов, появились памятники, в том числе широко известный за пределами области мемориал воинам-тагильчанам, погибшим в локальных войнах планеты, более известный как памятник «Брод в неизвестность».

Решение о создании монумента с целью увековечивания памяти воинов, погибших в локальных войнах планеты было принято 18 декабря 1992 году на первой конференции Нижнетагильского местного отделения Свердловской областной организации имени Героя Советского Союза Исламова Ю.В. Общероссийской общественной организации «Российский Союз ветеранов Афганистана». Монумент построен на средства жителей Нижнего Тагила. Необходимую сумму в то смутное, полное неопределенности время, ветеранам удалось собрать с помощью Администрации города, взносам предпринимателей, проведению благотворительного фестиваля-марафона «Афганский ветер», который состоялся 20 февраля 1999 года в помещении Нижнетагильского драматического театра с прямой трансляцией в эфире телерадиокомпания «Телекон».

Было выбрано и утверждено место будущего памятника — набережная Тагильского пруда, напротив Демидовской центральной городской больницы, – которое по стечению обстоятельств оказалось историческим: в первой половине XVIII века здесь находились «загороды» – заводская застава, охранявшая завод от варнаков и татей.

Вскоре был объявлен конкурс на лучший проект памятника. Победителем была признана концепция тагильского скульптора Анатолия Неверова.

Сегодня памятник является неотъемлемой частью архитектуры города Нижний Тагил, он даже включен в популярный туристический маршрут «Малахитовая линия». Ежегодно у памятника проходят военно-патриотические мероприятия города.

В 2000 году по инициативе Нижнетагильского отделения Российского Союза ветеранов Афганистана для сохранения памяти о тагильчанах,

выполнявших свой воинский долг в различных локальных конфликтах, был создан музей, в котором представлены личные вещи участников боевых действий, письма, форменная одежда, фотографии. За это время организаторы и сотрудники музея сформировали интересную и насыщенную коллекцию экспонатов, насчитывающую более семи тысяч единиц хранения, а также расширили направления его работы. В музее проводится большая работа по гражданско-патриотическому воспитанию.

Всем погибшим в Афганистане и Чечне нижнетагильцам были открыты мемориальные доски. А песенный патриотический фестиваль «Афганский ветер» уже переживает третий десяток лет. Каждый год в нем принимают участие сотни юных талантов.

Потом к организации ветеранов войны в Афганистане присоединились ребята, принимавшие участие в восстановлении конституционного порядка на территории Чеченской Республики, контртеррористической операции на Северном Кавказе, миротворческой операции в Югославии, другие участники локальных войн и вооруженных конфликтов. Скоро общественная ветеранская организация пополнится участниками специальной военной операции на Украине.

■ Богат послужной список полковника Владимира Ивановича Батышкина. Учеба в Челябинском танковом училище. После его окончания в 1971 году – служба в Центральной группе советских войск в Чехословакии. Затем служба в Московском военном округе. Учеба в академии бронетанковых войск имени Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского. Далее служба в Закавказском военном округе: начальником штаба, командиром полка. С должности начальника оперативного отделения дивизии офицер Батышкин был направлен в служебную командировку в Демократическую Республику Афганистан, продолжавшуюся полтора года.

Офицер награжден орденом Красной Звезды, медалями «За безупречную службу» всех трех степеней, а также афганскими «10 лет Саурской (апрельской – прим. автора) революции», «За хорошую службу», «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа».

В 1993 году полковник Батышкин вышел в запас и вернулся на свою малую родину – в город Ирбит.

«В сентябре 1987 года согласно приказу командования я поступил в распоряжение главного военного советника при правительстве Афганистана. Был направлен на военную базу, располагавшуюся в ущелье Панджшер, что в переводе на русский язык обозначает «Пять

львов», в глубине которой протекала река с одноименным названием.

Из столицы – Кабула – прилетели вертолетом. Впечатление при подлете к ущелью складывалось жутковатое: на склонах масса пораженной советской техники. Здесь, в ущелье, многие колонны попадали в засады душманов. Среди танков, бронетранспортеров, автомобилей виднелся и обгоревший остов вертолета. На нем за несколько дней до моего прибытия летели наши офицеры из аппарата главного военного советника...

Находясь на службе, мы носили афганскую, но без знаков отличия форму. В дни отдыха в Кабуле – гражданскую.

Задачей советников было обучение командиров афганской армии военному искусству и организация боевого взаимодействия афганских частей с подразделениями ограниченного контингента советских войск.

Рабочий день начинался в четыре тридцать утра со сбора информации с боевых точек за прошедшую ночь – о количестве обстрелов, обстановке на постах охраны и передаче этой информации в аппарат главного военного советника. После общего подъема, завтрака – совещание, которое проводил старший советник нашего коллектива. После – работа со своим «подшефным» – начальником оперативного отделения пехотной дивизии. Обсуждались вопросы планирования и проведения боевой подготовки, контроля занятий в частях афганской армии. После обеда – контроль за подготовкой

нарядов на постах. К восемнадцати часам осуществлялся сбор информации за день – о количестве призванных на службу, дезертирах, убитых и раненых афганских военнослужащих, общей обстановке и, опять же, шифрограммой сведения докладывались главному военному советнику.

После девятнадцати часов начиналась подготовка своего отделения охраны – наших военнослужащих. У нас было полное самообеспечение – отделения связи и охраны, своя кухня-столовая, баня.

На неделю каждый месяц офицеры вывозились в Кабул, где в военном городке жили наши семьи.

Надо отметить – если в первый период моего пребывания в Афганистане и,

Коллектив специалистов-преподавателей в училище по подготовке персонала холодильных установок, г. Кабул, 1988 г.

Коллектив военных советников и переводчиков второй пехотной дивизии в ущелье Панджшер, 15 февраля 1988 г.

разумеется, ранее афганские командиры прислушивались к нам, то после решения советского правительства о выводе ограниченного контингента советских войск из Афганистана, в мае 1988 года, и до окончания этого процесса, середины февраля 1989-го, присутствие советников стало почти символическим, хотя боевые действия и продолжались. Сами-то они говорили о себе так: настоящий афганец тот, кто говорит одно, думает другое, а делает третье... Иными словами, достаточно непредсказуемый народ.

О боевых действиях говорить не хочется: одно слово – война. Но 15 мая 1988 года – начало

рый находился в тридцати пяти километрах вниз по ущелью. Но дорога отлично простреливалась, и нам пришлось эвакуироваться на вертолетах. К вечеру весь коллектив советников собрался в кабульском аэропорту без потерь. Доложили главному военному советнику о том, что ранен один офицер и легко контужены двое солдат.

Тогда мы искренне верили – выполняем интернациональный долг и помогаем братскому афганскому народу. Но на общую ситуацию в стране наше присутствие, мое мнение, не повлияло. Борьба за власть продолжается и по сей день...»

вывода войск ограниченного контингента советских войск – моджахеды отметили по-афгански своеобразно. С четырех часов утра начался массированный обстрел всех блок-постов и расположений частей правительственных войск в ущелье Панджшер, который продолжался весь день. Мин 5-6 попали и во двор нашего домика, пострадали надворные постройки, пробило крышу в комнате отдыха, осколками перебило антенный кабель радиостанции. Для восстановления связи кабель пришлось заменять под обстрелом.

Из Кабула поступила команда собрать всех советников и вывести в расположение советского полка, кото-

■ Полковник МВД в отставке. Оперативный сотрудник представительства МВД СССР при МВД ДРА в провинции Гильменд (1981-1983), старший оперативный сотрудник представительства МВД СССР при МВД ДРА в провинциях Газни и Пактия (1986-1988).

Богданов Юрий Иванович родился в 1937 году в деревне Брехово, Махневского района (ныне – Алапаевский) Свердловской области.

В служебных командировках в Афганистане был два раза. За выполнение интернационального долга в Демократической Республике Афганистан награжден двумя орденами Красной Звезды и государственными наградами ДРА: орденом Славы, медалями «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа» и «За хорошую службу».

За службу в органах внутренних дел награжден медалями трех степеней «За безупречную службу».

Общий стаж службы в Министерстве внутренних дел СССР и РФ составляет почти 40 лет.

В Гильменде Юрий Богданов был оперативным сотрудником представительства МВД СССР при МВД ДРА. Должность – советник по службе безопасности. В ведении – все, кто носит оружие, кроме оперативного батальона, все службы: охрана, патрулирование, автоинспекция, вплоть до тюрьмы и пожарной части.

После первой командировки Богданова направили в город Каменск-Уральский – начальником управления УВД Каменск-Уральского горисполкома. Там он проработал три года. А затем снова поехал в Афганистан.

МОЯ ВОЙНА. АФГАНИСТАН

«Нас тогда начали всех повторно перебирать, – вспоминает ветеран, – годен или нет по состоянию здоровья. Дело в том, что афганская сторона попросила наше руководство подобрать более сильный и возрастной советнический аппарат. После нас в основном пошла молодежь, а восток, как известно, – дело тонкое. Ты хоть будь семи пядей во лбу, но если ты молодой, старый человек тебя слушать не будет. Даже если ты очень ценные и правильные советы даешь. А там практически все руководство в почтенном возрасте...

Главная задача, которая перед нами была поставлена партией и правительством, – мы должны уйти, а Афганистан должен остаться нашим союзником. От нас требовалось научить афганцев работать.

Когда я приехал в 1981 году, революция в Афганистане длилась уже два года. Когда она началась, армия разбежалась. Офицеры были из богатеньких и удрали в Пакистан или еще куда. А солдаты просто разбежались по своим кишлакам. Было принято решение сделать ставку на помощь Министерства внутренних дел. Сначала ввели войска, потом образовали представительство МВД СССР при МВД ДРА.

Мы комплектовали и части царандоя («царандой» на языке пушту означает «защитник», так называлось Министерство внутренних дел ДРА), и армию. Помню, в Гильменд ввели 20-й полк. У нас в оперативном батальоне рота была полнее, чем этот полк. Так и в других частях. Плохо было с комплектованием.

Мы занимались призывом. А как это там делается? Документов же ни у кого нет. Окружили кишлак, пошли прочесывать, поймали всех, визуально похожих на тех, кто должен служить. Из них и комплектовали воинские подразделения. Половина разбежалась, снова поймают – снова призыв...

Поскольку все мы по существу выполняли армейские функции, нам приходилось участвовать в разнообразных операциях. А там любая операция – боевая. Местное население не всё было «за», при этом стрелковое оружие есть у каждого. Главным образом, английские

винтовки «Бур-303». У этой винтовки два вида патронов. Один – простой, другой – свинцовая пуля со стальным сердечником. Такой патрон пробивает боковую броню нашего БТР.

Плюс там везде – племена. В Кабуле еще как-то все более-менее цивилизованно, хотя и там придерживаются своих племенных обычаев. В провинциях же – очень жестко. В племени есть старейшина или вождь. Есть «джирга» – «совет» по-нашему. И как глава решит, так и будет племя делать. Скажет пойти за этих – все возьмутся за оружие и пойдут. Скажет пойти за тех – пойдут за тех. Хотя в целом местное население, которое нас окружало, относилось к нам доброжелательно.

Приходилось учитывать и все местные религиозные моменты. По определенным дням нам вообще запрещали выходить из дому. В такой день он неверного убьет – с него все грехи снимут. Нельзя глазеть на женщин, нельзя отвлекать молящегося, а они молятся по 5 раз в день...

Вся служба в Афганистане – это череда ярких событий. В Гильменде было немножко спокойнее, а в Гардезе обстреливали каждую ночь. Бывало, и днем. Когда по тебя стреляют, рядом

Всякие бывали моменты. Все советнические группы: ХАДа (афганской службы госбезопасности), Царандоя, армейские, комсомольские, партийные в городе Газни занимали бывшую гостиницу на окраине города. Окна были заложены саманными кирпичами, нас часто обстреливали. Помню, ребята притащили ДШК отстреливаться ночью. А это же крупнокалиберный пулемет, тяжелый, его на балкон поставили, одну очередь дали, и балкон обвалился...

рвутся снаряды, мины – это запоминается надолго.

Я из Кабула летел на афганском самолете. Нас обстреляли. Я стоял в кабине пилота, когда мы упали, позвоночник тогда сильно повредил. Пулевых ранений у меня не было. Подорвался на БТР на мине два раза, горел в боевой машине.

«красной чертой», дома. Второй – по случаю, по которому собрались. Третий – за погибших товарищей.

Вся жизнь – патриотизм. Ты защищаешь интересы своей Родины. Никаких других помыслов не было, и быть не может.

Я четыре года был на войне. Один раз в год давали отпуск. Рейс «Кабул – Москва». В Москве меня всегда встречала жена. Встречали немногих, меня – всегда. В гостиничном номере был накрыт стол, затем мы ехали домой, к детям. Несколько тихих, счастливых дней. Потом я возвращался на войну.

Самая большая моя награда – жена Нина Харитоновна, с которой мы вместе уже больше 60 лет...»

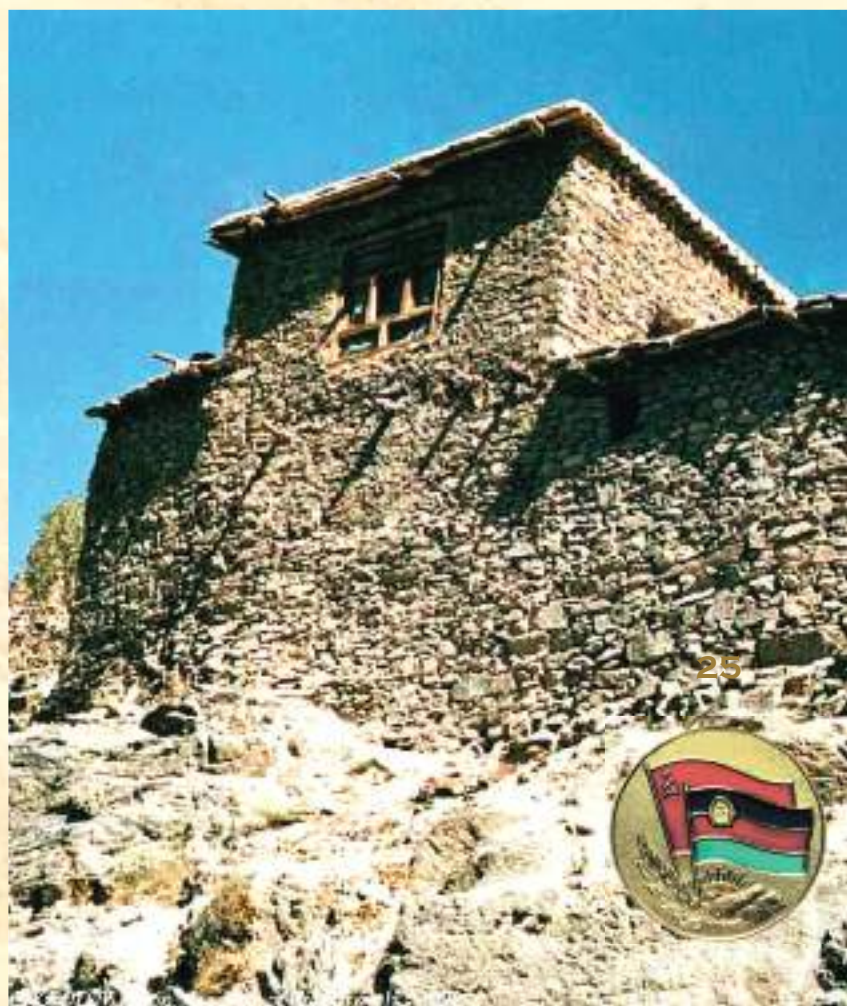

В мою первую поездку я участвовал в 44-х боевых операциях. Советских, афганских, совместных. Летал на бомбардировщике, наносили штурмовые удары. Второй раз – тоже 40 боевых операций мне насчитали.

Я не могу сказать, что чем-то особо отличился. Ордена у меня не за что-то конкретное, не за один какой-то бой, а по совокупности.

Вы когда-нибудь общались с участником Великой Отечественной войны? Он все помнит – и первый, и последний бой. Даже солдат. Я уж не говорю про офицеров. И мы все помним. Мы все были на войне. Хоть нас и называли советниками. Нам приходилось защищать и себя, и подопечных.

Но, в первую очередь, мы защищали интересы своей Родины. Не было громких речей о патриотизме. Мы просто знали, что воюем за мир. За то, чтобы у наших границ не было военной угрозы. Если доставалось нам выпить чарку, то первый тост – за Родину! За тех, кто за

■ Виктор Борисов родился 25 сентября 1966 года в деревне Городцы Трубачевского района Брянской области.

Призванный в ряды Пограничных войск в октябре 1984 года, Виктор шесть месяцев проходил специальную подготовку на командиров БМП и БТР в учебном подразделении, которое располагалось в поселке Прогресс на Дальнем Востоке. В Демократической Республике Афганистан служил с 6 сентября 1985 г. по 18 декабря 1986 г.

«Я, и еще четыре сержанта, попали в группу «Имам-Сахид» – ММГ № 1», – вспоминает Виктор Михайлович. – Первое боевое крещение я получил через несколько дней после прибытия в Афганистан, при выходе нашей мотоманевренной группы для встречи и проведения транспортной колонны, следующей из Советского Союза. Тогда мы столкнулись с бандгруппой. В коротком бою смертельное ранение получил свердловчанин Иванов Валера, один из прибывших со мной сержантов. 23 сентября он умер от ран в госпитале города Душанбе на руках отца, который примчался к сыну, получив известие о ранении.

25 сентября я отпраздновал свой первый день рождения в Афганистане, а уже 27 сентя-

бря, при заходе в один из кишлаков, подбивают нашу БМП-2, где командиром был начальник заставы капитан Алексей Ставила. Погиб наводчик Виктор Смиренин из моего призыва. Остальные ранены, контужены, обожжены. Тело Смиренина с трудом забирали из горевшей БМП-2 (его из башни выбросило), т.к. это место хорошо простреливалось и было на виду у душманов.

Ночью саперы пробрались к подбитой БМП и заминировали ее. Маневренной группе пришлось отойти от кишлака и встать лагерем недалеко от него. А утром все, пришедшие для «фотосессии о проделанной «работе» для ее оплаты (каждая подбитая и сбита душманами наша техника имела разную цену, оплачиваемую американцами), подорвались на сгоревшей БМП-2.

21 декабря, при проводке транспортной колонны из Советского Союза на Талукан, получает смертельное ранение и умирает в госпитале Ставила Алексей (ему было всего 29 лет, он был женат и у него было двое детей). Вот так «ознаменовались» эти первые четыре месяца службы в Афганистане и последние месяцы 1985 года.

А 1 сентября 1986 года нашу маневренную группу обстреляли ракетами. В момент обстрела я с механиком БМП Виктором Драпаном находился возле машины. Ракета упала между нами, но по ее траектории вся взрывная осколочная волна пошла на механика. Его сильно посеколо, перебило бедра ног. Меня задело слегка, контузило... 25 сентября 1986 года, в день моего рождения меня выписали из госпиталя, т.к. в этот день пришел приказ об увольнении в запас нашего призыва и командование постаралось выписать так называемый «дедсостав». Попрощался с ребятами. Очень жалею, что не попрощался с ребятами. Очень жалею, что не попрощался с ребятами.

щался со своим механиком Виктором Драпаном. Думал, что он вернется в нашу группу, а его сразу после выписки отправили в Пянджский отряд и демобилизовали домой.

А я уже через несколько часов был уже в Афганистане, в маневренной группе, которая готовилась на очередной боевой выход. Начальник заставы, увидев меня, идущего с «вертолетки», очень обрадовался, и тут же попросил поехать на боевые. Полагалось после ранений две недели отпуска (при части), и он об этом знал. На мой вопрос об отпуске, он сказал: «Придем и «отгуляешь» свои две недели». Так оно и было. А 18 декабря 1986 года, я демобилизовался: выехал из расположения отряда, 21 декабря был уже дома, где стояли 30-градусные морозы. Так что новый 1987 год я встречал дома «под елкой».

За выполнение интернационального долга в Афганистане Виктор Михайлович Борисов награжден медалями «За боевые заслуги», «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа», «30 лет вывода советских войск из Афганистана», а также «За отличие в ветеранском движении», «За отличие в охране государственной границы», нагрудными знаками «Отличник погранвойск» I и II степеней.

А в октябре 1988 г. на общем собрании «афганцев» г. Краснотурьинска Виктор Борисов был избран председателем организации ветеранов боевых действий. Совместно с товарищами из Свердловской областной организацией «афганцев» краснотурьинцы прошли все перипетии лихих 90-х годов и последующие годы экономических реформ.

В сентябре 2012 г., в связи с реорганизацией, ветераны зарегистрировали местную об-

щественную организацию «Краснотурьинский Союз ветеранов боевых действий». 6 апреля 2018 г. организация становится структурным подразделением СОО РСВА, а 26 апреля 2018 г. – коллективным членом Краснотурьинской городской общественной организации инвалидов, ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооружённых Сил и правоохранительных органов.

Все эти годы ветеранов боевых действий активно поддерживают и помогают местные органы власти. На данный момент в Краснотурьинске проживает более 500 ветеранов боевых действий. Начиная с 2007 г., они ежегодно организуют и проводят турнир по боксу «Кузница воли», посвящённый дню вывода войск из Афганистана и памяти земляков, погибших в «горячих точках».

Для патриотического воспитания молодёжи и увековечивания памяти погибших, в городе созданы музей в Краснотурьинском политехникуме и экспозиции в индустриальном колледже и школе № 19. Также, на зданиях всех школ, где учились ребята, погибшие в Афганистане, установлены мемориальные доски. Городская школа № 9 носит имя Володи Каширова. В посёлке Белка, где родился и вырос Шакиров Валера, одна из улиц названа его именем. За всеми могилами погибших земляков и мемориалом следят закреплённые за ними ветераны боевых действий, волонтеры и подростки из военно-патриотических клубов.

В 2023 году Виктор Михайлович Борисов решением Центрального правления «Российского Союза ветеранов Афганистана и специальных военных операций» награжден орденом «За заслуги».

Ветеран Пограничных войск, участник боевых действий в Афганистане. Родился в городе Серов в 1968 году. Интернациональный долг в Республике Афганистан выполнял с 1987 по 1989 годы. На долю Яна и его боевых товарищей выпала сложная и ответственная задача – они высаживались на вертолетах, занимали господствующие высоты и обеспечивали выход ограниченного контингента советских войск из Республики Афганистан. Награжден медалью «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа», знаками Пограничных войск.

До службы в армии Ян поступил на вечернее отделение местного института, но закончил ВУЗ и получил высшее образование уже вернувшись из Афганистана.

О войне Ян, как и большинство его сверстников, вначале знал очень мало. Участие советских подразделений в боевых действиях практически не освещалось в прессе, так, приходили отрывочные сведения, а там хочешь – верь, а не хочешь – не верь. Но когда в Серов стали привозить первых погибших, которых хоронили хотя и с почестями, но не очень распространялись о трагедиях, Ян понял – идет война, самая настоящая. Перестройка приоткрыла завесу молчания, и об Афганистане, наконец, начали говорить правду.

Служба в Пограничных войсках началась для рядового Бусыгина в школе сержантского состава, которая располагалась в городе Пржевальске. Подготовка новобранцев уже велась с прицелом на дальнейшую службу в Афганистане. Учили азам вождения БТР и БМП, правильно окапываться, стрелять из всех видов оружия: пистолетов, автоматов, гранатометов, снайперских винтовок. Стрельбы продолжались и днем, и ночью. Если учесть, что учебное стрельбище находилось в десяти километрах от части, то нетрудно догадаться, что на машинах туда но-

вобранцев возили только первую неделю, чтобы маршрут запомнили, а потом – только бегом. В армии это называется попутная тренировка. Надо было, по приказке командиров, уметь стрелять, как ковбой и бегать, как его лошадь. «Тяжело в учении, – учил Суворов, – легко в бою». Справедливость этих слов молодые пограничники поняли очень скоро.

По результатам экзаменов Яна определили в команду, которой предстояло для дальнейшего прохождения службы отправиться в Афганистан. Командир группы, которая должна была сопровождать новобранцев, на полном серьезе спросил Яна: «Поедешь защищать Апрельскую революцию?» Молодой сержант растерялся, про Октябрьскую революцию он слышал, а что за Апрельская?

Знающие люди подсказали: «Готовься, паря, поедешь за речку...»

Оба деда Яна Бусыгина – фронтовики, воевали в Великую Отечественную войну. Наверно, поэтому, весть о том, что ему выпало отправиться в соседнее государство защищать государственные интересы Родины, он воспринял, как большую честь и доверие. Ян мечтал защищать южные рубежи СССР так же мужественно, как и его деды в Великую Отечественную войну. Душманы представлялись ему фашистами, которые не дают мирным людям спокойно жить и трудиться. Втайне он даже надеялся совершить подвиг на поле боя. О, юношеские мечты...

Ян Бусыгин считает, что ему повезло провести детские годы при советской власти. Да, сгущенного молока в магазинах не было, но было другое – настоящая дружба, искренняя вера в слова учителей, правильность взрослых решений. Кстати, после возвращения из Афганистана на сгущенку Ян еще долго смотреть не мог, переел на долгие годы вперед. А вот вера в командиров, надежность боевых друзей, убежденность в том, что ты всё делаешь правильно – остались. Значит, есть вещи, которые не меняются ни с изменением политического строя, ни с уровнем материального достатка.

Бусыгин служил на ответственной должности, командовал расчетом «шайтан-трубы», так душманы прозвали станковый противотанковый гранатомет. Как зарядит осколочным или кумулятивным снарядом – только держись! Во взводе три орудия, по три человека на каждое.

Там, в далекой южной стране, Ян сделал для себя и простые житейские открытия. Например, что обычная картошка бывает трех видов: сырая, сушеная и маринованная. И что все эти виды

сдаются молодыми организмами с одинаковым удовольствием. Питались нормально, в солдатской столовой, в соответствии с нормами довольствия: положенное на сутки количество жиров, белков и углеводов. На боевых операциях – там, конечно, в основном консервы. В общем, вспоминает Бусыгин, – никто не голодал.

Самыми счастливыми днями своей службы в Афганистане Ян Бусыгин считает дни, когда приходила почта. В воюющие части, бывало, подолгу не могли доставить письма, особенно когда подразделение выполняло боевые задачи. Зато потом, как получишь сразу пять-шесть писем от родных и друзей – вот оно, короткое солдатское счастье! Ну и, конечно, телевизор. Его смотрели не часто, электричества не было, приходилось подключать генератор, так что смотрели, в основном, по великим праздникам. Смотрели на далекую Родину, как по улицам ходят счастливые люди, цветут яблони, нарядных красивых дикторш. Оттого каждый раз это тоже было маленьким счастьем.

Трагичные дни – это потеря боевых товарищей. Правильно пел Виктор Цой: «Война – дело молодых. Лекарство против морщин». Горько, когда уходят в вечность молодые ребята. Ян не боялся смерти. Самое тяжелое, считал он, – вернуться домой инвалидом и продолжать

жить. Но вернулся Ян домой без ранений и контузий. Казалось бы – живи и радуйся. Но рядом, может даже на соседней улице, жили ребята, которых война опалила сильнее. И помогать им, их семьям – стало главной заботой Бусыгина.

Ну не может он радоваться жизни, когда рядом кто-то нуждается в помощи. Такой человек.

Бусыгин активный член ветеранской организации ветеранов войны в Афганистане города Серова. Вместе с другими ветеранами он частый гость в учебных заведениях города, встречается с молодежью, чтобы рассказывать им о той войне. Заботится о семьях погибших и умерших боевых друзей. Потому что у ветеранов, считает он, два долга: перед памятью и перед будущим.

Кавалер ордена «За заслуги» ДОСААФ РФ III степени, магистр педагогических наук, руководитель военно-патриотического клуба «Гранит», специальный корреспондент «Федеральной газеты 24», (г. Москва).

С Евгением Шумковым мы познакомились в госпитале ветеранов всех войн на Широкой речке в Екатеринбурге, где по случаю судьбы лежали в одной палате.

С ним быстро сдружились или, как говорится, нашли общий язык. Он много рассказывал о войне в Афганистане, где ему пришлось служить в 1985-1986 годах прошлого столетия, и, когда он узнал, что я из Нижнего Тагила, сразу задал вопрос: «А ты Димку Бушова знал?» Мой ответ был: «Он погиб 15 декабря 1986 года под Кандагаром, у нас в Тагиле многие знают о бойцах, погибших на дорогах Афгана».

Нижнетагильским отделением Союза ветеранов Афганистана под председательством Виктора Бабенко была выпущена книга «Прерванный полёт». Она посвящена погибшим в локальных войнах тагильчанам. В их числе более двадцати парней, не вернувшихся оттуда, а на пилонах памятника «Брод в неизвестность», что на берегу городского пруда (автор народный художник А.Г. Неверов), их имена вылиты из бронзы.

После долгого молчания, сжимая зубы и вода желваками, Евгений выдохнул: «А ведь он погиб на моих глазах», – и рассказал свои воспоминания о первой и последней встрече с Дмитрием – так его звали сослуживцы.

«Мы познакомились с ним в танковом училище, куда нас привезли из областного сборного пункта в Егоршино. Там, как и везде, определили на карантин. Там же нас переодели в военную форму и мы все стали «на одно лицо».

Вечером, выдвигаясь в столовую, я увидел, как трое упитанных новобранцев зажали в углу худенького сослуживца и стали его избивать, но моё воспитание и мой девиз «никогда не обижать слабых» дали о себе знать и в итоге все обидчики лежали пластом на полу.

После этого случая в учебке города Иолотань Марыйской области Туркменистана, мы с Дмитрием стали армейскими друзьями. Там мы прожили три с половиной месяца, и ещё полтора месяца в горном учебном центре Келята под Ашхабадом, в котором нас обучали быть наводчиками пулемёта БТРа, правда, из крупнокалиберного танкового пулемёта стреляли всего раз, но зато там учили воевать в горах, и эти навыки потом пригодились в Афганистане.

И вот 19 февраля 1986 года нас на ТУ-154 в количестве 160 бойцов перебросили из Ашха-

бада в Кандагар, в 70-й гвардейский орденов Кутузова и Богдана Хмельницкого мотострелковый полк. И сразу после прилёта всех распределили, и мы с Димкой попали в 3-й батальон, 9-ую роту.

Там проходили специальную подготовку, и только 31 мая нас забросили на точку. Задача

перед нами, на первый взгляд, стояла обычная: если шла колонна, то мы её на БТРах сопровождали... Но это на первый взгляд, а если посмотреть глубже – то это ежедневная игра со смертью.

Вот несколько случаев, которые быстро развеют впечатление о лёгкости боевой работы, которую мы выполняли...

В феврале бойцы подразделения поехали в сопровождение. Я в тот момент был на заставе за КПВС (крупнокалиберный пулемет Владимира станковый). Вижу: «духи» устроили перед нашей заставой засаду и начали обстреливать из гранатомётов и стрелкового оружия БТРы сопровождения.

Сергей Латышев из Тверской области пытался укрыться на

своей машине за горевший танк, и в этот момент с другой стороны выскочил душман и из гранатомёта прямо в упор выстрелил туда, где находился смотровой триплекс, и Серега погиб на месте. В том бою мы потеряли двух товарищей – Серёгу и узбека Орефа Исмаилова, а ещё двоих, находившихся с ними, тяжело ранило.

Только после мощного обстрела с нашей стороны духи скрылись.

Был ещё такой случай... При сопровождении очередной колонны перед нами шли сапёры, «процеживали» обочины, и в метрах 6-ти от нашего БТРа произошёл взрыв... По-видимому, сапёр Валера Кочкарёв щупом задел безоболочную мину. Когда пыль от взрыва осела, мы увидели изуродованное тело Валерки, а его автомат лежал в 20-ти метрах от него.

Хорошо помню один жестокий случай зимой в декабре... Один из наших БТРов сломался, все другие встали за ним, и в этот момент появились духи и стали в упор расстреливать нашу технику. Помню, что кое-как отстояли машину после продолжительного боя. В том бою погибли сапёр Равиль Нургоманов из Казани, а молдаванин Ионел был тяжело ранен.

Или ещё такой случай... Пришёл из кишлака старейшина с сыном-переводчиком, который проходил обучение в Ташкенте, и сообщил, что дорогу, которая была под нашей охраной, заминировали. Мы оперативно выдвинулись к месту, указанному стариком на карте.

Удивительно, как духи смогли за ночь сделать подкоп под дорогу и заложить фугас (авиабомбу). Минёры, обследовав её, приняли решение уничтожить на месте. Потом воронку от взрыва нам пришлось засыпать два дня...

Всё это я рассказал для того, чтобы было понятно, с чем мы с Димкой каждодневно сталкивались... А наша застава находилась перед въездом в Кандагар на месте бывшего кишлака Биндиган, где нас каждый день обстреливали с зелёнки из миномётов и эрэсами, днём раз двадцать, ночью реже – всего раза по три-четыре...

Я всё время считал, что Димка в рубашке родился. И вот пример: стояли мы как-то в сопровождении на Чёрной площади у Кандагара. Он выскочил из БТРа и хотел отойти, но сапёры крикнули ему: «Стой!», – и указали на противопехотную мину, которая находилась в 5 см от его ноги... Ещё бы немного – и всё. После этого он стал внимательно смотреть под ноги».

Перед тем как продолжить свой рассказ, Евгений присел на край кровати, и немного побледнев, видимо память вернула его в Афганистан, продолжил...

«День, 14 февраля 1986 года, я никогда не забуду. Духи постоянно нас обстреливали из «зелёнки». Когда мина летит, она свистит. А когда исходит сигнал как разрыв воздуха – то это значит, что она взорвалась в метрах 5-10 и, если удастся, как говорится, вернуться, то

спасёшься. Первое время душманы стреляли штук по 10-15 подряд по нам, и мы залегали... А через месяц они вычислили нашу тактику: запустят 4 мины (в это затишье мы начинаем передвигаться), и в этот момент они досылают вдогонку ещё несколько снарядов. Надо сказать, многие наши ребята попадались на эту уловку. Так и случилось с Димкой. При обстреле нашей точки я заскочил в свой БТР и услышал по радиации «21!», поглядел в прицел и увидел, что у второго взвода начались передвижения, завёлся БТР, на который погрузили раненого, и он поехал в бригаду. По связи спросил: «Кто?», – в ответ: – «Димка Бушов».

До бригады его не довезли. Рана была очень серьёзная. Он скончался по дороге.

За проявленные мужество и отвагу Дмитрий Бушов был награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

ЕГО СУДЬБА – ПРИМЕР ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ

Александра Бушманова, руководителя военно-патриотического клуба «Крылатая гвардия» из города Новоуральска, я знаю давно. Мы познакомились с ним ещё в конце 90-х на областных сборах, где его воспитанники выступили с неплохими показателями по физической подготовке и хорошими теоретическими знаниями по истории Советской армии во время Великой Отечественной войны.

бандитов, которые ежедневно обстреливали объекты из всех орудий, находившихся у них на вооружении.

Сейчас воспоминания о войне ему кажутся прошедшим кошмаром. Снятся погибшие сослуживцы, бессонные ночи в окопе и на блокпосту, от того, что постоянно рядом разрывались снаряды, посланные со стороны «духов», и стоны раненых друзей, которым они сами оказывали первую доврачебную помощь.

И всё же война не сломила его. Вернувшись домой, он осуществил свою мечту – стал

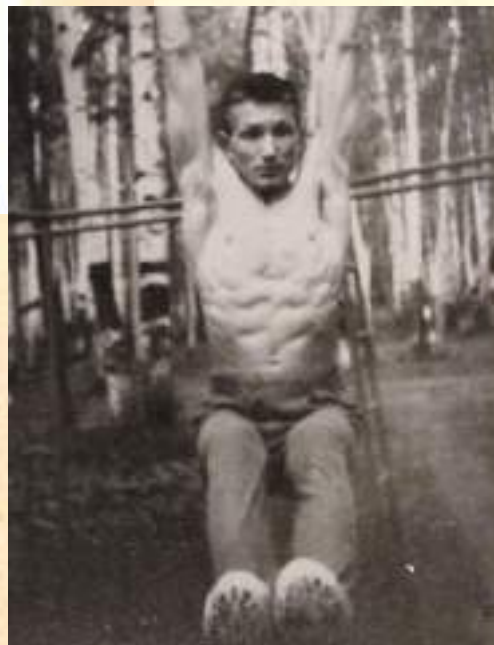
учителем и все свои знания с жизненным опытом начал передавать воспитанникам военно-патриотического клуба «Крылатая гвардия», который создал своими руками практически с нуля со своей помощницей Ольгой Таланкиной.

А могло быть всё иначе.

Когда Александру было 13 лет, умерла мама, а отцу не очень хотелось заниматься воспи-

Судьба распорядилась так, что Александру пришлось дослуживать срочную службу под Грозным на аэродроме у посёлка Ханкала и быть участником тех трагических событий, которые сейчас называют 1-й Чеченской войной.

Сводная группа под Ханкалой состояла из разведчиков и десантников, и им приходилось охранять не только «взлётку», но и местных жителей от наседавших

танием сына, и Саша часами бродил по улицам города с шальными друзьями.

Но однажды случай привёл его в кинотеатр, и он увидел фильм «В зоне особого внимания» и его продолжение – «Ответный ход», в которых говорилось о боевой подготовке «десантников-разведчиков». Тогда-то Александр решил для себя, что будет таким же смелым, сильным и честным, как герои на экране. И он это сделал.

Ежедневные занятия спортом – а это борьба, бокс и

карате – отвлекли Александра Бушманова от «дурного» влияния улицы. Появились настоящие друзья, с которыми ему довелось призываться в армию и вернуться после войны домой.

А самое главное – ему удалось поднять свой клуб на высокий уровень, и о клубе сегодня знают не только в родном городе Новоуральске, но и за пределами нашей Свердловской области.

Службу в Афганистане Илдус Валиев проходил с 6 января 1985 по 3 февраля 1987 года в должности старшего водителя автомашины «ЗИЛ-130» транспортного взвода одной из частей Военно-воздушных сил СССР в городе Баграме. Воинское звание – рядовой.

Награжден нагрудным знаком «Отличник ВВС», медалью «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа».

«Меня призвали в ряды Вооруженных Сил СССР 18-летним парнем, а когда вернулся, мне уже «стукнул» 21 год. Помню, что сначала мы проходили карантин в Узбекистане. Именно там я и узнал об отправке в Афганистан, уже перед самым отъездом. Мне сообщил об этом мой друг, который служил в Москве. Не знаю, откуда ему поступила такая информация, но помню, ответил ему, что рад даже, чтобы он не подумал, что я трус.

Мне не довелось пилотировать вертолеты, гоняться по горам за душманами. У меня остался в памяти свой Афганистан, который никогда не смогу забыть. Не забудутся те офицеры, прапорщики, сержанты и солдаты, с кем пришлось бок о бок нести службу на чужбине все эти два года.

Когда меня направили служить в Демократическую Республику Афганистан, я понимал, не за наградами и чинами посылала меня Родина на

войну, а чтобы, как тогда принято было говорить, защищать её южные рубежи от врага. И пусть сегодня это решение многие считают ошибкой, но тогда мы были молоды и ехали в чужую страну с искренним желанием защитить афганский народ, его законную власть от международного империализма.

Основное место моей службы – город Баграм, там располагался военный аэродром и одна из крупнейших военных баз ограниченного контингента советских войск. Но мы постоянно ездили в командировки в Пули-Хумри и Кабул. Эту дорогу называли афганской «дорогой жизни», потому что по ней доставляли всё необходимое — и продовольствие, и боеприпасы.

Чаще ездили в колоннах, очень редко поодиночке — это было крайне опасно. Я возил продукты на рефрижераторе.

Особенность этой войны была в том, что линии фронта не было, в любой момент могли выстрелить. Каждый рейс грозил оказаться последним, а «дорога жизни» могла превратиться в последний путь, но молодые не думают об этом. Если первый автомобиль не подбили, значит, считай, колонна проскочила.

Дорога от Кабула в Пули-Хумри шла через перевал Саланг, именно там «духи» устраивали самые опасные засады. Поэтому метрах в 5-10 от обочины постоянно лежала раскуроченная советская военная техника – развороченные борта, сорванные башни, остовы грузовиков. Это всё результаты таких нападений. Часто на обочинах попадались столбики со звёздами в память о погибших здесь воинах. Обычно мы сигналили, проезжая такие места.

О Саланге – самом высоком горном перевале мира – знает каждый солдат и офицер, побывавший на афганской войне. Саланг – стокилометровая трасса, сжатая горными вершинами, утопающая в облаках и вечных снегах, с трёхкилометровым тоннелем, пробитым в каменной толще Гиндукуша, – соединяет север Афганистана с его столицей.

Караванный путь, доступный для передвижения не более 3-х месяцев в году, в 60-е годы XX века был преобразован афганскими и советскими специалистами в автомобильную трассу. Особое значение он приобрёл в годы 10-летнего

военного противостояния. По нему доставлялись продовольствие и боеприпасы, гуманитарная помощь мирному населению – так дорога помогала людям выжить. За это Саланг уважали, прощая ему погодные капризы и массу сюрпризов, ожидавших за каждым витком серпантина, предвидеть которые не могли даже опытные водители, исколесившие трассу вдоль и поперёк. Именно там, на Саланге, устраивали самые опасные засады «духи».

Неожиданный обстрел также мог начаться из виноградников, которые называли

«зелёнками». Они тянулись вдоль дорог и были отгорожены низкими заборами из глины. Чарикарскую «зелёнку» старались «пролетать» на большой скорости. Понять, откуда стреляют и куда скрылись эти стрелки в зеленых дебрях было практически невозможно.

Другая опасность в пути – это крутые подъемы и спуски. Нужно было быть предельно осторожным, если груженная машина вдруг покатится вниз – никакие тормоза не удержат, а если мотор не вытянет на подъеме, то фура будет таранить и сбрасывать в пропасть идущие за ней грузовики».

Службу в Афганистане Вячеслав Васильев проходил с 20 декабря 1979 по 25 мая 1981 года в должности старшего механика-водителя в подразделении связи в г. Шинданд. Воинское звание – сержант.

Награжден медалью «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа».

«Я призвался весной 1979 года в 20 лет, после техникума, где я учился на техника-технолога по обработке металлов резанием. Тогда я жил в Узбекистане, а попал в Туркмению в учебное подразделение в Теджене, обучался на механика-водителя легкого плавающего танка.

После «учебки» нас распределили в город Кушку в Туркменистане на границе с Афганистаном. Прибыл я туда перед 7 ноября, а 20 ноября нас подняли по тревоге и вывели на полигон. Мы пробыли там целый месяц, и, наконец пересекли границу Афганистана. На территории Афганистана служить довелось в городе Шинданд. Рядом с нашей частью был поселок, а до самого города было далеко, мы часто ездили на аэродром, который находился на окраине.

Мы были одни из самых первых, кто отправился в Афганистан, поэтому никакой особой инфраструктуры для военных тогда еще не создали. Первый месяц я вообще спал в БТРе, потом

раздобыли и поставили палатки, и я так прожил полтора года.

Непосредственно в боях мне участвовать не довелось. После «учебки» попал в отдельный батальон связи механиком-водителем гусеничного бронетранспортера. Мы занимались обеспечением связи. Внутри нашего БТР стояли радиостанции. Когда мы выходили на боевые позиции, то обеспечивали связь со штабом тех подразделений, которые непосредственно принимали участие в боевых действиях.

Недалеко от места, где мы жили, служил мой товарищ по Узбекистану, узбек по национальности, он заканчивал эту же «учебку», и вместе мы находились в одном батальоне, он уволился на полгода раньше меня, так как был постарше. Воспоминания о службе очень нас сроднили. После Афгана я приезжал к нему в гости. В Узбекистане он жил в кишлаке, а я – в городе. Помню, его родители встретили меня, как важного гостя, устроили большой праздник, отмечая нашу встречу. Да и в самом Афгане, я помню, не было ника-

кой национальной розни – все жили вместе, помогали друг другу: и украинцы, и русские, и узбеки, и азербайджанцы, и дагестанцы...

В декабре 1980 года мы отправляли технику на капитальный ремонт – мой БТР и еще один такой же. Шли своим ходом в Кушку, куда с разных концов Афганистана привезли еще шесть таких же машин. Там их загрузили в эшелон, который мы сопровождали в город Житомир. Когда мы выехали из Шинданда, на подъезде

к Герату, на перевале нас обогнала колонна «наливников», которые привезли в Афганистан бензин, керосин и солярку, а потом возвращались пустые назад, в Советский Союз, чтобы заправиться и снова отправиться в обратный рейс. А один «КАМАЗ» остался, так как сломался на перевале. Только мы его проехали, спустились с горы, и метров через 100 услышали взрыв. Тот «КАМАЗ» подстрелили из гранатомета, и он взорвался. Помню, как сердце у меня забило: если бы обстрел продолжился, то мы бы ничего не смогли сделать... На двух БТРах мы находились вчетвером:

два механика-водителя (один из которых был я), старший прапорщик, да еще один молодой солдат, только полгода как призванный. Из вооружения у нас – три автомата и пистолет. К счастью, из Герата приехала колонна на БТРах. К слову, водителя подбитой машины так и не нашли... А в остальном у меня была спокойная служба, без ранений и контузий».

Родился в Свердловске в 1967 году. Участник боевых действий в Афганистане с 1986 по 1988 гг. Служил в разведывательной роте 56-й гвардейской отдельной десантно-штурмовой бригаде (г. Гардез). Воинское звание – старшина.

После окончания Свердловского автодорожного техникума Эдуарда Вербецкого призвали в армию. Как и многие, парень мечтал служить в Воздушно-десантных войсках. Поэтому, по окончании техникума, он заблаговременно подал документы для поступления в Рязанское гвардейское воздушно-десантное командное училище.

«После технаря я рванул поступать. Пошел на языковой факультет, там готовили референтов-переводчиков, это был факультет спецназа. Но вскоре меня отчислили за драку со старослужащими. Долго не думая, пошел в армию».

Эдуард был твердо уверен, что станет десантником в любом случае. В 16 лет он пришел в аэроклуб, к которому «напрыгал» 68 прыжков с парашютом. А к 18 годам выполнил норматив кандидата в мастера спорта по боксу, постоянно тренировался.

«Так вышло, что в армию меня призвали в 19 лет, после окончания техникума, и у меня как раз в армии сын родился. Мне предлагали остаться на «гражданке», не идти служить. Но я был одержим, меня было не остановить. Я рвался в Афган».

Но сначала была Фергана. Приехали мы туда в телогрейках, а там + 30, апрель только начался. Абрикосы цветут, красота! В Фергане мы прошли шестимесячную подготовку. До последнего было не понятно останемся в Фергане или попадем в Афган. А если попадем, то в какие подразделения.

А осенью мы уже оказались на пересылке в Кабуле. Очень хотелось, конечно, мне в 345-м гвардейском парашютно-десантном полку служить, который дислоцировался в Баграме, но по команде мы погрузились в вертолет и ночью прилетели в Гардез, в расположение 56-й гвардейской отдельной десантно-штурмовой бригады.

Утром всех вновь прибывших разместили в клубе части, начали смотреть кого в какое подразделение направить. Увидели, что у меня есть среднетехническое образование, хотели в штаб забрать, карты рисовать, но я прикинулся, что ничего в картах не понимаю и от меня отстали.

Потом у меня перепалка с каким-то лейтенантом произошла. Он старше меня года на два-три был, наезжать на меня начал, а я, расстроенный что не попал в разведроту, ответил, наверное, слишком грубо. В это время в клуб зашли два

офицера постарше (как потом оказалось, мои будущие командир роты и командир взвода). Спрашивают: «Ты откуда такой борзый? Кипиш в чем?» А я им в ответ: «С Урала! Не выйду из клуба, пока разведчики не придут!» Так я оказался в разведроте.

Вначале меня назначили вторым номером к пулемёту Калашникова, обеспечивать бесперебойную работу пулемёта. Девять месяцев я был пулемётчиком, а потом меня назначили командиром отделения, я стал воевать в составе головного дозора».

Подразделения СпН решали боевые задачи в Афганистане в основном путем ведения засадных действий на караванных путях, налётами, прочёской кишлаков, патрулированием на вертолетах, а также реализацией разведанных и рейдовыми действиями. Весьма эффективными были облеты караванных маршрутов на вертолетах, с досмотровыми группами на борту. Всего за годы афганской войны подразделения специального назначения уничтожили свыше 17 тысяч душманов, 990 караванов, 332 склада и захватили 825 пленных. Безвозвратные потери отрядов СпН составили около 700 человек (включая небоевые и санитарные). По некоторым оценкам, спецназ давал до 50 процентов результатов боевой деятельности всей 40-й армии, составляя от общей численности советских войск в Афганистане около 5 процентов.

«Боевые действия – это, в основном, пахота, пахота до изнеможения, такова солдатская работа на войне. Прёшься, например, как ишак в гору, тащишь на себе всё, что только можешь поднять

– боеприпасы, конечно, это самое основное, но не только свои, а еще мины к миномету, ленты к крупнокалиберному пулемету, потому что расчеты миномета и пулемета физически не унесут столько боеприпасов, а когда бой, всё это очень даже пригодится, сухой паёк минимум на трое суток, спальник и много чего еще, всего килограммов эдак 60-70 выходит, да в горку, в горку... Идешь ночью, днём или прячешься в каком-нибудь укрытии, если найдется, или

наш отряд спецназа уничтожил очень большой караван, причём его «забили» не ночью, а уже под утро, светать стало. Ну мы его из засады успешно раскрошили, размотали вообще в хлам. Оставшиеся несколько душманов стали убегать, но мы знали, что упускать их нельзя ни в коем случае, вернутся с подмогой. И мы за ними рванули. Преследовали долго, пока они не поняли, что мы от них не отвяжемся. Да и не было, наверное, у них особого желания биться с нами насмерть, посмотрели, как несколько минут назад мы почти всю группу ликвидировали. Сначала они нагрудники скинули с себя, потом автоматы бросили, а когда поняли, что деваться всё равно некуда, стали руки поднимать и сдаваться. Вроде и шахиды – должны жертвовать собой ради веры, родины, а нет – сдаются. Построили мы их в колонну по одному, пересчитали и привели обратно.

Информация об Афганистане носила, скажем прямо, негативный характер, особенно когда в город стали приходить оттуда первые гробы с ребятами. Родители, чьи дети были призывного возраста, понимали, что, не дай Бог, сын попадёт в Афганистан, там всякое может случиться. У меня матушка также думала, но я для неё легенду придумал, в письмах писал, что служу в Монголии и всё такое прочее. Еле убедил. А тут, некстати, на завод, где батя трудился, парняга с Афгана вернулся. Ну разговорились они, парень говорит, что учебку в Фергане окончил перед Афганистаном. Батя говорит: «А мой тоже в Фергане учебку заканчивал, сейчас в Монголии служит». Ну тот и выложи всю правду: дескать, после Ферганы все стопроцентно в Афганистан направляются. В общем, скандал разразился знатный.

Проехали, проползали, излазили мы в зоне ответственности нашей бригады (а это три афганских провинции) всё, что можно. Я даже сейчас могу пройти там, показать, где мы выполняли боевые задачи, караваны долбили, я всё это прекрасно помню.

Вот уже 35 лет прошло... Некоторые ветераны носят на груди такие «иконостасы», что порой диву даешься – какой заслуженный человек! А приглядишься – награды-то общественных организаций, юбилейные или просто значки какие-то... Я ношу только государственные награды, потому что каждая из них, как говорится, «на вес золота», добыта потом и кровью».

Слева Эдуард Вербецкий. 1988 г. Хост

накрываешься сплошной камуфлированной накидкой, набрасываешь сверху всякие растения или колючки и лежишь только в горизонтальном положении, чтобы духовские разведчики не засекли.

А «забить караван» или просто уничтожение живой силы противника – это уже дело техники, поскольку каждый в группе знает свой манёвр, взаимодействие сто раз отработано на полигонах в ходе учений. Но поскольку мы все были заряжены на подвиг, причём на каждодневный, то командирам приходилось нас даже сдерживать, чтобы мы, в силу своего небольшого двадцатилетнего жизненного опыта не лезли на рожон. Вот тогда и звучал порой в нашу сторону трехэтажный мат, за который сегодня хочется сказать офицерам спасибо.

В свою первую атаку я пошел буквально через месяц после прибытия в бригаду. Тогда

На службу меня призвали в 1982 году. Перед этим ездили на прыжки в Нижний Тагил. После прыжков 1 апреля отправили нас на призывной пункт в Кировский военкомат города Свердловска. Оттуда повезли

в Белоруссию, посёлок Лосвино. Попали в сапёрную роту. Со мной были земляки – трое качканарцев: Дмитрий Порываев, Олег Воронин, Сергей Агафонов.

И вот учебка. Что запомнилось? Как бегали, в охранение ходили. Прыжки: два с АН-2 и два с Ил-76. Второй прыжок был ещё с марш-броском. Ночь бежали – «вспышка слева-вспышка справа», не знаешь куда лицом упадёшь: в коровий блин или ещё куда, ноги стёрли, кто портянки плохо намотал.

Ну и солдатские радости. Например, в близлежащую деревню за 10 километров за салом бегали – в Белоруссии его хорошо делают. Потом картошечку жарили. Это в наряде по столовой, там готовили. Собирали ягоды, чернику для офицеров и прапоров: каска на двоих или на троих, раков ловили... А плюшки какие вкусные там продавали!

Конечно, было трудно. Многие ревели, отставали во время кроссов, таскали их. Но всё как-то на позитиве, на шутовой нотке проходило. Раньше и патриотизм какой-то был. Помню,

замполит полка пришел с Афгана, статный такой майор. Говорил: «Сынки, кто в Афган лететь не хочет, подойдите ко мне, втихушку скажите, я порешаю этот вопрос». Нашёлся всего один такой – Мананов, мы его звали Бананов. И вот он подошёл к майору. А нам говорил: «Вы там все посдыхаете в Афгане, а я спокойно в Союзе

отслужу». Сейчас не помню, набили мы ему морду, или нет.

Учебка закончилась. Просились все в отправку в первую очередь, грустили что не первые – все вперёд хотели. Улетели где-то в октябре. Прилетели – а там жара такая, все чёрные ходят... А мы – в парадной форме, с погонями. Подошёл Дима Порываев: «Юрик, зачем вам «курицы», они вам не пригодятся». Отдали. Потом дембеля-деды подошли: «Где это всё?» – «Как где? Отдали парням!» Получили, конечно.

Нас сразу же забрали в сапёрный батальон, отдельное подразделение. В батальоне было 3 роты, хозяйственный взвод, разведывательно-водолазный взвод (для краткости мы называли его РВВ), куда я сначала попал. Размещались в палатках, модули позже стали ставить: палатка хозвзвод, палатка РВВ, и 1-2-3 роты. У командира нашего РВВ Селина каморка была прямо у нас в палатке. Далее палатки командира батальона и палатка начальника штаба.

Комбат у нас – дедушка такой был отличный, говорил: «Идите, сынки, на войну, вернётесь – я вам баню сделаю». У нас своя баня была. Приходишь – ночь ли, утро – баня всегда готова. И он всегда встречает: как сходили, как чего. Потом ушёл на пенсию, пришёл казанский татарин. Нехороший человек. Орден Красной Звезды себе сделал. Водитель рассказывал: «Как-то раз начался обстрел. Он в триплекс увидел выстрел

кумулятивного снаряда. Люки задраил, и начал стрелять из автомата прямо в триплекс. Я думал, всё – мы здесь и останемся. Ему говорить бесполезно. Его осколками от триплекса и посекло. Всё, у него ранение, а значит, пиши наградной на орден Красной Звезды. А мы уже попрощались с жизнью»...

У нас все роты ходили на боевые действия. В РВВ были ещё кинологи и 5 собак. Хорошие собаки, и мины хорошо искали. Вообще, молодцы! Собака идёт справа-налево зигзагом – иногда на поводке, иногда без – которые уже ветераны: просто по команде кинолога. Щупом эту землю не взять: как бетон, если даже закладывали душманы фугасы, то делали подкоп под дорогу и щупом до фугаса не достать. Противопехотные мины тоже были, но они, как правило, на поверхности. Эти фугасы мы пройдем, а собака – не пройдёт. Нашла мину – садится и смотрит на хозяина, или тьякает. Носом показывает где. Начинаем убирать верхний грунт с мины. Обычно «кошками» пользовались. Душманы любили на неизвлекаемость ставить. Это фугас, а под ним или растяжка или противопехотная мина. А мы такие «сюрпризы» – «кошкой», это верёвка метров 50 и крючки на ней. Зацепляешь их за мину, отходишь на безопасное расстояние, и выдёргиваешь её. Собак тренировали: лакомство клали на тротил, на шашку без запала, чтобы она привыкала, что лакомство – с запахом тротила.

нировали. Смотрю – Мишка Лабухин идёт: по локоть за-сучены рукава, пулемёт в руках, сам в лентах пулеметных, идёт – а за ним солдаты. Поздоровался с ним. У нас замкомвзвода молодой парень был, ему не повезло: глаз ему выбило...

Поехали как-то раз в боевое охранение в Кабул. Это был март 1983 года. Подошёл автобус, притормозил на остановке. Ничего не предвещало опасности. Вот автобус уже начал трогаться, и вдруг из него вылетели

Привозили уже готовых собак с вожатыми. У комдива любимец был – кобель, тот всё его подкармливал, приходил специально, команды он его выполнял.

Жили в палатках, топили в осенне-зимний период. Печи-буржуйки на соляре, делали приспособление в форме капельницы и по ней солярка капала в печь и там горела. Зимой ветер – до такой степени пронизывающий, что хоть и тепло одевались, но пробирало холодом насквозь. А ночью вообще тяжело: ушёл через окопы на пост, обратно идёшь – окопы уже не видно. Снегом завалило. За склад ВВ (взрывчатые вещества) мы ходили. Там у нас боевое охранение было. Думаешь: да блин, где они, окопы, где-то ведь здесь были? Для стрельбы стоя – это ведь порядочная окопина. Её по пути нужно перепрыгнуть. Когда люди говорят, что Афганистан – южная страна, они не представляют, какие там зимы. И там не столько может быть холод, сколько слякоть и снег, промозглость, ветра сильные. Бушлат одеваешь, шинель – и всё равно насквозь продувает.

Хочется вспомнить ещё одного земляка – Валера Назаров, кличка «База». Он из Иса. Валера был адъютантом у заместителя командира дивизии Мальцева. Сколько раз нас в еде выручал!

– Юрик, хочешь кушать?

– Валерка, не отказался бы.

– Мальцеву сготовил – а он нос задрал, не хочет есть.

Он мне принёс картофельное пюре и две такие котлеты. И бальзам рижский! Такой душевный парень! Он всегда придёт, поговорит, хороших слов скажет...

На Панджшер ходили. Это было уже в 1984 году, под дембель. С собаками шли, разми-

две гранаты в сторону нашего поста. Я видел, как они вылетают. Это может и спасло меня: попал между двух гранат, всего несколько осколков меня задело. Хотя стоял у ГАЗ-66, в бензобаке которого образовалась дыра с 5-копеечную советскую монету. А парень-водила лежал отдыхал. Вот если бы он сидел – его бы тоже зацепило – там огромная дыра навывлет кабины прошла. А он лежал. Ну и прапорщику оцарапало щёку. Мне руку и ногу посеколо, в основном ногу. В голову осколок попал со спичечную головку, а показалось что кирпич прилетел. Я не упал, пошёл, за ГАЗ-66 зашёл, также с автоматом, как стоял. Прапорщик меня увидел: «Всё, снимаемся, в госпиталь!» Это там же, в Кабуле. Привезли в госпиталь, сапог разрезали мне, рентген сделали. Там полковник какой-то: «Ну что, здесь оставаться будете?» Отвечаю: «Нет, я к себе поеду». Он сказал, где осколки и мы поехали. Вот тут-то боль и пришла. У меня начало всё опухать. А уже в нашем дивизионном санбате, капитан-хирург говорит: «Ну что, солдат, терпи, потом легче будет, без наркоза будем делать». И он мне вырезал осколки без наркоза, без всего. И как только вырезал – боль как рукой сняло. Я очень благодарен был ему. «А в голове я тебе не буду удалять осколок. Если удалять – последствия могут быть. А там пойдёшь в баню, или подерёшься – тебе его выколотят». Так и произошло. Там же в Афгане, на водокачке блоки грузили, один крючок попал мне точно в это место – я осколок и достал.

Была у меня в службе такая любопытная страница, когда я служил в морге. Нас в морге работало человека четыре: дед, годок, и молодёжь пара человек. Это после ранения «лёгкий труд» был, типа для выздоравливающих. Морг

был закреплён за сапёрным батальоном, командир разведвзвода у нас по совместительству отвечал за него. Он был метров 100 от нашего расположения. Это были отдельно стоящие палатки. Они были ограждены. Одна палатка служила складом: туда «цинкачи» в ящиках деревянных привозили. В средней – телоскопию делали, вскрытие, проще говоря. А чаше просто мыли, одевали. И 3-я палатка – куда привозили убиенных. Палатка и один маленький холодильник, который в принципе не справлялся, был рассчитан всего на 10 тел. Когда колонна задохнулась выхлопными газами на Саланге, привезли сразу 49 человек. Или сбили наш самолёт с офицерами. Их душманы разложили на крыле и подожгли – хотели таким образом поиздеваться, но наши вовремя отбили тела и потушили. А когда взвод спецназа попал в засаду, человек 12 привезли.

Там были не только десантники, там были все, любые рода войск. И гражданских с Кабула привозили. Человек погиб – привозят в морг, вскрытие не обязательно делалось. Вот если гражданского убили, или с посольства кого, или генерала, тогда приезжал из Кабула врач и анатомировал человека. Обмывали обязательно, если было что обмывать. Витя Редель, сапер из 350-го парашютно-десантного полка подорвался на машине разминирования на фугасе. От него

ничего почти не осталось, сгорел. Я его тоже укладывал...

В цинк клали – одевали труп в парадную форму, которая разрезалась сзади по спине. Брюки надевали, а на ноги ботинки. Потом я обпаивал оловом по периметру. Цинковый гроб – квадратный, жёсткий, есть с окошками, есть без. Обычно стёкла закрашивали, а если лицо в хорошей сохранности, то не закрашивали. Цинковый гроб помещался в деревянный ящик, отправлялся на аэродром – и в Союз на «Черном тюльпане».

Что запомнилось в Афганистане? Там всё запоминается: где бы не был, куда бы не пошёл. Какие там удивительные краски! На боевых на том же Панджшере – ночью укладывались спать. Там дувалы, где-то нашли одеялки из верблюжьей шерсти, постелили их. А месяц как в сказке – здоровый! Мулла где-то орёт и звёзды такие... А утром ехали – солнце вставало: такой диск огромный, багровый.

Что для меня Афган? Нужен ли он мне? Нужен. Что-то там шевелится в душе. Я ведь ещё в Союзе, ещё до прыжков, посылал отца к военкому (у нас же бронь была), чтобы меня призвали именно в ВДВ, и только в Афганистан. Да и как сейчас жить, если вычеркнуть эти годы? Афган – один из самых ярких моментов в моей жизни.

Родился Александр Володин в городе Лысьва Пермской области в 1969 году. 5 мая 1987 года призван на действительную военную службу. С 30 октября 1987 года по 11 ноября 1988 года выполнял интернациональный долг в Республике Афганистан.

Службу проходил в должности старшего разведчика-пулеметчика в 15-й отдельной бригаде специального назначения. Награжден медалью «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа».

О войне в Афганистане Александр узнал в школе. Тогда в гости к ученикам в рамках военно-патриотической работы пришел выпускник школы Юрий Сахно, отслуживший в Афганистане. Так впервые Володин услышал о том, что советские войска участвуют на территории соседней страны в боевых действиях.

Когда пришло время служить в армии, Александр закончил учебное подразделение и составшего впоследствии знаменитым аэродрома «Ташкент-восточный» (Тузель) в составе своего подразделения (111 человек) вылетел в столицу Афганистана – Кабул. По прилету всё молодое пополнение собрали в солдатском клубе, где прошло распределение по подразделениям для дальнейшей службы. Поскольку Александр в

учебном подразделении приобрел специальность разведчика, его распределили в 15-ю отдельную бригаду специального назначения. Там он стал старшим разведчиком-пулеметчиком.

Задачей спецназовцев было выполнение следующих задач: разведка и доразведка; уничтожение формирований мятежников и караванов; вскрытие и уничтожение баз и складов, «исламских» комитетов; захват пленных, ведение вертолетной разведки караванных маршрутов и досмотр караванов; минирование караванных путей и установление на них разведывательно-сигнализационной аппаратуры; выявление районов сосредоточения мятежников, складов с вооружением и боеприпасами, мест дневок караванов и наведения на них авиации (с последующей проверкой результатов авиационных ударов). Подразделения СпН решали эти задачи в основном путем ведения засадных действий, налетами, патрулированием на вертолетах, а также рейдовыми действиями.

К слову, военные исследователи приводят данные, что спецназ Главного разведывательного управления СССР в Афганистане давал 70-75 процентов результатов боевой деятельности всей 40-й отдельной армии, хотя его численность составляла всего 5 процентов от численности ограниченного контингента советских войск.

Из «черных» дней Александру особенно запомнился один из январских дней, когда во время боя один из его товарищей получил серьезное ранение. Тут же была организована эвакуация, раненного тащили на плащ-палатке к вертолету, чтобы побыстрее доставить в госпиталь, но не успели, спецназовец потерял слишком много крови и умер.

Кормили в соответствии с положенными нормами довольствия. Но молодые организмы ребят, к тому же постоянно испытывавшие дополнительную физическую и психологическую нагрузку, требовали большего. Крылатую фразу легендарного командующего ВДВ Героя Советского Союза генерала армии Василия Маргелова «Патроны есть – еда найдется!», спецназовцы применяли только наполовину, используя вместо патронов солдатскую смекалку и военную хитрость. Они же разведчики, в конце концов! Соседи, конечно, порой роптали, но зато на все праздники у бойцов спецназа была и жареная картошечка, и блинчики, и другие почти домашние «деликатесы».

В местном магазине деньги на еду не тратили, покупали в основном сигареты, подшивочный материал, иногда – сгущенку.

Старший прапорщик Бицуков называл ребят «бандитами», намекая на разношерстную форму одежды. И то правда, многие действовали по принципу «Что найдешь – то и носишь». Конечно, никакой «махновщиной» здесь и не пахло. Просто форма, которую выдавали, была пригодна для носки от силы несколько месяцев. Потом, потяжелевшие от солдатского пота на пару килограммов, стиранные-перестиранные, штопаные-перештопаные хэбчики приходили в полную негодность. В самом деле, не на парадах же спецназ вышагивает. Вот и приходилось вновь применять солдатскую смекалку. Вот и

ходили на боевые операции, кто в песочке, кто в кзс (костюм защитный сетчатый), кто в кзм (костюм защитный маскировочный)... На ногах в основном кроссовки. Попробуй две недели на боевых в берцах по горам побегай, тут в кроссовках через пару дней и то ног не чувствуешь.

В нечастые минуты отдыха офицеры организовывали досуг подчиненных. Какие развлечения у спецназовцев, по мнению командиров? Кросс, отжимания, стрельбы и чистка оружия.

Когда Володин вернулся в Союз, он был счастлив, ведь остался жив, не ранен, не контужен, помогло солдатское везение, не подвело. Но со временем он понял, что служба в Афганистане отняла у него здоровье, зато дала понимание людей. Бывает так: посмотришь на человека и сразу видно, что он из себя представляет, чем дышит.

Еще долго после возвращения домой Александру снился Афганистан. Несколько раз снилось, как его душманы ведут на расстрел. А он храбрый, гордый, не боится смерти... Но после третьего-четвертого раза становилось тревожно. И понимаешь, что это сон, а все равно сердце сжимается от страха. Снилось, что за ним гонится одногорбый афганский верблюд со звериным оскалом. Чепуха, в общем, но Александр понимал, это Афганистан не хочет его отпускать, не дает забыть пережитое и, видимо, это теперь навсегда останется с ним.

Вице-президент Уральской торгово-промышленной палаты, член Общественной палаты Свердловской области, председатель Каменск-Уральского городского Координационного совета организаций ветеранов боевых действий.

Владимир Аркадьевич Воронов родился 20 июня 1952 года на станции Кособродск (Каргапольский район, Курганская область).

В Афганистане находился с октября 1983 по ноябрь 1984 года в качестве советника ЦК ВЛКСМ в ДОМА (провинция Баглан, г. Пули-Хумри).

Награжден Почетным знаком ВЛКСМ, грамотой и знаком Президиума Верховного Совета СССР «Воину-интернационалисту», медалями Демократической Республики Афганистан: «От благодарного афганского народа» и «10 лет Апрельской революции».

Является одним из инициаторов установки в г. Каменск-Уральский монумента Герою России генералу армии В.П. Дубынину. В настоящее время ведет активную работу по созданию виртуального Музея боевой славы, в котором будут размещены материалы об участниках Великой Отечественной войны и боевых действий в локальных вооруженных конфликтах.

«О том, что комсомол помогает создавать молодежную организацию в Афганистане, я узнал в 1982-м году, в Москве, на XIX съезде ВЛКСМ, куда был делегирован как первый секретарь горкома комсомола Каменска-Уральского. Слово «война» тогда не произносилось, только «исполнение интернационального долга».

Вернулся домой и через некоторое время написал заявление с просьбой отправить меня в Афганистан. Заявление было удовлетворено на следующий год. В мае 1983-го я узнал, что зачислен в кандидаты группы «Комсомол-4». У приехавшего в недельный отпуск Саши Назарова из «Комсомола-3» попытался узнать, в чем состоит работа. «Да нормально, – сказал Саша, – живем на вилле, в оазисе». И многозначительно добавил после молчания: «Можно даже японский магнитофон привезти». Этими же фразами я успокоил сначала жену, а потом и всех, кому писал из Афгана.

МОЯ ВОЙНА. АФГАНИСТАН

Перед отъездом был почти месяц занятий: теоретических – в Москве и полевых – в учебном центре общевоинского училища в Ферганской долине. Последнюю точку в наших документах и судьбах ставила наша «мама» – Наталья Васильевна Янина, навсегда оставшаяся для нас образцом чуткого и ответственного отношения к судьбе каждого человека. Работник ЦК ВЛКСМ, воевавшая во время Великой Отечественной войны в партизанском отряде, она была с нами рядом даже в трехсуточном горном походе. Поэтому ее резюме: годен или нет, – было решающим.

И вот – 29 октября 1983 года, день 65-летия ВЛКСМ. Вечером – городской митинг на площади Ленинского комсомола, утром – в Москву, а затем из Шереметьево рейс «Москва-Кабул». При посадке громадного самолета почти в штопор отстреливаются тепловые ракеты, у трапа самолета ребята с автоматами Калашникова, в которых по 2 рожка, смотанных синей изолентой. Переезд на автобусе в ЦК ДОМА, получение личного оружия, ПМ и АКМ...

Афганистан. С комсоргом автомобильной бригады капитаном В.Танаевым и тарджамоном О. Салимовым

На следующий день мы разлетелись по провинциям. Впереди был праздник, 7 ноября, вводился особый режим, и полеты запрещались. По этой причине мы с моим переводчиком Олимом Салимовым, задержались на пару дней в Кундузе. Посмотрели в гарнизонном клубе праздничный концерт с участием Людмилы Зыкиной, отметили праздник с кундузскими советниками и войсковым генералом.

О переводчике – отдельные слова, дань уважения и благодарности. Считаю, что мне повезло в этой командировке, потому что переводчиком был назначен Олим Салимов, журналист из Душанбе, член Союза журналистов. Он был на 5 лет моложе и на 20 кг легче меня, но, тем не менее, оказался незаменимой надежной опорой на всё время пребывания в Афганистане. Его знание языка, понимание восточной специфики и владение обстановкой позволяли нам успешно решать поставленные задачи, избегая серьезных неприятностей. В результате мы вернулись до-

Мы с Олимом, ныне профессором, председателем комитета по международным делам манджлиса Республики Таджикистан

По меркам Афганистана это самый крупный промышленный центр страны, где имелись элеватор, цементный завод, шахта Кар-Кар,

У памятника генералу армии В.П. Дубынину. Каменск-Уральский, 2015 г.

мой живыми и здоровыми, что, к сожалению, удалось немногим.

9 ноября на афганской «вертушке» мы прилетели на аэродром в расположении автомобильной бригады в провинции Баглан. Еще 20 километров – до провинциального центра Пули-Хумри, что в переводе означает «Мост девушки со светлыми глазами». Это поэтическое название городу дано, видимо, потому что расположен он на берегу реки в настоящем зеленом оазисе, окруженном песками и горами.

текстильная фабрика. А также две ГРЭС, возле одной из которых находился поселок Банди-ду, построенный советскими специалистами еще в 60-х годах, – конечная точка нашего маршрута.

Встречал нас могучий Паша Покутный – первый секретарь горкома украинского города Сумы, 195 см ростом, на которого я, имея рост «всего» 187 см, смотрел снизу вверх. И потому что он был еще на полголова выше, и потому, что он всё здесь знал и пользовался всеобщим уважением. Пара часов на передачу дел, наказ

быть поосторожнее с подсоветными, и вот он уже улетел, а мы приступили к исполнению обязанностей.

Банди-ду был поселком советников всех контрактов: военные, чекисты, милиция, партийные и комсомольские работники, технические специалисты – инженеры на ГРЭС. Все выполняли свои задачи, у всех были свои сложности, риски, но об этом не принято было говорить. Жили дружно, вместе отмечали праздники, играли в волейбол, смотрели советские фильмы, которые привозили из автомобильной бригады. Мы с Олимом жили в клубе, поэтому до кинозала было рукой подать.

Стены клуба, построенного в 60-е годы, почему-то были в трещинах. Вскоре выяснилось почему. 31-го декабря в 5-30 утра мы проснулись от грохота. Опытный таджик-горец Олим закричал: «Землетрясение», – и в полминуты в одних трусах выскочил за дверь. Натянув брюки, я дернул дверь, но она не поддавалась, перекосило. Подбежав к окну, увидел, как сверху летят какие-то камни, рывком открыл дверь и выбежал на улицу, одним из последних. На другое утро, из программы «Время» мы узнали, что в нашем районе был эпицентр землетрясения, около 9 баллов. А клубу – хоть бы что, покачался, как на шарнирах, и остался стоять. Всего за год мы насчитали около 30 колебаний почвы, но уже поменьше амплитудой.

С подсоветными общий язык нашли сразу, поскольку они почти всегда со всем соглашались и понятливо кивали головами. Сначала это радовало. Потом, когда стало видно, что самые трудные задания, кивнув, они просто забывали, это стало раздражать, пришлось вспомнить совет предшественника о строгости и постоянно контролировать выполнение работы. Часто приходилось показывать, что и как надо делать, собственным примером.

После освобождения от душманов высокогорного уезда Нахрин мы с моим земляком Александром Колясниковым, советником по линии госбезопасности, первыми полетели туда на «вертушке» ознакомиться с ситуацией и работой подпольных групп. На афганских товарищей это произвело сильное впечатление, появилось моральное право посылать и их в командировки, связанные с риском для здоровья и жизни.

В отличие от военнослужащих ограниченно контингента советских войск, мы жили прямо среди афганцев, отделенные от них изгородью из живых кустов по периметру поселка и четырьмя танками, мирно стоявшими по углам этого периметра. Еду закупали в основном в городе, на базаре. Если я оставался в машине, зачастую наблюдал забавную картинку, как мой отрастивший густую черную бороду переводчик возвращался к машине под конвоем афганских солдат. Приняв за своего и не добившись от него документов, освобождающих от воинской службы, его уже фактически «забривали» в новобранцы, приходилось выручать.

Помимо выполнения плана по приему в члены ДОМА мы занимались различными мероприятиями по оказанию помощи афганцам.

Конкретный пример – организация пионерского лагеря. С призывом оказать материальную помощь я обратился в Свердловский обком комсомола. Обком тут же откликнулся и организовал в области сбор игрушек, теплых вещей, спортивных, канцелярских товаров, доставку их до границы по железной дороге, а затем переброску в нашу провинцию военнослужащими автомобильной бригады. Навсегда запомнилось мне сначала удивление, а потом волнение и гордость за своих уральских коллег-комсомольцев, когда однажды открыв на стук дверь, я увидел несколько КАМАЗов с посылкой с далекой Родины. Лагерь мы от-

Каменск-Уральский. У памятника землякам, погибшим в горячих точках. 2015 г.

Ветераны войны в Афганистане на месте будущей Аллеи Славы в Каменске-Уральском. 2008 г.

крыли, и он работал круглогодично, выполняя функции и детского дома, и школы-интерната для осиротевших в ходе многолетней войны афганских детей.

Из ярких событий запомнился приезд агитбригады ЦК ВЛКСМ, в составе которой было трио «Меридиан», хоккеист Александр Мальцев и актриса Ирина Алферова, незадолго до этого сыгравшая Дашу в поразившем меня фильме «Хождение по мукам». Через много лет мы встретились с Алферовой в Каменске после спектакля, который они сыграли со Львом Дуровым. Я показал ей фотографии нашей встречи в провинции Баглан. С большим волнением она рассказала о той незабываемой поездке, решиться на которую могли не все. Некоторые участники агитбригады «опоздали» на самолет в Москве, некоторые почувствовали себя плохо и не полетели из Кабула в провинции...

Большой отдушиной для нас были вызовы на совещания в ЦК ДОМА в Кабул раз в два месяца. Гостиница «Ариана», наш постоянный приют, чуть пошатывалась, хотя про землетрясения ничего не говорилось. Там же была возможность заказать «телефонный разговор» с семьей. Этот короткий, в несколько фраз, разговор, прерывающийся многократным эхом, долго еще потом согревал сердце.

В Афганистане суть человека обнажалась предельно четко. И самое страшное, что там могло быть, – это предательство. Среди нас предателей не было – ни в большом, ни в малом. Каждый был готов умереть за товарища. Думаю, поэтому наш контракт до сих пор каждый год собирается вместе.

Помню, буквально перед отлетом на Родину, мы с товарищем отправились на зеленый рынок Ширинау в Кабуле. Обычное дело, купи-продай.

И вдруг отчетливо поняли: что-то созревает, входы и выходы перекрываются. Встали спиной к спине, достали пистолеты и потихонечку начали продвигаться в нужном направлении. Так и ушли – никто не рискнул напасть. Это чувство защиты и защищенности – спина к спине – тоже на всю жизнь.

Однажды на территории лагеря сильно поранился наш земляк. Травма была серьезная – он мог истечь кровью. Мы, двое свердловчан, положили его в УАЗик и без всякой охраны, ночью поехали в советский госпиталь, который находился в 20 км. Водителями у нас были афганцы, однако, на праздники, а это был как раз такой случай, их отпускали домой. Ездить без охраны, в темное время суток было запрещено. Но наш товарищ умирал. Мы доставили его и двинулись в обратный путь – под вспышки, пулеметные очереди. Парень остался жив, и сейчас у него все в порядке...

13 месяцев Афгана, каждая минута которых накалена эмоциями, то спрессовываясь в мгновение, то растягиваясь в бесконечность... Как сосчитать, много это или мало?

Многие из нас в дальнейшем отказались от предложения работать в ЦК на бумажной работе. Вернувшись в свои города, отчаянно скучали по Афгану и писали заявления на повторную командировку...

С друзьями-«афганцами» мы встречаемся до сих пор. Практически всем контрактом раз в год собираемся по очереди в гостях у каждого. Москва, Дагестан, Казань, Минск, Киев, Астрахань, Ростов, Курган, Воронеж, Нижние Таволги... Три раза встречались в Каменске-Уральском. Каждый из нас до сих пор готов в любую минуту помочь всем, чем может. Боевая дружба – она самая крепкая».

Родился в Свердловске в 1949 году. Закончил Свердловское высшее военно-политическое танко-артиллерийское училище. В 1984-1986 годах проходил службу в Афганистане в должности ин-

спектора отделения организационно-партийной работы политического отдела 40-й армии. Награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3 степени, медалью «За боевые заслуги».

«В мае 1968 года меня призвали в армию, начал служить во Владивостоке на Тихоокеанском флоте в морской пехоте. После года службы поступил в Свердловское высшее военно-политическое танково-артиллерийское училище, которое окончил в 1973 году. Уже исполнилось 50 лет, как я его окончил. Потом проходил офицерскую службу в различных военных округах.

Отец мой был фронтовик, и я помню, как он собирался с однополчанами, друзьями, и они все говорили, главное, чтобы не было войны. Поэтому для меня эта война была неожиданной. Мы не планировали её, не готовились к ней, но так случилось.

Я тогда только военную академию закончил заочно и находился в Москве, готовился к возвращению к месту службы в Одесский военный округ. Из штаба позвонили, предложили должность инспектора в политотделе армии. Отказываться у нас не принято было в армии. А дальше добавили, что потом, через два-три месяца, нужно будет ехать в Афганистан. И я согласился.

Прилетел самолётом из Кишинева в Ташкент. Несколько дней я там пробыл, пока решали организационные вопросы, как обычно в штабе округа. Потом получил предписание. Поехал в военный аэропорт Тузель, сел на самолет. Там отработано всё было до автоматизма – приезжаешь, показываешь предписание, тебе такого-то числа назначают вылет или он уже согласован, показал документы, сел в самолет. Самолет был полный.

Прилетели в Кабул. Вышли – жарко сразу, Бог ты мой, как будто в парилку в одежде зашли! Второе, это сразу бросилось в глаза, что вокруг все с оружием ходят. У кого пистолет в кобуре, у кого автомат за спиной. Меня сразу это напрягло, понял, что здесь обстановка другая, чем в мирном Союзе.

Прибыл туда в звании майор в должности замполита танкового полка. Там был назначен на должность инспектора политотдела 40-й общевойсковой армии.

Конечно, многие офицеры званием поменьше, были опытнее. Можно было сколько угодно надувать щеки, но это факт. Потому что в ака-

демии учат по учебникам, а здесь – по войне, так что на первых порах я прислушивался к мнению офицеров, которые уже успели поучаствовать в боевых действиях, как говорится – понюхать пороху. Термин у нас такой был – боевая настороженность. Это означает повышенное внимание. Там сама жизнь заставляла меня быть таким человеком, озираться почаще, посматривать вокруг и так далее. Хотя я служил в штабе 40-й общевойсковой армии, который в то время располагался в крепости Бала-Хиссар, которую наши ребята спецназ (КГБ СССР) взяли штурмом 27 декабря 1979 года, нас частенько и обстреливали, и диверсии устраивали различные, к сожалению, всякое бывало, это война.

Хочу подчеркнуть, нас там никто не ждал. Первые два-три года солдаты и офицеры жили все в основном в палатках. Но там было развернуто порядка двенадцати строительных батальонов. К моменту моего прибытия в сентябре 1984 года, в штабе армии были созданы условия относительно комфортные, построили фанерные домики, которые назывались модулями, а по-нашему, по-простому – бараки. В это время штаб армии постоянно обстреливали. Как ночь – засвистело и загрохотало.

В атаках и перестрелках я участия не принимал, в основном, действовал в составе оперативных групп. Конечно, в их составе частенько приходилось неоднократно вылетать куда-то в подразделения. И в горах с бойцами подразделений специального назначения ночевал, и с десантниками 345-го гвардейского парашютно-десантного полка в горах посадочным способом десантироваться приходилось. В составе

оперативной группы штаба армии я побывал в Кабуле, Джелалабаде, Газни, Хайратоне, Гардезе, Кандагаре, Ургуне, Файзабаде, Баграме, много повидал.

Когда я размышляю о том периоде войны, представляю работу поршня, совершающего возвратно-поступательное движение, как в насосе. Например, в 1985 году против душманов проводили операцию в провинции Кунар, шли в сторону Хайберского прохода, доставляли продовольствие для афганского полка, который занимал местность на границе с Пакистаном. Одна из политических задач была установление в городах и кишлаках местной власти. Помогали выбрать председателя, руководителя местного органа власти, создать партийную ячейку Народно-демократической партии Афганистана, назначали руководителей Царандоя (полиция у них так тогда называлась), ХАД (это были представители службы государственной безопасности, типа нашего КГБ). Только закончили все дела, пошла колонна дальше. Мы ушли – бандиты спустились с гор, власть местную порезали, поубивали. А мы уже в другом месте новых руководителей избираем. Поэтому и поршень. Честно признаюсь, тогда у меня сложилось впечатление о бесперспективности подобной деятельности. Вроде оказываем интернациональную помощь, поддержку, ушли – всё по-старому, потому что нет массовой поддержки населения. Получается, что поршень сработал впустую.

Это война, к сожалению. Каждый воюет на своём месте. Вернулось подразделение с боевой операции, помыться первым делом надо. Кто им баньку истопит – дежурный по банно-прачечному комбинату. Потом накормить ребят надо. Кто

боеприпасов, в том числе противотанковые мины итальянского производства. А руководил боевой операцией в ту пору первый заместитель командующего 40-й общевойсковой армией Виктор Петрович Дубынин. Жаль, что я узнал поздно, уже после службы в Афганистане, что он мой земляк. Он был первым начальником Генерального штаба Российской армии, позже он был удостоен высокого звания Героя Российской Федерации.

У нас была такая песня:
Самый мирный, самый мирный,
Самый мирный человек – солдат!

И это так, потому что солдату война не нужна. Он выполняет свой воинский долг. Но он должен понимать за что воюет. Поэтому, прежде чем части и подразделения примут участие в боевых действиях, производится большая подготовительная работа, главным из которой является организация взаимодействия. Задача штабного офицера – увязать все вопросы осуществления взаимодействия. Кто, как и куда выдвигается при выполнении тех или иных боевых задач. Это сложная работа, в которую включены и

этим займется – повара. А если все в разведчики или десантники хотят, что делать?

Кто будет обеспечивать вещевым имуществом, обеспечивать устойчивую и бесперебойную связь между полками, батальонами, дивизиями, месяцами сидеть в машинах связи? Так что ошибка думать, что война – это только автомат, танковый или артиллерийский прицел, саперный щуп и так далее. А офицеры штаба ар-

мии занимаются планированием и организацией боевых действий. Война разная бывает.

Поэтому мне приходилось ездить часто. В самом начале, буквально в первый месяц после приезда, в составе оперативной группы штаба армии я принимал участие в боевой операции в провинции Пактика. Это была успешная операция, с нашей стороны обошлась практически без потерь, только по ходу выдвижения машина артиллерийского управления подорвалась на фугасе, но все остались живы. Результативность операции была очень высокая, захватили у душманов два танка, большое количество

оперативный отдел штаба армии, и политотдел, и все службы.

Солдат ведь необходимо готовить. Они должны понимать, где и как действовать, учитывать меры безопасности. Незаменима была роль политработников по подготовке людей к боевым действиям в части соблюдения дисциплины. Вот к примеру – уснул часовой на посту, а в боевой обстановке это чревато очень серьезными последствиями. Противник у нас был опытный, серьезный, с богатым многолетним боевым опытом. А с нашей стороны – призывники срочной службы, молодые ребята, которым недавно ис-

полнилось 18 лет. Их армейский опыт, который они приобрели в Союзе, – полгода в учебном подразделении или даже только три месяца во время прохождения курса молодого бойца. Мальчишки против 30-40-летних мужчин, которые десятилетиями уже воюют.

Учитывая это обстоятельство, перед работниками политотдела штаба 40-й армии остро стоял вопрос подготовки политико-морального, психологического состояния воинов. Необходимо было разъяснить ребятам – в чем наша задача в соответствии с политической ситуацией того периода.

В то время американцы уже разместили ракеты средней дальности Pershing в Турции. Разве могло наше руководство допустить, чтобы американские ракеты были размещены в соседнем Афганистане? Если бы такое произошло, то полетное время ракет к тому же Ташкенту составляло 5-7 минут. Все южные рубежи Советского Союза оказались бы под серьезной угрозой. В этом и была наша основная задача – нейтрализация попыток американцев размещения у нас под боком оружия с ядерной начинкой. Донести понимание важности выполняемой боевой работы до каждого солдата и было задачей офицеров-политработников. Также очень важной задачей было ведение спецпропаганды, которая предполагала непрерывную работу с местным населением. Первоначально в 40-й общевойсковой армии был создан один штатный агитотряд. Позднее эта практика была распространена на дивизии и бригады. А потом, осознав их важность и нужность, агитотряды

сделали штатными. Офицеры этих подразделений разъясняли местному населению зачем мы пришли в их страну. Причем в агитотрядах были не только переводчики, но даже врачи. Передвигался агитотряд в основном на БТР, еще была клубная машина, набор пропагандистских и художественных фильмов с переводом на афганский язык. Приезжает агитотряд в кишлак – сразу очередь выстраивается к врачу, которые большую помощь оказывали бедному местному населению. Продуктами питания помогали: раздавали хлеб, сахар, муку, консервы. Рискованная была работа, банды душманов буквально охотились за агитотрядами.

Русский флотоводец адмирал Макаров любил повторять: «Хочешь мира – готовься к войне». Война – тяжелая мужская работа, не для изнеженных и слабонервных. И стать настоящими защитниками Родины – священный долг каждого поколения».

Указом Президента Российской Федерации № 416 от 06.06.2023 «О награждении государственными наградами Российской Федерации» советник председателя Правления Свердловской областной организации имени Героя Советского Союза Исламова Ю.В. Общероссийской общественной организации «Российский Союз ветеранов Афганистана» Говорухин Владимир Александрович награжден орденом Дружбы. Высокой награды Владимир Александрович удостоен за активную общественную деятельность и многолетнюю общественную работу.

Сегодня Станислав Гончаренко – полковник запаса, заместитель председателя Свердловской региональной организации инвалидов войны в Афганистане. Зимой 1980 года его, старшего лейтенанта, направили в Афган. Там ему предложили возглавить редакцию газеты 201-й дивизии «За честь Родины». Но он попросился в заместители редактора — всё-таки не журналист по образованию. Просьбу удовлетворили. Первый бой Станислав Гончаренко принял спустя несколько часов после того, как оказался на афганской земле...

Гончаренко Станислав Петрович родился в 1953 году в Алтайском крае в семье служащих. В том же году переехал с родителями в Свердловск (Екатеринбург).

Во время обучения в общеобразовательной школе активно занимался спортом, посещал спортивные секции: самбо, бокса, пулевой стрельбы. В 1969 году в соревнованиях «Снайпер Урала» стал чемпионом Свердловской области по пулевой стрельбе.

После окончания Свердловского высшего военно-политического танко-артиллерийского училища проходил службу офицером в Советской армии.

«15 февраля мы пересекли границу. Едем час, едем два, в напряжении... А население нас встречает мирно, приветливо, многие говорили на русском. Мы не знали, что в другом конце колонны уже убили одного нашего офицера. Редакция наша оторвалась от колонны. Доехали до афганского блокпоста – нас остановили, ска-

зали, что дальше одним ехать опасно – там зона, напичканная душманскими формированиями. Мы дождались десантников, с ними поехали дальше и буквально через полчаса попали в засаду. В первый же день.

Испугаться во время скоротечного боя не успеваешь, там работает только рефлекс. В этом специфика засады – некогда соображать. Если человек научен, то он действует быстро, а если он не подготовлен к боевым действиям, то он сразу в такой ситуации погибает. Поэтому очень важна была подготовка солдат, но, к сожалению, она началась гораздо позже. Мы – первые, кто входил в Афганистан, – не были подготовлены к ведению активных боевых действий. И форма у нас была не совсем подходящей к горно-пустынной местности. На нас были погоны со звёздами, звёзды блестели, и их было хорошо видно. Именно тогда офицеры стали надевать солдатскую форму без знаков различия, мы фломастерами рисовали звёздочки.

...Я сперва отстреливался из машины. Потом только дошло, что одной прицельной очереди хватит, чтоб из меня сделать решето. Я об этом догадался тогда, когда несколько дырок увидел – шлёп, шлёп, как по бумаге... В машине

Боевые действия в районе Кундуза.
Первое трофейное оружие душманов.
Автомат «ППШ» китайского производства

Добираться до частей дивизии порой приходилось через пылевые реки

полутьма, а через эти дырки насквозь лучики солнца светят. Я выкатился из машины в кювет, и там мы уже продолжали боевые действия. От нас моджахеды поудирали, увидели, что колонна им не по зубам – десантники сразу в атаку развернулись. И как в фильме «Девятая рота»: кругом норы в земле, они туда – прыг, прыг, прыг, и по этим норам... Куда ушли? До сих пор для меня загадка. Мы туда не стали соваться».

Прапорщик Г. Сапега угощает внештатного военкора газеты «За честь Родины» холодной водой из знаменитого «потеющего» афганского кувшина

Ветер с песком (его называли «афганец») очень часто накрывал мглой кундузский аэродром

После службы в Афганистане Станислав Гончаренко окончил отделение журналистики Военно-политической академии им. В.И. Ленина и руководил отделом в газете Уральского военного округа «Красный боец». В 1986 году вступил в Союз журналистов СССР.

С началом образования пресс-служб в армии и госучреждениях Российской Федерации сформировал пресс-центр Уральского военного округа и до окончания службы в Вооруженных силах РФ был заместителем начальника пресс-центра, затем пресс-службы округа.

После увольнения из армии в запас основал и в разные годы возглавлял пресс-службы Свердловского областного общественного движения «Преображение Урала» и Министерства здравоохранения Свердловской области.

Ветеран военной службы, ветеран труда Российской Федерации, ветеран труда Свердловской области. Кроме многих государственных наград неоднократно награждался Почетными грамотами губернатора и Законодательного Собрания Свердловской области. За многолетнюю работу по патриотическому воспитанию молодежи удостоен знака отличия Свердловской области «За заслуги в ветеранском движении».

Старший прапорщик Валерий Гранкин выполнял интернациональный долг в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане с 1988 по 1989

гг. в должности старшего техника танковой роты. Место дислокации части – г. Кабул, Тёплый стан.

Награжден медалями «За отвагу», «За воинскую доблесть», «За боевое содружество», «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа».

«В Афганистан я попал не со срочной службы. История длинная, я сам создал такой поворот в жизни. В армию я ушел из Курганской области в 1982 году, и после «учебки» в Елани, где проходил обучение на механика, попал служить в группу советских войск в Германии.

Отслужив срочную, вернулся на родину, а там заниматься оказалось нечем – в конце 80-х работы не было. И я решил заново попробовать себя на военном поприще, поехал в Омский танковый военный институт, устроился на должность инструктора, обучал будущих офицеров навыкам вождения, стрельбы из танка. Отучился в школе прапорщиков на Украине, вернулся в Омск, и вот уже тогда, в конце 1987 года, начальник института вызвал меня к себе и предложил настоятельно-убедительно отправиться для дальнейшего прохождения службы в Афганистан. В то время там заканчивал службу наш сотрудник, ему нужна была замена, а так как я оказался самым молодым – мне стукнуло только 27 лет, вопрос был решенным.

На территории Афганистана моя часть базировалась в Кабуле, я проходил службу в танковых войсках в должности техника танковой роты, в нашем распоряжении находилось 10 боевых машин. Мы выезжали на боевые задания, сопровождали колонны с грузами. В подчинении у меня находились солдаты-срочники, механики-водители. Дедовщины не было, но всё равно отношение к старослужащим и новичкам было разным. Кто-то уже побывал в передрягах, переделках, их отправляли первыми на опасные маршруты, а молодых оберегали, брали, как говорится, под крыло. Солдаты между собой

дружили, жили вместе, ели из одного котелка, спали в одних спальных мешках – и на передовой выполняли одни и те же задачи. Мы были как братья.

Медаль «За отвагу» я получил за боевую операцию. Мы шли на Баграм, нас обстреляли, и мой танк подорвался на mine. Солдаты колотили гусеницу, а я сидел за пулеметом. В результате поразил огневую точку душманов, после чего мы колонной продолжили движение. Не за один, конечно, этот эпизод я был представлен к награде, были и другие случаи. Я был молод, горяч, о смерти ведь мы тогда не задумывались. Хотя потери на наших глазах случались – один

мой экипаж сгорел заживо. Но все мы верили, что вернемся домой. О погибших помним, к их семьям заезжали потом – это наш долг.

Кто-то из «афганцев» потерялся со временем, а с кем-то мы созваниваемся, общаемся. Жизнь раскидала всех, но здесь, в Верхней Пышме, у нас очень дружный коллектив, и председатель у нас отличный – Зарыгин Александр Александрович, который организует нашу деятельность и досуг. Мы познакомились с ним лет пять назад, когда я переехал в Верхнюю Пышму. А до этого мы с ним служили в одних и тех же местах, но в разное время – в Германии, Омске, Афганистане, в 29-й химбригаде в Екатеринбурге...

Если бы была такая возможность, я бы вернулся сейчас в Афганистан. Жизнь была своеобразной, но мне интересно посмотреть, как там. И в Афгане мы не только воевали, а и строили школы, больницы, завозили в кишлаки одежду, продукты, несли знания.

Я выходил из Афгана одним из последних – в 1989 году. Три месяца мы стояли на границе, у моста, на прикрытии – были опасения, что в сторону границы двинутся «духи». После Афганистана я лет пять воевал в Чечне. Но это оказалось детским садом по сравнению с уже полученным опытом».

Грошев Александр Анатольевич родился в 1969 году в селе Осинцевском Ирбитского района Свердловской области. Закончил Осинцевскую общеобразовательную школу, затем Зайковскую среднюю школу № 2. В Афганистане служил с октября

1987 по февраль 1989 года. Служил водителем-механиком БТР в 28-м реактивно-артиллерийском полку (дивизион «Ураган»).

Про отправку в Афганистан Александр узнал по прибытию в учебную часть в городе Батуми. Отправляли всех после окончания «учебки», не стал отказываться и он: «Родители узнали, что я буду продолжать службу в Афганистане уже по прибытию в часть. Конечно, я знаю, что они переживали, но чем я лучше, чем все остальные?»

Но домой солдат писал только хорошие письма, в которых не было места войне, чтобы не расстраивать родных.

Вначале примерно полгода Грошев выполнял интернациональный долг под Кандагаром, затем был переброшен в окрестности Джелалабада, где в то время начался вывод войск из этой южной

провинции. 28-й реактивно-артиллерийский полк в составе дивизионов или побатарейно участвовал в проведении всех боевых операций, проводимых штабом 40-й армии ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Батареи полка поддерживали боевые действия полков 5-й гвардейской мотострелковой дивизии, 108-й мотострелковой дивизии, 201-й мотострелковой дивизии, 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, батальонов 56-й отдельной десантно-штурмовой бригады, групп специального назначения 15-й и 22-й отдельных бригад специального назначения и других частей и подразделений. Артиллеристы участвовали в реализации разведанных путей нанесения внезапных артиллерийских ударов по позициям афганских моджахедов и их базам. Дистанционно минировали местность на путях движения караванов и путей подхода к пунктам временной дислокации советских войск.

«Среди уникальных видов оружия и боевой техники, которые были разработаны и массово выпускались в СССР, особое место принадлежит реактивным системам залпового огня. «Ураган»

Память о служивших
в Афганистане

по праву считалась на тот момент одной из самых мощных в мире. Эту систему можно считать праправнуком легендарной «Катюши», – рассказывает Александр Грошев, – только представьте реактивную систему залпового огня, способную в мгновение ока положить плотный огневой ковер на несколько гектаров. Эта система наводила ужас на душманов. А мы называли стрельбу «Ураганов» – «запуском столбов», так как снаряды к данной реактивной системе своей толщиной (диаметр 220 мм) и длиной очень напоминали телеграфные столбы.

Поддержав огнем вывод наших подразделений из Джелалабада, часть передислоцировалась в Кабул, откуда выполняла боевые задачи до момента вывода войск, советско-афганскую границу артиллеристы пересекли 10 февраля 1989 года.

За выполнение международного долга Александр Грошев награжден медалью «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа», наручными часами.

Ветеран считает, что служба в соседней южной стране научила его разбираться в людях, ценить то, что имеешь, дорожить любимыми людьми.

Вернуться в Афганистан Александр Грошев, конечно, не против, только с одним «но» – в качестве туриста, а не на войну. Война – это плохо, надо учиться жить мирно.

Родился Александр Гурьянов в поселке Черноисточинск.

Как и все дети в Советском Союзе мечтал стать космонавтом или, хотя бы летчиком. В возрасте 18 лет был призван в ряды Вооруженных Сил.

В начале ноября обранцы были направлены на территорию Челябинского высшего танкового командного училища (22 мая 2007 года приказом командующего войсками ПУРВО Челябинский танковый институт был расформирован – прим ред.), а затем – в самый южный город Узбекистана – Термез, где им предстояло пройти курс молодого бойца. По специфике подготовки Александр и его товарищам вскоре стало ясно, что будущее их место службы – Демократическая Республика Афганистан. Шла осень 1981 года...

На территорию воюющей страны Александр попал 16 декабря 1982, и сразу же части его полка попали под обстрел. Служил Гурьянов до 6 февраля 1985 года в должности заместителя командира автомобильного взвода. Основной задачей подразделения было сопровождение советских автомобильных колонн с продовольствием, меди-

каментами, горюче-смазочными материалами. В перерывах между колоннами, примерно два-три раза в месяц, подразделение принимало участие в непосредственных боевых действиях, зачистках кишлаков от душманов.

Когда первый раз пришлось идти в горы на боевую операцию, надели бронежилеты, каски, набрали полные рюкзаки патронов, гранат, мин к миномету, всего порядка 50-60 кг на каждого. Да не учли, что в гору пешком это не за баранкой автомобиля ехать. Десять потов сошло с каждого!

Когда в одну из ночей спускались с очередной горы-ледника, пришлось съезжать на «пятой точке». Сначала хихикали, потом стало не до смеха – ни привычных тормозов – тормозили втыкая в лед штык-ножи, ни поворотников, да и не видно ничего, фарами в горах не подсветить – обстреляют в ту же секунду.

Во время первого боя сразу не мог понять, что за свист кругом? Старослужащие кричат:

«Зарывайся!», тогда дошло, что это по нам огонь ведется, и нешуточный, а реальный, смертоносный. И раз пули рядышком свистят, значит, кто-то тебя держит на прицеле, и если не окажешься быстрее, умнее, то погибнешь ты. Так приходит осознание войны.

Потом, кстати, так же учили молодое пополнение. Начнется обстрел колонны, все старослужащие уже минуту как в окопах сидят, а они останутся в растерянности и стоят, головой

по сторонам вертят. Хватали таких за ноги, затаскивали в окоп.

Конечно, была у Александра мечта, да не какая-то особенная, а обычная, как у всех – скорее бы «дембель», чтобы вернуться живым-здоровым домой, увидеть родных и близких людей, чтобы друзья тоже были живыми-здоровыми – обычные человеческие мечты на обычной войне.

С друзьями-однополчанами Александр часто встречается, переписывается. Поддерживают бывшие сослуживцы связь и с друзьями из ближнего зарубежья. Служили в части ребята

из Таджикистана, Узбекистана, Чувашии. Из Свердловской области были два земляка: из Серова и Асбеста.

В «большую политику» Гурьянов не лез, не солдатское это дело. Командиры отдавали приказы, он честно и добросовестно их выполнял. А во время политзанятий объясняли, что Афганистан – сосед Советского Союза, в котором идет, по сути, гражданская война. И если бы наши войска не вошли на территорию этой страны, то такие планы уже были у США, просто мы их на немного опередили. Американцы хотели разжечь под боком у нашей страны очаг напряженности. Так что основные причины ввода советских войск в Афганистан заключались в стремлении обеспечить безопасность южных границ СССР и поддержать просоветскую Народно-демократическую партию Афганистана, пришедшую к власти в результате Апрельской революции 1978 г. Это сейчас Узбекистан, Таджикистан – независимые государства, а раньше это всё был Советский Союз и представить, чтобы в соседней стране располагались войска агрессивного блока НАТО, было совершенно невозможно.

В этом плане, считает Александр Гурьянов, война в Афганистане немного похожа на проводимую сегодня Россией специальную военную операцию по денацификации и демилитаризации Украины. Ведь что означало бы вхождение этой соседней страны в НАТО – появление ракет с ядерными боеголовками уже не где-то там гипотетически, а прямо у наших границ, у нашего дома.

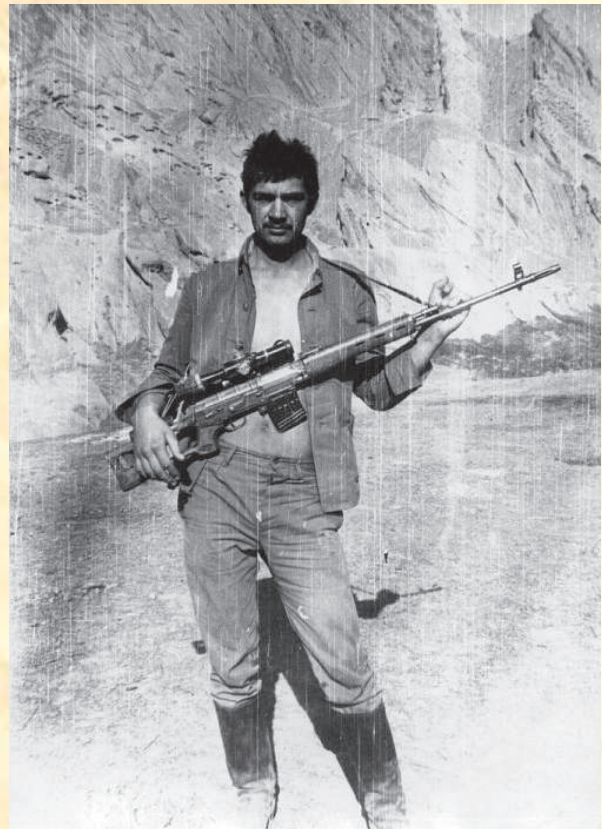
Примечателен и пример одного из боевых друзей Гурьянова, который жил в Запорожье.

Он, когда еще была с ним связь, жаловался, что пропагандистская машина сделала из его сыновей настоящих нацистов, ненавидящих людей другой национальности, вероисповедания, цвета кожи. А когда он не поддержал их взгляды, они отказались от отца.

Александр в памятные дни достает свой «дембельский» альбом, всматривается в молодые лица боевых друзей. Тогда кому-то из них удалось достать фотоаппарат «Смена-8М», поэтому ребята фотографировались «на память» довольно часто. Фотобумагу, фотопленку переправляли родители в редких посылках. Печатали там же, где и жили – в палатках. В них хорошо печатать, света нет.

Из Афганистана Александр возвращался в феврале, когда зацветали персики. А когда самолет приземлился на родной земле, пилот объявил, что за бортом – 35 градусов. Но это, конечно, нисколько не испортило радостную встречу.

Малая родина для Гурьянова – это родной дом, родители, друзья, где тебя очень любят и ждут.

Первым делом Александр отправился в лес. Дышал морозным лесным воздухом, дотраги-

вался до деревьев. В Афганистане лесов нет, так, редкие посадки, ничего особенного, только горы и пыль. А тут тебе, как в песне – сосны-великаны! Очень скучал он вдаль без родной земли. Вот и она, малая родина!

Вначале страшно было ходить без автомата, что поделаешь, привычка постоянно быть настороже, если понадобится, вовремя дать отпор, за два с половиной года прочно въелась в кровь и плоть. Не чувствовать на плече тяжесть оружия стало чем-то беспокоящим и тревожным.

Сегодня Александр Гурьянов вместе с боевыми друзьями из Нижнетагильского местного отделения Свердловской областной организации имени Героя Советского Союза Исламова Ю.В. Общероссийской общественной организации «Российский Союз ветеранов Афганистана и специальных военных операций» активно занимается военно-патриотической работой с подрастающим поколением. На любимую рыбалку времени почти не остается. Недавно созданная благотворительная организация «Искра жизни» отнимает много времени. Это общественная организация, которая помогает воинам-тагильчанам, которые принимают участие в специальной военной операции. «Искра жизни» объединяет волонтеров, готовых помогать нашим военным. Члены «Искры» отшивают тактические носилки-волокуши, пятиточечники, балаклавы, шапочки, нижнее белье, плащ-палатки, шапки-химеры, термоодеяла, плетут маскировочные сети, изготавливают металлические окопные печки-буржуйки и блиндажные свечи, ремонтируют автотехнику и отправляют её на фронт, а также на постоянной основе собирают и отвозят гуманитарную помощь бойцам-участникам специальной военной операции. В этом благородном деле очень помогает Глава города Нижний Тагил Владислав Юрьевич Пинаев, члены братских ветеранских общественных организаций.

Службу в Афганистане проходил с 1979 по 1980 год в отделе санобработки водителем на базе автомашины «ГАЗ-66» в подразделении радиационной, химической, био-

логической защиты 181-го мотострелкового полка, которое дислоцировалось в городе Кабул. Воинское звание – рядовой.

Награды: медаль «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа».

«Сам я родом из Узбекистана, родился и вырос в Термезе, в подростковом возрасте много занимался горным ориентированием. Когда пришла повестка, я прямоком пришел в воинскую часть, за которой мы – спортсмены, были закреплены. Это было 14 декабря 1979 года.

Потом был полигон, инспекторская проверка, а 24 декабря начался ввод войск в Афганистан. 25 декабря наша часть пересекла границу. Так я оказался в Демократической Республике Афганистан на специальных сборах, где выполнял свой интернациональный долг. Все было, как вчера: 181-й мотострелковый полк, командир Владимир Махмудов, ныне генерал, проживает в Ташкенте. Приписан я был в отделение санитарной обработки. У нас была полевая баня, машина с красным крестом, и еще две машины водовозки – АРСы.

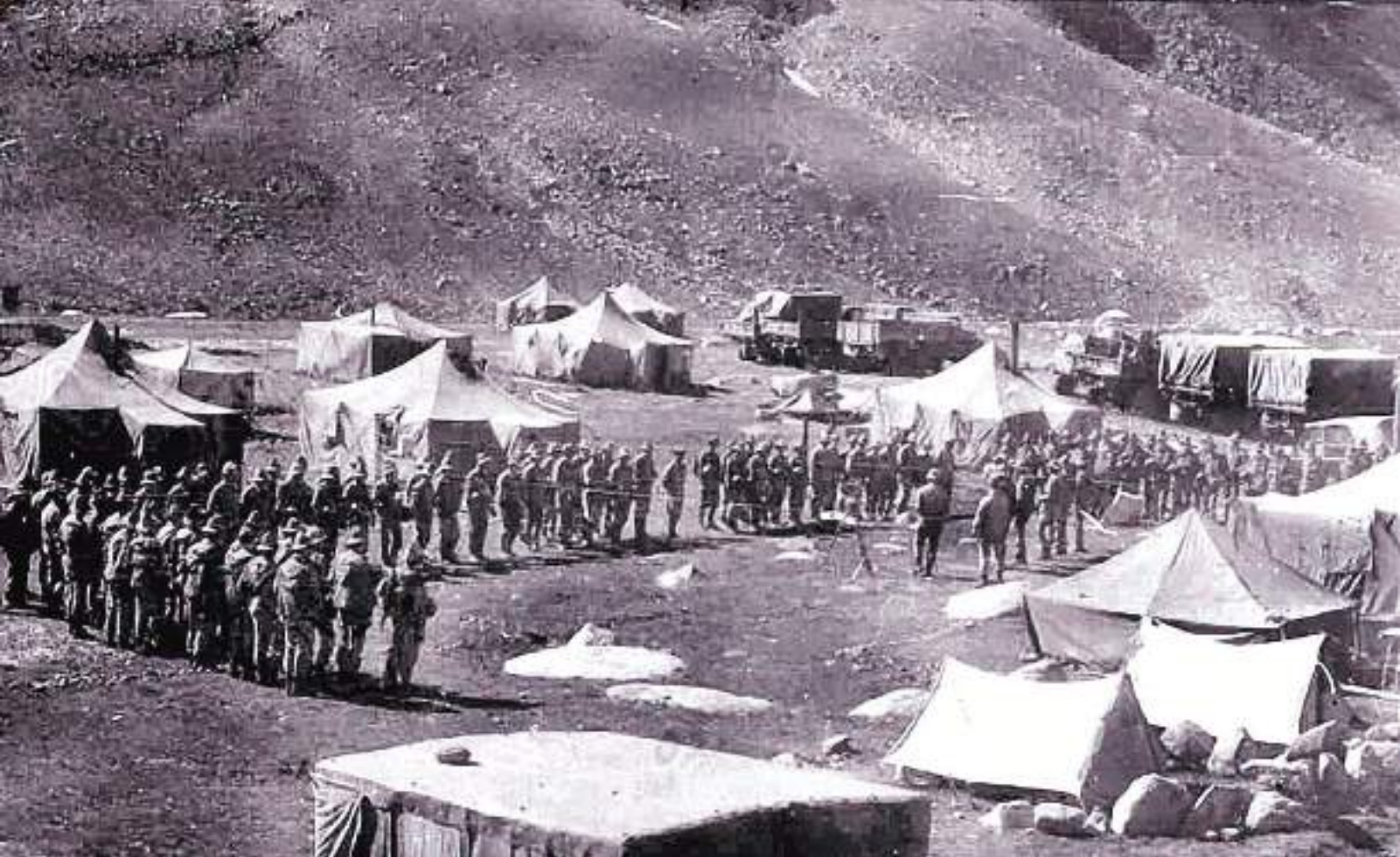
Сначала нас направили в провинцию Кундуз, но по прибытию тут же развернули на Кабул в колонне из 50 «шилок» – это зенитные само-

ходные установки, которые мы на полигоне заряжали перед выходом патронами.

Уже за перевалом Саланг десантники предупредили нас: будьте бдительны, обстреливают. И действительно, нам хорошо пощекотали нервы! Так мы приняли боевое крещение. Обстреливали нас и когда мы подъезжали к Кабулу, где спецназ и десантники взяли Дворец Амина. Кстати, наши зенитные установки тогда здорово помогли. Афганцы разбежались, и потом обстреливали нас с гор. Порой мы не знали, откуда по тебе бьют. Как дадут жару – вся жизнь перед глазами проносится. К тому времени мне было уже 30 лет, я был женат, у нас росло двое сыновей – очень жить хотелось.

После взятия Дворца и кабульского аэропорта мы стали осаждать афганскую воинскую часть, расположенную неподалеку от Кабула, и освобождать из тюрьмы афганских политзаключенных. У тюрьмы находилась скважина с водой, и иногда мы делали к ней по пять-шесть рейсов в день. Во время одного из них мы увидели тысячи афганцев – это родственники приехали встречать освобожденных политзаключенных. Я сразу приказал ребятам, на всякий случай, забираться на верх машины, потому что в этой толпе не заметишь, кто и откуда воткнет в тебя штык или нож. Но потом, когда автобусы двинулись, освобожденные закричали на русском языке: «Спасибо, ребята! Да здравствует Ленин, да здравствует Советский Союз!» Тогда же мы познакомимся с одним местным, он спросил меня: «А ты офицер?». Я ответил, что я солдат. А он не поверил: «Ты офицер, ты так пронзительно говоришь, волосы дыбом встают». И добавил, чтоб я был осторожен: тогда за голову солдата духи давали 1000 долларов, а за офицера – 5000. После этого я сказал ротному, что тепер

его очередь ездить за водой. Он сделал три-четыре рейсы и сказал: «Равиль, прошу, ездят ты, ты фартовый».

Наш ротный – Владимир Черных, доверял мне 90 процентов своих обязанностей. Помню, осаждали мы восставшую воинскую часть за Кабулом, афганцы не сдавались. Мы нашли трубопровод, по которому туда подавали воду. Вечером я оставил автомат ребятам, снял шинель, взял две гранаты в карман и пошел включить насос. А морозы ночью достигали минус 20 градусов. За ночь насос замерз и лопнул. И через

два дня, 4 января, солдаты афганского подразделения сдались. Воды нет, а как без нее? Тогда никого не арестовывали, всех отпустили, наши ребята сделали так, чтоб их техника не стреляла, а нас уже ждали другие задачи.

После Афганистана у меня обострилось чувство справедливости, стало другое восприятие жизни, ее саму я стал ценить больше. Я бы сейчас и за миллион не поехал бы туда, но тогда исполнял интернациональный долг, как было надо. Я и сейчас боевой, приношу пользу, работаю в воинской части, в химбригаде. Опыт и знания передаю молодежи. Мне говорят: ты нам нужен, я и не отказываюсь. Орденов, медалей мне не надо, но я живой, и счастлив от этого».

Павел Васильевич Добрецов родился 26 января 1968 года в городе Карпинск Свердловской области. В составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане проходил службу с августа 1986 по май 1988 гг. в должности наводчика 120-миллиметровой гаубицы артиллерийского дивизиона. Принимал участие в 15 боевых операциях на территории провинций Гардез, Газни, в районах городов Хост, Желалабад, Бараки, Кабул. Получил ранение и контузию.

во время боевых действий – сухими пайками. Мои боевые товарищи: Альберт Шарафутдинов из Ирбита и другие запомнились тем, что всегда были готовы прийти в трудную минуту на помощь – поделиться куском хлеба, вытащить с поля боя раненого, прикрыть от осколков реактивных снарядов».

Мальчишки 80-х редко «косили» от армии. Да они и термина такого не слышали тогда. Высокий крепкий Павел Добрецов с удовольствием посещал уроки физкультуры, легкоатлетические тренировки, защищал спортивную честь школы на городских соревнованиях. А когда пришло время предстать перед призывной комиссией, у него за плечами уже были и прыжки с парашютом. В военкомате сказали коротко: «Пойдешь в ВДВ!»

В Кабуле они сменили ИЛ-76 на вертолеты и полетели в сторону небольшого городка Гардез. Через 40 минут российские парни оказались в другом мире, другом времени и измерении. Грохот взрывов и вой снарядов, ожесточенная стрельба и содрогавшаяся под ногами земля – вот он, совсем не «киношный» бой.

«Если в первые два-три года душманы бегали с винтовками, – отмечает Добрецов, – то потом Запад начал снабжать их самым современным оружием. В арсенале банд появились ракеты «Стингер», реактивные снаряды. Чаще всего приходилось выполнять задания по уничтожению караванов с оружием, шедших к душманам

В Вооруженные Силы Советского Союза Павел Добрецов был призван 10 апреля 1986 г., и направлен в Фергану (Узбекская ССР). После окончания учебного подразделения получил назначение в Демократическую Республику Афганистан, где служил с 12 августа 1986 г. по 16 мая 1988 г., в артиллерийской части, расположенной в городе Гардез (столица провинции Пактия).

«Жили в палатках, бунгалах, – вспоминает Павел Добрецов, – кормили кашей, тушёнкой,

из Пакистана. Как только разведка докладывала о появлении в горах такого каравана, грузили на машины «Урал» снаряды, цепляли гаубицы и за считанные минуты отправлялись в путь. Чтобы представить, какой плотности они вели огонь, достаточно сказать, что через полчаса кузова нескольких «Уралов» были уже пусты. А ведь гаубицам помогала и реактивная установка «Град».

Были случаи, когда погибали парни от своих же снарядов. Прилетевший при обстреле оско-

лок становился для них зарядом. «Бегите, как только можете, если вдруг услышите щелчок», – советовали опытные воины. Этот совет спас Павлу жизнь. Гаубица послала снаряд за снарядом туда, откуда душманы стреляли в нашу сторону реактивными. Осколок одного из них, попав в груды заготовленных снарядов, сыграл роль детонатора. Прошло столько лет, а Павел и сейчас не может поверить в чудо: в этом грохоте он услышал знакомый щелчок. Сержант кинулся прочь одновременно с ним. Да еще ничего не понимающего новичка Павел успел схватить за шиворот и буквально зашвырнул за выступ скалы. Падая и прикрывая его своим телом, увидел взметнувшееся к небу море огня. Взрыв был такой силы, что казалось, раскололись сами горы. А потом наступила тишина. Контуженного и раненного в голову, Павла вынесли из боя его верные товарищи. Потом был госпиталь в Кабуле. И снова – война.

За добросовестное выполнение интернационального долга, проявленные в боях мужество и героизм Павел Добрецов награжден медалями «За отвагу», «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа», а позже – юбилейными медалями.

Дулепов Вадим Юрьевич – поэт, журналист. Неоднократно становился лауреатом престижных литературных конкурсов и премий. Его стихи публиковались в «Литературной газете», «Литературной России», журналах «Урал», «Уральский следопыт» и др.

– дуры, как синицы. Гонит кровь весёлый страх. Жизнь моя – златые спицы, неизвестно в чьих руках...» Тексты есть в Интернете, в библиотеках, в «Областной газете» публиковались сколько-то лет назад. Кому действительно не лень, тот найдёт.

Меньше всего на свете я хочу становиться профессиональным ветераном. Знаете, есть такие, которые с течением времени вырастают в собственных глазах, рассказывают школьникам, как «во время операции «Магистраль» мы с генералом Громовым...» и так далее. Патриотизм, на мой ум, в мудрости Анны Ахматовой: «Я там была тогда с моим народом».

В Афганистане я оказался обычным лейтенантом – приехал в 22 года, уехал в 24. Должность, правда, штучная – корреспондент

Родился 26 июня 1964 года в г. Нижняя Тура. Окончил Львовское высшее военно-политическое училище по специальности «Военная, политическая журналистика» в 1985 году. Проходил службу в Узбекистане и Туркмении.

В 1986-1988 гг. выполнял интернациональный долг в Демократической Республике Афганистан. С 1988 г. служил в Дальневосточном, Киевском, Одесском, Приволжском военных округах. С 1993 г. – начальник отдела и член редколлегии газеты УралВО «Уральские военные вести». Член Союза журналистов (1989 г.), член Союза писателей

(1995 г.), награжден почетной грамотой Президиума Союза журналистов СССР (1988 г.). В январе 1995 г. находился в Чечне, по возвращении из которой опубликовал серию военных очерков «Остров Грозный». В 1997-1998 гг. принимал участие в работе творческой группы по подготовке областной Книги Памяти о свердловчанах, погибших в Афганистане и Чечне. Майор запаса. Награжден орденом Красной Звезды, правительственными и юбилейными медалями.

В Афганистан Вадим Дулепов попал в 1986 году. Он просит разрешения закурить, придвигает к себе пепельницу и начинает рассказ...

«Поэт Венедикт Станцев, мой старший друг, рядовым солдатом защищавший Москву, Ленинград и Сталинград, на просьбу рассказать «какой-нибудь боевой эпизод из своего боевого прошлого» всегда отвечал, что о своей войне он написал в своих стихах, читайте!

Что я, в свою очередь, могу рассказать о своей войне кроме уже сказанного мною? «Пули

многотиражной дивизионной газеты. Против ваньки-взводного – белая кость, штабной... А так... С самого начала я был уверен, что повседневная жизнь солдат и офицеров тактического звена, их боевая работа имеет смысл и значение не меньшее, чем геополитические стратегии. Благодаря военным повестям Бондарева, Быкова, Бакланова и полевым занятиям в военном училище я совершенно точно знал: пока нога рядового солдата твёрдо не ступит на намеченную в штабе точку на карте, о каком-либо результате говорить нет резона.

Поэтому, насколько возможно, я по-честному старался использовать служебное положение и не пропустить самого главного – ходил в цепи в составе рот и на Панджшере, и на Алихейле, и во время файзабадских проводок колонн, жил на заставах в Чарикаре и Суруби и так далее.

И всё же, если сразу по возвращении главным при ответе на вопрос, что я делал на войне, было: я воевал! – то сейчас я к своей тогдашней функции отношусь спокойнее: я работал очевидцем.

Слава богу, что-то уже тогда смог рассказать, сформулировать какие-то смыслы, был услышан, наверное. Уже в Афганистане благодаря друзьям Александру Рамазанову, Сергею Белогурову, Михаилу Евстафьеву удалось записать на магнитофон несколько песенок-фельетонов, которые принесли мне однажды пять минут славы.

Дело было так. Сколько-то лет спустя сидим мы в нерабочее время с ребятами-офицерами, беседуем. Музыка играет. Тут влетает ещё один: «Да что вы эту байдю слушаете! Вот настоящее!

Жалко, рано убили парню!» – и ставит кассету в магнитофон, а там – мои песенки... Не скрою, было приятно...

Нужно ли сейчас помнить об Афганистане? Я говорю и о войне, и о стране, и о литературе.

На мой ум, нужно. Во-первых, воинскую доблесть как одну из черт национального характера можно упразднить только с самим характером. А то, что эта война предъявила нам множество проявлений такой доблести, – факт бесспорный.

Во-вторых, России ещё придётся возвращаться в Центральную Азию – не обязательно с военной миссией, не завтра, но придётся. Хотя бы потому, что география так устроена. И лучше быть готовым.

Стихотворения Вадима Дулепова

4300. ГОРНАЯ ПЕХОТА

Выходим на задачу. На плато
Под нами – вертолёт, как на пристань,
Пехоту выгружают на три-сто.
Пехоте надо – на четыре-триста.
Металл и люди. В пыли на лице
Пот ищет русло. Склон – сплошная осыпь.
А солнце, как в оптический прицел,
Нашло висок – завалит и не спросит.
О птичках, кстати... духам – пулемёт,
Они бы нас, как гвозди, вбили в камни.
Но духи спят. Старлей, пока везёт,
Торопит роту матом и пинками.
Он чумовой, чёрт, этот наш старлей,
Попробуй вякнуть против – он так зыркнет!
Пусть на равнине истины сложней,
Он знает: здесь кто выше – тот козырней.
Кто выше, тот и выжил – весь резон
Идти на высоту четыре-триста.
Не выдаст бог – увидим горизонт.
Свинья не съест – других поищем истин.
Идём к вершине. Выше – облака.
Горячий воздух раздрает ноздри.
Но надо влезть, удача прёт пока.
Назад нельзя. И некуда, и поздно.
На горе переводим дух.
Никто не говорит вслух.
Каждый думает для себя:

Во куда занесло, мля.
Вертолёт и птицы –
Под нами.
Вровень – горы,
И – облака.
Мы – как дети,
что влезли
с ногами.
В кресло деда,
ушёл
дед
пока.

КЛИНОК

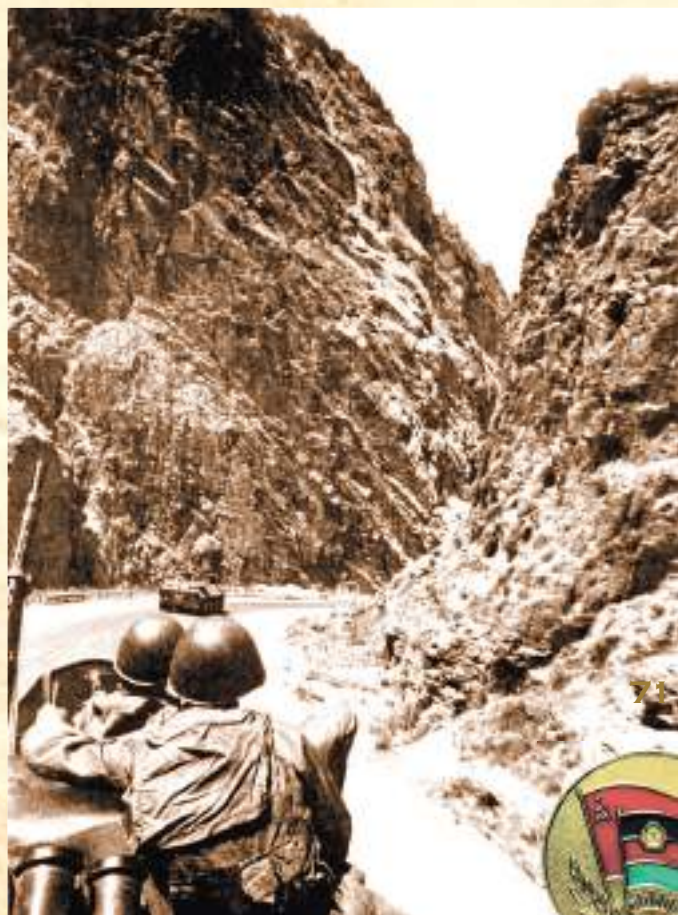
Мы проиграли наши войны безнадежно.
По бездорожью взорванных дорог
Мы возвращаемся в отечество.
Так в ножны
Идёт уставший от крови клинок.
Так – безразлично – пёс на окрик: место! –
Идёт, страшась однажды не успеть.
И только честный барабан в оркестре
Рвёт невпопад и в клочья медь побед.
Пыль тенью тлена пролегла в морщинах,
Стволы, ослепнув,
Молча зрят в зенит.
Идём домой, уставшие мужчины
Без опыта старенья и обид –
С растерянной отвагой то ли жертвы,
То ли преступника, зря ждавшего ночей,

35-ЛЕТИЮ ВЫВОДА СОВЕТСКИХ ВОЙСК
ИЗ АФГАНИСТАНА ПОСВЯЩАЕТСЯ

Который об отмене казни смертной
Подслушал невзначай у палачей.
Идём домой. Господь не принял платы.
Зря тает в небе сладкий сизый смрад
Солярных выхлопов.
Что ж, Каин встретит брата...
Что ж, встретит Каина его достойный брат.
Закон любви исправить невозможно,
Когда тепло трофейного ножа
Ознобом под рубахой лижет кожу,
Свой час заветный смирно сторожа.
Обманчив тусклый блеск
Смиранных лезвий,
Не знающих ни срама, ни вины.
Мы входим в родину червём дурной болезни –
Коротким острым именем войны.
Эй, барабан! Секи шальное время!
Идём в отчизну, смертный грех верша.
Герои и убийцы – сучье племя,
Святая крестоносная душа.

Сергей Леонидович Евдокимов родился в городе Ирбит Свердловской области. Его дед Евдокимов Павел Николаевич – участник Великой Отечественной войны, погиб в 1942 году. В 1984 году Сергей закончил Ирбитский мотоциклетный техникум. Срочную службу проходил с 1976 по 1978 гг. в подразделении войск правительственной связи КГБ СССР Центральной группы войск в Чехословакии.

О вводе ограниченного контингента советских войск в Афганистан Сергей Евдокимов узнал из средств массовой информации в 1979 году. Тогда это обозначалось как оказание международной помощи братскому афганскому народу.

В 1985 году Сергея Евдокимова пригласили в военный комиссариат города Ирбита и предложили выполнить интернациональный долг в Демократической Республике Афганистан. Как коммунист и патриот страны, Евдокимов принял решение пройти службу в составе ограниченного контингента советских войск.

Службу «за речкой» Евдокимов проходил с 1986 по 1988 гг. Место службы – Баграм. Воинское звание – старший лейтенант (офицер

запаса). Должность – электроэнергетик ремонтно-восстановительного электрооборудования. За время исполнения интернационального долга являлся секретарем партийной организации своей воинской части.

Боевой задачей подразделения являлось бесперебойное обеспечение электропередачи

Афганистан, Баграм, авиабаза

на важные объекты: авиабазу Баграм, медсанбат, госпиталь, водонасосные станции, тепловые электроустановки и др. Пребывание ограниченного контингента советских войск в Афганистане и ведение им боевых действий в этой стране потребовали повышенного технического и тылового обеспечения. Это было вызвано главным образом отсутствием в Афганистане материально-технической базы, необходимой для удовлетворения нужд войск 40-й армии. Вследствие этого техническое и тыловое обеспечение соединений и частей осуществлялось непосредственно с территории Советского Союза и было сопряжено с большими трудностями. Конкретное содержание мероприятий технического обеспечения определялось расположением войск, особенностями театра военных действий и вооруженной борьбы.

За время службы в Афганистане лейтенанту Евдокимову приходилось непосредственно участвовать в боевых столкновениях с моджахедами. Так как любая война несет смерть, потери, приходилось офицеру испытывать боль, когда погибали ребята, с которыми успел сдружиться

Афганистан, Баграм, в/ч 51905

за время службы. Особенно было обидно, когда сослуживцы погибали от шальной пули или подрываясь на минах.

Евдокимов считает, что те, кто участвовал в боевых действиях, знают о жизни гораздо больше, чем их сверстники. Они знают настоящую цену человеческой жизни.

Министерством обороны Российской Федерации ветеран награжден памятной медалью «В память 25-летия окончания боевых действий в Афганистане».

Сергей Евдокимов активно участвует в ветеранском движении, занимается военно-патриотическим воспитанием молодежи, часто встречается с учащимися образовательных учреждений Ирбита, проводит Уроки мужества.

Есмагамбетов И.А.

Есмагамбетов М.А.

Родились братья 17 декабря 1961 г. в поселке Маслово Ивдельского района. С пятого класса учились в школе № 10 г. Серова. По окончании восьми классов продолжили обучение, получили специальность помощника машиниста электровоза.

Братья Есмагамбетовы всерьез увлеклись лыжным спортом. К армии у Марата был первый взрослый разряд, а Ибрагим выполнил норматив кандидата в мастера спорта. 13 апреля 1981 года Серовским военкоматом братья были призваны в ряды Вооруженных Сил СССР. Они попали служить в Сквородинский пограничный отряд Дальневосточного пограничного округа. Из-за хорошей физической подготовки ребят направили во взвод повышенной боевой готовности. Начались обычные армейские будни: наряды, боевая подготовка, марш-броски. Разнообразие в службу вносили неожиданные десантные операции да спортивные соревнования между пограничными отрядами. Братья Есмагамбетовы постоянно занимали призовые места по лыжам и в летнем биатлоне.

В связи с событиями в Афганистане и необходимостью в пограничниках в провинциях на севере этой страны, в ноябре 1981 года в г. Хабаровске был создан сводный отряд из 300 человек. Ребят экипировали, они прошли соответствующую подготовку и железнодорожным эшелонам прибыли в Краснознаменный Среднеазиатский пограничный округ, 47-й Керкинский пограничный отряд (г. Керки Чарджоуской области Туркменской ССР). Перед отъездом обоим присвоили звание «ефрейтор».

Марат Абдрахманович впоследствии рассказывал: «Там нас еще месяц по пескам «погоняли». Потом меня и брата зачислили в разведывательный взвод. На понтонах переправились через Амударью 12 января 1982 года,

далее колонной прибыли в г. Меймене провинции Фарьяб. Там расположилась наша первая мотоманевренная группа. Задача была в том, чтобы прикрыть границу. Правительство СССР тогда решило ввести ММГ и отодвинуть границу на 100-150 км вглубь Афганистана».

По воспоминаниям Марата Абдрахмановича: «Когда мы прибыли на место на окраине города, возле аэродрома, то сначала поставили палатки. Ночью в них было не очень уютно, ночи там холодные. Вскоре командование поставило колышки, говорит – здесь будут землянки. Это были не такие землянки, как

в Великую Отечественную войну... Сколько земли перекопали. Когда мы их увидели, не поняли – то ли нам смеяться, то ли плакать. В каждой землянке располагались по два взвода, один взвод – 25 человек. Землянка была глубиной в 2,5 метра. А надо было еще копать траншеи, ходы сообщения, санчасть, столовую для офицеров... Весь лагерь находился под

Есмагамбетов М.А. с пленным душманом

землей. Во время обстрелов это и спасало. Нам повезло с водой, через лагерь проходил арык. Поэтому кухня не испытывали нужды в воде, да и солдаты помыться и постирать могли. Кто ленился, того вши одолевали... На первых порах мучила дизентерия, не все соблюдали чистоту. Тогда – вари в кипятке верблюжью колючку и пей до оздоровления...

Вокруг лагеря поставили наблюдательно-сторожевые вышки, организовали круглосуточное

Есмагамбетов И.А. (справа) с боевыми товарищами у перевала Саланг

дежурство. Ибрагим и Марат стали служить в одном пулеметном расчете, на вооружении был пулемет Калашникова. При группе были БТРы и БМП.

Есмагамбетов Ибрагим Абдрахманович вспоминал: «Наш разведывательный взвод был дружным, и дисциплина была хорошая. С офицерами нам повезло, толковые и опытные были... Когда приехали в Афганистан я старался много общаться с ними. Мне было интересно узнать побольше про афганцев. Почему они

так живут, почему всё время воюют. Общался и с афганскими офицерами, которые хорошо по-русски говорили. Они пытались мне объяснить, что они самые крутые. Я говорю: нет, самые крутые – это мы. Конечно, был в шоке, что у духов наше оружие: РПГ, Калашниковы. Нам-то говорили, что всё это американцы. Афганцы же считали, что они самые добрые и миролюбивые. Питание было отвратительное. 80-е – самые голодные годы. Спасало, то, что была жара. Во время неё есть не так хотелось... Когда попал в Афган, была, конечно, ностальгия по дому. Но поскольку тогда был молодой парень, хотелось себя испытать и показать. Во время боя голова вообще отключается, страха не испытывал. Идешь на удачу: повезет – не повезет. Вера, что тебе повезет, спасала. Хотя на одной операции я испытал шок, но брату не говорил».

Основную свою задачу – охрану аэродрома, группа выполняла добросовестно. Поэтому советские самолеты и вертолеты регулярно прибывали на аэродром, с их помощью доставлялось новое пополнение, продукты, боеприпасы, вооружение... И даже – письма с Родины. Правда, родственники, посылая письма, не предполагали настоящий адрес.

Служба на чужой земле тянулась медленно. Кругом голая степь, вдали – вершины гор. И опасность, которая подстерегает тебя везде и всегда. Во время выездов на бэтэрах, солдаты мчались через кишлаки полным ходом. Когда местные жители стояли у дороги и приветливо

Есмагамбетов И.А. (справа) с боевыми товарищами в Афганистане после войны

махали руками, наши военнослужащие знали, что можно спокойно следовать дальше. Но если стояла тишина и даже собаки попрятались – жди провокации. Через такие места мчались на пределе, иногда приходилось и обстрелять ближайшие улицы. Но таких массовых и затяжных боев, как в Великую Отечественную, у нас не было. Идет колонна через кишлак, тебя обстреляли, ты ответил, – вспоминает Марат Абдрахманович. – Когда первый раз попали под обстрел, то я с испугу всю ленту высадил. А потом успокоился.

Но больше всего молодого пограничника Есмагамбетова поразила первая кровь сослуживца. – Мы на первую боевую операцию не поехали, охраняли лагерь. Связисты по рации переговариваются: «БТР подбили». Ранен был наш наводчик Борька Сидников, из Челябинской области, мы даже в гости друг к другу ездили. Привезли его в санчасть всего перемотанного. Пуля пробила БТР и попала в цинк с патронами. Он взорвался, все осколки попали в Борьку. В детстве мы смотрели фильм «Четыре танкиста и собака», в стрелялки играли, а тут была война по-настоящему...

С жителями соседнего городка сложились мирные отношения. Солдаты обменивали дощечки от упаковки боеприпасов на местные товары и продукты. Древесина там была всегда в большой цене. И были бдительны: афганцы – народ вороватый, могли и обмануть, и украсть, что плохо лежит. Арбузами и дынями пользовались с соседних бахчей, помидоры, огурцы, лук выращивали на своем огороде. Но не всё было спокойно. Часто выезжали на выручку наших автоколонн. Иногда с душманами приходилось вступать в перестрелку.

Ибрагим Абдрахманович впоследствии рассказывал: «Я заболел дизентерией, под дембель это было. И Марат уехал на боевую операцию без меня. Вот тогда я страху натерпелся. Самые плохие мысли были, что я скажу родителям?.. Присутствие брата очень помогало. Я родился на час раньше его, поэтому считал себя старшим. Когда он уехал без меня на операцию, я места себе не находил. Две недели он был на операции – я с рации не слезил. Всё ждал, когда он вернется. Это были самые жуткие недели моей жизни».

Братья прослужили в Афганистане 1 год 5 месяцев и 16 дней. Пришла пора увольняться в запас. К этому времени на груди у «афганцев» уже сияли знаки «Отличник погранвойск» 1 и 2 степени, позднее – медали «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа», награды общественных ветеранских организаций.

В конце июня 1983 г. братья в парадной форме прибыли домой. Радости родителей, сестер и братьев, друзей – не было предела...

Марат Абдрахманович рассказывал: «Когда вернулись из Афганистана, влиться в нормальную жизнь

Есмагамбетов И.А.

Есмагамбетов И.А.

Есмагамбетов М.А.

помог спорт. Работали с братом помощниками машиниста, бегали на лыжах. Потом я начал с детьми заниматься – тренером, – рассказывает Марат. Про Афган тогда особо не говорили. Мы были одними из первых. Мне медаль пришла «За отличие в охране государственной границы». На работе тихо вызвали, из военкомата пришел капитан – держи, свободен. Это потом уже, где-то в 1985-1986, Германа Головина привезли, Лобанов погиб, пошли гробы и про Афган заговорили. А про первых молчали, как будто ничего и не было...»

Сейчас братья с улыбкой вспоминают события своей ратной молодости. В трудные 90-е занимались коммерцией. Ибрагим основал торговую фирму «Северный Урал», Марат – автосервис.

Видя, как трудно живет некоторым «афганцам», а особенно матерям, потерявшим кормильцев на афганской и чеченской войнах, Марат и Ибрагим Есмагамбетовы с друзьями стали инициаторами создания общественной организации инвалидов локальных войн. Многие годы организация, используя доходы своей и других фирм, выделяла средства на оказание помощи семьям погибших военнослужащих, на проведение праздников и спортивных мероприятий, осуществляли выезды с гуманитарной помощью на Северный Кавказ, в Чеченскую Республику, когда там велись боевые действия. Впоследствии Ибрагиму свою фирму из-за ужесточившихся требований со стороны надзорных ведомств пришлось закрыть.

Все эти годы братья занимаются патриотическим воспитанием. Встречаются со школьниками, рассказывают о своей службе, об участии в войне в Афганистане. Марат часто приводил Хана – немецкую овчарку, своего верного спутника. На встречах с детьми дружелюбный пес всегда находился в центре внимания.

Родился 13 января 1962 года в городе Ташкент. Закончил Свердловское высшее военно-политическое танко-артиллерийское училище имени Леонида Ильича Брежнева

в 1985 году. Участник боевых действий на территории Демократической Республики Афганистан. Награжден медалью «За боевые заслуги», грамотой ЦК ВЛКСМ, наградами ДРА.

В Афганистане Александр Зарыгин служил в 1986-1988 гг. заместителем командира артиллерийской батареи по политической части на заставе под Баграмом, примерно в 3 км от расположения 345-го отдельного парашютно-десантного полка. Принимал участие в боевых действиях в Чарикарской «зелёнке», под Джелалабадом, во время операции «Магистраль» по деблокаде афганского города Хост.

«В Афганистане у нас была отдельная застава, на ней находилось 76 человек. Это по афганским меркам была очень большая застава. Мы, офицеры, жили в 15-кубовых бочках, обустраивались кто как мог. Мы с командиром второго взвода жили в бочке, зарытой в землю. Сверху были уложены ящики из-под снарядов, засыпанные песком. Командир батареи тоже в бочке жил. Солдаты жили в казармах, вырытых в земле, отделанными разобранными ящиками от

снарядов. Потом парашюты сбрасывали осветительные, так мы все стены парашютным шелком окультурили. Было очень красиво. У бойцов кровати были в подземельях, не на нарах спали – на кроватях. Мы, офицеры, тоже. В каждой солдатской бочке по две самодельные печки-буржуйки, потому что мы находились довольно высоко над уровнем моря, ночью – холодно, а днём – жарко. И в офицерских бочках тоже буржуйки стояли, так что, по большому счету, быт офицеров от солдатского ничем не отличался.

Служба в Афганистане в моральном плане многим давалась нелегко. Солдаты переживали за матерей, оставленных дома девушек, офицеры за своих жён и детей. Когда я уехал в

Афганистан, моему сыну был 1 год и 9 месяцев. А сама боевая обстановка... и обстрелы были, и недобросовестно несущих службу часовых ножом резали, да всяко случалось, война ведь. Но фатализма не было, шла планомерная боевая работа, и каждый выполнял свой воинский долг.

Обстрелы были и ночью, и днём. И сами мы частенько открывали огонь – на заставе у нас стояли самоходные пушки «Гиацинт» – в любой момент команда «В бой!» и вперёд.

С молодыми солдатами по призыву старослужащие обходились, если честно, не всегда очень хорошо. Встречали в штыки, бывало, дело и до рукоприкладства доходило. Но когда приходилось действовать в боевой обстановке, то старослужащие всегда защищали молодых: «Не высовывайся», «Не лезь», «Без тебя разберёмся». Молодых всегда отодвигали в сторону, особенно, пока они хотя бы три месяца не прослужат. Потом молодежь начинала соображать, что здесь к чему, переставала пугаться обстрелов реактивными снарядами, училась у «стариков»

длилась всего три месяца, новый человек прибыл. А так с солдатами были нормальные, служебные отношения. А насчёт вне служебных отношений – мы с солдатом могли просто поговорить, он мог открыться, сказать то, что при людях потом не скажет... Я не могу сказать, что они мне признавались

в чем-то, что мы были – свои люди. Нет. Но сами посудите: два года мы живём на одной заставе в одном коллективе, в котором есть и старослужащие, опытные солдаты, побывавшие не в одной сложной ситуации, обстрелянные,

действовать быстро и слаженно. Но при этом, у меня это никак не укладывалось в голове, могли их заставить выполнять за себя хозяйственные задачи. Это всё пресекалось офицерами, конечно, но за всем не углядишь.

Офицеры жили дружно, хорошо, за исключением командира батареи, который себя не очень хорошо вёл, от солдата до командира полка его все очень не любили. И, как по стечению обстоятельств, он западный украинец оказался. Солдаты на него писали жалобы, командир полка тоже не знал, куда его деть, но вся эта «эпопея»

закаленные. Едим и пьем одно и то же. Офицерам был положен дополнительный офицерский паёк, но мы его никогда не забирали, всё старшина складывал в общий котёл. Уставные отношения между солдатами и офицерами – только на «Вы». На «Ты» – только между офицерами мы могли общаться».

Кадровый офицер Александр Зарыгин уволился из рядов Вооружённых Сил в 1998 году, работал на заводе «Уралредмед» мастером товарно-сырьевой базы, после – управляющим автозаправки. Сейчас на заслуженном отдыхе.

■ Старший сержант Зеленков выполнял интернациональный долг в ДРА с 1980 по 1982 гг. в полковой разведывательной роте 317-го парашютно-десантного полка 103-й воздушно-десантной дивизии. За мужество и героизм, проявленные в боях, награжден медалью «За отвагу».

Еще на призывном пункте военкомата он сразу знал, что попадет в воздушно-десантные войска, в Витебскую дивизию. Тогда она уже вся была в Афганистане...

Евгений считает, что каждый мужчина должен научиться воевать, он с удовольствием шёл в армию. Поскольку в Витебске в части уже никого не было (всех уже отправили в Афганистан), новобранцы приняли присягу в Пскове, и через месяц их перебросили в учебный центр. Там учили бегать, стрелять, взрывать, воспитывали чувство локтя, чувство товарища... После, уже весной, ребят отправили в Афганистан.

Говоря о службе в соседней стране, Евгений всегда подчеркивает, что в Афганистане воины ограниченного контингента советских войск защищали южные рубежи Родины. И Евгений, и его сослуживцы знали, что защищают свой Урал, свой Свердловск, свой дом.

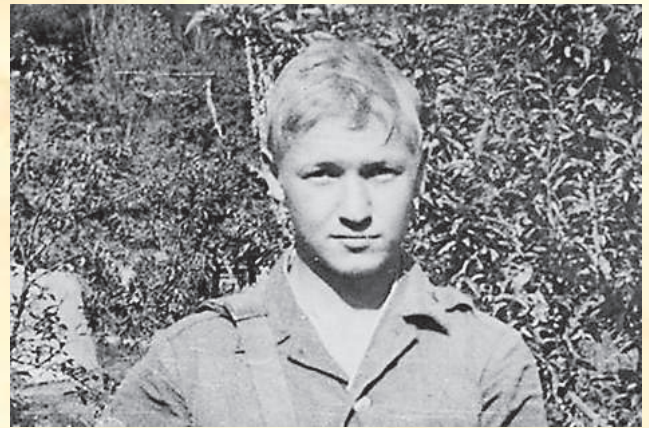
На первые боевые операции новобранцев брали не «основным составом», а наблюдателями, чтобы посмотрели, послушали, побегали, повзрывали, постреляли — так было где-то полтора месяца. Их берегли, потихонечку «обкатывали», всегда рядом с молодым солдатом был кто-то из старослужащих.

Евгений Зеленков считает, что у настоящего мужчины есть всего три периода жизни: до армии, а армии и после армии. Там проявляется человек, он виден, как на ладони. Например,

во время одного боя с душманами земляк Владимир Баранцев вытаскивал молодого парня. Ну, испугался тот. Попали в засаду, надо было отходить, а молодой не смог — просто упал и лежал в ступоре. Вовка приполз, вытащил его на себе, и уже после этого ему пуля прилетела прямо в голову... Погиб парень.

А в 1984 году инструктором Комитета ВЛКСМ Уралмашзавода по работе с ветеранами, призывниками, по спорту назначили ветерана войны в Афганистане Е.В. Зеленкова.

С этого времени можно начинать отсчёт образованию первой ветеранской организации ветеранов боевых действий в Орджоникидзевском районе города Екатеринбурга. Вскоре при Совете ветеранов Великой Отечествен-

ной войны Уралмашзавода был создан Совет воинов-интернационалистов, и Зеленков был избран его первым председателем. С 1984 по 1986 гг. в Орджоникидзевском районе также были созданы первые Советы ветеранов боевых действий на Уральском турбомоторном заводе, Машиностроительном заводе имени Калинина, заводе Уралэлектротяжмаш, Свердловском электровозоремонтном заводе и других. В это же время, примерно в 1985 году, первые организации ветеранов войны в Афганистане были образованы в Свердловском юридическом институте и Уральском политехническом институте.

В 1986 году в ходе конференции воинов-интернационалистов Орджоникидзевского района был создан первый районный комитет воинов-интернационалистов, председателем которого единогласно избран Евгений Зеленков.

В 1987 году председатель районного комитета воинов-интернационалистов Зеленков Е.В. в составе делегации Свердловской области представлял Орджоникидзевский район города Екатеринбурга на 1 Всесоюзном слете воинов-интернационалистов запаса, который состоялся в Ашхабаде.

В 1988 году он в составе делегации Свердловской области представляет Орджоникидзевский районный комитет воинов-интернационалистов на 1 слете военно-патриотических клубов, который состоялся в Новороссийске.

В 1989 году в составе инициативной группы встречал в Термезе выходящие из Афганистана подразделения 103-й воздушно-десантной дивизии, собирая ставшие впоследствии ценными артефактами первые экспонаты для муниципального музея воинов-интернационалистов «Шурави».

В 1989 году на Уралмашзаводе на собрании ветеранов боевых действий Зеленков Е.В. выдвинул предложение о создании памятника погибшим боевым товарищам. Комсомольцы завода, члены партийного комитета выразили поддержку этой инициативе, и начался сбор денег. Тогда, в 1992 году, на территории только Орджоникидзевского района города Свердловска проживало 1387 человек, прошедших Афганистан. Из ветеранов войны в Афганистане, призванных Орджоникидзевским районным военкоматом, при выполнении интернационального долга погиб 21 человек.

Всего на территории района сегодня насчитывается почти 3 000 участников Великой Отечественной войны, тружеников тыла, ветеранов боевых действий и вооруженных конфликтов

ку очень хотел стать офицером-десантником, решил обязательно прыгнуть с парашютом. Записался, отучился. Выждали момент и прыгнули. Всё так быстро! Голова вертится, волосы под шлемом дыбом встают, и вроде на улице мороз, а тебе жарко. Нужно было предотвратить раскрытие запасного парашюта, но некоторые в суматохе забывали об этом и приземлялись на двух куполах. И я совсем забыл про него! Вспомнил, когда услышал, что заработал прибор автоматического раскрытия и быстренько разблокировал запасной парашют, за три секунды успел».

Большое внимание ветераны боевых действий уделяют развитию спорта, пропаганде здорового образа жизни как среди ветеранов, так и среди детей. Примером тому является деятельность ветеранской хоккейной Лиги, которую организовал ветеран войны в Афганистане Игорь Смирнов. Ветеран войны в Афганистане Александр Филатов организовал детскую хоккейную команду, в которой занимаются ребята, в том числе находящиеся в социально-опасном

(из них воинов-интернационалистов почти 600 человек).

В настоящий момент Евгений Зеленков капитан запаса. Работает с ребятами, которые учатся в военном институте Уральского федерального университета. Вместе с ними прыгает с парашютом, на счету ветерана уже 89 приземлений. Но самым памятным остается, конечно, первый прыжок.

«Это был 1978 или 1979 год, – рассказывает Зеленков, – я ещё в школе учился. И поскольку

положении или состоящие на профилактическом учете в органах опеки. Активными членами местной организации являются ветераны боевых действий Бунтов Е.В., Краснобаев Д.В., Кудринский А.Н. и многие другие.

Председатель правления Орджоникидзевского местного районного отделения СОО РСВА Зеленков Е.В. с момента основания СОО РСВА является бессменным председателем контрольно-ревизионной комиссии областной общественной организации.

Майор в отставке. Родился в 1952 году в Режевском районе Свердловской области. В 1974 году закончил Челябинское высшее военное авиационное Краснознаменное училище штурманов имени

50-летия ВЛКСМ. В настоящее время проживает в городе Полевской.

После окончания военного училища лейтенант Землянов отправился к новому месту службы в Восточную Сибирь, на авиабазу Белая под Иркутском, где начал летать на дальнем бомбардировщике ТУ-16. В 1980 году переучился на ТУ-22М2, а в 1985 году – на ТУ-22М3.

К вводу войск в Афганистан Землянов отнесся, по его же словам, «с пониманием». Он и многие его сослуживцы писали рапорта с просьбой отправить для дальнейшего прохождения службы «за речку», всем хотелось испытать свои знания, свой характер в боевой обстановке. Но командование успокаивало: «Еще успеете».

Службу в Афганистане Землянов начал в 1988 году, когда в связи с начавшимся выводом ограниченного контингента советских войск к выполнению боевых задач начали привлекать самолеты дальней авиации (тяжелые бомбардировщики).

«До этого обычно применяли штурмовики, фронтовые бомбардировщики, которые базировались на территории Афганистана. Мы же базировались на аэродроме под Оршей в Белоруссии. Боевое напряжение было очень высокое, у нас летали две «восьмерки» через день. Одна эскадрилья летала в четные дни, а другая – в нечетные. Первый полет совершили 7 декабря 1988 года. И до 14 февраля, до окончания вывода войск, мы бомбили тяжелыми бомбами ФАБ 3000, редко были ФАБ 1500.

К осени 1988 г. часть ВВС 40-й армии (до 45 процентов) уже покинула территорию Афганистана. Для компенсации, наряду с другими силами, к концу октября была сформирована отдельная группа Дальней авиации, прикоман-

дированная к ВВС САВО (ТуркВО к этому времени был ликвидирован, но штаб объединенного округа и КП ВВС разместились в Ташкенте). Основной задачей группы назначалось прикрытие выводимых частей и мест дислокации упреждающими ударами по районам развертывания огневых средств оппозиции, а также срыв обстрелов крупных городов, нанесение ударов по базам и складам, поддержка афганских войск в блокированных гарнизонах, призванная «исключить политические деформации в оставленных районах страны».

В течении мая-июля 1988 года 402-й тяжелый бомбардировочный авиационный полк, в котором проходил службу офицер Землянов, в составе 18 экипажей перебазировался на оперативный аэродром Мары-2 (Туркмения). За период участия полка в боевых действиях было выполнено 537 боевых вылетов, сброшено 3264 тонн бомб. В каждый вылет летчики брали 4 бомбы ФАБ 3000 или 8 бомб ФАБ 1500. Днем и ночью бомбили подземные пункты управления, укрепрайоны в скалах, районы скопления моджахедов, чтобы воспрепятствовать планам душманов сорвать вывод войск. Лично штурман эскадрильи ТУ-22М3 майор Землянов

совершил 32 боевых вылета, сбросил по целям около 400 тонн бомб. От таких бомб в радиусе 800 метров, как правило, уже не оставалось ни одной живой души, поэтому бомбили обычно на расстоянии 5-6 километров от населенных пунктов, чтобы мирные жители не пострадали.

Кандагар, Кундуз, Баграм, Кабул, Герат, Шинданд, Мазари-Шариф и другие города он видел из кабины самолета. «Моджахедов, – вспоминает Сергей Землянов, я, конечно, в глаза не видел, а те из них, кто заметил мой самолет, видели небо в последний раз». Таковы реалии военной службы: есть приказ – должен выполнить любой ценой.

Свободного времени у летчиков практически не было. Да и когда отдыхать: день летаешь, день

готовишься. Иногда цели на бомбардировку доводили уже после ужина, так что на подготовку – целая ночь.

Однажды два афганских летчика угнали два вертолета и улетели в Панджшерское ущелье. Большая шумиха была. Командование поставило задачу найти и уничтожить эти вертолеты, так как душманы могли применить боевые машины против наших войск. Три дня ушло на разведку возможных мест базирования этих вертолетов. Старший штурман полка с лупой исследовал каждый миллиметр аэрофотоснимков разведчиков. Каждый снимок размером всего 30 на 30 сантиметров. И ведь нашел! Ну, а остальное, было уже, как говорится, делом техники.

В том, что вывод войск прошел организованно, в соответствии с планом, практически без потерь, несмотря на грозные заявления главарей бандформирований, немалая заслуга и летчиков дальней авиации.

За успешное выполнение задания командования по обеспечению вывода наших войск из Афганистана большая группа авиаторов была награждена правительственными наградами и поощрена присвоением очередных воинских званий. За выполнение интернационального долга майор Землянов был награжден орденом Красной Звезды. До этого, в 1983 году, за успешное освоение новой техники офицер был награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени.

На стотысячном митинге в Кабуле, который состоялся 15 мая 1988 года и был приурочен к началу вывода войск из Афганистана, глава Афганистана Наджибулла сказал, что у советских солдат и офицеров не было иной цели, кроме примирения афганцев. «Сегодня, – подчеркнул он, – советский солдат уходит домой. Он не виноват, что примирить нас не получилось». Этими словами Наджибуллы Землянов объясняет любопытным, интересующимся по прошествии стольких десятилетий «зачем мы туда вошли».

З л о б и н
Олег Владимирович родился 18 декабря 1964 года в г. Лесной (ранее Свердловск-45), вначале учился в школе № 72, потом окончил Г П Т У - 78 по специальности фрезеровщик. По этой же специальности работал до армии на комбинате «Электрохимприбор».

Прошел школу парашютистов нижнетагильского отряда. Совершил 3 прыжка на аэродроме в Быньгах.

«Призывали меня на службу в армию 2 мая 1985 года. Попал в Ленинградский военный округ в учебное подразделение спецназа ГРУ, расположенное рядом с г. Печеры Псковской области. В восьмидесятых в Союзе было всего две учебки спецназа ГРУ, одна в Печерах, которая работала «на Европу», другая – в Чирчике – там готовили специалистов для Афганистана. Основными специальностями учебного подразделения были: разведка, радиотехническая разведка, минирование. Меня распределили в группу радистов-разведчиков (нас назвали

«малыши», так как учились мы работе на маломощных станциях). Когда в разговоре нас по незнанию ровняли с связистами, мы огорчались. Нашли с кем сравнивать: они «центровики» (стационарная связь), работают в тепле на точке, а мы «качаем связь» в «поле» вместе с боевой группой. Поэтому, радист и командир – самые важные люди в боевой группе. Когда попадаешь в серьезный «замес» (а такое случалось не раз и не два), всё внимание на тебя. Если связь есть с Центром, это значит, что в случае опасности можно вызвать «вертушки», поддержку артиллерии и бронегруппы. А если связи нет, тогда группа подвергается очень большой опасности.

В учебке, в первую очередь из новобранцев, отбирали радистов, чтобы были отличными образование и слух, а по остальным специальностям – уже по остаточному принципу. У специалистов радиотехнической разведки основная деятельность заключалась в работе по маячкам. Допустим, боевая группа высадилась, а основное вооружение, боеприпасы и оборудование сбросили отдельно с маячком. Или, опять же, поиск иных объектов с установленным радиосигналом. Радиотехническая разведка сокращенно называлась РТР, а мы их звали – рогатые. Другие спецы – это минеры, именно минеры, а не саперы, так как основной их задачей было

Первый раз после контузии на ноги встал

не разминирование, а минирование территорий и объектов.

Я ушел в армию в возрасте 20 лет, и в принципе был серьезно физически развит, но «учебка» далась тяжело. Как во всякой уважающей себя «учебке» была своя Ебун-гора, у нас каменная, из булыжников, а сверху бежали ручьи. Все было покрыто скользкой невысокой растительностью. Поскользнувшийся, как правило, схватившись инстинктивно за товарищей, успевал утащить вниз еще пару бойцов, ползущих сзади. Передвижение только бегом, независимо на полигоне ты, или в расположении части. Учеба по радиоподготовке – четыре часа в день, это как минимум. А там еще физподготовка, строевая, стрельбы на полигоне и так далее. За время, отпущенное на письма домой, я успевал только подшиться, постираться и привести себя в порядок. Поэтому письма домой писал, в основном, по ночам.

Помню, что постоянно хотелось спать. На занятиях все боролись со сном. У сержантов были свои «будилки» – небольшие мешочки с песком. Заснул – получи мешочком в лоб. Ведь если красться к спящему, он может проснуться, а тут с расстояния, при определенной тренировке, попасть можно. Вот так и «развлекались», чтобы учебное время не пропадало зря.

Еще запомнились регулярные стрельбы. За время учебы я совершил еще два прыжка с парашютом в Пскове. Уложили сразу по два парашюта, так что отпрыгали одним днём. А прыгали вместе с десанниками из 76-й воздушно-десантной дивизии. Они все смотрели на нас с удивлением:

носки, они при долгой ходьбе скатываются, сбиваются, вот и пожалуйста – рана. А если в сапогах портянка сбилась, быстро её перемотал и всё в порядке.

Изучали мы и секретные станции, а из рабочих – коротковолновую «Ангару». Из известных тогда – применяющихся повсеместно раций Р-105, Р-107, у нас была более новая и удобная Р-159 на литиевых батареях. Быстродействующие станции – «Стриж», КМ-397, может, до сих пор секретные. Их особенностью было то, что, набрав зашифрованный текст, доставка телефонограммы занимает секунды. Поэтому перехват радиосвязи невозможен. Шифровку готовит командир группы, у него и шифровальный блокнот, а я набираю её ключом. Стандартная шифровка – это отчет командира о проделанной работе, где находимся – координаты, окружающая обстановка, что происходит вокруг. Я шифр, каким пользуется командир, не знаю, хотя нас и учили пользоваться шифровальным блокнотом. Хотя, когда горячо и идет бой, работаем в прямом эфире голосом. Но и здесь, если есть опасение, что душманы могут перехватить радиосвязь, можно «погонять частоты» на которых работаешь. Десять – выше, десять – ниже. Обязательность выхода на связь два раза в сутки. Как правило, днем и вечером.

«Форма у вас странная, вы что, офицеры?» Мы гордо отвечали: «Нет, спецназ Главного разведывательного управления».

Форма была – короткая куртка, брюки прямого покроя зеленого цвета и кепи, в Афгане всё уже было песочного цвета. Сапоги со шнуровкой на голени. Я берцы первый раз только в Афгане увидел. И до сих пор считаю, что сапоги со шнуровкой все-таки лучше. С берцами носят

И так «учебка» закончена, экзамены по основным дисциплинам успешно сданы. Распределение по местам дальнейшей службы состоялось в конце октября, и – «О, чудо!» я

трехэтажную гостиницу со всеми удобствами: бассейн, холодильники, своя силовая станция, очень мощная инфраструктура. Говорят, это был совместный шведско-чешский проект. Были даже тенистые гранатовые рощи, в которых можно было заблудиться, но мы их уже не застали. Все было срублено на дрова. Одним словом, к нашему приходу в гостинице остались только стены и в более-менее в рабочем состоянии холодильники, которые находились на трехэтажной глубине.

Находились мы на самостоятельном обеспечении, где-то пару раз в неделю в Шинданд, который находился в 90 километрах, от нас ходили машины за боеприпасами и продовольствием.

Перед нашим отбытием прилетел в Шинданд генерал армии Варенников. Мне сказали, что это генерал, а так не поймешь, на нем кожаная куртка, погон на ней нет и только брюки с лампасами. Нас построили. Я, как молодой боец, стоял в первом ряду, на мне бронежилет Б-3,

попадаю в Старый Крым, который расположен рядом с Феодосией. «Чудо» длилось целых полтора месяца, а потом командир разведки бригады сказал про меня: «Хороший товарищ, достойный. Наверное, в Афган пойдет служить». А как иначе. Место в Старом Крыму бластное, все местные пытались сюда детишек и родственников устроить. А тут какой-то Олег с Урала. Так что меня и еще троих таких же «везунчиков» из Крыма отправили сначала в «учебку» в Чирчик на две недели для адаптации, а потом в аэропорт «Тузель» (Узбекистан), оттуда напрямик в Афганистан. Правда, в первом полете нас развернули обратно, так как в месте прибытия духи сбили вертушку. Вернулись в аэропорт «Тузель», выгрузились на взлётку, а через два часа опять в полет. И вот в декабре 1985 года город Шинданд в провинции Герат встретил молодое пополнение.

В Шинданде мы около двух недель ждали свою технику. Новенькие БМП и БТРы гнали из Союза через Кушку для нашего подразделения. Так начиналось формирование 8-го батальона 411-го отдельного отряда специального назначения. На прибывшей броне мы выдвинулись в район города Фараха, в местечко Фарахруд, который находится на 1700 метров над уровнем моря, климат резко континентальный, горы и полупустыня.

Было это 26 декабря 1985 г. Вообще-то, до нас в этом месте был оазис, где выстроили

тот самый, что нам Болгария делала. На мне он висит мешком до колен, дальше идут ноги, похожие на две спички, а сверху каска не по размеру голову накрыла. Генерал подходит, я представляюсь, а он высокий, сверху вниз на меня смотрит и так участливо говорит: «Сынок, а ты то, как сюда попал?» Я ему что-то про то, что призвали, про Родину, долг и приказ, а он руку пожал, похлопал по плечу и только одно сказал: «Ну, молодец, давай служи...» Ротный потом посоветовал руку, что пожал Варенников, не мыть и гордиться удостоенной честью.

Пошли боевые будни батальона. Стоит отметить, что это был единственный батальон 411-го отряда, который формировался только, как говорится, «из внутренних резервов». То есть, из каждого батальона по несколько человек отсылали к нам, а спецов всех привезли из Союза. Радисты, а точнее весь узел радиосвязи – из Союза, из «учебок», без опыта боевых действий. Поэтому учились и набирались опыта на своих ошибках. А остальные, что тут говорить, одним

словом «На тебе боже, что, что нам негоже». Посудите сами, какой нормальный командир отдаст из своего подразделения нормальных бойцов. Теперь понятно, какой контингент пришел к нам в отряд. Понятно, что из других частей тоже приходили: и десантники, и мотострелки, и водители. Опять же, в основном «залётчики» и совсем негодные солдаты. Поэтому, на первых порах наше подразделение можно было с полным правом назвать батальоном строгого режима. Не позавидуешь нашему первому комбату. Помню смешной случай. Первые водители, которые уходили на дембель, начали требовать свою форму. Им говорят: «Вот вам, парни, голубые береты, тельняшки», а они: «Нет, вы нам верните фуражки с черным околышем и

петлички с колесами». «Да вы же спецназ – берет, тельняшка» – «Не, не, мы в своём поезде». Хотя, с другой стороны, они же на боевые действия с нами не ходили, были в подразделении и на них все наряды и парко-хозяйственные дни. Может они и правы.

Основная задача нашего отряда заключалась в проведении поисково-засадной деятельности. Поэтому в Афгане за спецназом закрепилось прозвище «охотники за караванами». Караванами, как правило, доставлялись на территорию Афганистана оружие, боеприпасы и наркотики. В зоне ответственности нашего отряда везли на верблюдах и ишаках. Но были и машины.

Общее количество военнослужащих нашего батальона было порядка трехсот человек. Из них три боевые роты, группа связи, группа минирования, плюс повара, ремонтники, рота материального обеспечения. Была еще рота ЗАГ (зенитно-артиллерийская группа), которая состояла из двух зенитных комплексов «Шилка». Самое удивительное то, что она состояла на 90 процентов из казахов, а командир у них был русский. Толковый мужик, жаль погиб при захвате одного из караванов.

В боевых действиях обычно принимали участие так: первая рота на БМП-2 (кстати, у нее очень хорошая и надежная пушка), вторая и третья роты в БТРах. Вся техника была новая, даже автоматы. Боевые группы по 20-22 бойца были разбиты на тройки. В тройке присутствуют разные специалисты. Допустим, два пулеметчика и снайпер, стрелок и два минера и так далее, в зависимости от предстоящего задания. В группе обязательно или АГС (автоматический гранатомет станковый) или два «Шмеля» (реактивные огнеметы). И, как правило, одна рота на задании, две отдыхают. Но бывало, что в засадах участвовали все, только по разным направлениям.

Всю зиму мы изучали местность вокруг батальона в местах будущих засад на караванных тропах. Приехали «реалисты» – это спецы, которые для артиллеристов ставили инфракрасные датчики в горах. Поэтому все тропы, ведущие к батальону, были под постоянным контролем. Если датчик срабатывал – подразделение БМ-21 (установка «Град») тут же обрабатывала по объекту. А утром уже наша группа выдвигалась к месту срабатывания и докладывала о том, что на участке срабатывания произошло. Как правило, было это в пяти-шести километрах от части.

Запомнился случай. 26 апреля 1986 года мы выходили из района боевых действий. По дороге зашли по необходимости в кишлак, где находились наши особисты– советники. Пока стояли в кишлаке, проходившая мимо орава детей закинула нам на броню маленькую девочку лет двух-трех. Даю ей галету, она уплетает за обе щеки. Что делать? Её никто не забирает, спрашиваем откуда она, все плечами пожимают. Видимо посчитали, что русские не бросят, куда-нибудь определят. Переговорили с советниками, они куда-то позвонили и договорились, что детский дом в Фарахе её заберет. Отвезли. В детском доме все девочки в синих юбочках, синих кофточках, белых блузках и синих галс-

туках. Возвращаемся. Горючее заканчивается, решили идти по бетонке прямо на батальон, что никогда раньше не делали, всегда ходили рядом по пустыне. До батальона километров 18, может чуть меньше. В поле между двумя кишлаками встали. Решили перелить топливо из той брони, что еще имела запас, в ту, где оно практически на ноле. Вроде бы открытое место, в поле растет невысокая пшеница, видно далеко.

А с БМП, чтобы слить солярку из баков, надо «задрать морду», то есть поставить машину под уклон. Скатились с дороги, начали сливать, а душманы, чья банда находилась в одном из кишлаков поблизости, решили, что мы сейчас пойдем на проческу кишлака. А тут еще наши разведчики решили сходить в этот кишлак. Жители видимо решили, что точно будет операция в кишлаке. Потому что буквально через короткое время из кишлака в горы потянулась вереница женщин и детей. И как только скрылся за дувалом последний житель, тут же раздался первый выстрел из гранатомета. Подожгли одну нашу машину. На оставшейся броне стали прорываться через кишлак. Духи били с близкого расстояния, поэтому тех из бойцов, что находились со стороны стреляющих, просто снесло с брони. Машина, что шла за нами, на выходе из кишлака также была подбита. Еле вырвались. Хорошо, что радиостанции работали, вызвали

Прощание с оружием

подмогу, авиация работала четыре часа, прикрывая нас. От батальона на поддержку пришли «Шилки». Было нас порядка 60-ти человек. И, как итог боя, четверо погибших, двадцать человек раненых.

В засадах работали как правило так: идет бронегруппа, часть группы высаживают, часть остается на броне. Третья группа забрасывается в засаду на вертолетах. При этом вертолет делает две-три ложные посадки, чтобы запутать противника. Самой результативной была вторая рота, которой командовал офицер Мироненко. Сходят на пару засад в пустую, а на третьей – раз, и возьмут караван. Без раненых и потерь. Везунчики.

Бронежилеты старались не носить. Представьте, у тебя снаряжения и боеприпасов за спиной 60-70 килограмм, а тут еще броник, тяжелый и не удобный. Но все равно командиры заставляли, и защитные пластины проверяли, а то некоторые умельцы вытаскивали и носили вместо реальной защиты только тканевую оболочку. Но в тех случаях, когда боевая операция проходила на глазах у начальства, бронежилет обязательно надевали. Всё это, конечно, бахвальство с брониками. Они же реально защищали.

Как и в любой уважающей себя части, своими руками построили спортгородок. Брусья, штанга, перекладина, большинство солдат старались держать себя в тонусе. Кино привозили, опять же как всем «Ленин в октябре», «Чапаев», «Белое солнце пустыни». Как правило, киносеанс – это

хорошая возможность поспать. Из известных артистов, добравшихся до нашей глубинки, был певец Лев Лещенко. Офицеры даже деньги ему на подарок собрали и купили магнитофон «Шарп». Крутой аппарат по тем временам.

За время моей службы в подразделении погибло порядка 20 человек. Для любого подразделения, считаю, это большие потери. Был случай, когда солдат-пулеметчик отказался стрелять. На учебных стрельбах кладет пули – одно загляденье, а в бою пулемет молчит. Стали разбираться, может заклинило. А он говорит: «Не могу в людей стрелять». Убрали его потом в медсанчасть, горшки чистить.

Как уже говорил, батальон комплектовали из разных подразделений, но самые «старые» военнослужащие были призыва ноябрь-1984. В принципе, правильно было сделано. С момента образования батальона они прослужили в нем практически год, сформировав тем самым костяк батальона. Начиная с мая 1986 года к нам стало

поступать молодое пополнение. И уже конкретно из учебок спецназа ГРУ или ВДВ. То есть, именно с той подготовкой, которая необходима для проведения поисково-засадных действий. За время службы я принял участие в 51 боевом выходе и 15 досмотровых вылетах.

У меня отправка из Афганистана в Союз прошла день в день. 2 мая 1985 года призвали и уволили 2 мая 1987 года. В тот день улетало около 60 человек. За таким количеством увольняющихся прислали дополнительные вертолеты из Шинданда, а также вертолеты сопровождения Ми-24.

Домой добрался 13 мая. Первое время маму пугал. Она ночью заходит, а я уже, как по команде «Рота, подъем!», сижу на кровати. Потом отошел. Время своё берет.

Игорь Иванов родился в поселке Пышма Пышминского района. Через несколько лет родители отправились осваивать север, в Ханты-Мансийский автономный округ, где провели восемь лет. После болезни отца семья решила перебраться обратно на Урал. Поскольку

мама была родом из села Бутка Талицкого района, для проживания выбрали город Талицу – родину легендарного разведчика Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова.

В Афганистане Иванов служил в 370-ом отряде 22-ой отдельной бригады специального назначения.

Закончив местную школу № 1, Иванов окончил техникум и по достижении 18 лет был призван на военную службу, хотя готовиться к армейской службе начал еще мальчишкой. Перед глазами был хороший пример – старший брат, военный моряк, капитан первого ранга. Однако попасть в морскую пехоту, как мечталось в юности, не удалось. Молодым спортсменом с разрядами по шести видам спорта заинтересовалась армейская разведка. Да и внешний вид, что ни говори, самый подходящий – хоть и фамилия Иванов, а сам тёмный, казачьего рода.

«Разведка у казаков – это первое дело. Ещё и техникум окончил имени Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова, у нас в Талице всё с ним связано. Вот меня и взяли в спецподразделение Главного разведывательного управления. Туда в основном набирали спортсменов, кандидатов в мастера спорта, это сыграло роль. У меня первые разряды по лыжным гонкам, биатлону, лёгкой атлетике, многоборью, ГТО зимнему и летнему, стрельбе, баскетболу...

Крепкого спортивного парня сразу отправили в специальное учебное подразделение в город Чирчик под Ташкентом. Полгода готовили к участию в боевых действиях на территории Афганистана. Иванов по жизни везунчик: как и мечтал, оказался во взводе, где готовили будущих разведчиков. Еще бы, где же еще служить призывнику из города Героев – Талицы! Вот так и попал Иванов в разведку. В самую точку попал.

2 ноября он самолетом прибыл в Афганистан. Служить довелось сначала в Кандагаре, потом по распределению Иванов отправился в город Лашкаргах, столицу провинции Гильменд. Сначала молодого бойца взяли на облёт

территории, которая находилась в зоне ответственности подразделения, а 27 декабря 1986 года, как уже неплохо проявившего бойца, Иванова включили в группу, которая отправилась проводить засадные действия вблизи границы с Пакистаном. Необходимо было захватить караван душманов, в Афганистане это называлось реализация разведанных. А по простому – боевая операция.

«Высадились. Там вот всё и приключилось – я в красках воочию увидел, что такое война, что такое засада, как тяжело действовать ночью. Когда на тебя выходят превосходящие силы противника и пытаются окружить. Это было, конечно, огромное впечатление, вспоминает Игорь Иванов.

– На нас вышел караван из более чем десяти машин – «Тойоты»-пикапы, грузопассажирские. Короткий плотный огневой контакт с противником, и караван взят. Чем он был интересен, мы узнали под утро. Машины были доверху загружены наркотиками. Четырнадцать тонн опия-сырца мы захватили и оружие производства практически всех стран Запада. Начиная с американских винтовок, мин французских и итальянских и так далее. Это все было нами захвачено. Но с большим трудом.

К душманам подошло подкрепление, и мы оказались окружены. В группе было шестнадцать человек, вооруженных в основном стрелковым оружием. Были, правда, еще гранатометы, но немного. Духов – в пять раз больше. Причем они имели оружие не только автоматы и винтовки, почти сразу начали стрелять по нам из безоткатного орудия. Один из выстрелов пришелся прямо по укрытию, за которым была моя огневая точка. Так я получил осколочное ранение и свою первую контузию. Отключился, по словам ребят, минут на 15-20. Очнувшись от того, что командир толкнул: «Живой?» Я неуверенно: «Вроде да...» «Смотри вперед, могут атаковать нас снова». И опять завязался бой. Отстреливался, как говорится, «на автомате», соображал с трудом. Голова как звенящий колокол. Там трассеры летят, кто-то бежит, что-то горит, стреляю в ту сторону, где что-то движется. Вот так до утра и продержались. Когда рассвело, вызвали вертолеты, дали целеуказание. Вертолетчики отработали ракетами точно, дали духам прикурить.

Летели уже вертолеты с группой для более тщательного досмотра, а мы решили пораньше посмотреть. Увидели, что духи за ночь вынесли всех своих убитых. Кровь, сандалии, автоматы и захваченные машины, которые стояли – мы, конечно, досмотрели, но очень аккуратно, потому что они могли быть заминированы. Посмотрели, прикинули, что всё очень серьезно. Доложили, что здесь много опиума сырца, из которого потом производят очень сильнодействующий наркотик. Несколько мешков денег ещё было, доллары, я тогда первый раз увидел, как они

Тоннель на перевале Саланг

выглядят. Первый бой и такие хорошие результаты. Ну, а потом понеслось...»

За этот бой и захваченный караван Иванова представили к медали «За боевые заслуги». Но, как оказалось, впереди его ждали операции посерьёзнее.

Не любит Иванов вспоминать как его поставили сопровождать автомобильные колонны, которые двигались по бетонке в сторону Советского Союза за продуктами, боеприпасами, медикаментами и всем остальным и обратно. Машина – легкая мишень, которая движется, как говорили «коробочки по ленточке», по горным перевалам. Легко можно нападать, стрелять по ним из засады. Иногда это и происходило. Он видел, как взрывались машины, разлетались в клочья при нападении. Однажды колонна, в сопровождении которой и в боевом охранении находился Игорь, двигалась возле Черной горы, это с южной стороны города Фарах. Нападение на колонну произошло неожиданно. Иванов, как старший пулеметчик, организовал оборону, началась перестрелка. Позже Игорь насчитал в БТР, в котором находился, несколько сквозных пробоин из крупнокалиберного пулемёта и попадание из ручного противотанкового гранатомета. Но обошлось...

«Как мы жили – это очень интересно, я, когда прибыл непосредственно в свой отряд, обратил

внимание на то, что все строения в нашем расположении были сделаны из местных материалов. Материал – кирпич из местного песка и глины. Саманные домики. Много закрыто маскировочными сетями. Добродушные офицеры встретили нас, радовались, говорили: «Мы вас приветствуем, 6-й мотострелковый батальон».

Хотя мы такие гордые в Афган летели, что мы – разведка, готовились на разведчиков подразделений специального назначения Главного разведывательного управления Министерства обороны Генерального штаба... А тут прибыли в мотострелки. Только потом узнали, что это практически одно и то же, ведь всё было засекречено.

Первым делом нас отправили в баню, сделанную умельцами подразделения, в ней даже мини-бассейн был. Попарились, потом накормили нас, причем не как в учебке «быстро-быстро поели, посуду на край столов и выходи строиться». А плотно так поели, с добавочкой всем желающим. Вышли довольные сытые, чистенькие. Пришли в роту, нам говорят – может вы поспите? Можем и поспать.

Закрался тут у меня вопрос – почему всё так отличается? Я и сказал ребятам – у меня такое впечатление, бесплатно ничего не делается, спрос с нас будет большой. Так как мы разведка, с нас будут три шкуры драть. Так потом и оказалось. А с другой стороны, отношение к

солдату в учебном подразделении и в Афганистане отличалось добротой, потому что её очень не хватало на войне.

Кстати, очень многие ребята были талантливые – кто на гитаре играет, кто на местном инструменте, где три струны. Песни сочиняли, стихи, рисовали. В Афганистане родилось много ансамблей, сегодня это известные всем «Голубые береты», «Каскад», «Контингент». У нас в роте тоже был, я помню, Серега Петров. Он на гитаре лабал, сочинял песни. Я себя в этом не особо проявил, так, немного подпевал. Потому что я, как сержант, часто в наряды ходил.

Много времени уделяли спорту. Ранним утром, пока не жарко – играли в футбол, немного в волейбол. Занимались тяжелой атлетикой – сами соорудили себе снаряды. Катки, танковые траки приваривали и делали импровизированные штанги, гири.

«В Афгане мы ходили в моджахедовской одежде, – вспоминает Иванов, – отращивали бороды, изучали язык... На некоторых фотографиях смотришь и сам себя не узнаёшь.

Всего я участвовал в захвате семи караванов. В основном они перевозили наркотики, оружие, боеприпасы (винтовки, мины, патроны) и медикаменты. Часто шли в караванах документы с ценной для нас, для разведки, информацией.

Мы обычно с юмором к делу подходили. Иногда нам из каравана что-нибудь перепало... Свитер какой-нибудь на себя наденешь, японский. Но особенно запомнились японские аудиокассеты, студийные – у нас не было таких хороших записей. Старались отправлять такие кассеты на родину, ребята там очень просили.

Перевяжешь ленточкой, как открытку, и в конверт – бывало, доходили.

Батальон у нас многонациональный был: ребята с Кавказа, из Азии, с Урала, мусульмане, православные... Готовили очень вкусно, повара тоже наши были. Готовили, кто что умел. Украинцы варили борщи и щи, азиаты – плов, кавказцы – всё, что с мясом, а уральцы по праздникам пельмени делали. Окрошка постоянно у нас была. Ведь 3-4 урожая снимали в год местные

если не подходишь. А в самом Афгане случаев таких почти не было. Там ведь главная задача – остаться живым и не опозориться, не стать предателем и не спасовать, чтобы на Родине не сказали, что ваш сын – трус».

Мне довелось служить на юге Афганистана. В его самой южной точке. От моего населенного пункта Лашкаргах до границы до тысячи километров, а до родной Талицы еще 3-4 тысячи километров. Когда бывали порывы южного ветра,

жители. Огурцы, зелень вся постоянно были свежие. На Новый год устраивали свой «Голубой огонёк», и каждая национальность делала свой стол, свои блюда, свои песни и танцы – весело. Но это только в том случае, если мы в наряд не уходили. Что самое удивительное, в советское время народы очень дружны были между собой. Один раз только столкнулись, подрались у нас ребята. Но мы старались не допускать этого, всегда считали и молодым объясняли: у нас тут одна национальность – спецназ.

Всё-таки ребят в спецназ брали лучших: умные, здоровые парни, с уровнем образования не ниже техникума. И очень трудно было удержаться, доказать, что ты достоин служить здесь. В учебке, бывало, отправляли в другие войска,

на БТР встаешь, на башню и чувствуешь – морем пахнет. Жарко очень. Первое впечатление: прилетели мы в часть 2 ноября, по нашим местам – осень, прохладно, а тут рампа открывается и... воздух заколыхался – прямо удар в лицо горячего воздуха. Прилетели мы в беретах и в течение 15 минут почувствовали, что пора просить панамы – уши обгорели. Старослужащие говорили: «Вам еще повезло, приехали к зиме. У вас будет только одно лето. А там и дембель». Или, например, вспоминается август. Люди не ходят нигде без крайней необходимости. Даже насекомые. Всё выгорает: зелень, трава. Это самый тяжелый месяц, погода держится + 60 градусов. После нагрева со всех сторон, сверху, снизу бывает и +70 градусов. Такая жара. Меня иногда спраши-

вают: «Что было труднее? Воевать?» Отвечаю: «Трудно было выживать с непривычки». Нас учили выживать в этом температурном аду без обезвоживания. Теряли, бывало, до 15 килограммов веса, а это уже критично для человека. Это было очень сложно. И болезни. Всех южных регионов – гепатит, брюшной тиф, малярия. Три больших наших госпиталя было развернуто на территории Афганистана. Весна, осень – большой наплыв, до 20 000 солдат на излечении. Это кроме раненых военнослужащих и гражданских специалистов.

Когда советские войска вошли в Афганистан, ребята из нашего подразделения жили в

палатках. Но палатка – это простая ткань. Она очень легко при обстреле пробивается пулей и осколком. Тогда палатки стали обкладывать самодельными саманными кирпичами. Потом пришли к выводу, что надо расположение роты строить из этого кирпича. Вот у нас, например, крыша держалась на оружейных стволах от битой техники, которая попала под обстрел. Перекрывали крышу лопастями от сбитых вертолетов, закрывали, засыпали грунтом сверху. Оставляли в стенах бойницы. Мы в них летом вбивали мешки, набитые верблюжьей колючкой, прошивали по периметру и заливали водой. Ветер проходил, охлаждался. Это был наш солдатский кондиционер.

Одно из очень важных занятий каждого из солдат – это связь с Родиной. Письма... Сейчас можно по телефону позвонить, в том числе и по видеосвязи. У нас не было этого. Нас с родными и друзьями связывали только письма. Мы, хоть и не часто, но писали, старались вспомнить русский язык. Хотя мы в роте разговаривали на 80 процентов на языке фарси, пушту. Но, сейчас кажется, писали неинтересно: «Здравствуй, дорогая мама. У меня всё хорошо. Тепло. Кушаем фрукты. Занимаемся боевой подготовкой. Вечерами отдыхаем. Спортom занимаемся. Песни поем». Про боевые операции, жизнь в подразделении писать было нельзя. Военной цензурой проверялись все письма, чтобы не нарушалась секретность. У нас было правило. Получил письмо. Прочитал, а к утру его не должно быть. Мы читали, сжигали. Фотографии, которые присылали, смотрели и сжигали. Разведка же такое дело: мы не имели права иметь в тумбочках личные письма, фотографии. И вообще солдат, даже в повседневной жизни, не носил никаких документов. Я призывался и уволился, а документы свои ни разу не видел. Если ходили на боевые операции – переодевались мы в одежду местных жителей или старались выглядеть как моджахеды: чалма, рубаха, сандалии, безрукавка. Отращивали бороды, чтобы издалека сойти за местных жителей. Каждый второй в подразделении, в основном ребята-таджики, в совершенстве владели местными языками. Остальные понимали.

В октябре 1987 года мы оказались неподалеку от кишлака Дури, где в неравном бою погиб, подорвав себя и окруживших его душманов, спецназовец Юра Исламов, чье имя сегодня с гордостью носит Свердловская областная организация Общероссийской общественной организации «Российский Союз ветеранов Афганистана и специальных военных операций». Там была очень непредсказуемая ситуация, мы даже думали о том, сможем ли вернуться домой. Помню, что я, раз спортом занимался, мысленно переживал, боялся потерять руку или ногу: как же буду на лыжах бегать... Такие детские вопросы себе задавал. Когда рядом

У памятника Герою Советского Союза Н.И. Кузнецову

видишь – там один боец подорвался, второй, кого-то тяжело ранило. Такие сомнения, конечно, приходили. Служба длинная была, не как сейчас. Мысли путались.

Даже порой приходило сомневаться: «А может я вообще не с Урала? Может я здесь родился? Может мне это приснилось?» Такие мысли посещали. А потом вернулся в Советский Союз. А как здесь жить? Первое желание было уехать. Хотелось на войну вернуться. Попытки такие были. Но потихоньку отходил, учился, реабилитировался. Сны снились постоянно, ребята снились, горы афганские. Иногда и сейчас посещают сны... Мне сын как-то заметил: «Папа, ты сам вернулся войны, а тело и душа остались там».

Спецназ ГРУ уничтожил в Афганистане свыше 17 тысяч душманов, 990 караванов, 332 склада и захватил 825 пленных. Собственные безвозвратные потери составили 787 человек. По словам генерала Громова, «сделать то, что выполняли спецназовцы в Афганистане, под силу только беспредельно мужественным и решительным солдатам. Люди, служившие в

батальонах спецназа, были профессионалами самой высокой пробы».

Когда вернулся в Талицу после службы, диковато было немного. Уходил – страна ещё богатая была. Вернулся – перестройка, талонная система, ничего в магазинах нет. Только в сёлах сохранялось ещё советское время. Ещё были пионерские организации, комсомольские. Они к нам, воинам-интернационалистам, приходили в гости, чуть не с барабанами. Потом у меня возникла мысль поступить в военное училище. Подал документы. Одобрели, но, к сожалению, здоровье подвело. Я, из-за полученных в ходе боевых операций контузий, не прошел военно-врачебную комиссию. Тогда поступил в педагогический институт, на отделение начальной подготовки спортивного факультета. Там, таких как я – «гавриков», еще человек 60 было. Мы общались между собой и одновременно реабилитировались.

Пришел в военкомат, когда объявили частичную мобилизацию. Возьмете или не возьмете? В данный момент не годен. Чем заместить себя? Чем заняться? Как себя найти? Нашлись близкие

по мыслям ребята. Сегодня работаем по сбору и отправке в зону специальной военной помощи. Нашли себе работу близкую к военной теме.

Стараюсь жить. Даже открыл в себе много талантов. Например, никто не учил – сам запел. Мне нравится, в песне душа раскрывается... Занимаюсь педагогической деятельностью. Жизнь интересная. Если бы повторить – я бы повторил».

Сегодня Игорь Михайлович Иванов по-прежнему живёт в Талице, является председателем Правления Талицкого местного городского отделения Свердловской областной организации имени героя Советского Союза Исламова Ю.В. Общероссийской общественной организации «Российский Союз ветеранов Афганистана и специальных военных операций», преподаёт в местной школе и вместе с товарищами много занимается военно-патриотическим воспитанием молодежи.

Под руководством Иванова ветераны боевых действий Талицкого городского округа принимают самое активное участие в организации и проведении всех общегосударственных праздников и памятных дат. В праздник Весны и Труда, например, проходит традиционная ежегодная

Торжественное захоронение солдата Великой Отечественной войны, погибшего на месте боев под Ржевом

легкоатлетическая эстафета, где первый этап с 1989 года разыгрывается памяти Героя Советского Союза Ю.В. Исламова. В День Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов, формируется парадная колонна членов местного отделения, ветераны выступают на торжественных митингах, возлагают венки к памятникам погибших воинов, посещают поминальные молебны в храмах, организуют концерты с участием артистов местной самодеятельности, образовательных учреждений. 1 июля проводятся мероприятия, посвященные Дню ветерана боевых действий, праздник посвящен памяти российских воинов, погибших в боях на территории нашей страны и за ее пределами. От Талицкого отделения СОО РСВА, кроме Иванова, активное участие во всех мероприятиях принимают руководители исполкома общественной организации ветеранов боевых действий О.Е. Чертовиков и И.Е. Чертовиков. В этот день ветераны войн возлагают венки к памятникам воинской доблести и славы, организуются концерты и проходят встречи

День вывода советских войск из Афганистана для Игоря Иванова – большой праздник

бывших однополчан, где звучат поздравления на День ветерана боевых действий, поминальные молебны в храмах и проходит посещение могил боевых товарищей, пробег нескольких автоколонн по территории Талицкого района.

Ежегодно в октябре в г. Талица проводится международный традиционный турнир по боксу, посвященный памяти Героя Советского Союза Исламова Ю.В. Турнир включен в календарный план официальных спортивных мероприятий Свердловской области, ему присвоен класс «Б», что делает соревнования ранговыми. Также в октябре ежегодно в районном информационном культурно-досуговом центре «Юбилейный» проводится районный фестиваль-конкурс солдатской песни «Вернусь я, мама», посвященный подвигу Героя Советского Союза Исламова Ю.В., погибшего 31 октября 1987 года.

Талицкое отделение СОО РСВА активно участвует в увековечении памяти военнослужащих, работников правоохранительных органов, погибших в региональных войнах и вооруженных конфликтах, контртеррористических операциях. Память о каждом из них увековечена в мемориальных досках на домах и учебных заведениях, именами погибших земляков названы школы и улицы.

С 1992 по 2021 – научный сотрудник Екатеринбургского муниципального музея памяти воинов-интернационалистов «Шурави» (г. Екатеринбург)

Призвали на военную службу Андрея в мае 1986 года, причем из Свердловска, хотя родом он сам из Курганской области. Просто в Свердловске Андрей учился в техническом училище. Прошел подготовку на командира отделения в Ашхабаде. После 5 месяцев учебки, в ноябре 1986 года направили в Афганистан. Это был 101-й мотострелковый полк в 12 километрах от Герата. Часть контролировала довольно большую «дугу», делали рейды вплоть до Кандагара. В этом районе действовал полевой командир Туран Исмаил – один из деятелей так называемой «Пешаварской семерки» моджахедов.

«Первое впечатление от Афганистана, – вспоминает Андрей Казачков, – ты оказался в далеком прошлом. И женщины в других одеждах ходят, и землю обрабатывают на быках, и горы совершенно другие. Большинство из нас о восточных странах знали по сказкам и по рисункам. Но когда пробыдешь там достаточное время и увидишь, что война идет, – сказка развеивается, как туман под ветром.

В 1988 году во время зачистки района под Кандагаром наш БТР подбили из гранатомета. Водителя опалило так, что всю кожу сожгло, меня и наводчика пулемета контузило. Чуть не погибли. Нас спасли открытые люки – иначе кумулятивная струя от взрыва гранаты внутри машины нас всех просто раздавила бы.

Вообще это было нарушением приказа – открытые люки, но в боевых условиях иногда приходилось немного нарушать правила.

Почему с душманами так трудно было воевать? Так они же не сидят на одном месте! Были, конечно, бандформирования, «державшие» какой-то один район и состоявшие из местных жителей. А были банды, специализировавшиеся на организованных операциях, те чаще дислоцировались у границ. Мы их разбили – а остатки легко уходят в Пакистан или Иран, их там подлечивают, пополнение сделают, и опять перебрасывают для какой-то крупномасштабной операции.

Когда мы пошли зачищать один район, нам дали проводника, и мы его спросили – почему вы сами так плохо воюете с душманами? Он ответил: «Если я буду хорошо воевать, в моем кишлаке узнают, придут ночью и мою семью вырежут. И потом вы скоро уйдете, а мы здесь останемся».

За что я благодарен Афганистану? За дружбу, за чувство надежного товарища за спиной, за навык с первых дней видеть, кто есть кто. Я ведь до армии мечтал быть геологом, а после дембеля здесь, в Свердловске, когда я готовился возвращаться к родителям в Курганскую область, ко мне подошел парень, спрашивает: «Ты из Афганистана? Можешь рассказать, что там происходит?». Я согласился, мы поехали в пединститут, и там одна из преподавателей мне предложила поучаствовать в эксперименте, поступить в пединститут вне конкурса, по собеседованию, в составе «афганской» группы абитуриентов. Нас там было человек тридцать, кого по результатам собеседования приняли на факультет физвоспитания и начального военного обучения, где готовили военруков для школ.

Во время учебы я стал комиссаром клуба «Авангард», участвовал в организации передвижных выставок – мы уже тогда приняли

решение создать музей «Шурави», начали собирать материалы для экспозиции. И случилось так, что школьным военруком я не стал, хотя для меня уже зарезервировали место в одной из школ Курганской области. Это произошло потому, что Владислав Антонович Середа убедил меня остаться в музее. Почти 20 лет я водил экскурсии, кроме того, выполнял обязанности ученого секретаря и замдиректора по хозяйственным вопросам».

Дмитрий Владимирович Карпов родился 17 июня 1963 г. в г. Свердловск. Закончил 8 классов и уехал с родителями на Север – в поселок Харп (Приуральский район Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области). Харп в переводе с местного языка означает – «Северное сияние».

После окончания в 1980 г. 10 классов, поступил в Свердловское областное медицинское училище на фельдшерское отделение в спецгруппу военных фельдшеров. Зимой в 1983 г. закончил училище и был трудоустроен фельдшером-терапевтом в участковую больницу п. Харп. Весной 1983 г. получил повестку в Советскую армию. Сразу после Первомайской демонстрации, весь персонал больницы проводил новобранца на поезд в Лабитнанги на призывной пункт. Оттуда Карпов отправился на вертолете в Салехард, из Салехарда в Тюмень и далее в Красноярский край. Первые полгода прослужил в госпитале строителей. Затем на восемь месяцев был направлен на пересыльный пункт № 1192 в Ташкент в командировку. Установка была – на борьбу с инфекцией в дружественной стране (Демократической Республике Афганистан). Сначала был Кандагар, после перебросили в Кабул в инфекционный госпиталь, после которого Карпов был направлен для дальнейшего прохождения службы в отдельный батальон радиоэлектронной борьбы (РЭБ). Там Дмитрий прослужил 18 месяцев в войсковой части полевая почта № 15779. Помимо работы санинструктором был штатным пулеметчиком и в этой должности прошел военными дорогами Афганистана до 2 мая 1985 г. Участвовал в боевых операциях с воинами 350-го парашютно-десантного полка, 177-го и 180-го мотострелковых полков, воевал в провинциях Баграм, Лагман, Шинданд, в районе алмазных рудников в Панджшерском ущелье.

**ВСПОМИНАЕТ ДМИТРИЙ КАРПОВ:
ЗАДАЧА – СЛУШАТЬ, ГЛУШИТЬ,
СОЗДАВАТЬ ПОМЕХИ**

Ранее наименование нашей части было 1956-ой отдельный батальон специального назначения и относилась она к Главному разведывательному управлению. Задачами части были – пеленгация и прослушивание разговоров противника, а также в определенных условиях глушить и создавать помехи радиопередачам противника.

Географически наша часть размещалась: если ехать со стороны Теплого стана в сторону расположений 103-й воздушно-десантной дивизии, то справа остается автомобильный батальон, чуть дальше – отдельный батальон специального назначения, за ним – торгово-закупочная база, далее полк связи, за которым находился штаб 40-й армии. Мы же стояли рядом со штабом, на склоне горы. Батальон состоял из четырех рот, двух отдельных взводов, отдельного медицинского пункта, в общей

Верхом на родной БРДМ

сложности в подразделениях находилось порядка 400 военнослужащих.

Стоит учесть, что не все военнослужащие одновременно находились в батальоне. Были и отдельные точки. В Кабуле точка «Микрон», там офицеры и солдаты ходили в военной форме аппарата советников, в Шинданде и Джабаль-Уссарадже.

По штатному расписанию медицинский пункт состоял из врача-офицера (начальника медицинского пункта) и санинструктора. Поэтому, когда я не был задействован в боевых

Командир батальона подполковник Баев вручает мне медаль

Санинструктор Карпов

операциях, то вел прием больных, возил их в центральный госпиталь, в штаб армии в поликлинику.

Жили в унифицированных санитарно-барачных палатках образца 1956 года с двумя чугунными печками. Под открытым небом размещался клуб на базе автомобиля ГАЗ-66 с кинопроектором, рядом был натянут экран. И если роты не были на боевых, то нам показывали фильмы. «Пираты двадцатого века» я посмотрел раз десять. По тем временам это был самый крутой боевик. Столовая тоже размещалась в палатке и только под наш дембель на ее месте стали возводить ангар. Еду варили в передвижных полевых кухнях, а палатки делились на офицерскую столовую и солдатскую. Так как мы размещались на склоне горы, батальонный плац был не очень ровным, но был. Напротив плаца располагалось караульное помещение, через дорогу от него стоял автопарк. Вся территория обнесена колючей проволокой, по периметру были расположены вышки. На въезде в батальон – КПП со шлагбаумом. Вооружение солдат в основном состояло из АК-74 с деревянным прикладом, но были и десантный вариант – АКС-74. В каждой роте – пулеметчик, снайпер, гранатометчик.

В Афганистане наша работа была поставлена на серьезном уровне. Прослушивали разговоры известных полевых командиров, в том числе и ставшего теперь в Афганистане легендарным, Ахмат Шаха Масуда. Даже был известен его позывной. С этой целью часть была укомплектована специалистами, знающими основные афганские языки – пушту и дари. А также ребятами тех национальностей, чьи языки схожи с основными афганскими языками. Специалистами могли

На фоне знамени стоит старший маневренной группы майор Губонин

быть и выпускники институтов востоковедения, и жители советских республик – таджики, узбеки, а так же хорошо знающие английский язык. С целью создания разветвленной сети по радиоперехвату, в ряде районов были размещены стационарные точки нашей спецтехники. Точки, обособленные подразделения, находились в подчинении батальона. Располагались на периферии в составе 3-4 спецмашин. Помимо стационарных, были и передвижные посты, участвующие во время боевых операций совместно с войсковыми подразделениями. В этом случае спецтехника, двигаясь в общей колонне боевой техники, в определенных местах останавливалась, разворачивала и настраивала оборудование и осуществляла пеленгацию и прослушивание разговоров именно тех полевых командиров,

В кинотеатре

против бандформирований которых в данный момент проводилась боевая операция. В случае обнаружения объекта прослушки, подробности переговоров передавались в оперативный штаб, где эти сведения обрабатывались аналитиками, в зависимости от вводных, мог последовать бомбовый или артиллерийский удар по предполагаемому месту нахождения банды, либо начата боевая операция пехоты или десантников.

Батальоном командовал подполковник Баев Эдуард Николаевич, он напрямую подчинялся

представителю штаба 40-й армии полковнику Алейникову.

На боевые операции выезжало порядка 6-8 спецмашин и в качестве огневой поддержки и охраны БРДМ -2 (бронированная разведывательно-дозорная машина), в составе которой я выполнял роль пулеметчика. Вооружение БРДМ-2 состояло из спаренной установки 14,5-мм пулемёта КПВТ и 7,62-мм ПКТ. Поэтому когда при движении общей колонны в ходе боевых действий, наше подразделение попадало под обстрел, наша БРДМ вносила свою лепту в огневой поддержке. Спецмашины представляли из себя закрытые оборудованные кунги, размещенные на базе автомобилей Урал, ЗИЛ-131, ГАЗ-66, МТЛБ (многоцелевой транспортёр-тягач лёгкий бронированный). Непосредственная связь с батальоном во время движения колонны осуществлялась 142-й станцией, размещенной в автомобиле ГАЗ-66. А чтобы вести активный поиск, спецмашинам необходимо было остановиться, поднять и развернуть антенны, настроить аппаратуру. Я, конечно, не принимал непосредственного участия в этой работе, но слаженность и оперативность в развертывании оборудования говорило о высоком профессионализме наших спецов.

Во время боевых, на длительных стоянках спали, как правило, следующим образом: водители и спецы располагались в кунгах, там

Расположение нашего батальона

помимо аппаратуры было две лежанки, порой натягивали гамаки. Мы же выкапывали окопчик и сверху ставили БРДМ-2. Часто для защиты от внезапных нападений вокруг окопа выкладывали бруствер из камней. Большой удачей было присутствие рядом установок «Град». У них были отличные ящики от выстрелов, которые, предварительно засыпав песком, мы использовали для защиты от обстрелов. Зимой, конечно,

ский туалет. Кто-то из офицеров по неосторожности бросил тлеющий окурочек. Туалет – доски обитые рубероидом и покрытые маскировочной сетью вспыхнули, как спичка. Что вы дума-

Наш плац с уклоном

было сложнее, хотя кунги были отапливаемые и старшина выдавал дополнительные комплекты одежды, порой серьезно мерзли. При несении караульной службы сверху на сапоги надевали валенки, а на бушлат большого размера – полушубок. Порой был резкий контраст, как на Джелалабаде, в горах зима и вьюга, а в самой долине субтропический климат. От такого счастья мы обалдевали и, оторвав штанины у кальсон, делали плавки, загоняли БРДМ на центр неглубоких речек и купались. Понятно, что порой не обходилось и без братьев наших меньших – вшей. Бывало. Но мы боролись с ними не щадя своих сил. Давили, часть стирали обмундирование. Была специальная машина для прожарки одежды, мы ее называли вшивопарка. Ну и, конечно, первое и самое верное средство, это баня.

ОТЦЫ-КОМАНДИРЫ

Батяня-комбат, о нем я уже начал говорить выше – подполковник Баев Эдуард Николаевич. Очень справедливый человек. Относился по-честному к любому, будь ты рядовой или офицер. Как пример – сгорел офицер-

дай Бог, не припахали к стройке солдат. На мой взгляд, это было правильно. Комбат быстро определял, кто честно тащит службу, а кто абы как. Отсюда и отношение к каждому у него было соответствующее. Лодыри уходили на дембель в последнюю отставку и подвергались жесткому прессингу. Бывало, когда кто-либо подхватывал гепатит (желтуху) или иную заразную болячку, комбат считал в порядке вещей построить всех отцов-командиров, а меня заставлял читать им лекцию о профилактике инфекционных заболеваний. Комбата это радовало и забавляло, как простой сержант учит уму-разуму офицерский состав.

Я призывался 1 мая и ушел на дембель 2 мая, отслужив ровно два года. Попал в первую отставку. 2 мая комбат построил нас – 8 дембелей. Приказ – вещи к досмотру. С этим было строго, не дай бог провезем домой вещи, купленные в афганских дуканах (торговых лавках). Думали всё, сейчас начнет вещи перерывать. А у меня в дипломате сверху лежали грамоты и благодарности от командования, он и смотреть дальше не стал, захлопнул крышку, в принципе, как и у остальных ребят. Улыбнулся и пожелал доброго пути. Недавно, кстати, пытался найти его через

На войне и для музыки находилось время

ете, комбат строит всех офицеров свободных от нарядов, вручает им лопаты и кирки и приказывает выкопать новый туалет. Сам, поднявшись на возвышенность, наблюдал, чтобы господа офицеры, не

ване, украинцы, таджики и другие попали в Афган из учебок и карантинных, где уже успели сдружиться. Мне же пришлось выстраивать со всеми отношения, как говорится, на пустом месте. Самый близкий мой земляк был парень из Башкирии.

В водителях традиционно было много молдаван, украинцев, белорусов и башкиров. Специалисты были представлены центральной полосой России, Москвой, Ленинградом, они шли в качестве переводчиков, с ними также ребята из Таджикистана, Узбекистана, Казахстана. Остальные национальности были в единичном или очень малом количестве. Например, при мне служило несколько азербайджанцев, так как по языковой принадлежности они подходили

социальные сети, но мне сказали, что зарегистрирована только его дочь. Да всё никак не соберусь с ней связаться и спросить про отца.

Из других офицеров я больше общался с майором Губониным, он был старшим нашей маневренной группы. Чистейший интеллигент, от которого за время службы я не слышал грубого слова, тем более окрика. Жесткий и требовательный, он никогда не позволял себе некорректного отношения с солдатами. Поэтому порядок в подразделении всегда был на высшем уровне.

Были и такие офицеры, и прапорщики из категории шалтай-болтай. Один, самовлюбленный юноша, постарше нас года на два, только прилетевший из Союза, пытался самоутвердиться через унижение солдат. Но Афган это же не Союз. Нарвался он на одного старослужащего молдаванина в карауле. И тот, недолго думая, приголубил его своим кулаком размером с трехлитровую банку. Таких быстро осаживали. Ведь неизвестно, что завтра будет, и кто тебе прикроет спину в бою. В основном же, все прибывшие офицеры шли через майора Губонина, который таких ухарей видел издали.

Я во время службы сдружился с одним лейтенантом, который после окончания института востоковедения, был призван в ряды Советской армии на два года и пришел к нам переводчиком. Он даже, когда поехал в отпуск, взял от меня родным небольшую посылку – презент. Маме платок с люрексом, отцу часы с музыкой, открытки – тогда это все было в дефиците и приобреталось у афганцев в дуканах. Взамен мои родители через него отправили посылку мне, хотя это было не положено.

Я и сейчас со многими офицерами и прапорщиками общаюсь через социальные сети. Конечно, с теми, кого смог через столько лет найти.

О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЩАХ

Было очень плохо, что пришел в часть командирочным. Остальные, будь то молда-

под расшифровку запеленгованных разговоров. Таджиков и узбеков было процентов двадцать. Использовали их в качестве переводчиков, да и как традиционно сложилось в большинстве войсковых частей Советской армии, они очень любили служить на кухне, в хлебозерке, в хоззводах. Не обошла эта «мода» и нас.

Запомнился грузин – старший прапорщик Чогадзе. Служить пришел заведующим столовой, здоровый такой дядька. Ох и погонял он эту таджикско-узбекскую братию. Один узбек из поваров мог приготовить на весь батальон плов. Кто готовил плов, меня поймет. Это ладно на пять-десять человек. Но когда на триста, да еще не в казане, а в обычной полевой кухне... Чтобы он был душистый, рассыпчатый и вкусный, это был верх поварского мастерства. Таджики, узбеки старались держаться вместе, порой задирая нос. Что мы, мол, в Афгане, как у себя дома. Один таджик даже хвастался, что, мол, у меня дядя в моджахедах. Хотя как переводчики – смех и грех. Запеленговал разговор, записал на магнитную ленту, сделал перевод. А так как русский язык знал плохо, уже наши парни делали перевод с его перевода. Но всё равно вели они себя важно. Одному из них осколок от мины попал в ногу. Рана пустяшная, поверхностная, я этот осколок достал на раз-два-три. А их сбежалось... Кричат по-своему,

соболезнуют. Представили к ордену Красной Звезды. Когда вручали, он толком из строя выйти не мог, маршировал как пингвин – правая нога, правая рука. Старший сержант, а строевой ходить не может. У меня друг, узбек Хайрулла, ходил на боевые с нами в группе. Душевный парень, мог приготовить еду из всего, что есть под рукой. Спокойный, без апломба. Файзулаев Хайрулла Лутпулаевич как сейчас помню.

Другой случай. Приходит мне на замену азербайджанец. Оказалось, что он даже не фельдшер, а ветеринар с незаконченным образованием. И с русским языком совсем не дружит. Мне его комбат прислал на стажировку. Чтобы я подготовил себе на замену. Я посмотрел на него день, другой. Пошел к комбату: «Товарищ подполковник, мне страшно оставлять нашу часть на этого товарища!»

Чуть позже прислали молодого паренька. Грамотный, закончил медицинское училище. Проворный, по национальности башкир. Он у меня за неделю все освоил. Принял мой медицинский пункт, принял лекарственные препараты, подучился как работать медицинскими приборами типа электрофорез, УВЧ. Я пришел к комбату и доложил: «Этому человеку можно доверить здоровье нашей части».

Одним из самых близких мне друзей был Михаил Журавлев из Ленинграда. Сейчас он известный человек в Санкт-Петербурге – композитор, член Союза писателей России, профессор. Он и в Афгане, помнится, вставал часа за два до подъема и писал партитуру к опере «Две стрелы». Ему отец присылал в конвертах нотную бумагу и он без инструмента писал оркестровку своей оперы. Представляете? Теперь у него много музыкальных произведений, стихов, ряд из них на афганскую тематику. Безобидный по натуре, на службе его пытались склонить, и мне частенько приходилось за него заступаться. Он не был трусом, просто был так воспитан. В часть пришел как переводчик с английского. Владел он им свободно. Еще на гражданке они с отцом устраивали хохму, заходя в валютный ресторан пообедать. Общались так, что даже ушлые официанты не могли определить их как русских. После армии я ездил к нему в Ленинград. И его отец, заведующий поликлиникой, известный врач, лечил моего отца.

«ЗЛЫЕ» ЭПИГРАММЫ

Были у нас в батальоне и такие личности, на которых мы писали злые эпиграммы. В

Представитель штаба 40-й армии полковник Алейников проводит строевой смотр

советское время это называлось выявлять недостатки. Вот и мы, так сказать, сподобились выжигать каленым железом всё то, что считали недостойным высокого звания советского воина. У меня была целая записная книжка с нашими «выдающимися» произведениями. Жаль, что она утеряна, но кое-что в памяти осталось.

Ходили слухи, что комбат, отправляя на дембель «залетчиков», заставлял их снимать штаны и наклоняться, чтобы узнать, не приклеили ли они на лейкопластырь что-нибудь запрещенное к вывозу в Союз. На эту тему родилась такая эпиграмма:

«Он строг, усат и важен,
Командуя толпой,
По-рыцарски отважен, по-нашенски
простой,
Он Эдик был когда-то, теперь он Эдуард,
На дембель – низкий старт в присутствии
комбата».

На замполита батальона майора Н., пижона по натуре, в напульсниках на руках, тельняшке, цепочке, с кистевым эспандером, который очень любил поумничать и потолкать речи про политическую обстановку в мире:

«Сопя ноздрей титан нагрянул,
Кумир собраний, боевой,
В зал исподлобья дико глянул,
Довольный миром и собой,
В руке эспандер тихо хрустнул,
Нет, он не лезет на рожон,
Он, как всегда, немного грустен,
Комбата прихвостень, пижон».

Прибыло молодое пополнение

Эпиграмм накопилось порядка двух десятков. Мы их записывали на бумажку, и я положил ее в справочник по биологии. У меня была целая полка учебников. И в один прекрасный момент захожу – стоит комбат с открытым справочником, читает наши художества и смеётся.

И вот что он сделал. Выстроил на плацу весь батальон, вышел на середину и объявил: «Внимание, товарищи, в нашем батальоне появились враги!»

И начал читать наши эпиграммы. Хохотал весь батальон. Понятно, кроме тех, про кого была эпиграмма. И главное, мы не были наказаны.

Прапорщику Ч.:

«У котлов стоит на страже,
Горец дикий, как орел,
Кулаком не дай бог вмажет,
Слюшай, ты куда пошел,
Задущу сэйчас, узнаешь,
Утоплю в бачке с гавном,
Ты чаго не понэмаешь,
Уходи от сюда вон,
Здэсь тэбэ не место шляться,
Здэсь готовится еда,
Что ж, приходится считаться,
А не то беда, беда...»

Была эпиграмма и про меня:

«Пришел из рейда дезинфектор,
Что автомат, что автомакс,
Сантехник земский и прозектор,
По своему, второй комбат,
Хоть по призванию барыга,
Куркуль и круглый дилетант,
Не залетел, и не сквальга,
И даже в творчестве талант,
Теперь желтеющие очи,
Он вперит с гонором врача,
Во всех, кто на прием захочет,
Отстаньте, фельдшер не бача» (бача – афганский мальчик).

Капитану К., который, как мог, рвал задницу перед комбатом и старался всегда быть батальонным знаменосцем:

«Люби все возрасты покорны,
Люби к начальству и к чинам,
Ее порывы не притворны,
Когда в чинах и славе сам,
И этот деятель военный,
К комбату, мученик любви,
Возвышен был необыкновенно,
За муки верности свои,
Он исповедует науку,
Пришел, увидел, заложил,
Пожатьем праведную руку,
Комбат стократно осенил,
Он ходит ясным между нами,
Святой как рыцарь, капитан,
Пускай в глазах его туман,
В душе комбат, а в сердце знамя».

Командиру хозяйственного взвода, старшему прапорщику К.:

«Дедушка по старости ослабел мозгами,
Если таковые были у него,
Шевелит ушами, бегают глазами,
Но увы не видит и не слышит ничего.
Дедушка уставами всеу козыряет,
Потому что верит, что всегда он прав,
Никого на свете он не уважает,
И читает только «Правду» и устав.

Про моего друга Мишу, который всегда отличался отменным аппетитом и за обедом мог в одного съесть целый бачок перловки:

«Бывают у Миши веселья мгновенья,
Но это не главное в жизни его,
Не может себя он сдержатъ от рожденья,
Чтобы желудок был пуст у него.
Можно считать и болезнью его аппетит
боевой,

Будто весь день он уголь таскал,
Землю копал иль просто ходил строевой,
Кушает все, лишь бы было побольше,
Может соперником волка он взять,
Полный желудок, не меньше-не больше,
Этого всё ж мне никак не понять».

КУЛЕМЭТ

Из свежего пополнения особо выделялся здоровый такой нескладный детина родом с Украины по фамилии Хоменко, а по имени Оляксандр. Учебку проходил в качестве водителя, поэтому по прибытии в часть сел на спецмашину на базе ЗИЛ-157. В качестве боевого оружия получил наш товарищ ручной пулемет Калашникова или проще РПК. Практически в первые же дни объявляют учебную тревогу, чтобы проверить подготовку молодого пополнения. Задача водителя: по сигналу «Тревога!» быстро получить в оружейном парке оружие,

после чего взять из специальных ёмкостей подогретую воду, залить в машину и с ручки завести двигатель. И вот все наблюдают такую картину. Бойцы уже получили оружие, выскочили из палатки и бегут к своим машинам. А этот долговязый паренек мечется у палатки и блажит на весь батальон: – «А иде мой кулемэт, иде мой кулемэт?» Потом каким-то чудом находит свой кулемэт и с двумя полными ведрами горячей воды несется к машине. Выплескивающаяся при беге горячая вода нещадно обжигает ноги, а закинутый за спину кулемэт с деревянным стуком бьет то по заднице, то между лопаток. Сегодня Хоменко живет в Украине, солидный такой дядька, поэтому напоминать ему о весе-

Благодарность от командующего войсками Туркестанского военного округа Максимова

лой армейской молодости как-то неудобно. А так переписываемся, общаемся.

БЕЛЫЙ ТАНЕЦ

Капитан Коновалов – рыжий, веснушчатый, с пышными усами, высокий и нескладный, хохмач и балагур. Вот одна из его баек. Будучи еще на службе в Союзе, у них проходили какие-то совместные учения с армиями Варшавского

Наша БРДМ

договора. После проведенных учений, офицеры разных стран напоследок обменялись армейскими значками. И некоторым достались здоровые такие значки, больше похожие на ордена. Вскоре наш герой попадает на сборы в славный город Тамбов. Вечером на танцах офицеры в форме, при полном параде, как водится, кадрили провинциальных красавиц. Объявляют белый танец. Юная дама, прижавшись тесно к Николаю, тихо спрашивает, показывая на подаренный значок: «А что это у Вас за орден?» «Это орден за взятие Кабула, сударыня», – гордо отвечает офицер. И ведь почти сбылось!

НА ИЗЛЕТЕ

Боец сидит сверху на броне БРДМ-2 и штык-ножом ест из банки кашу. Вдруг раздается непонятный звук, наподобие хлопка.

ОБЕЗЬЯНА

Не секрет, что часто бойцы привозили с боевых какую-нибудь живность, будь то щенки, ящерицы, птицы и иная фауна здешних мест. На обочине дороги у запыленного БТР– 70 солдаты-десантники забавляются с небольшой обезьяной. Местная дворняга со злыми намереньями решила показать обезьяне, кто здесь хозяин. Кавалерийский наскок шавки не увенчался успехом. Ловкая мартышка, подпрыгнув, ухватила агрессора за морду и подобрала рядом валявшуюся палку, устроила ей жесткую взбучку.

ШИНДАНД

Нас послали в командировку в Шинданд. Пройти до места дорогами Афганистана не было никакой возможности. Поэтому нас вывели через город Термез Узбекской советской социалистической республики. На железнодорожной станции подали платформы, и мы загрузили на них свою автомобильную спецтехнику. К этому времени уже год, как я отслужил в Афганистане. Узбекистан по природе и климату, тот же Афган, никакого различия. Но на удивление, откуда-то пришло чувство безопасности и расслабленности. Как будто кто-то переключил тумблер. Главное из всего что понял, оказывается, здесь не стреляют. И потянулись наши дни без войны. За время нашего путешествия по железной дороге мы проехали Узбекистан, Туркмению и доехали до города Кушка. Там как раз и был более безопасный вход в Афганистан и непосредственно до города Шинданда. Ехали по железной дороге около недели. Пока офицеры перед отправкой получали приказ, мы успели найти за углом станции небольшой магазинчик. Из спиртного – только вино розовое «Чашма». Два солдата

Въезд в тоннель Саланг

Смотрим на бойца, а у него во лбу рана, густо наливающаяся кровью. Пуля на излете попала ему в лоб и упала в банку с кашей. До дембеля шутили, что молдаванский крепкий лоб ни одна душманская пуля не берет.

БРАТЬЯ

Джабаль-Уссарадж. Мы базируемся рядом с 177-м Двинским мотострелковым полком. В полку познакомился с ребятами из Челябинска. Считаю самые, что ни на есть близкие земляки. Одно слово – братья Черепановы. Договорились вечером встретиться, попить чайку, поговорить. Вечером пришел к ним в расположение, а их уже нет. Ребята рассказали, что снайперская пуля поразила их обоих, когда шли на обед.

Файзулаев Хайрулла Лутпулаевич

молдаванина, которые были со мной, тут же не отходя от прилавка, открыли бутылки и на одном глотке опорожнили по ноль восемь литра. Пораженный узбек продавец только и смог спросить: – «Вы, ребята, случайно не молдаване?», чем вызвал гомерический хохот с нашей стороны.

И так Кушка, нас шесть спецавтомобилей, легкий тягач ЛТ-МБ, и бронетранспортер БРДМ-2. Заходим в Афган, и через короткий промежуток дороги ждем попутную колонну, к которой присоединяемся для безопасного движения. Мазари-Шариф – вдалеке в знойном мареве проплыла одна из самых красивейших мечетей в мире. До Шинданда дошли без стрельбы и расположились рядом с аэропортом. Развернули точку. Через несколько дней пришло распоряжение: майору, мне и еще одному солдату вернуться в батальон. Попутным бортом Ан-12, предварительно загрузив в него 250-ти килограммовые бомбы, вернулись домой в часть.

УЧЕБА

Прослужив год, у меня появилось желание поступать в военно-медицинскую академию. Достал учебники, чтобы освежить в памяти всё то, чему обучался ранее. В то время была такая возможность, после года службы поступать в какое-либо военное учебное заведение. Написал рапорт комбату. Жду удобного момента. А тут вечерняя поверка на плацу. Присутствует сам комбат. Только наша рота встала, команда: «Сержант Карпов, ко мне!». Подбегаю к комбату, докладываю. Он в ответ: «Ну, что, ты свои медицинские сумки собрал? Завтра в 4-00 выдвигаетесь с 350-м полком в сторону Алмазных рудников».

Если бы в тот момент вытащил рапорт, думаю, получил бы по полной. Поэтому ответил «Есть!», дошел до строя и смял в кармане подготовленный листок. Вот так накрылась моя учеба.

Бывало, выполняя поставленные задачи, по несколько месяцев не были в части. Поэтому, например в Баграме, временно были приписаны

к 345-му гвардейскому парашютно-десантному полку, даже питались в их столовой. А в других местах располагались частями и спали в автомобильных кунгах и вырытых землянках. Иногда, во время длительных командировок, нас отправляли на переформирование в батальон, в основном, когда ребята уходили на дембель или были больные или раненные. Как правило, такие приезды были скоротечны, день-два и обратно, на боевое дежурство. Порой, проходя в батальон, ты никого не узнаешь, тебя не узнают, так как все знакомые ребята уже ушли на дембель и пришло новое пополнение, а ты, как следует отмывшись в баньке, уходишь обратно, на боевые...

ДОМ РОДНОЙ

Второго мая 1985 года наш «дембельский» самолет приземлился в Ташкенте. За бортом +20 градусов. При следующем приземлении в городе Свердловске температура упала до +10 градусов. Когда добрался до Заполярья, где меня ждали родители, отец вышел встречать на взлётку с шубой. За бортом – 20 градусов.

Снится ли Афганистан? Сейчас уже нет. А помнить, да как же не помнить? Это были лучшие годы жизни. И как напоминание о службе, медаль «За боевые заслуги» – самая солдатская медаль. За что дали? Думаю, за честный ратный труд. И как санинструктором, и как пулеметчиком. Воспитаны были правильно. Где еще, если не там, можно было испытать себя на прочность.

Фото на память о службе
в Афганистане

Родился в 1956 году в городе Франкфурт-на-Одере.

Интернациональный долг в Афганистане выполнял с 28 марта 1987 года по 13 февраля 1989 года. Награжден орденами Красной Звезды, «За

службу Родине в Вооруженных силах СССР» III степени и афганским орденом Красного Знамени.

«Прежде чем началась война в Афганистане, мы слышали о войне между Китаем и Вьетнамом. Тогда я проходил службу в Группе советских войск в Германии. И один из офицеров написал рапорт с просьбой направить его на защиту наших вьетнамских друзей. Поэтому, когда через несколько лет начались боевые действия в Афганистане, у меня уже был такой же боевой настрой. Но только в марте 1987 года мне было предложено отправиться к дальнейшему месту службы в Демократическую Республику Афганистан (через восемь месяцев страна стала называться Республика Афганистан). У меня к тому времени была молодая жена, четырехлетняя дочка и десятимесячный сын. Я прошел медицинскую комиссию, собеседования и другие необходимые процедуры и 28 марта 1987 года на самолете ИЛ-76 приземлился в Кабульском аэропорту на земле Афганистана. В самолете нас было около двухсот человек, кого-то встречали, я – впервые. Серое небо, серые горы, серые дувалы, серые заборы и серая пыльная земля. Как посмотрел на все это... Люди бегают в серой форме одежды – афганках... И подумал: ну и куда меня занесло?

Первое, что бросилось в глаза: что и встречающие, и летчики, и техники, обслуживающие самолет – все с оружием, абсолютно все. Меня разместили в пункте приема прибывших, но там я пробыл несколько часов – за мной прибыл представитель полка, где я должен был проходить службу в должности заместителя командира 103-го отдельного узлового полка связи по тылу.

Приехал на БТР с боевым охранением, а везли меня одного, и я понял: да, здесь будет не просто. Ехал в неизвестность и вспоминал дорогой родных. И жена, и дети, и особенно родители очень сильно за меня переживали. Вы знаете, меня поразило, как постарели за два года моей афганской службы родители. У меня есть фотографии, где мы сфотографированы до отправки в Афганистан, а потом мы сделали совместную фотографию после того, как я вернулся. Отличия видны невооруженным глазом, я сразу понял, как они переживали, как терзались их души. Меня очень хорошо, очень сильно поддерживала

семья, прежде всего супруга, я единственный в полку получал каждый день письмо от жены. У нас ежедневно совещание было плановое в 17 часов, а в 16.55 я подходил к нашей полевой почте, где выкладывалась свежая корреспонденция: газеты, журналы, письма. Потом заходил в кабинет командира, начиналось совещание. Командир обычно просил: «Ну, читай». Я читал письмо от жены о событиях на родине, и только после этого уже начиналось совещание. И так каждый день почти два года!

Приехал я в Афганистан в обычной советской форме одежды офицера: галифе, полевая форма, шинель, в первый же день всё это повесил в той комнате, где было выделено место для моего

Август 1987 г. В минуту отдыха

проживания, на гвоздь, а на вещевом складе получил полевую форму – так называемую «афганку». Тогда она уже выдавалась в большинстве воинских частей. Для меня это тоже было впервые – форма интересная, удобная. Единственное, что было непривычным, что в Союзе офицеры привыкли ходить в сапогах, а тут – ботинки. Температура постоянно была 25-28 градусов в 6 утра, а к 16-17 часам температура доходила 42-45 градусов. В течение 2-3 дней я сразу получил солнечный ожог непокрытого участка шеи. Надо мной все сослуживцы посмеялись и вынесли решение: «Всё, адаптировался!» Уже через неделю я был уверен, что я в этом полку служу всю жизнь.

Распорядок дня был строгий. Жизнь полка начиналась в 6 часов утра, в 6.10 уже весь полк стоял в строю для физической зарядки, которую

103 опс, 1 мая 1987 г.

Барбухайка, октябрь 1988 г.

проводил лично командир полка полковник Белов Константин Иванович. Отсутствовать на физзарядке можно было только по трём причинам: участие в боевой операции, болезнь или отпуск. После выполнения комплекса физических упражнений следовали утренний туалет, завтрак и полковой развод.

В нашей воинской части, были замечательные командиры – отличные организаторы воинского распорядка, уклада, быта. В тех условиях, в которых мы тогда находились, не было возможности, чтобы кто-то нам помогал.

Все помещения, в которых мы жили, учились, служили и обеспечивали жизнедеятельность полка, были построены своими силами: солдатские общежития сборно-щитового типа, три стационарных столовых, одна из них сделана из шлакобетона, а две, ангарного типа, привезены с вводом войск из Советского Союза. Эти столовые отвечали всем требованиям организации питания в полевых и стационарных условиях, в них находились столовая офицерская, прапорщиков и два больших зала для личного состава полка. У командира полка, офицеров и прапорщиков меню было одинаковое, только офицеры, в соответствии с установленными в Советской армии нормами, получали еще дополнительный паёк.

Питание было трехразовое, как и везде в Советской армии, но в нашем полку, кроме обычного, планового второго блюда, сладкого чая и выпечки, в крайнем случае дополнительной порции белого хлеба с маслом, была традиция на завтрак всем, независимо от должности и звания – подавали молочный суп. То есть, на завтрак у всех было два блюда. Потому что полк располагался на высоте 2 тысячи метров над уровнем моря, а это значит – горы, недостаток кислорода, слабость. Вот молоко и способствовало укреплению организма военнослужащих. Откуда мы его брали, расскажу чуть позже.

Большое внимание уделялось физическому состоянию военнослужащих. В полку было два

Командование 103 орс

Дети в школу, апрель 1987 г.

Сентябрь 1988 г. Космонавты в 103 орс

боевых узла связи, батальон связи, несколько отдельных рот и для каждого подразделения был сделан свой спортивный уголок, и оборудована общая спортивная площадка на территории части.

Раньше, до ввода советских войск, это были просто горы. Пока наш полк находился на территории Афганистана, личным составом было перелопачено огромное количество кубометров афганского грунта, сделаны ровные площадки, на которых мы проводили спортивные мероприятия. Постоянно проводились соревнования по военно-прикладным видам спорта. Для получения классной квалификации, офицеру нужно было выполнить определенный норматив, что через несколько месяцев специальной

подготовки я и сделал – стал специалистом III класса войск связи. Вновь приезжавшие военнослужащие для поднятия мышечного тонуса, развития выносливости увлекались по утрам бегом. Но, в условиях высокогорья, предупредили медицинские работники, это, наоборот, могло негативно сказаться на здоровье, в плане развития сердечно-сосудистых заболеваний. Поэтому для личного состава были организованы занятия активными видами спорта, самым популярным из которых вскоре стал волейбол. Помню, как на День Конституции СССР к нам в полк без предупреждения прибыл Командующий войсками 40-й общевойсковой армии генерал-лейтенант Громов. Он был крайне удивлен, что всё командование полка в спортивной форме одежды,

во главе с командиром играет в волейбол против команды одного из подразделений. Последил за игрой, потом мы построились, и командир полка в майке и спортивных шортах докладывал о положении дел в полку.

В моём ведении, кроме трех столовых, было подсобное хозяйство, по-простому – свинарник. Там мы выделили место для крольчатника, чтобы баловать личный состав свежим мясом. Прямо в горе каким-то фантастическим образом вынесли нужные объемы грунта и вот там организовали свинарник и крольчатник. Крольчата жили, как и положено, в земляных норках, а нам положено было знать их количество. Приезжали ревизоры из вышестоящего штаба, пытались проверить и всегда смеялись, что пересчитать их невозможно. Когда приезжали посторонние – кролики, и большие, и маленькие, разбегались по норам. Ещё из необычного – в полку были лошадь и корова. Одна из сотрудниц гражданского персонала занималась дойкой. У нас была единственная в Кабуле воинская часть, где по штату была корова. И лошадь была, верхом на которой доярка добиралась до свинарника, где содержалась корова. Было довольно необычно и смешно в Афганистане иметь в воинской части такое хозяйство. В самую жару, а это конец июня-начало июля, молодая травка из зеленой сразу становилась желтая, поэтому некоторые участки земли поливались водой, в частности, возле штаба. И командующий разрешал корову там пасти, ведь молоко поступало в медпункты – полковой и армейский для раненых и больных военнослужащих.

Мой служебный день начинался с подвоза воды. В Афганистане с ней была большая проблема. Централизованного водопровода не было, вся вода была привозная. Я каждый день в 0.30 получал доклад о выходе для заправки воды от 5 до 8 машин ночью в Кабул, что было очень опасно. И в 5.30 мне звонили, докладывали о прибытии водовозов и началу заправки бойлеров. Мы выбегали на зарядку, на построение, а подразделение для подвоза воды занималось заправкой бойлеров общежитий для умывания, столовых для приготовления пищи, бани и бассейна.

Служить было интересно, со многими сослуживцами, в том числе солдатами и сержантами, я дружу до сих пор, хотя прошло уже 35 лет. Командир полка, а также начальник штаба полка и заместитель командира полка по вооружению, к сожалению, рано ушли из жизни вследствие ранений и тяжелых болезней, полученных в Афганистане.

К счастью, я ни разу не был ранен, не получил контузии или тяжелой травмы, но в течение первого же месяца службы заболел, был направлен в инфекционный госпиталь на окраине Кабула и находился на лечении более месяца. Там была такая обстановка, что большинство военнослужащих ограниченного контингента советской армии, наших командиров и солдат, болели инфекционными болезнями. Это были гепатит, малярия, брюшной тиф и другие. Все опасные и с долгоиграющими последствиями. До сих пор болезнь на мне сказывается, к сожалению.

Военнослужащие полка принимали участие в боевых действиях ежемесячно в течение всех десяти лет, что часть находилась в Афганистане. За это время полк потерял 78 офицеров и солдат. Каждое 15 февраля мы вспоминаем погибших боевых товарищей, когда отмечаем завершение боевых действий в Афганистане.

Самым памятным моментом афганской службы стали дни, когда мне на выводе войск пришлось по поручению командира полка вывозить Боевое знамя части из Афганистана не в колонне, а воздушным транспортом со взводом охраны. Взлёт был очень тяжелый, уже тогда душманы знали, что мы выходим и часто обстреливали воздушные суда, особенно военно-транспортную авиацию. Мы совершили посадку на севере Афганистана на аэродроме города Мазари-Шариф, примерно в 60-70 километрах от границы с СССР. Тяжелейшая оказалась посадка, нас обстреливали, напряжение было большое. Но летчики приземлились удачно, мы вывели боевую технику, совершили марш в тяжелых условиях. Очень переживали не за себя, а, конечно, за Боевое знамя части. Но боевую задачу мы выполнили. После того, как я доложил командиру полка, что Боевое знамя доставлено в пункт назначения, а это было уже ближе к утру, только тогда полк начал движение из Кабула к границе СССР».

Полковник в отставке. Председатель Каменск-Уральского Союза ветеранов боевых действий в Афганистане. Родился в 1951 году в Белоярском районе Свердловской области. В Афганистане

(провинция Баглан) находился с декабря 1982 по декабрь 1985 года после окончания Академии службы внешней разведки – в качестве советника органов безопасности Афганистана.

Награжден четырнадцатью государственными наградами СССР, Российской Федерации, Демократической Республики Афганистан, в том числе медалью «За отвагу» и орденом «За храбрость» ДРА.

Вспоминает Александр Колясников:

«Поскольку я работал в Свердловском управлении КГБ СССР, меня направили в самую промышленную провинцию Афганистана – Баглан, в провинциальный город Пули-Хумри. Две каменноугольные шахты, камвольный комбинат, две советско-афганские автотранспортные компании, элеватор, цементный и сахарный заводы и тоннель Саланг. наших советских гражданских специалистов там было порядка 500 человек, они работали на этих объектах. Были и иностранцы: чехи – на цементном заводе, немцы – на строительстве междугородной телефонной станции.

Основной задачей советников по линии госбезопасности была борьба с контрреволюцией, с бандитизмом в первую очередь. В Афганистане не было единого фронта – были отдельные группы душманов. Где – крупные, где – не очень. Были целые душманские базы, например, в ущелье Панджшер.

Также мы обеспечивали взаимодействие между местными органами власти и руководством частей Советской армии, которые находились на нашей территории. Ну и, конечно же, важнейшей нашей задачей было обеспечение руководства Советского Союза правдивой информацией о ситуации, складывающейся на территории Афганистана.

У меня были разные подсоветные в течение этих трех лет. Афганский отдел по борьбе с бандитизмом, заместитель начальника провинциального управления... Я работал без переводчиков, так как сам являюсь референт-пе-

реводчиком персидского языка. Это, конечно, очень помогало и в общении, и в понимании обстановки, и в выполнении конкретных задач.

Наиболее напряженная ситуация в Афганистане начала складываться именно с 1982 года, когда оппозиция стала проводить организованную работу по противодействию правящему режиму. Были созданы контрреволюционные партии – Исламская партия Афганистана, Движение за Исламскую революцию, Исламское движение Афганистана, штаб которой находился в Иране, и другие.

Мы помогали афганским органам госбезопасности, проводили работу, направленную на склонение бандформирований на территории нашей провинции к прекращению боевых действий. Заключали договоры о сотрудничестве. Всё это было в целях установления мира. И это давало результат. Когда я приехал, таких договоров о сотрудничестве было подписано 3-4, когда я уезжал в 1985-м, у нас их было подписано порядка 80. Кто-то строго соблюдал, кто-то не очень, но работа была проведена очень большая по обеспечению мирной жизни населения.

У нас было успешное сотрудничество с рядом группировок. В частности, в 1985 году с помощью одной из таких групп мы освободили стратегически важную территорию в районе перевала Саланг, связывающего северную и центральную часть страны. Из нее был выход на крупный лагерь душманов. Ущелье Панджшер.

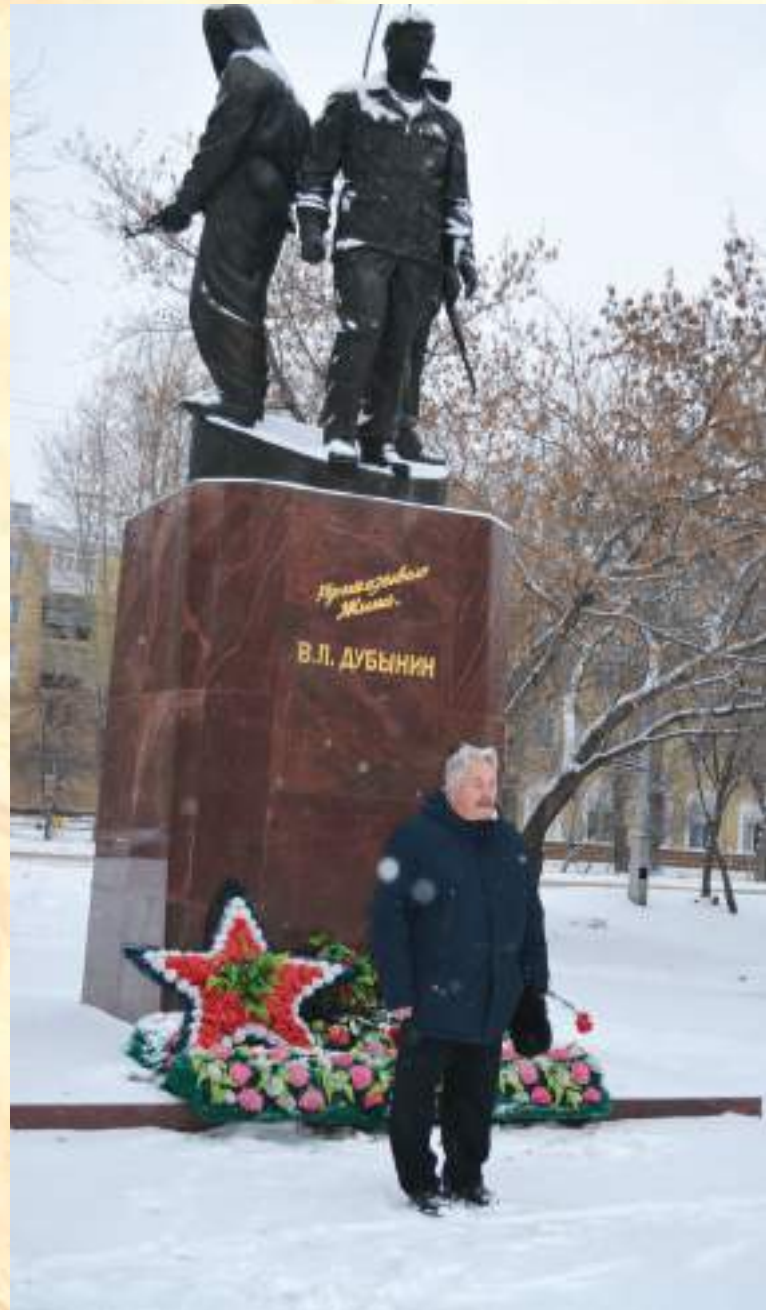
Кто-то его называет ущельем пяти львов. Но не факт. «Пандж» – это «пять». А вот «шер» – это и «лев», и «молоко», и «родник», «ключ». На самом деле львов не было в Афганистане, а вот тигры были. Красивые, большие...

Афганистан подарил мне знакомство с уникальным человеком – легендарным Виктором Петровичем Дубыниным. Это было в 1985 году. В конце сентября проводилась большая военная операция в районе перевала Саланг, в которой участвовала наша 40-я армия и афганские войсковые подразделения. Ситуация назрела, была информация, что душманы готовят серьезные спецоперации по ослаблению позиций правящего режима в данном регионе.

Там до сих пор находится племя исмаилитов. Это шиитское направление в исламе, чья особенность – живой имам. Они тоже сотрудничали с нами, с руководством Афганистана. Руководил операцией заместитель командующего 40-й армией генерал-майор Дубынин.

Совместно с начальником провинциального управления органов госбезопасности провинции Моаллемом Насером мы встретились в штабе с руководителем войсковой операции Дубыниным. Нам требовалось доложить обстановку, согласовать взаимодействие, потому что у нас

были свои два оперативных батальона, предназначенных для зачистки освобожденных территорий (поиск пособников, схронов с оружием, всевозможных бандитов). Мы пообщались с Дубыниным, и по моей просьбе мой подсоветный Моаллем Насер пригласил его на ужин к нам на базу. Он принял приглашение.

Мы сели, выпили по рюмке чаю. Первый вопрос – кто откуда? Виктор Петрович начал мне рассказывать, что есть такой город Свердловск, и в 100 км от него есть такой городочек Каменск-Уральский, где он родился в 1943 году. Я говорю: «Виктор Петрович, так я же оттуда приехал!» Он не поверил сначала. Вот так бывает в жизни.

Я думаю, этот факт сыграл немалую роль в том, что пока шла операция, наше сотрудничество было плодотворным. Благодаря решениям, командам и приказам генерала Дубынина, мы и отбомбились, и «Градами» поработали, всё прошло успешно. Я как раз уже заканчивал свою командировку, он мне сказал, что в начале 1986 года тоже уезжает, что мы обязательно пересечемся уже на Родине. Но не сбылось.

В 1986 году он вернулся в Союз, его назначили командующим 40-й армией, и он вернулся в Афганистан. Это о многом говорит. Решение принималось на самом верху, руководством страны, его очень высоко ценили как военачальника. И что еще очень важно – его любили солдаты.

Окружению, подчиненным Виктора Петровича запомнилось, что он всегда старался, чтобы боевых и не боевых потерь было как можно меньше. Он видел в каждом бойце не единицу, а человека, и старался его сберечь, достигая поставленных целей за счет продуманной тактики, выверенных решений.

Он действительно был прекрасным, настоящим военачальником. Когда он закончил службу командующим армии в Афганистане, руководство страны послало его решать задачи не менее важные. И везде он справлялся блестяще. Не случайно в 1992 году, когда возник вопрос, кого назначить начальником генерального штаба новой молодой российской армии, выбор пал на Дубынина. Знали, что этот человек справится.

К огромному сожалению, болезнь оборвала его жизнь в 49 лет. С июня 1996 по июнь 1998 года я исполнял обязанности начальника республиканского управления ФСБ по Республике Ингушетия. И с военными общался, и со своими коллегами, там же, на Кавказе я встретил тех, с кем служил в Афганистане. И мы очень тогда сожалели, что нет больше такого военачальника как Дубынин...

Время идет. Все дальше от нас события Афганской войны. Но в мире опять неспокойно. И Родина снова ставит задачи, которые надо решать. В том числе – задачи по воспитанию патриотизма у детей и молодежи.

Я так полагаю, что сама национальная идея, патриотизм, она у россиян испокон веков. Помните фильм про Александра Невского? «Кто к нам с мечом придет, тот от меча и погибнет». Взять любое событие, где в военных действиях участвовала наша страна, – везде были подвиги русских людей. Что с Мамаем когда дрались, что во время Великой Отечественной войны,

что в Афганистане, что в Чечне, что в Сирии, что сейчас на территории Украины. Российские воины всегда были защитниками народа, а не завоевателями.

Нужно об этом помнить и говорить, нужно рассказывать детям. Тогда они вырастут нормальными людьми, патриотами. И тоже будут готовы защищать Родину и ее интересы.

Это здорово, что руководство страны сейчас уделяет большое внимание обороноспособности. А также подготовке и материальному обеспечению военных кадров. В Челябинском высшем военном училище штурманов уже по несколько сот человек приходят поступать и поступают. Это же о чем-то говорит! В военных вузах большие конкурсы сейчас. Чтобы быть свободными, мы должны быть сильными».

Родился в селе Покровское Артемовского городского округа, в 20 км от нижнетагильской «Вагонки». Закончил покровскую среднюю школу, затем два курса института. А затем, после восемнадцатого дня рождения, Валерия призвали на службу в армию. Служить довелось в войсках специального назначения.

О войне в Афганистане Валерий услышал еще на «гражданке». Один из его старших друзей, отслужив в воздушно-десантных войсках, вернулся домой, и от него допризывник Комухин впервые услышал об Афганистане и о том, что там ребята защищают интересы нашего государства с оружием в руках.

На груди у друга сияла награда, и Валерию тоже захотелось испытать свои силы в настоящей, мужской работе.

Армейская служба для рядового Комухина началась осенью 1984 года в узбекском городе Чирчик, в знаменитой на весь Союз школе сержантов. Когда обучение завершилось, Комухину после сдачи экзаменов присвоили воинское звание «младший сержант». Теперь он был уверен, что отправится для дальнейшего несения службы в Афганистан, но судьба распорядилась по-своему. Как отличника боевой и политической подготовки, закончившего к тому же два курса института, командование приняло решение оставить Валерию в школе сержантов, уже в качестве наставника молодого пополнения. Комухин написал рапорт с просьбой отправить его с товарищами в Афганистан, но командир порвал рапорт.

Как известно, подразделение специального назначения, да и вся армия – не то место, где в приоритете твои «хотелки». Есть приказ – выполняй и без разговоров! Скрепя сердце, Валерий остался в Чирчике.

А через девять месяцев снова была отправка обученных воинов в Афганистан. Валерий вновь обратился к командованию с просьбой отправить его в Афганистан. И вновь отказ. Так в учебных занятиях прошел год. А потом по результатам успешно проведенных взводом учений с боевой стрельбой, Валерию в качестве поощрения ко-

мандир объявил отпуск на Родину. 7 ноября, после проведения военного парада, посвященного очередной годовщине Октябрьской революции, сержант Комухин должен был отправиться домой. Но 1 ноября зачитали список спецназовцев, отправляемых для дальнейшего прохождения службы в Демократическую Республику Афганистан, и он наконец-то услышал свою фамилию. Как это произошло, даже командир взвода не знал. Случайность, стечение обстоятельств или сержант применил «военную хитрость» – так и осталось тайной.

После прилета в Афганистан, всем пришлось выдержать десятидневный карантин, когда шла адаптация организма к непривычным природным условиям. После карантина вновь прибывшее пополнение распределили по подразделениям.

Взвод, в котором предстояло воевать Комухину, в это время находился на боевой операции. Сбиралась вторая группа, в которой заболел один из бойцов. Командир спросил: «Кто добровольно хочет пойти на боевую операцию?». Комухин вызвался одним из первых, так что боевое крещение ему пришлось пройти уже через 10 дней после прибытия «за речку».

А дальше началась обычная солдатская работа, полгода пролетели, как один день.

Задачами подразделения официально обозначались: разведка, диверсионная деятельность, антитеррористическая деятельность, поиск, захват (арест) или уничтожение действующих террористов, освобождение заложников, охрана особо важных лиц или особо важных объектов и другие.

Но наиболее ответственными задачами были доказавшие свою эффективность активные действия по поиску и уничтожению душманских караванов из Пакистана и частично Ирана с оружием, взрывчаткой, материальными средствами, экстремистской литературой, наркотиками. На солдатском языке это называлось «забить караван».

Даже после объявления афганским правительством в январе 1987 года политики национального примирения и сокращения, в связи с этим, числа боевых операций советских войск, спецназ остался наиболее активной частью 40-й армии и продолжал выполнять свои задачи в прежнем объеме. Исламская оппозиция отвергла мирные предложения, и поток караванов из-за границы еще более усилился. Только за 1987 год подразделения спецназа перехватили и уничтожили 332 каравана. «Караванная война» продолжалась до начала вывода советских войск из Афганистана.

В своей книге («Ограниченный контингент») генерал-полковник Борис Громов отметил: «...Сделать то, что выполняли спецназовцы в Афганистане, под силу только беспрдельно мужественным и решительным солдатам. Люди,

служившие в батальонах спецназа, были профессионалами самой высокой пробы».

Перед каждым боевым выходом группу изолировали от всех, чтобы сохранить секретность, уж очень «деликатными» были порой задания спецназовцев.

Однажды, после того, как спецназовцы удачно «забили» очередной караван, душманы начали преследование, им удалось взять группу спецназа в кольцо. И все бы ничего, но духам (душманам) удалось занять господствующую высоту, а в горах кто выше – тот и круче. Начался сильный обстрел советских бойцов из различного вида оружия. Надо было отходить. Прикрывая отход всей группы командир взвода приказал сержанту Комухину и пулеметчику. После выполнения боевой задачи спецназовцы бросились бежать и бежали так, вспоминает Валерий, как и спортсмены не бегают. Да куда тем спортсменам тягаться с опытными бойцами спецназа в передвижении по крутым горам, это же не стадион! Добежали до «брони» и благополучно ушли с опасного участка. За риск, мастерство, мужество заместитель командира 3-го взвода Комухин был награжден медалью «За отвагу».

Каждую свободную от боевых выходов минуточку ребята старались отвлечься от войны, шутили, придумывали веселые истории, делились рассказами о друзьях, оставшихся дома.

Жили в палатках по 30 человек. В столовой кормили обычной армейской пищей, как в поговорке: «Щи да каша пища наша». Утром масло, каша с мясом, в обед суп. Никто не жаловался. На боевых, естественно, питались сухпайками. Праздники обычно отмечали без фейерверков и иллюминаций, как раньше на «гражданке», а наоборот, в темноте, чтобы духи не начали обстрел и не «испортили малину».

Валерий принял решение всю свою дальнейшую жизнь связать с армейской службой и поступать в Рязанское высшее воздушно-десантное училище. Заместитель командира роты дал ему прекрасную рекомендацию. Но спустя некоторое время сержант Комухин во время очередного боестолкновения с душманами получил тяжелое ранение, перечеркнувшее все его дальнейшие планы. Валерия комиссовали и отправили лечиться на Родину.

После лечения были планы вернуться к боевым товарищам, в ставшее родным подразделение, в Афганистан, но, как говорится в мудрой поговорке, «Человек предполагает, а Бог располагает». И этой мечте не суждено было сбыться.

Из «довоенной» жизни Валерий часто вспоминал мороженое, которое очень любил. Пломбир, эскимо, вафельное и в стаканчиках очень хотелось в афганскую жару. Выйдя за ворота госпиталя, он первым делом купил мороженое. Хотел взять сразу четыре или даже пять, но что-то остановило, и он купил только два. И чутье, приобретенное на войне, не подвело. Валерий

убедился, что ташкентское мороженое совсем не такое, как дома, на Урале.

Воин-интернационалист не сдался свалившимся на его голову трудностям, закончил педагогический институт, стал учителем начальной военной подготовки, потом преподавал предмет «ДПО» (допризывная подготовка юношей), о котором сейчас мало кто помнит, он просуществовал всего 2-3 года, затем «ОБЖ» (основы безопасности жизнедеятельности).

Валерий Комухин стал много работать с подростками, последние семь лет он работает педагогом дополнительного образования в Доме детского творчества Ленинского района города Нижний Тагил, имеет 1-ю квалификационную категорию. Сегодня он руководит военно-патриотическим объединением «Патриот» структурного подразделения «Меридиан», где готовит ребят к службе в армии. Ходит вместе с подростками в походы, обучает азам тактики, стрельбе. Много внимания уделяет общефизической подготовке будущих воинов.

Военные фильмы, по его собственному признанию, он смотреть не любит, в жизни было достаточно стрельбы, потерь боевых товарищей. Но «Охотники за караванами» посмотрел и остался доволен.

Служба в Афганистане, считает Валерий Комухин, хотя и отняла у него здоровье, зато взамен дала очень многое: понимание самой сути жизни, силы преодолевать свалившиеся на голову трудности, решимость не сдаваться, не пасовать перед трудностями, чувство боевого товарищества, готовности пожертвовать собой ради спасения друзей. Все это Комухин описывает одной фразой: «Ушел мальчиком, вернулся мужчиной».

В «дембельском» альбоме Валерия Комухина есть фотографии, хотя, как вспоминает сержант, «за речкой» почти не фотографировался. Все эти снимки ему прислали боевые товарищи, когда он начал оформлять альбом на память о службе после выхода из госпиталя. Теперь в альбоме много листов с памятью о живых и погибших друзьях.

Родился 23 сентября 1960 г. в городе Серов. Окончил школу № 1, затем металлургический техникум, а после службы в армии – Уральский политехнический институт. Осенью 1980 г. был призван в Пограничные войска.

– Уезжали в фуфайках из снежного Урала, – вспоминает Михаил Кононов, а в высокогорный поселок в Ошской области приехали в настоящее лето.

Вначале Михаил три месяца проходил обучение в учебной воинской части в п. Гульча Киргизской ССР, затем с февраля по май 1981 г. в школе сержантского состава, которая располагалась в г. Пржевальск Киргизской ССР (сейчас город называется Каракол). Через пять месяцев учебы, уже с сержантскими «лычками» и знаниями вернулся в Гульчу.

Отправиться в охваченный войной Афганистан Михаил вызвался сам, вместе со «своим» лейтенантом из учебного подразделения.

– Он спросил меня: пойдешь со мной? Пошел, – рассказал Кононов, – группу сформировали из «дедов», завершающих службу, и «майских жуков», которым оставалось служить по полгода.

В мае 1981 г. сержанта Кононова направили в 48-й Пянджский пограничный отряд, на базе которого действовал нештатный сводный боевой отряд (далее – СБО). «В основном мы занимались прочесыванием местности, – рассказал Михаил Анатольевич, – после выполнения боевых задач возвращались на базу в Пяндж на территории Киргизской ССР». Характер функционирования маневренных групп погранвойск СССР предполагал нанесение упреждающих ударов по наиболее опасным бандитским группам – как показывал опыт, это было единственной действенной мерой в борьбе с моджахедами. В течение Афганской кампании бойцы регулярно привлекались к самым широкомасштабным операциям – типичной задачей для спецназа погранвойск СССР было десантирование в тылу противника с последующим блокированием отступавших отрядов боевиков.

Пянджская ДШМГ являлась не только одной из самых боеспособных, но также одной из наиболее активно привлекавшихся к спецоперациям. Это было подразделение, которое бросали во все труднодоступные горные точки, куда не могли добраться ни пехота, ни тем более техника. ДШМГ уходила на все задания, в любое время и при любой погоде.

– Вначале меня назначили на должность заместителя командира взвода, – вспоминает

Михаил Кононов, – а когда «деды» демобилизовались, я стал старшиной заставы.

Михаил Кононов в составе Пянджской ДШМГ участвовал в операциях в Мазари-Ша-

рифe, в Куфабском ущелье, в Панджшерском ущелье. Населенные пункты Сайдан, Карнив, Паси-Бахаро, Паси-Пидев – эти названия остались в памяти ветерана навсегда. Но особенно памятны ему боевые операции – в районе Куфабского ущелья в октябре 1981 г. и в июле 1982 г.

Куфабское ущелье в афганской провинции Тахор начиналось в 20-30 км от границы с Советским Союзом (против стыка Московского и Пянджского погранотрядов) и далее переходило в глубокий горный каньон глубиной до 1 тысячи метров и протяженностью около 50 километров. Само ущелье представляло собой узкую долину вдоль реки Куфаб. В ущелье располагалось около 20 кишлаков. Там, в исключительно сложных горных условиях Куфабского ущелья базировалось крупное бандформирование под командованием Абдуллы Вахоба – одного из наиболее влиятельных полевых командиров северной части провинции Бадахшан, памирского таджика, державшего под полным контролем стратегические ущелья Куфаб, Машхад, Зардев, Джавай, Кавждара, Вардудж, Рагс, Варфад – приграничную с Пакистаном, Китаем и Таджикистаном территорию.

Проведенная здесь в августе 1981 г. операция, в которой принимал участие Кононов,

стрелу одной из афганских группировок, приходилось выслеживать и уничтожать душманов. В горах Памира у духов располагались базы оружия, боеприпасов, продовольствия. А к ним вели узкие высокогорные тропы, пройти по которым можно было лишь буквально след в след. Командование знало: поставленную задачу ликвидировать банду по силам выполнить ДШМГ.

Тогда в конце июля в район одноименной горы Сеабдашт (напротив участка 117-го Московского погранотряда был выдвинут СБО с большой группой афганских ополченцев. Отряд закрыл возможность перемещения банд в Рагском ущелье. Это ущелье было густо заселено и контролировалось душманами. Однако вскоре объединенные группы мятежников с тяжелым оружием, закрепились на подступах к Сеабдашту и начали готовить нападение на этот

населенный пункт. С целью предотвращения штурма командованием было намечено в ходе операции ликвидировать эту группу мятежников. И пограничники с честью справились со всеми поставленными задачами.

На территории Демократической Республики Афганистан, в районе горы Сеабдаш, была погранзастава, которая систематически подвергалась минометному об-

населенный пункт. С целью предотвращения штурма командованием было намечено в ходе операции ликвидировать эту группу мятежников. И пограничники с честью справились со всеми поставленными задачами.

Заместитель командира взвода Пянджской ДШМГ старшина Кононов осенью 1982 г. был демобилизован и вернулся в г. Серов. Он награжден знаком «Отличник погранвойск» 1 и 2 степени, медалью «Воину – интернационалисту от благодарного афганского народа», юбилейными медалями и медалями общественных организаций.

Сегодня Михаил Анатольевич Кононов – и.о. начальника управления персоналом АО «Серовский завод ферросплавов», но, несмотря на свою занятость, всячески поддерживает ветеранов боевых действий предприятия, объединенных в клуб «Боевое братство», участвует в патриотических мероприятиях.

После службы в армии прошло более 40 лет, но каждый год ветераны-пограничники собираются у одного из сослуживцев, живущего у озера Увильды.

А знакомый многим серовчанам музей «Боевого братства» появился по инициативе самих ветеранов войны в Афганистане. Руководство Серовского завода ферросплавов выделило помещение в цокольном этаже дома № 146 по улице Заславского.

– Когда мы только приступали к созданию музея, – рассказал Михаил Кононов, – нам генеральный директор завода Валерий Иванович Фадеев сказал: «Я вам дарю помещение, но ремонт вы делаете сами». И так приятно видеть горящие глаза мальчишек, когда они видят настоящее военное снаряжение, рассматривают документы, берут в руки оружие... И это лучше любых слов о патриотизме.

– Когда мы только приступали к созданию музея, – рассказал Михаил Кононов, – нам генеральный директор завода Валерий Иванович Фадеев сказал: «Я вам дарю помещение, но ремонт вы делаете сами». И так приятно видеть горящие глаза мальчишек, когда они видят настоящее военное снаряжение, рассматривают документы, берут в руки оружие... И это лучше любых слов о патриотизме.

Кузнецов Сергей Семёнович родился 3 мая 1952 года в Узбекской ССР. После окончания школы поступил в Ташкентское высшее танковое командное ордена Ленина училище имени дважды Героя Советского Союза маршала бронетанковых войск П.С. Рыбалко. В 1973 году начал службу командиром танкового взвода в Туркестанском военном округе. Интернациональный долг в Афганистане выполнял дважды: с декабря 1979 года по декабрь 1981 года и с мая 1987 по февраль 1989 года. Награждён орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу».

Так получилось, что лейтенант Сергей Кузнецов одним из первых зашёл в Афганистан 25 декабря 1979 года в составе 108-й мотострелковой дивизии. А закончил войну одним из последних, 15 февраля 1989 года, будучи уже во второй своей командировке в Афганистане.

«9 декабря 1979 года нашу 108-ю мотострелковую дивизию, расположенную на границе Узбекистана с Афганистаном в городе Термез, подняли по тревоге. И развернули в районе учебного центра дивизии до полного штата, где мы до 25 декабря проходили обучение боевым действиям в горах.

Призывались из запаса в основном люди, проживающие поблизости на территории Туркестанского военного округа. В военный городок прибыли первый заместитель начальника Генерального штаба генерал армии С.Ф. Ахромеев, которому о ходе формирования войск доложил командующий 40-й общевойсковой армией генерал-лейтенант Ю.В. Тухаринов.

25 декабря по понтонной переправе через реку Амударью, наведённой инженерными войсками Туркестанского и Киевского военных округов, мы переправились на противоположный берег, на территорию Афганистана.

По мере приближения к перевалу Саланг стали всё чаще встречаться горные ущелья. Когда проезжали мимо населённых пунктов, видели приветствовавших нас местных жителей. Нам показалось, что мы попали в средневековье, ведь 3 миллиона афганцев вели кочевой образ жизни...

Пока ехали изрядно продрогли. С помощью паяльной лампы разогрели консервы, попили чайку с галетами. Но согреться так и не удалось. Марш возобновился. Дорога серпантинном карабкалась к перевалу. Чем выше мы поднимались, тем чаще стали встречаться террасы и тоннели. На высоте более трех километров предстояло преодолеть Саланг – самый длинный из тоннелей, в два с половиной километра. В горах кругом лежал многометровый снег. Температура в тот день была ниже двадцати градусов. После Саланга начался крутой спуск. До Кабула мы двигались без остановок.

Подъехали к городу в тёмное время суток, и колонна остановилась в ожидании воинских подразделений. Разместились на окраине Кабула. До мая было тихо. А затем на наши колонны стали нападать душманы: минировали дороги, устраивали засады. Мы побатальонно ходили в рейды, сопровождали и охраняли автоколонны.

Через три месяца весь приписной состав был заменен на кадровый. Я был назначен помощником начальника штаба полка. Разработали операции по охране города и сопровождению колонн техники. Приходилось вместе с афганской народной армией в этих операциях принимать участие. Бывало очень жарко.

В ноябре 1981 года наш батальон за один день попал в засады в «зелёнке» на склонах гор три раза. Мы сопровождали колонну автоцистерн с керосином, следующую из Кабула в Газни. Из 25 машин до Газни дошли только 15. Три наших

БТР-70 были выведены из строя. Четверо наших бойцов погибли, восемь были ранены. В таких боевых условиях я был почти два года. Затем меня перевели на новое место службы. Тоже за границу, но уже в Германскую Демократическую республику, где прослужил пять лет.

В мае 1987 года – опять Афганистан.

Был назначен старшим помощником начальника штаба мотострелкового полка. Полк стоял в населенном пункте Руха и перекрывал входы и выходы из Панджшерского ущелья, по которому из Пакистана шли караваны «духов» с оружием.

Наши блокпосты, в составе взвода, высаживались с вертолетов в горы на преобладающие

Поэтому душманы любыми путями пытались установить контроль над ущельем. За 1987 год у нас погибло 42 человека, в 1988 году – 20 бойцов.

Приходилось и мне участвовать в боевых операциях. Наш полк вышел из Афганистана одним из последних 15 февраля 1989 года по Термезскому мосту. Позднее вышли только пограничники. Всех нас сразу распределили по разным частям. А меня направили в г. Чирчик, в то же самое танковое училище, которое я закончил, старшим помощником начальника отдела кадров.

После распада СССР, в 1994 году пришлось уехать по семейным обстоятельствам из Узбекистана. Выбрал дальнейшее место службы на Урале, где раньше проживал с семьёй мой

вершины и вели наблюдение за ущельем. В случае появления «духов» корректировали огонь нашей артиллерии. При этом сами очень часто попадали под обстрел моджахедов.

На этом направлении из Пакистана пролегла единственная дорога вглубь Афганистана.

дед. До 1987 года служил в Щелкунской части. Прошёл путь по служебной лестнице от командира взвода до старшего помощника начальника штаба полка. Закончил службу в звании подполковника в 1997 году. В настоящее время проживаю в Сысерти».

Родился в 1967 г. в Верхнем Тагиле Свердловской области. Принимал участие в боевых действиях на территории Афганистана с 1985 по 1987 год. Служил в 173 отряде специального назначения с местом дислокации – город Кандагар. Воинское звание – сержант, должность – заместитель командира 1 взвода 1 роты спецназа ГРУ. За мужество и героизм, проявленные при выполнении интернационального долга, награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу».

«Когда ввели наши войска в Афганистан, я еще учился. Я, мои одноклассники, друзья и родные не ощущали всей трагичности событий, пока в Верхний Тагил не стали приходить гробы с молодыми ребятами. Особенно мне запомнился момент, когда привезли хоронить соседа, он был моим другом. Мы ничего не знали о событиях в Афганистане, не было информации. Для нас в тот момент это была какая-то далёкая и непонятная война. Все понимание формировалось постепенно, в основном благодаря слухам, но толком никто ничего не знал, что и почему там происходит.

В 1985 г. я закончил городское профессионально-техническое училище в городе Кировограде, получил рабочую специальность электромонтера и поступил на работу в цех тепловой автоматики Верхнетагильской ГРЭС. Осенью этого же года меня призвали в ряды Советской армии. По призыву я должен был служить под Москвой в группе связи, нести боевое дежурство, грубо говоря – сидя в бункере полтора года. Мне это не нравилось сразу. Я рвался туда, в Афганистан! И на призывном пункте в Егоршино, когда представитель военкомата зачитал мою фамилию, я не вышел из строя, остался. Следом стала формироваться команда в Ашхабад, и я попросился в их учебное подразделение. Уже тогда мне было понятно – попав в Ашхабад, есть почти стопроцентный шанс попасть в Афганистан. Так и вышло. Чему на тот момент я был очень рад.

В учебной части сержантского состава, которая находилась в Ашхабаде, я прошел обучение по специальности: «Командир боевой машины пехоты». А вот уже после успешного окончания «учебки», в апреле 1986-го, меня для дальнейшего прохождения службы направили в Афганистан, в расположение 173-го отдельного отряда специального назначения 22-й отдельной гвардейской бригады специального назначения, которая дислоцировалась под г. Кандагар. Там я сразу был назначен на должность командира боевой разведывательной машины. Позже был переведен на должность командира 3-го отделения 1-го взвода, а весной 1987 назначен заместителем командира взвода.

Главными задачами, которые наш отряд спецназа выполнял в Афганистане, были разведка, уничтожение бандформирований мятежников и караванов, вскрытие и уничтожение баз и складов, ведение разведки караванных маршрутов и досмотр караванов, минирование караванных путей.

За время службы в подразделении специального назначения были дни, когда решение приходилось принимать за несколько секунд, а ошибка наказывалась смертью. Особенно запомнился мне боевой выход, который проводился осенью 1987 года в провинции Кандагар. До приказа Министра обороны об увольнении оставалось три недели. Это был «дембельский» выход разведчиков нашей 1-й роты. Дней за десять до этого я подошел к командиру роты с вопросом: «А можно с Вами сходить на «дембельский» выход? Не подведем!». Молодое пополнение оставили в расположении части еще немного подучиться и набраться опыта. Наше обмундирование, боевой арсенал каждого, сухие пайки и вода на 3 дня весили примерно 60-70 килограммов. У меня еще была рация. И вот это всё носил на себе по горам восемнадцатилетний пацан по 5-6 дней. В рюкзак десантника всего старались набить побольше, особенно боеприпасов, не на пикник же ходили. Особо выносливые бойцы сшивали два рюкзака вместе как жилет – рюкзак спереди, рюкзак сзади. Присаживались, надевали, а поднимались с помощью сослуживцев или опираясь на автомат. За ночь обычно преодолевали 10-15 километров, да еще по горам. А помимо физической подготовленности и выносливости спецназовцу нужны «мозги», способности быстро мыслить, принимать точные и единственно правильные решения. Вот «дембеля» и решили:

«А можно с Вами сходить на «дембельский» выход? Не подведем!». Молодое пополнение оставили в расположении части еще немного подучиться и набраться опыта. Наше обмундирование, боевой арсенал каждого, сухие пайки и вода на 3 дня весили примерно 60-70 килограммов. У меня еще была рация. И вот это всё носил на себе по горам восемнадцатилетний пацан по 5-6 дней. В рюкзак десантника всего старались набить побольше, особенно боеприпасов, не на пикник же ходили. Особо выносливые бойцы сшивали два рюкзака вместе как жилет – рюкзак спереди, рюкзак сзади. Присаживались, надевали, а поднимались с помощью сослуживцев или опираясь на автомат. За ночь обычно преодолевали 10-15 километров, да еще по горам. А помимо физической подготовленности и выносливости спецназовцу нужны «мозги», способности быстро мыслить, принимать точные и единственно правильные решения. Вот «дембеля» и решили:

успеют еще молодые навоеваться. В спецназе с этим проблем нет.

В сумерках наша группа высадилась из вертолета в район Мельтанайского ущелья. Скрытный марш по горам подходил к концу, мы подходили к месту организации засады. К часу ночи вышли со стороны гор и стали спускаться на сухое русло реки, когда послышался рев тяжело нагруженного автомобиля. По команде группа заняла огневые позиции на высоком берегу сухого русла, разделившись на три подгруппы. Две, по семь человек, расположились по фронту с расстоянием около пятидесяти метров. Еще одна – посередине, но чуть дальше в тыл на пятьдесят метров. Я и два снайпера, вооруженных винтовками с приборами бесшумной стрельбы, находились рядом с командиром роты немного впереди, на равном расстоянии от всех трех подгрупп. Помню, что в тот самый момент полная луна, всю дорогу светившая прямо в глаза, ушла в сторону и я подумал, что при стрельбе с использованием ночного прицела о лучших условиях стрельбы нельзя было и мечтать. Не менее 10 единиц нашего стрелкового оружия были оснащены приборами для ночной стрельбы и пристреляны накануне в «копеечку». Главный расчет мы делали на внезапность, но в этом заключался и большой риск. Чтобы двигаться бесшумно и быстро, мы не взяли на операцию

тяжелое вооружение, имели при себе только автоматы и ручные пулеметы, но зато почти все они были снабжены ночными прицелами, что уравнивало шансы при неожиданной встрече с противником. Учитывая, что расстояние, как до родного 173-го отряда, так и до соседнего Шахджойского, было не менее ста километров, и противостоять духам, вооруженным тяжелым оружием, до подхода брони было весьма про-

блематично. К тому же, по агентурным данным, в этом районе действовали мобильные группы «духов», вооруженные тяжелым вооружением по борьбе с группами спецназа. Но у нас был припрятан козырь – армейская и штурмовая авиация, взаимодействие с которой было отработано на всех уровнях. Были случаи, когда приданная вертолетная эскадрилья вылетала на поддержку и эвакуацию, возвращалась на аэродром, а только потом получала «добро» от командного пункта Военно-воздушных сил на вылет.

Все замерло, но долго ждать не пришлось. Через несколько минут из-за поворота сухого русла показался пикап полный «духов», которые что-то громко орали, перекрикивая шум автомобиля. Это было охранение каравана, возвращавшееся после проверки маршрута его движения. Прошли секунды на принятие решения. Что бить, охранение каравана или караван, вышедший из кишлака? Если упустить охранение, то после взятия каравана намечалась серьезная разборка с пропущенным охранением. Нам до подхода резервной бронегруппы надо было продержаться минимум 6 часов, ведь мы находились в сотне километров от пункта постоянной дислокации.

В этот момент из приближающегося автомобиля грохнул одиночный выстрел. Это был сигнал к выходу каравана с оружием, и как подтверждение с окраины кишлака в направлении группы, в свете луны отблескивая стеклами, вышли первые три автомобиля. Набитый битком душманами джип стремительно приближался к месту засады. Все ждали команды командира, я до сих пор помню стрекот цикад, запах

верблюжьей колючки, бешеный стук сердца. На принятие решения отводились считанные секунды. Вот-вот должен был появиться грузовик с оружием, а ошибка могла стоить жизни. «Огонь!», – не услышал, а скорее, почувствовал я негромкую команду для двух спецназовцев, вооруженных автоматами с приборами бесшумной стрельбы. Первыми же выстрелами был уничтожен водитель и старший машины, двигатель джипа тут же заглох. В тишине было слышно только фыркание «глушителей», лязг затворов и громкие шлепки пуль. То, что их убивают, «духи» поняли не сразу, а только после пятого или шестого выстрела. Это открыли огонь с ближайшей горки наши гранатометчик и автоматчики. В ответ прозвучали два выстрела из гранатомета и две автоматные очереди в

небо, так как прицельно вести огонь «духи» не могли – мы не применяли трассеры, а сразу месторасположение засадной группы по звуку выстрелов определить было невозможно. У меня

к джипам и вынесла захваченное оружие и боеприпасы, среди которых были автоматы китайского производства, пулеметы, гранатометы, пистолеты и много боеприпасов».

в нагруднике был один магазин с трассерами, но они применялись в крайних случаях, только для наведения авиации при заходе самолета на боевой курс. Бой продлился недолго. Душманы, так и не поняв, откуда исходит опасность, в панике разбежались. Командир сунул мне в руки бинокль: «Кузя! Корректируй». Я направлял огонь, пока всё не стихло. Досмотровая группа спустилась вниз, осмотрела машину и доложила о выполнении задачи – уничтожено 17 душманов, не ушел никто.

После этого часть нашей группы спустилась

Кулёв Павел Дмитриевич родился 5 марта 1959 года в небольшом городке Чадыр-Лунга на юге Молдавии. В детстве посещал художественную школу, которую в то время открыл в городе молодой талантливый художник и педагог

Дмитрий Еребакан. В школьные годы, кроме художественной школы, посещал военно-патриотический клуб, занимался боксом. При выборе профессии это сыграло решающую роль. Закончил Бакинское высшее общевойсковое командное училище. Служил в частях специального назначения в Киевском военном округе. С 1984 по 1986 г. выполнял интернациональный долг в Демократической Республике Афганистан в составе 177-го отдельного отряда спецназа ГРУ. За проявленные в боях мужество и героизм награжден орденом Красной Звезды. Затем служил в Закавказье, на Урале.

Время для своего самого главного увлечения в жизни Павел Кулев находил всегда, даже в Афганистане, делая наброски, эскизы. Война наложила особый отпечаток на творчество Павла Дмитриевича и стала лейтмотивом его работ. Потеря боевых товарищей, беспощадность войны и мужество человека перед лицом смерти оставили глубокий след в памяти художника. В Афганистане зачастую рисунки создавались на совсем неподходящих «холстах» – обрывках старых записей, досках от ящиков с боеприпасами, но это нисколько не мешало художнику передавать особый колорит восточной страны. Темами его работ стали служба советских офицеров и солдат ограниченного контингента, повседневная жизнь афганцев и загадочная природа Афганистана.

Воспоминания о Родине, мирной жизни «согревали» в далекой стране, что отразилось во многих работах художника, созданных на войне. Это очень нравилось товарищам, уезжая, они просили на память его работы. С 1993 года – преподавательская работа на военной кафедре УПИ. С 2003 года – работа в структуре МЧС.

Проживает в Екатеринбурге. Участвовал в коллективных выставках в Екатеринбурге, Нижнем Тагиле, Рязани. В 2013 году проходила его персональная выставка в г. Белград (Сербия). Работы П.Д. Кулева находятся во многих частных коллекциях и музеях.

В настоящее время Павел Дмитриевич – специалист Управления культуры г. Екатеринбурга по гражданской обороне и чрезвычайным ситуациям.

«Я окончил в 1981 году Бакинское общевойсковое училище и был направлен в Киевский

округ в части специального назначения ГРУ (ныне ГУ Генштаба ВС РФ). Спустя три года начальник штаба бригады вызывает к себе. Человек – заслуженный, сам полгода назад вернулся из Афганистана, награжден двумя орденами Красного Знамени и орденом Красной Звезды, его даже к званию Героя Советского Союза представляли...

Он усадил меня на стул и начал издали, вопросами про семью, про жилье. Потом сказал: «Вам предлагается убыть для прохождения дальнейшей службы в страны с жарким сухим климатом».

Я понял, что речь идет про Афганистан. Прошел комиссию на годность – и в июле 1984 года убыл, как тогда говорили «за речку».

Старший лейтенант Павел Кулёв

Представьте, вы прибыли из цивилизованной страны в царство полнейшей нищеты. С другой стороны, это страна контрастов: можно увидеть простого крестьянина, вспахивающего свои небольшие уголья деревянным плугом даже без стального сердечника, а на спине висит современный японский магнитофон, каких мы в Союзе даже не видели, из которого раздаются религиозные напевы.

Наши боевые действия имели свою специфику. Когда ты действуешь в составе полка или другого подразделения, и в бой идешь в общей цепи – это одно. А в спецназе ты на 200-300 километров удален от крупных военных баз, от подразделений, которые могли бы тебя поддержать огнем в случае чего. Потому шаблонов быть не может, там каждый бой, как в первый раз, и при этом он должен быть продуман до мелочей.

Помню, в наш батальон привезли машину «Датсун» для выполнения специальной задачи. Выбор комбата пал на меня. В течение месяца я отращивал бороду, чтобы сойти за местного жителя. Мы готовились к выходу в глубокий тыл противника. В рейде участвовала малочисленная группа, всего пять человек. Предстояло углубиться на территорию душманов на 250-300 километров, из них километров 120 надо было двигаться по большой «зеленке». Нужно было

выяснить, где противник минирует участки дороги, как их обозначает для своих, чтобы не подорвались.

Естественно, все мы были одеты в национальную афганскую одежду. К сожалению, языки местного населения – дари, фарси, пушту – знали недостаточно хорошо, поэтому в таких рейдах речевые контакты с возможным противником старались не допускать.

Мы уже километров тридцать проехали по «зеленке», и вдруг выходит с автоматом душман – «Стой!» Ну, все, думаю, приехали. Сейчас нас, наверное, будут убивать.

Незаметно даем сигнал по радиостанции ребятам, едущим в кузове, чтобы те в случае чего «знали свой манёвр». В кузове была сделана станина с пулеметом ДШК, вроде тачанки, чтобы отстреливаться от погони.

Но погони в тот раз не случилось. Душман хладнокровно так, лениво посмотрел на меня, сгреб с дороги песок, открутил взрыватель от спрятанной мины, и махнул рукой – мол, проезжай. Оставалось лишь запомнить, где эта мина лежала, и каким условным значком обозначена.

Мы три дня пробыли в тылу. А на обратном пути едва не попались. До конца «зеленки» оставалось совсем чуть-чуть, километров 20 проехать – и уже наша территория.

Нас опять остановили. Но на сей раз часовой что-то заподозрил, внимательно на меня посмотрел, схватился за кобуру. Что делать? Решение пришло неожиданно. Я высунулся из машины и говорю ему «Ду ю спик англиш?» Он на секунду расслабился, обрадовался, залопотал «Дуст, дуст!», то есть «Друг, друг!»

Дальнейшее решили быстрота реакции и бесшумный пистолет. Мы рванули с места, в кузове откинули полог и открыли по преследо-

вателям огонь из ДШК. Те в ответ выстрелили из гранатомета, но граната, к счастью, рванула за машиной, только одного бойца немного зацепило осколком.

За эту боевую операцию я был награжден орденом Красной Звезды.

Чем я благодарен Афганистану? Мне этот вопрос часто задают. У меня однажды серьезно ранило солдата, я пошел в медсанбат его проводить. В разговоре он разоткровенничался и говорит: «Знаете, товарищ старший лейтенант, был у меня в детстве такой момент: моего младшего брата в школе избивали трое мальчишек постарше, а я все видел, но побоялся вступить. Было потом очень стыдно. Так вот сейчас такого бы не случилось. Сейчас я уже не боюсь». Видимо, что-то у человека на войне переламывается, в его характере, в его поведении. Люди становятся закаленными. Вот за эту закаленность, видимо, я и благодарен службе в Афганистане.

Повлиял ли Афганистан на мое увлечение живописью? Конечно! Я рисовать с детства любил, но в профессии художника себя не видел. Но даже «за речкой» находил время, чтобы сделать портреты друзей, какие-то пейзажные наброски. Когда в 2002 году уволился с военной службы в звании полковника, времени у меня на разные хобби появилось вполне достаточно. И я возобновил занятия живописью. Сначала это были первые робкие шаги с оглядкой на профессионалов из нашей афганской среды. Ну, и, конечно, учился у классиков, особенно у Левитана и Куинджи, так как пейзажи – мой любимый жанр. Сейчас в основном их и пишу, в первую очередь стараюсь запечатлеть красоту уральской природы, но пейзажи афганские тоже появляются – по памяти и по сохранившимся наброскам».

Октябрь 1983 года, кишлак Алихейль в провинции Нанганхар

Полковник запаса Кунявский Геннадий Семенович родился в Белоруссии в 1958 году. После окончания школы работал слесарем-сборщиком на Минском автомобильном заводе. В армию был призван 3 ноября 1976 года, окончил в 1981 году Свердловское высшее военно-политическое танко-артиллерийское училище. С 1983 по 1985 год выполнял интернациональный долг на территории Демократической Республики Афганистан в составе 56-й гвардейской отдельной десантно-штурмовой бригады (г. Гарdez). Кавалер ордена Красной Звезды. Служил в Белоруссии, Афганистане, Монголии, Забайкалье, Башкортостане, на Урале. Закончил службу в звании полковника на должности преподавателя Института военно-технического образования и безопасности УГТУ-УПИ.

В Афганистане офицер начал службу в 1983 году в 56-й отдельной десантно-штурмовой бригаде сначала замполитом десантно-штурмовой роты, затем – помощником начальника политотдела по комсомольской работе.

В первом же бою ему пришлось почти в упор убить первого душмана. Шли по водостоку перпендикулярными курсами, а в конце столкнулись нос к носу. Геннадий уже третий день был в Афганистане, почти рейнджер, глаза квадратные, рука всегда на спусковом крючке, затвор автомата передёрнут. Ну, а душман шёл с американской винтовкой М-16, она с ручкой – вот он её за ручку-то и держал... И когда встретились, дёрнулись – Кунявский непроизвольно нажал на курок, и в него влетели все 45 пуль – у офицера был магазин не от автомата, а от ручного пулемёта, «сорокапятка». Душмана откинуло назад, потом обратно, и всё, что он ел на завтрак, обед и ужин, оказалось на мне... Кунявский посмотрел на это всё... и упал рядышком. После этого трое суток не то что есть – пить не мог. Пока его доктора не поставили на ноги.

Как бы ни пафосно это звучало, но в первую очередь, когда разговор заходит о службе в Афганистане, офицеру вспоминается армейская дружба и взаимовыручка: «Это была суровая проза жизни. Потому что, когда ты ведёшь бой

МОЯ ВОЙНА. АФГАНИСТАН

и знаешь, что тебе спину надежно прикроют, всегда спокойнее. Когда твой товарищ знает, что ты его прикроешь, то ему спокойнее. Но самое главное, что, когда мы прикрываем друг друга, мы оба имеем гораздо больше шансов выжить. А если бы во время войны каждый был сам по себе? Перебили бы поодиночке.

Песни писать я начал именно в Афганистане. А стихи писал ещё со школы, со второго-третьего класса. Но положить стихи на музыку и ис-

полнять их под гитару меня надоумили добрые люди уже в Афганистане. Я говорю: «Ребята, я не умею на ней играть, я вообще пианист, окончил музыкальную школу по классу фортепиано...» Они мне: «Ну, где мы тебе здесь фортепиано найдём? Бери гитару и учись!»

Пришлось учиться. В Афганистане Геннадий написал много песен, тогда у него всё больше получалось что-то лирическое, но лысина и седина чуть-чуть ума прибавляют, и сейчас стихи его стали более политическими – от этого никуда не денешься.

Когда офицер спецназа Кунявский вернулся из Афганистана, то вначале считал, что если он честно выполнял свой воинский долг, помогал братскому народу строить новую жизнь, то, хотя бы, может рассчитывать на уважение. Но тогда стране уже было не до них, раненных, контуженных ветеранов. Бывало, «афганцам» даже говорили: «Мы вас туда не посылали...» Геннадий возражал и интересовался: «Скажите, мне что, в организме свинца не хватало, что я сам туда полез?»

Но история – вещь такая, она всё расставляет по своим местам. Сейчас, видя всё, что случилось, и анализируя то, что было тогда, можно сказать, что у многих думающих людей изменилось мнение о той войне. Считается, что ввод войск в Афганистан – это ошибка. Но Кунявский

и его товарищи уверены, что совсем не ввод, а вывод войск из Афгана был громаднейшей трагической ошибкой, которая имела ужасающие последствия для нашей страны.

С 2008 по 2022 гг. Геннадий Семенович Кунявский – главный научный сотрудник Уральского государственного военно-исторического музея, заведующий отделом по работе с посетителями. Автор сборника стихов, диска с военно-патриотическими песнями и нескольких сборных песенных дисков. Является лауреатом многих региональных конкурсов авторской песни.

Родился в 1966 году в г. Ирбит. Международный долг в Афганистане выполнял с 1984 по 1986 гг. в Пянджском пограничном отряде в должности командира отделения автоматических гранатометов десантно-штурмовой маневренной группы, воинское звание – старший сержант.

сразу по прибытию в часть с молодыми воинами провели занятия, где разъяснили, как вести себя с местным населением, какие у них традиции, обычаи. Это в дальнейшем очень помогло избежать недоразумений и острых моментов в общении.

Боевая деятельность мотоманевренных групп Пограничных войск заключалась в патрулировании и в разведывательно-поисковых действиях в зонах ответственности. Но Куткин с боевыми товарищами принимал участие и во многих боевых операциях. Самой масштабной была операция по ликвидации укрепрайона и душманских банд в районе Мазари-Шарифа, откуда отряды мятежников постоянно совершали вылазки для нападения на объекты советских войск. Учитывая труднейшие горные условия этого района и высокую степень подготовки его мятежниками к защите (многоярусная оборона с использованием пещер в каньонах, плотное минирование горных троп и перевалов с применением управляемых фугасов, минных полей и пр.) к операции привлекались значительные силы. Их основу составляли пять пограничных мотоманевренных групп (численностью около 2 тысяч человек) и авиационный полк САПО, а также несколько афганских армейских и пограничных подразделений. Действия группировки поддерживались авиацией и артиллерией. Операция завершилась полным разгромом мятежников с большими для них потерями. Было захвачено и уничтожено большое количество оружия и боеприпасов.

Хорошо запомнилась Ташкурганская операция 1985 года по разгрому горных баз противника. Операция прошла успешно (завершилась

О войне в Афганистане Вадим впервые услышал в школе. Учителя, родители, друзья считали, что раз в соседней стране началась гражданская война, то наш долг вмешаться и помочь мирному народу самостоятельно выбирать и строить свое будущее. В газетах того времени писали, что СССР вошел в Афганистан, чтобы поддержать установившуюся там союзную социалистическую власть. Это было необходимо, чтобы остановить продвижение радикальных религиозных течений на дальних подступах к нашей территории.

В школе сержантского состава Вадиму сразу объяснили, что учиться надо на совесть, ведь следующее место службы воюющий Афганистан. Когда Вадим написал об этом родителям, они переживали очень сильно, особенно отец, который сразу сказал, что он не хочет, чтобы сын отправлялся на войну. Но Вадим не стал «косить», он твердо решил: раз надо, значит надо.

Простые афганцы поразили его своей бедностью – примитивные орудия труда, изношенная одежда, дырявая обувь. Еще на «пересылке» и

в первых числах апреля). Было уничтожено около 300 мятежников, около 150 взято в плен (в том числе несколько главарей банд), изъято большое количество единиц различного оружия, пулеметов ДШК (Дегтярева-Шпагина крупнокалиберный), несколько минометов, большое количество боеприпасов.

За участие в Ташкурганской операции личному составу воюющих подразделений Пограничных войск была объявлена благодарность председателя КГБ СССР Чебрикова В.М.

Взвод автоматических гранатометов, в котором служил старший сержант Куткин, был предназначен для поражения живой силы и огневых средств душманов, расположенных открыто и за складками местности. АГС способен подавить живую силу противника на площади до 1000 м², поставить заградительный огонь на рубеже до 100 м.

За мужество и героизм, проявленные при выполнении интернационального долга старший сержант Куткин был награжден медалью «За боевые заслуги».

сказывает Александр Лобанов, – даже сейчас помню, как нас готовили. Полевые практические занятия проходили в горном учебном центре, расположение которого максимально было приближено к условиям будущих боевых действий. Уже потом, в Афганистане, можно было это сопоставить и сравнить, но, находясь в учебке, мы узнали, что наша дальнейшая служба будет проходить «за речкой».

Александра определили в учебную роту снайперов. Стрельбы были из разного вида оружия, ночные стрельбы, рытье окопов, контрольная полоса препятствий, марш-броски и много еще всего. Бывало нелегко, но всегда интересно, а главное – эта подготовка очень пригодилась в ходе боевых операций. После трех месяцев «учебки», сдав экзамены и зачеты по стрельбе, в конце июля 1986 года на военных КАМАЗах всех «выпускников» отправили в военный аэропорт Термеза, где на следующий день ИЛ-76 доставил ребят в столицу Афганистана город Кабул.

Александр Владимирович Лобанов родился 27 февраля 1967 года в городе Краснотурьинск Свердловской области. Интернациональный долг в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане выполнял с августа 1986 г. по июнь 1988 года. Принимал участие в боевых действиях в провинциях Герат, Шинданд. Награжден медалями «За боевые заслуги», «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа», нагрудным знаком «Отличник Советской армии», а также юбилейными медалями.

«Призвали меня на службу в армию 10 апреля 1986 года, уже тогда было известно, что я попаду в Афганистан, правда, ни я, ни мои близкие, об этом не знали, – вспоминает Александр Владимирович Лобанов, – в приписном свидетельстве значилось, что я приписан в команду 20А, а что это обозначало, я узнал только когда прибыл в Афганистан».

Первым пунктом (впрочем, как и у всех призывников Свердловской области) был областной сборный пункт в Егоршино. Пробыв там несколько дней, молодежь отправили в 32-й военный городок в Свердловске, где выдали форму и уже через 7 дней отвезли в аэропорт, отсюда – самолетом в Душанбе. На Северном Урале в апреле еще лежал снег, а прилетев в Душанбе, ребята попали в настоящее лето – там стояла солнечная и жаркая погода. Из Душанбе дальнейшая дорога была уже поездом, который привез призывников в Термез (горный учебный центр Шерабад).

«Вот это была «учебка», где нас обучали военному делу. Вот это была подготовка, – рас-

«Попали на пересыльный пункт, – вспоминает Александр Владимирович, – где я встретил своего земляка-краснотурьинца Сергея Лобачева, с которым, кстати, после службы в армии некоторое время работал в Краснотурьинском ЛПУ. В Афганистане все пытались найти кого-то из земляков, тогда это было для нас очень значимо, ведь мы находились на чужой земле. На пересылке мы были около двух недель. В это время уходили на дембель отслужившие солдаты, смотрели мы на них с восхищением, это были настоящие мужики, крепкие, возмужалые, и мы... по сравнению с ними совсем еще пацаны, даже не верилось, что через какие-то два года мы также будем уезжать домой.

Затем на самолете АН-12 нас отправили в Шинданд, а оттуда на БТРах в город Герат в 12-й мотострелковый полк, где мы пробыли на «карантине» две недели. По истечении этого времени меня отправили к месту прохождения службы на 14 заставу.

На 14 сторожевой заставе было 16 человек, 3 БТРа. Начальник заставы – лейтенант Юрий Кудрявцев, командир взвода лейтенант Дмитрий Степанович Кулик, заместитель командира взвода – сержант Виктор Моторный (из города Златоуста Челябинской области)».

Главной задачей подразделения было контролировать трубопровод, по которому поступало в Шинданд топливо. Трубопровод тянулся вдоль трассы, душманы трубу часто простреливали, а потом устраивали засаду на прибывших ремонтировать неисправность советских военнослужащих. Каждые два часа дежурная смена патрульно-аварийной команды объезжала трассу в районе ответственности подразделения. Объезд всегда совершали на двух БТРах. Наводчики постоянно находились за пулеметами, на которые были установлены «Луны» – небольшие прожекторы. Так в ночное время удобнее вести огонь.

«Мы уже знали, где чаще происходят диверсии на трубе, – объясняет Александр Лобанов, – в местах, где пробита труба – или лужа, или фонтан, или запах. Когда БТР отправляется на

объезд трассы, сразу выходит на связь. Следует отметить, когда выходили на трассу, были постоянные доклады, что все проходит нормально. Если следует доклад, что на каком-то участке прорыв трубы, выходит второй БТР. Один БТР прикрывает действия второго, чтобы никто посторонний не подошел. Однако часто места, где сделаны пробоины, минировали. Поэтому, прежде чем начинать восстанавливать трубу, ее стаскивали «кошкой», а затем заменяли поврежденный участок. Бывало, что пробивали большое количество труб, тогда вызывали роту из Адраскана.

Топливо у местных жителей ценилось очень дорого. Поэтому пробивали трубу не только в качестве диверсии, но с целью наживы. На входе в трубу стояли датчики. Как только давление падало – значит, пробоина. Срабатывали механизмы, и подача топлива сразу прекращалась.

Во время службы не получалось служить в одном месте, был перевод на другую заставу, там у меня был земляк из Серова, призванный на полгода раньше – Андрей Ракитин».

Закончил Лобанов службу в звании старшего сержанта, в должности заместителя командира взвода. По его признанию, за время службы очень многое для него сделали командиры, которые сами умели всё, и настойчиво обучали подчиненных. Именно там, Александр понял, что основа армии – ее офицеры.

Перед увольнением Лобанова в запас командиром роты назначили капитана Александра Павловича Домрачева, который в настоящее время проживает в Ляле.

Не все моменты любит вспоминать о службе в Афганистане Александр Владимирович. Особенно те скорбные минуты, когда с заданий не возвращались боевые товарищи. Сам он к концу июня 1988 года уже был дома, в родном Краснотурьинске, где его тепло встретили родные и близкие.

Максимов Алексей родился в 1965 году в городе Шумиха Курганской области. После окончания Ирбитского мотоциклетного техникума был призван на армейскую службу. Интернациональный долг в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане проходил с 1984 по 1986 гг.

национальный долг в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане проходил с 1984 по 1986 гг.

Про Афганистан в газетах и по телевидению рассказывали мало и как-то неохотно. Слухи, конечно, доходили, что там идет самая настоящая война, но Алексея больше интересовали другие дела. Еще бы: школу вот-вот закончит, друзья, девчонки... Даже в техникуме преподаватели помалкивали. Может, сами не владели информацией, может, не хотели отвлекать ребят от учебы. Так продолжалось до тех пор, пока не пришла повестка в армию. Вот там, после встречи с военным комиссаром, всё, как будто, изменилось в один день. Родные, к слову сказать, не плакали и не переживали, потому что сами ничего не знали: подумаешь – помогают строить новую жизнь, деревья сажают, школы строят... Так у нас всегда в армии солдаты что-то строят.

Три с половиной месяца Максимов проходил специальную подготовку в городе Грозный,

затем в августе самолетом из Ростова через Самарканд ребята улетели на войну.

Началось, конечно, с политической подготовки. Замполит объяснил, какие особенности и традиции существуют у афганского населения, что можно делать, а что ни в коем случае нельзя, о традициях и мусульманской вере.

Служить рядовому Максимова довелось в 12 реактивной батарее 4 дивизиона прославленного 1074-го Львовского Краснознаменного ордена Богдана Хмельницкого артиллерийского полка 108-й мотострелковой дивизии, который дислоцировался в Теплом Стане неподалёку от Кабула. В состав артиллерийского полка входили четыре дивизиона: гаубичный самоходный артиллерийский дивизион, смешанный артиллерийский дивизион, гаубичный артиллерийский дивизион и реактивный артиллерийский дивизион – представители самых мощных артиллерийских систем на территории Афганистана.

Батарея, в которой служил Максимов, была поделена на два взвода. Один находился в Баграме, а второй – в Джабаль-Уссарадже. Он принял участие в 14 боевых операциях, в основном, в районе перевала Саланг, который являлся важнейшей перевалочной точкой в транспортной системе Афганистана.

Война в Афганистане в очередной раз показала, что важнейшим условием достижения победы в бою было и остается эффективное огневое поражение противника, основным средством достижения которого являлась артиллерия.

В ходе боевых действий ограниченного контингента советских войск в Афганистане артиллеристы выполняли целый спектр задач, среди которых основными являлись: артиллерийское обеспечение крупномасштабных наступательных действий войск; огневая поддержка мотострелковых и воздушно-десантных подраз-

делений в зонах их ответственности; охрана и оборона важнейших военных и народно-хозяйственных объектов; проводка и сопровождение колонн; обеспечение выхода из боя и отхода войск после выполнения боевых задач.

Случались, конечно, в боевых условиях и нестандартные ситуации, самая запомнившаяся из которых произошла как раз на Саланге. В основном, артиллерийское вооружение надежно функционировало при высоком режиме огня и в сложных метеорологических условиях Афганистана: большой запыленности воздуха и высокой температуре. Однако в ходе эксплуатации выявился ряд особенностей, которые существенно влияли на его надежность и живучесть. Так, при подготовке к проведению боевых действий требовалось подвергать тщательному осмотру все реактивные снаряды, транспортировка которых в транспортно-заряжающих и транспортных машинах по бездорожью приводила к нарушению целостности реактивных двигателей. Это, в свою очередь, приводило порой к разрыву снарядов в пакете направляющих боевых ма-

шин во время пуска. Интенсивная эксплуатация образцов артиллерийского вооружения при повышенной температуре и запыленности воздуха в ряде случаев являлась причиной отказа механизмов и узлов орудий и боевых машин РСЗО. В частности, при стрельбе систем залпового огня происходило ослабление отдельных стяжных лент пакетов направляющих, а в работе механизмов досылания ослаблялось крепление деталей, узлов и приборов к корпусу. Как раз такой случай и произошел во время стрельбы: пакет развалился и все сорок снарядов с него сошли. Командир и водитель машины получили травмы. Еще запомнилась гибель двух артиллеристов из соседней батареи. Когда выбирали боевую позицию, их машина подорвалась на противотанковойmine.

За выполнение боевых задач Алексей Максимов был награжден медалью «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа» и грамотой Верховного Совета СССР.

В Афганистан Максимов очень хочет вернуться. Хотя бы одним глазком увидеть те места, где служил и воевал. Чтобы опять пахнуло в лицо сухим ветром, в ушах раздались голоса друзей, команды офицеров, грохот артиллерийских батарей.

Родился в городе Кушва Свердловской области. До пяти лет проживал с родителями в селе Нижняя Ослянка. Школу закончил в городе Ташкент.

В октябре 1979 года Леонида призывали в армию.

в долину, что каждый вдох буквально опалает непривычные легкие.

Поднимаясь на перевал, колонна обычно останавливалась, чтобы «отдохнули» перегретые двигатели машин, а солдаты выходили и... играли в снежки. Вот такие чудеса климатических особенностей Афганистана. Обычно передвигались на БТР-60 ПБ или БТР-80, которые «принимали на борт» шесть стрелков и имели сильное вооружение: пулемет КПВТ (крупнокалиберный пулемет Владимира), калибра 14,5 мм, который являлся тогда одним из самых мощных пулеметов, которые когда-либо исполь-

Собственно говоря, Леонид с детства мечтал стать военным. Он всегда помнил, что дед его героически погиб в Великую Отечественную войну и хотел стать офицером.

В те годы служба в армии считалась почетной, юноши стремились попасть на службу в десант, погранвойска, проявить свои способности, научиться защищать Родину. Служили честно и добросовестно своему Отечеству. Служили не за деньги, вспоминает Медведев, а чтобы было всё по справедливости.

Вначале Медведев служил в учебном подразделении войск связи в городе Иркутск. После полугода обучения на оператора радиолокационной станции Медведеву было присвоено звание «младший сержант». Для дальнейшего прохождения службы он был направлен в 1-й гвардейский мотострелковый Севастопольский Краснознамённый, ордена Александра Невского полк имени 60-летия СССР 2-й гвардейской мотострелковой Таманской ордена Октябрьской Революции, Краснознамённой, ордена Суворова дивизии имени М.И. Калинина. Как видно из наименования, полк и дивизия имеют славную боевую историю.

В 1986 году лейтенанта Леонида Медведова направили выполнять интернациональный долг в Афганистан.

Там начальник разведки батальона Медведов получил очередное воинское звание «старший лейтенант». Вскоре его назначили командиром роты. Для солдат в Афганистане к тому времени быт уже был организован хорошо: чистое бельё, калорийная еда, даже машина с кинопроектором регулярно приезжала на заставу. В горном Афганистане ведь как: светит яркое солнце, а через минуту глядишь – непроглядная ночь, можно садиться в импровизированном кинотеатре смотреть фильм. Натягивали простынь вместо экрана, ставили скамейки и, хоть ненадолго, переносились в другую жизнь. Смотрели «Москва слезам не верит» и другие лучшие отечественные киноленты. Особенно «на ура» шел любимый фильм советских космонавтов «Белое солнце пустыни». Особенно похожа на афганскую в фильме была погода. В Афганистане жара такая, особенно когда спустишься с гор

звались в армиях мира, потому что сочетал в себе бронейность противотанкового ружья и скорострельность обычного пулемета, а также 7,62-мм пулемет ПКТ (пулемет Калашникова танковый), который спарен с основным пулеметом. Скоростной, маневренный, он спас в боях не одного солдата, огромное за это спасибо нашим конструкторам и разработчикам.

Если какая-нибудь из машин в колонне ломалась, получала повреждение в результате подрыва или обстрела из засады, наша задача была столкнуть ее на обочину, чтобы вся колонна как можно быстрее преодолела опасный участок дороги.

Ехали в колонне обычно по 6-8 часов, иногда всё светлое время суток – скорость была небольшая, впереди, как правило, постоянно работали сапёры с собаками, чтобы исключить подрывы на минах, а минная война в Афганистане заслуживает, поверьте, не одного рассказа. Тогда солдаты, чтобы скоротать время, пели песни. Сидя в раскаленной броне, испытывая недостаток воздуха, они пели о Родине, любимых. В месте постоянной дислокации, при передвижении по плацу или в столовую, репертуар, конечно, был другой: «Идет солдат по городу», «Стоим мы на посту, повзводно и поротно» и другие.

Были в Афганистане и праздники. Обычно в День рождения именинник вызывался из строя, командир объявлял, что у него сегодня День рождения, все хлопали, поздравляли. Обычно к этому дню родители солдата старались отправить письмо, открытку, посылку, которая сообщая съедалась в обед или за ужином. Давали возможность имениннику побольше отдохнуть. Это, разумеется, лишь маленькая частичка тепла, которую можно было дать человеку, но она присутствовала.

Самым счастливым днем во время службы в Афганистане Леонид Медведев считает 2 мая 1984 года, когда у него в Союзе родилась дочка Евгения. Семья Леонида очень переживала, волновалась все дни, пока он служил в Афганистане, но таков долг офицера, который, как известно, войну не выбирает, а в любых условиях обязан добросовестно и честно выполнять свой долг перед Родиной. Жена, родители старались

поддержать Леонида письмами, которые исправно приносил ротный почтальон.

Между солдатами и офицерами всегда были уставные взаимоотношения, без излишней строгости, но и без панибратства. Даже к безоружным пленным, которых захватывало разведподразделение, относились без ненависти, спокойно.

«Через мои руки, голову и сердце в Афганистане прошло более 230 человек, офицеров и солдат. Всех национальностей: русские и украинцы, узбеки и таджики, литовцы и латыши. Все нормальные ребята, все служили добросовестно, стояли друг за друга горой. Причиной сложившегося сегодня печального положения дел в межнациональных отношениях, Медведев, в первую очередь, видит в развале Советского Союза, после которого народы пошли каждый своей дорогой. Кое-кто из них не совсем правильной...»

Вернувшись в Союз, наверное, все испытывали пьянящее чувство радости. Не стал исключением и Медведев. Но Родиной он считает не любимый до сих пор красавец Ташкент, а Урал. Здесь его сердце.

После службы в Афганистане уже кавалер ордена Красной Звезды гвардии капитан Медведев продолжал службу в Краснознаменном Туркестанском военном округе в городе Ташкент.

А потом Советский Союз прекратил свое существование. Страна распалась. Принимать присягу второй раз и продолжать службу в другом государстве офицер отказался, попал под сокращение и убыл в Россию.

Сегодня Леонид Медведев член Нижнетагильского местного отделения Свердловской областной организации имени Героя Советского Союза Исламова Ю.В. Общероссийской общественной организации «Российский Союз ветеранов Афганистана и специальных военных операций», активно занимается военно-патриотической работой с подрастающим поколением, часто выступает в образовательных учреждениях с Уроками мужества. Заканчивая урок, он всегда желает молодежи любить свою Родину, семью и как можно больше учиться. Мир знаний откроет тайны, которые помогут прожить жизнь достойно.

Родился в 1966 году в Алапаевске. Получил средне-специальное образование. На службу в Вооруженные Силы СССР призван в 1983 году. Интернациональный долг в Афганистане выполнял с

1985 по 1986 год. Награжден медалью «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа».

После окончания 9 класса Юрий Мелкозёров вместе со своим другом Павлом Усольцевым отправился работать в геологоразведке в лагерь труда и отдыха. В это время в район привезли хоронить первого погибшего в Афганистане земляка Владимира Нестерова. Пришло очень много народа. Там впервые Юрий услышал слово «Афганистан».

К армии допризывник Мелкозёров готовился добросовестно: много занимался спортом, тренировал силу, выносливость. Знал, если

придется трудно – надо не подвести товарищей, не сплеховать.

Учебное подразделение Юрий закончить не успел. Его и еще трех водителей забрали раньше. Сержанты шутили «Вешайтесь, духи!». Не со злорадством говорили, конечно, это такой своеобразный армейский юмор был. Старослужащие все были опытными вояками и все свои знания, богатый опыт передавали новобранцам. Потому что знали, что ребятам вскоре предстоит. Кто хотел, внимательно запоминал солдатскую науку. Кто не понимал цель тренировок, в того знания вбивали «через не хочу».

Служить Мелкозёрову довелось водителем в минометной батарее. Жили в землянках. Встретили в подразделении ребят хорошо. В армии ведь как: если ты нормальный парень, то и отношение к тебе товарищей хорошее. Никто не кичился сроком службы, наградами, потому что понимали: завтра всем идти в бой и от каждого зависит общий успех. Что завтра, может быть, новичок прикроет тебя огнем, поделится не только последним сухарем, а и последним патроном.

Старослужащие водители учили: всегда двигайся по колее впереди идущей машины. Не съез-

жай без особой нужды с твердого покрытия или наезженной колеи. Даже по нужде ходи с подножки. Объезжай аккуратно различные предметы, валяющиеся на дороге. Помни – на войне нет ничего случайного. Особое внимание обрати на автомобильные покрышки и ящики. Они могут быть начинены взрывчаткой. Под водой в лужах так же может быть установлена мина или фугас. Обращай внимание на низко висящие ветки деревьев и провода. Они могут быть соединены с минами. На наиболее опасных участках держи автомат на коленях, а лучше повесь его через шею на левый бок. Когда понадобится экстренно покинуть машину, тебе не нужно будет искать оружие. На экстренный же случай держи при себе подсумок с магазинами, а в карманах пару гранат, перевязочные пакеты, жгут, промедол. Может случиться так, что покинув машину ты уже не сможешь в нее вернуться.

Главная задача водителя, если подразделение попало в засаду – вывести машину из зоны обстрела. Не останавливайся даже тогда, когда вылетают стекла, спущены колеса или машина горит. Остановился – дал врагу тщательнее прицелься. Остановился – преградил путь к спасению другим. Обычно у сидящих в засаде сектор обстрела не очень большой, старайся максимально быстро проскочить его.

Как пригодилась Мелкозёрову эта наука! Её же он, в свою очередь, передавал молодым водителям.

Чтобы принять непосредственное участие в боевых операциях, надо было просить разрешение у командира батареи. Обращались в таких случаях неформально: «Батя, на войну хочу!». Обычно просьба, при наличии других водителей в подразделении, решалась положительно. Тогда Мелкозёров на время становился в расчете подносчиком мин к 85-мм и 120-мм минометам.

На войне все чувства становятся острее, даже просыпается в человеке дар предчувствия, предвидения. Жили в землянках, и однажды Юрий проснулся в слезах, ему приснилось, что умерла бабушка, которая принимала большое участие в его воспитании. Но в письмах родителей даже намек на это не было. Лишь вернувшись домой, «афганец» узнал, что бабушка умерла именно в тот день, в то же самое время... Но началась мирная жизнь, и Мелкозёров эту способность потерял. В общем, он не жалеет об этом.

Ветеран ВДВ Дмитрий Метельский родился в селе Верх-Язьва Красновишерского района Пермского края. Одновременно с учебой в местной школе получил в 1984 году

специальность тракториста-машиниста широкого профиля. В школе занимался спортом, в военно-патриотическом клубе совершил 3 прыжка с парашютом из самолета АН-2.

После окончания школы один год молодой механизатор проработал в местном совхозе, вначале на тракторе ДТ-75, а затем помощником комбайнера.

Осенью 1985 года Дмитрия призвали на службу в армию. После окончания учебной части в Фергане минер-подрывник Метельский в марте 1986 года был направлен в отдельную инженерно-саперную роту 357-го гвардейского парашютно-десантного полка 103-й Витебской воздушно-десантной дивизии, которая дислоцировалась в Кабуле.

Вот здесь-то ему пришлось опять сесть за рычаги, но не трактора, а бронированного тягача разграждения (БТС – на базе танка Т-62, но без башни).

А командиром боевой машины у него стал младший сержант Юрий Пулин из Сысерти, который, после окончания Сысертской средней школы № 6 имени П.П. Бажова в 1983 году и полутора лет работы водителем на Птицеплем-

заводе, осенью 1985 года был также призван в Воздушно-десантные войска. После пятимесячного обучения в школе сержантского состава в прибалтийском Каунасе и шести совершенных прыжков с парашютом из самолета, командир инженерно-саперного отделения Юрий Пулин был откомандирован в ту же часть, что и Дмитрий.

Под прикрытием головного дозора часто шли они рядом со шупами в руках, автоматом за спиной впереди всех по трудным дорогам Афгана, а потом в составе расчетов сопровождения прикрывали на дорогах передвижение нашей техники от нападения «духов».

Много раз смешанные транспортные колонны с продовольствием и боеприпасами попадали под обстрелы. Но их инженерно-саперная рота с основной задачей по разминированию дорог, даже под огнем противника, справилась с честью.

Сапер ошибается один раз – эту простую истину знают все. За полтора года войны они не ошиблись. На счету Дмитрия более 170 обезвреженных мин, чуть меньше на счету Юрия. Благодаря саперам и кинологу Ивану Новикову из Новгорода с его минно-розыскной овчаркой Арной, более трех десятков колонн дошли по горным дорогам до Газни, Кандагара, Кабула без подрывов. А вот собака 6 раз подрывалась на минах, но уцелела. И ребятам один раз не повезло: их головной тягач наехал на фугас. Дмитрий получил ранение, а Юрий – контузию. После излечения в госпитале пути боевых друзей разошлись: Дмитрий Метельский продолжил воевать в разведывательном взводе, где во время боевой операции в горах был опять ранен и контужен.

А старшина разведывательной роты Юрий Пулин вместе боевыми друзьями много раз десантировался из вертолета в горы для выполнения специальных заданий командования, во время которых обнаруженные им мины на тропах подрывать было нельзя: в разведке главное – скрытность...

Вернулись домой саперы-разведчики со всеми наградами солдатской доблести и медалями: Дмитрий – «За отвагу», а Юрий – «За боевые заслуги». Конечно же, дружба, скрепленная кровью, не забудется никогда. Сейчас друзья живут и работают водителями в Сысерти. За десятилетия работы они перевезли тысячи пассажиров и много тонн грузов.

Дмитрий работал в сысертском АТП и на Уралгидромаше водителем автобуса, а затем даже создал свое автотранспортное предприятие ООО «Альянс», которое занималось перевозкой пассажиров на пригородных маршрутах. В свободное от работы время он занимается общественной работой в сысертском отделении ветеранской организации «Союз десантников России», которое возглавляет.

Много времени уделяет воспитанию молодежи, часто возит на микроавтобусе воспитанников военно-патриотического клуба «Русич» на различные тренировки и военно-спортивные состязания.

Когда Сысертская администрация попросила их освободить комнату в здании по Розы Люксембург, 56, в которой занимались ребята из военно-патриотического клуба «Русич» и базировался штаб ветеранской организации местных ветеранов-десантников, профессиональный военный автомобилист, военком Сысертского района полковник Александр Яковлев выделил под «штаб» комнату в здании районного военкомата.

Сейчас друзья со своими семьями продолжают жить и работать в Сысерти.

Конечно же, дружба, скрепленная кровью, не забудется никогда. Дмитрий и Юрий активно занимаются общественной работой в местной ветеранской организации. Не зря говорят: «Бывших десантников не бывает!»

Службу в Афганистане проходил с 1987 по 1989 год в Пограничных войсках КГБ СССР в должности командира отделения. Воинское звание – сержант.

Место дислокации подразделения – кишлак Мармоль в провинции Балх. Награды: медали «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа», «За отличие в охране Государственной границы».

пример земляка Олега Шерстобитова, который выполнял интернациональный долг в Афганистане, был ранен, а за подвиги награжден двумя орденами Красной Звезды, медалью «За отвагу», афганским орденом «Афганская Звезда».

Из Егоршино нас отправили в школу сержантского состава на Дальний Восток, где я постигал новую для себя машину БТР, и по распределению через полгода попал в Краснознаменный Среднеазиатский пограничный округ в город Термез. Две недели я проходил там подготовку, и 15 мая 1987 года на вертолетах нас забросили на территорию Афганистана.

Полтора года я отслужил в горах в воинской части, стоящей в кишлаке Мармоль в провинции Балх. Мы перекрывали караванные тропы и прикрывали с господствующих высот наши автомобильные колонны, идущие в Афган и обратно в Советский Союз.

С гор мы тоже спускались. Недалеко был Мазари-Шариф – «город белых голубей». Впервые я увидел там русскую женщину в джинсах, все местные всегда ходили в парандже. В советской армии тогда на некоторых должностях служили вольнонаемные женщины, которые трудились в магазинах, в больницах, а у

Вячеслав Владимирович Мироненко родился в Курганской области, но детство провел в Верхней Пышме, куда семья переехала в 1972 году.

«В армию меня призывали после окончания профессионально-технического училища, где я получил профессию водителя. Шел 1986 год, я уже поработал на заводе, съездил на уборку в поля, а осенью в торжественной обстановке в ДК «Металлург» мне вручили комсомольскую путевку с напутствием от городских ветеранов-«афганцев» служить честно и достойно, в общем – не посрамить. Мне было 18 лет – ветер в голове! Но я видел

нас, у пограничников, даже медбрат был мужчина.

Поначалу на войне не ощущаешь страха: стоишь на посту – пуля просвистела, а ты не понимаешь всей серьезности, а это червато большой опасностью. Но со временем и молодые учатся бояться. Один из самых страшных моих моментов, когда мы с ребятами на вертолете в воздухе попали под обстрел. Пилоту пришлось уворачиваться от огненных струй влево-вправо, чуть ли не лететь горизонтально. Слава богу, благодаря мастерству летчиков, мы приземлились удачно.

Родители до последнего не знали, что я в Афганистане, думали, что на границе в Советском Союзе. Писать было нельзя – военные контрразведчики из Особого отдела всегда были на чеку. Дисциплина строгая, иначе начались бы потери.

Бывало всякое – война есть война. Обстрелы, потери, бытовые трудности. Когда в мае 1988 года начался первый этап вывода войск из Афганистана, с нашей площадки вертолетами вывезли всю мебель: кровати, столы, стулья. Пришлось спать в блиндажах на нарах, сколоченных из минометных ящиков. Вертолеты тогда стали прилетать реже и начались перебои с водой, потому как нам ее доставляли только по воздуху. Стали экономить воду, баня стала роскошью.

Я должен был уволиться в запас осенью 1988 года, но переслужил три месяца. Нас оставили, чтобы не посылать на непродолжительное время необученных солдат. Вывели нас только в январе 1989 года.

Хотя я и далек от политики, но считаю, что тогда всё было сделано правильно и вовремя. И тогда мы были так воспитаны. Нас растили на патриотических идеях. Мой отец был участни-

ком Великой Отечественной войны, и я часто вспоминал его слова и наставления. Учительница в школе говорила: самое страшное в человеке – равнодушие.

Я сам по себе стеснительный с детства, но в Афганистане служил командиром отделения, и приходилось быть примером для подчиненных: я стал одним из лучших в части по выполнению нормативов по разборке оружия, надеванию противогаза. Также я знал: если командира взвода и замполита убьют, то я иду следующий по рангу – на мне вся ответственность. После возвращения из Афганистана я разговаривал с сослуживцами, и многих тянуло обратно. В нас живёт боевой дух и желание приносить пользу».

■ Назаров Валерий Владимирович родился 3 мая 1963 года в Казахстане. В возрасте одного года был привезен в поселок Ис Нижнетуринского района Свердловской области. После окончания местной средней школы поступил в Исовский геологоразведоч-

ный техникум по специальности «геофизик». В феврале 1982 года прошел парашютную подготовку, совершив три прыжка с парашютом в г. Нижний Тагил.

1 апреля 1982 года я был призван в ряды Советской армии, – вспоминает Валерий Назаров, – всех молодых призывников собрали в Кировском военкомате города Свердловска, это рядом с сегодняшним построенным Храмом-на-Крови во имя всех Святых в земле российской просиявших. Все сразу же обратили внимание, что на территории военкомата появились офицеры и сержанты в выцветшей форме, загорелые, будто бы «с югов». Как оказалось, это были наши будущие командиры учебных подразделений.

Сформированную команду посадили на поезд и отправили в Белоруссию. По прибытии в Витебск на автомашинах «Урал» и «Газ-66» нас доставили в учебный центр Лосвида. Всех сразу же помыли и выдали новенькую форму. Что удивительно, на гимнастерках стояли клейма год выпуска 1943. Поразило и то, что всю одежду, в которой мы приехали, заставили упаковать в наволочки, написать адрес и отправили домой. И главное – все вещи дошли до адресатов! Сначала, все двести человек со Свердловской области, были в одной роте. Потом, по прошествии нескольких дней, стали отбирать по учебным ротам. Однажды появился офицер, отбирающий в разведывательную роту. Мы подтягивались, отжимались, бегали, прыгали. У нас в техникуме физическая подготовка была на высоком уровне, и вот так я был отобран и попал в 10-ю учебную роту.

Задача «учебки» была научить молодое пополнение основам воинской службы: строевая подготовка, физические занятия, стрельба из автомата, политзанятия, весь день был расписан практически по минутам. Запомнился командир второго взвода старший лейтенант Валерий Запорощенко (кличка «Зас»), выпускник Рязанского воздушно-десантного училища. Он закуривал сигарету, подпрыгивал на турник и делал «уголок», а нам говорил: «Пока я курю, все подтягиваются на турнике». Командир роты

капитан Бабичев Иван Ильич, только вернувшийся из Афганистана, служил командиром парашютно-десантной роты, а через много лет в одном из телерепортажей я узнал, что в 1995 году он был назначен командующим Западной группировкой войск в Чеченской Республике. Генерал-полковник, да и вообще достойный мужик.

Было очень много тактических занятий. Довольно часто отрабатывались засады, с целью слаженной работы разведгруппы. Ночные стрельбы, когда мушки на автомате мазали специальным светящимся раствором. После присяги на верность Родине получили свой

первый армейский знак «Гвардия». Из земляков со мной вместе в роте служили ребята из техникума: Сергей Баяндин, Миша Тестов, Игорь Шишкин, Толя Климин из Качканара. За время «учебки» совершили четыре прыжка с парашютом. Последний раз после прыжка с Ил-76 совершили ночной марш-бросок на 40 км. Ближе к осени начались зачетные занятия. После них начались отправки в Афганистан.

Беларусь запомнилась какой-то потрясающей хлебосольностью. Мы стояли на охране полигона. Пожилая пара, дед с бабушкой, рядом поставили палатку и собирали грибы. Увидели

Штаб 103 ВДД

нас, всё, что было у них, тут же собрали на импровизированный стол и потчевали нас, пока мы всё не съели. Когда пробегали во время учений через деревни, всегда выходили бабушки с крынками молока.

– Что солдатики, неужто опять война?

– Нет, бабушка, учения!

– Так вы пейте, пейте молочко. Лишь бы войны не было.

В Лосвидо запомнился один интересный случай. Перед присягой нам вручили новенькие, в смазке автоматы АКС-74. За время «учебки» мы их пристреляли, подогнали под себя. Помню, командиры говорили, что это наше оружие на весь срок службы, не дай бог утратите, сразу – трибунал. Мы с этими автоматами и в Афган улетели. А там их у нас изъяли и выдали старые. Они все почти белые, так как воронение с них давно слезло, потрепанные. На деревянных частях: цевье и рукоятке стояли зарубки, наверное, сообразили мы, это количество убитых душманов. Как-то было не понятно, мы выданные автоматы под себя готовили, а тут их забирают, а нам – на тебе боже, всё, что нам негоже...

По итогам зачетов стали готовиться к отправкам. Писали рапорта с просьбой направить служить в Афганистан. Так положено было. Я помню некоторых ребят, кто до последнего не писал, сомневался. В Союзе оставили и двух дагестанцев, по соображениям веры отказавшихся лететь «за речку». Остальные ближе к концу октября улетели в Афган.

В жизни ведь как бывает, готовят тебя отцы-командиры в разведчики, а прилетел в Афганистан, бац и ты уже огнемётчик химического взвода воздушно-десантной дивизии. Только потом понял, что именно туда старались отбирать ребят покрепче, таскать новые огнеметы «Шмель», которые тогда только начали поступать на вооружение в 40-ю армию. С нами в то время работали инженеры-разработчики этого огнемёта. Двое парней приезжали, хо-

дили с нами в горы, в общем, как говорится, отслеживали весь процесс. Опять уезжали, дорабатывали, приезжали. Мужики толковые, из города оружейников Тулы. Они с нами и на стрельбище занимались, и в палатке ставили столы и разъясняли все досконально. Сами тубусы и маршевые двигатели от них не выбрасывали, а по возвращении в часть обратно запаковывали в ящики и отправляли в Союз. И если предыдущая модель огнемёта «Рысь» была многоразовая, то уже «Шмель» выстрелил – выбросил (но, как я уже сказал, пока всё было секретно, тубусы возвращали в часть). Носили их в спарке по две штуки, соединенные между собой, они имели лямки, как у рюкзака, да и носились как рюкзак. Называлось это выюг. Каждый выстрел весил 11 кг. Дальность поражения до 600 метров, у «Рыси» – 100 метров. «Рысь» стреляла капсулами с горючей жидкостью весом 12 кг, в то время как у «Шмеля» при выстреле получался объемный взрыв. То есть, при попадании в цель один газ растекался, охватывая все потаённые щели, а второй газ вызывал детонацию. Очень грозное оружие. Духи его называли – шайтан-труба. Радиус общего поражения в месте попадания – до 60 метров. При своем калибре в 93 мм его мощность по фугасному воздействию можно было сравнить с артиллерийскими снарядами 122-150 мм. Да и стоило такое оружие по тем временам больших денег, порядка 800 рублей. У нас во взводе было три трофейных бура (английская винтовка «Ли-Энфилд»). А у неё прицел диоптрический, в принципе, как на «Шмеле». Поэтому в начале, из-за дороговизны «Шмеля» мы ходили на стрельбище с бурами и стреляли до одури, отрабатывая навыки прицеливания до автоматизма.

Палатка химического взвода находилась рядом со штабом 103-й воздушно-десантной дивизии. Во взводе нас – 28 человек огнемётчиков. Первые дня три ходили как неприкаянные, на нас практически не обращали внимание. Потом замполит дивизии полковник Макаров Борис Иванович собрал всё молодое пополнение в столовой 350-го полка и рассказал, как будем служить дальше. Про нравы и обычаи афганцев, про что можно и что нельзя. Про войну и про мир. обстоятельно так всё рассказал. А в конце рассказал о первых Героях Советского Союза-десантниках нашей дивизии рядовом Николае Чепике и сержанте Александре Мироненко, чьи подвиги были изображены на плакатах на стенах столовой. Один, чтобы духи не взяли в плен живым, взорвал их с собой гранатой, а второй, будучи сапером, подорвал их и себя миной.

Первые впечатления, это конечно жара, да и в самом взводе порядки были достаточно жесткие. Мне, молодому солдату, пришлось серьезно крутиться. Поэтому первые полгода были самые тяжелые. Нас молодых было всего шесть человек. Ты с остальными молодыми вы-

полняешь все хозяйственные работы по взводу, а тут еще зима пришла, и какой бы южной не была страна, там так же летит снег и дует жгучий промозглый ветер. Палатка отапливалась печками на солярке. От них страшная копоть, а трубы постоянно забивались сажей, приходилось их чистить. Спишь мало, все выполняешь практически в автоматическом режиме. Почему-то на этом фоне мне вспоминался учебный полк в Лосвидо. Это уже было ближе к отprawке. Освоились, обленились и ночью, так как было неохота бегать до туалета, ходили по-маленькому за угол казармы. Командиры это узнали, да, что там узнали, унюхали. Ну и... Нам же ежемесячно выдавали денежное довольствие, так что купили на всю роту одеколону и ходили поливали. Расположение разведчиков долго благоухало. Почему вспомнил, в Афгане какая там лень и расслабон, добраться бы до кровати и вздремнуть чуток.

Первый боевой выход в сторону Джелалабада. Ни одного выстрела. Просидели в броне весь день. Было уже сыро и снежно. На сапогах вчерашняя пыль быстро превратилась в липучую грязь. Чтобы забраться под броню, её с великим трудом приходилось отбивать.

На обратном пути набрали апельсинов. А тут и Новый год подоспел. В ночь Нового года все небо над Кабулом светилось трассерами. Наша дивизия не стреляла, был строжайший запрет. А вот пехота, автомобилисты и летуны давали жару. На Новый год, пусть убого, но палатку украсили, даже пельмени постряпали из кенгурятины. На полном серьезе, были одно время такие поставки из Союза.

На второй или третьей боевой операции, мы, огнеметчики, были переданы в оперативное управление 1 батальона 350-го парашютно-десантного полка. Командовал им будущий Герой Советского Союза майор Александр Петрович Солуянов. Огнеметы чем хороши, не надо куда-то в неприступные горы тащить бронетехнику. Проще подняться огнеметчикам и отработать объекты. Тем более, что огневая мощь выстрела не идет ни в какое сравнение со снарядом. Меня, молодого бойца и старослужащего, имевшего серьезный опыт стрельбы из огнемета, вместе с десантниками батальона высадили из вертолета чуть ли не на сам объект, который мы должны отработать. Первый раз увидел слаженность работы десантников Солуянова. Мы еще только выпрыгивали из вертолета, а они уже отрабатывали цели, замеченные еще с воздуха. Тогда и я первый раз применил свой автомат. В том скоротечном бою был ранен и один из офицеров 350-го полка, участвовавший в высадке. Чуть ниже места высадки, метров в двухстах, находились первые дувалы кишлака. Десантники до них прорвались, вот его там и ранило в живот. Мы выносили офицера к вертолету. Положили три автомата и несли, пока остальные прикры-

вали. Он всё говорил: «Спасибо, братишки...» Живой или нет остался, не знаю.

Страшно, конечно, было. Нам приказ явиться к комбату. Небольшая площадка на возвышенности выложена камнями для защиты. Солуянов А.П. стоит со связистом, даёт команду моему дембелю, он старший в нашей группе. Необходимо подавить три цели – дувалы на окраине кишлака. Выстрел. Отчетливо видно, как летит болванка, наполненная газовой смесью. Исчезает в окне кишлака. Мгновение, огненная лава охватывает всё внутри дома, пламя поднимает плоскую крышу и раздвигает стены. После чего всё заволакивает взметнувшимся вверх столбом пыли и песка. Пыль осела. На месте дома – пустырь. Страшное оружие. Отстрелялись мы на отлично, три выстрела, три поражения. Часть уцелевшей банды попыталась уйти через перевал в горы. Я первый раз видел, как филигранно работало звено вертушек. Вертолетчики в три боевых захода сумели завершить работу, начатую десантниками.

К моменту окончания боя стемнело, стало понятно, что ночью нас никто забирать отсюда не будет. На окраине кишлака заняли пустующий дом. Выставили посты. Солуянов говорит: «Хотите жить, не спите!» Всю ночь духи ходили, собирали по кишлаку погибших. И всю ночь, огрызаясь, работали наши пулеметы, как бы говоря: «Мы слышим, мы на чеку». За эту операцию моему дембелю вручили орден Красной Звезды, а мне медаль «За боевые заслуги». Я до этого много слышал о комбате Солуянове А.П., а тут впервые довелось вместе воевать.

Ещё был случай на боевых. День выдался трудным. К вечеру расположились на ужин. Понятно, солдаты едят то, что есть. Мы, химики, расположились чуть поодаль. Костерок, противень с кашей, трофейный чайник, доставшийся нам еще от солдат старого призыва. Чуть вдалеке кишлак. Там днем, во время боя, кто-то из наших прихватил что-то лишнее.

Идут наши особисты со старейшиной кишлака. Тот жалуется через переводчика, что проклятые шурави обобрали кишлак до нитки. Тычет пальцем в сторону нашего чайника. Особисты чай вылили и отдали – забери дед. Нам втык. Мы, мол, за что, этот чайник у нас уже как года два во взводе. Но нечего не поделаешь, политика. А чайник жаль, хороший был чайник, вместительный, литров на пять.

Вообще, очень нравился афганский чай. До чего вкусный! Бросаешь шепотку на котелок. Он разворачивается при заварке в крупные листья. Куда там грузинскому, про который мы только и знали. А мыло, у нас окромя «Земляничного» никакого не водилось. А тут в бане на помывке обалденный аромат, оказывается так пахнет мыло «Люкс».

Заместитель командира 103-й воздушно-десантной дивизии гвардии полковник Юрий

Иванович Мальцев до Афганистана уже имел заграничный опыт на Кубе, выполнил норматив мастера спорта по самбо. В Афгане служил с весны 1982 по лето 1984 года. Отдав воздушно-десантным войскам более 30 лет службы, в 1986 году сдал все свои дела после Афгана и ушел работать военруком в одну из рязанских средних школ.

Служба солдат химического взвода проходила по нескольким направлениям. Часть солдат было задействовано в офицерском модуле вместе с комендантской ротой, часть в столовой, один человек постоянно находился на посту № 1 – охрана Боевого знамени дивизии. У офицерского состава был свой небольшой жилой городок. Он представлял из себя территорию, обтянутую двухметровой маскировочной сетью по всему периметру и стоявших внутри бочек. Бочка – оригинальный атрибут архитектуры русского севера. Когда север Советского Союза только начинали осваивать, комфортных условий для жизни там не было. Зато были бочки для перевозки жидкостей в товарных составах. В этих бывших цистернах высотой 2-2,5 метра и длиной порядка 11 метров прорубали двери и окна, утепляли, вешали занавески, ставили кровати и жили. В бочках умудрялись даже устроить кухню и душ – в уголке. Вот так задумки Севера докатились и до Афганистана и являлись определенным шиком и определяли высокий статус офицера. Что было еще одним шиком, так это то, что в бочках даже устанавливали кондиционеры.

Первая бочка – начальника артиллерии 103-й воздушно-десантной дивизии полковника Драгаволовского В.Г., следующая – заместителя командира 103-й воздушно-десантной дивизии полковника Мальцева Ю.И., третья – замполита дивизии полковника Макарова Б.И., далее – зампотеха дивизии, а пятая – начальника штаба дивизии. Плюс стояла палатка «Офицерская бильярдная», где действительно стоял бильярд, и вообще там отмечались все знаковые и праздничные события. Помимо бочек в городке был небольшой спортивный городок, состоящий из турника, самодельных штанги, гири и гантели.

Командир 103-й воздушно-десантной дивизии Альберт Евдокимович Слюсарь жил отдельно. У него было сразу две бочки. Располагались они примерно метрах в трехсот от штаба дивизии, рядом с дизельной станцией и водокачкой. Охрану там осуществляли два бойца из дивизионной разведроты.

Однажды заходит в палатку лейтенант Житников и говорит, что нужен человек в офицерский городок к заместителю командира дивизии Мальцеву на постоянную службу. Все менжуются, оно и понятно, у высших офицеров свой гонор. Кому охота постоянно на окриках жить. Молчат. Тогда я говорю: «Давайте пойду».

Там до меня служило два солдата, то ли они не справлялись, может, что другое, но меня взяли

третьим. Эти двое обслуживали весь командирский городок. А я, как пришел, был закреплен только за Мальцевым Ю.И. Хотя, если я не ошибаюсь, там у каждого из офицеров был «свой» солдат из проходящих. То есть, пришел с утра и выполняешь поставленные задачи, а вечером обратно в роту. А я, в принципе, был на постоянной основе и довольно часто ночевал в офицерском городке. Как я уже говорил, там была палатка «Офицерская бильярдная» в одном из углов которой было отгорожено место, где стояло две кровати. Там и спал. Зато, когда приходил в палатку химвзвода, начиналось: «О, полковник Мальцев пришел, собственной персоной». Понятно, что меня не трогали и не кантовали по делам взвода. Если только были общие дивизионные построения, тогда понятно, должен быть в строю. Основные мои задачи, которые приходилось выполнять: обеспечение чистоты в бочке, закачка воды в резервуар, уборка территории, выполнение отдельных поручений (сходи туда, доставь это, получи необходимое). Порой и пищу приходилось готовить. Юрий Иванович был в еде непривередлив, но были и свои слабости. Допустим, очень любил гороховый суп. А я же геолог, что нам стоит суп сварить? Благо на складе были гороховые брикеты, тушенка там, картошки начистишь, лучок пережаришь, морковку. Хвалил. Бывало, скажет: «На обед не иду, принеси чего-нибудь сюда». Принесу. Он опять: «Садись, ешь. Я расхотел». Еще бзик был, не любил подшивать подворотничок. Зовет: «Валерка, иди-ка сюда, подшей подворотничок, пожалуйста».

Как начинался мой день. Утром после завтрака в солдатской столовой я подхожу к его бочке

Юрий Иванович Мальцев

и жду. Время ближе к 8.00 утра. Он выходит. – Здравия желаю товарищ полковник!

Далее инструктаж, что необходимо сделать в течении дня. Мальцев уходит на службу. Я начинаю влажную уборку помещения. Далее по разрядке. Вообще в бочке всё было аскетично, без изысков, ковров и оружия, как

На боевые я с Мальцевым ходил пару раз. Последний раз в 1984-ом году в район Панджшера. Была крупная армейская операция. Понятно же, что тут слишком много мороки, особенно для солдат комендантского взвода. Подготовить площадки, установить палатки, тенты, разместить связь, и много всяких мелких нюансов, которые в целом создают большие проблемы. И это ладно, если командный пункт дивизии внизу, на равнине, а если в горах, и весь этот скарб приходится тащить в горы на своем горбу? В тот раз, о котором рассказываю, дело было весной и ночью было холодно, поэтому спали с ним в одной палатке, раскладушки, печка на солярке, я истопник, чтобы всегда было тепло.

это иногда преподносят в фильмах, не было. В принципе, работа была не обременительная, удавалось выкраивать и для себя время, и на спортгородок сходить позаниматься.

Иногда офицеры привозили из Кабула афганца, и он священнодействовал над мясом – делал шашлык, но это бывало редко, хотя потом стало традицией, если кто-то улетал в Союз, или у кого-то был день рождения, или большие праздники – в биллиардной палатке накрывали стол. Понятно, что стол ломился от яств. Офицеры съезжают в Кабул на рынок, закупятся, им специально по заказу плов сделают, шашлык. Афганский плов, это что-то такое, о чем только с восхищением можно вспоминать.

Отношение к алкоголю у офицеров было умеренное. Правильнее было бы сказать – да, выпивали, но всегда знали меру. Запойные на таких местах вряд ли бы задержались.

Офицерская столовая. Зал со столиками на четверых в шахматном порядке. На столах всегда масло, печенье, специи. Обслуживала столики официантка. А еда всегда варилась в общем котле для офицеров. То есть не было такого, это – для лейтенантов, а это – для полковников. Повар был молодой парень, профессионал, не из солдат, а вольнонаемный.

Еще привозили мастеров-афганцев, которые обшивали высший состав. Снимали мерки, подбирали ткань. Понятно, что и качество пошива, и сама ткань всегда были на самом высшем уровне.

Юрий Иванович Мальцев – небольшого роста с громким, командирским голосом. Требовательный. Был случай. Поставили химики бражку. Она поспела. Было принято решение взять ее с собой на боевые. Не мудрствуя, ее перелили в резиновый чулок от химзащиты. И несет это чудо Коля Порядкин мимо штаба дивизии в парк, где стоит готовая к выходу бронетехника. Мальцев понял всё сразу. Громко и четко, так что команду было слышно на другой стороне дивизии – «Солдат, стоять. Ко мне!»

– Что в чулке?

– Вода, товарищ полковник.

– Показывай.

– Вот.

– Начальника химической службы дивизии полковника Корнеева ко мне! Брагу вылить.

С солдата что взять, а полковнику досталось.

Очень не терпим был к халатности в одежде, если не застегнут, ремень болтается, не подшит, независимо солдат ты или офицер, если попался, жди полного разноса. Но никогда, это не было просто потому, что барину так захотелось.

Хотя, с другой стороны, порой мог и похотить. Например, начальник политического отдела дивизии утром у своей бочки выполняет физические упражнения: растяжка, поднятие гирь, гантелей.

– Что, зарядку делаешь?

– Да, Юрий Иванович!

– Ты, знаешь Борис Иванович, здоровым зарядка не нужна, а больным она уже не поможет!

А вообще относились офицеры к Юрию Ивановичу с уважением, где-то может и боялись, но в целом это было заслуженное уважение настоящего офицера. Самое большое раздражение вызывали у Мальцева неопрятные военнослужащие. И если попавшийся неряха – солдатик, то уж и нерадивый офицер получал по полной: «Ты что, на Пентагон работаешь, а? Опрятным быть не научили?»

Еще одна зарисовка. Мальцев собирается в отпуск. Подготовка, сборы.

– Валера, давай и тебе посылку увезу.

Он где-то в Белоруссии жил.

– Я до дому доведу, а жена потом по твоему адресу отправит.

Я собрал посылку: джинсы, спортивный костюм, платок маме. И когда дембельнулся, вещи уже были дома.

Про семью Юрий Иванович не сильно распространялся, но было сразу видно, что он очень сильно любил свою дочь. Звали ее Валерия. В бочке на столе стояла фотография жены с дочкой. Близких друзей у него в Афгане не было. Хотя, если можно так сказать, были большими

приятелями с начальником артиллерии дивизии Драгаволовским. А вообще между офицерами было в порядке вещей заскочить друг к другу в бочку, посидеть, поговорить.

Альберт Евдокимович Слюсарь – командир 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии в Афганистане в период с 1981 по 1984 г. По долгу службы сталкивались неоднократно, но сказать, что он меня знал, конечно, будет преувеличением. В помощь ему было двое солдат и прапорщик Краснов. Солдаты в качестве охраны – из дивизионной разведывательной роты. И когда Альберт Евдокимович заменился, разведчики и прапорщик улетели с ним вместе и уже в Союзе дослуживали. После Афгана комдив возглавил Рязанское гвардейское высшее воздушно-десантное ордена Суворова дважды Краснознаменное командное училище имени генерала В.Ф. Маргелова. Вместо него командовать 103-й дивизией был назначен гвардии полковник Ярыгин Юрантин Васильевич.

Домой я улетал в первую отправку, в начале июня 1984 года. Как все, долетел до Ташкента, а там из гражданского аэропорта на самолете до Свердловска. Переночевал у тетки и вечером на поезде доехал до Нижней Туры. Потом зашел к дядьке, он завел машину, и мы в ночь поехали к маме в поселок Ис. А в техникуме, где работала мама, тогда была нервная обстановка. В мае привезли гроб из Афгана. Учащийся техникума Кудрявцев Виктор, сирота, призывался из Нижнетуринского военкомата, погиб на первой своей боевой операции. Гроб привезли в Нижнюю Туру. А кому хоронить, раз он сирота? Спихнули на техникум. А вообще, изначально прошел слух, что меня привезли. Понятно, какое состояние было у мамы. Маме, Антонине Алексеевне, сейчас 88 лет так и живет на Иссу. Звал к себе, в город Лесной. Но она всё отнекивается. У нее же там сад, огород, и вообще я, говорит, себя здесь лучше чувствую.

Я только после Афганистана стал по-другому смотреть военные фильмы. Особенно, когда роты поднимаются в атаку. Сам несколько раз попадал под обстрел, когда настолько все чувства обострены, что ты реально можешь сказать, это по мне стреляют, а это мимо. Поэтому знаю, насколько сложно под обстрелом, не то, чтобы в атаку бежать, а просто голову приподнять.

После армии поехал как-то с Исовским техникумом за брусникой. Машина открытая «Зил-131». Мы в кузове. Завелись, поехали. Поймал себя на мысли, что перешел в другой режим: пропали как там, в Афгане, рыскающий по сторонам взгляд и внутреннее напряжение.

Афганистан для меня часть жизни, которую я прожил далеко от Родины, от мамы, в боевой обстановке, но с друзьями. Было очень тяжело, но, если бы сейчас спросили хочу ли повторить свой путь, я скажу: «Да». Тянет туда. Что делать, война не отпускает.

Родился 16 октября 1968 году в городе Первоуральске. В апреле 1987 года призван в ряды Вооружённых Сил Советского Союза. Проходил службу в г. Кушка (Туркменская ССР), в 260-ом учебном разведывательном батальоне.

С 5 августа 1987 по 13 февраля 1989 года проходил службу в Афганистане в составе 122-го мотострелкового полка 201-ой мотострелковой дивизии в Таш-Кургане.

Впервые об Афганистане ученик третьего класса Коля Никитин услышал во время политинформации: по вторникам перед уроками дети по очереди выступали с короткими докладами перед одноклассниками с сообщениями о международной обстановке. В газетах того времени писали, что мы туда пришли, чтобы помочь братскому афганскому народу строить новую справедливую жизнь, что «одобряем» и «поддерживаем».

При поступлении в престижный институт народного хозяйства выпускник средней школы поселка Красногвардейский Артемовского района Никитин узнал, что в ВУЗе есть военная кафедра, дающая право не служить в армии, и забрал документы из приемной комиссии. Он служить хотел.

Учиться стал сразу на втором курсе Свердловского автодорожного техникума по сугубо мужской специальности «техник-механик дорожно-строительных машин».

Через год ушел в армию. Попал в команду № 20А, обрадовался, что будет служить за границей. Молодым ребятам скупко разъяснили: «Служить будете там, где тепло». В отдельном учебном разведывательном батальоне, базирующемся в самой южной точке Советского Союза – городе Кушка, от них скрывать не стали, что впереди – война...

Политическая и физическая подготовка, первичное обучение средствам связи, изучение военной техники, меткая стрельба – всё это входило в курс молодого бойца. 9 мая довелось в составе подразделения принять участие в военном параде, который состоялся в Кушке.

Будущего разведчика Николая Никитина готовили к боевым действиям в условиях гор и пустынь. Попутно объясняли, что такое ислам, какие законы в стране, что можно, а что нельзя делать при общении с местным населением, какие у афганцев обычаи и традиции, как уберечь себя от непредвиденной ситуации. А потом, всё, как у многих: из Кушки полтора суток на поезде до Термеза и через мост Дружбы – в Афганистан... Кстати, обучение не закончилось и «за речкой». За каждым молодым солдатом был закреплен старослужащий воин, который в течение примерно 2-3 недель помогал советами, делился знаниями и опытом.

Когда Николай в августе 1987 года прибыл в Афганистан, закончился первый этап вывода советских войск из этой страны. Мотострелковым полком, куда направили Никитина для дальнейшего прохождения службы, командовал уралец полковник Кузнецов. С каждым земляком он обязательно встречался лично, беседовал, вводил, так сказать, в обстановку. Ему и рас-

сказал Николай, что рад оказаться в воюющей части, так как давно хотел проверить себя, свой характер, понять, сможет ли стать он настоящим солдатом.

Основной задачей полка было обеспечение безопасности дорог и перевалов, по которым двигались колонны с гуманитарными грузами для жителей отдаленных районов Афганистана и материально-технические средства для частей и подразделений ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Помогали «трубачам» – военнослужащим подразделений трубопроводных войск охранять трубопроводы, по которым из Союза для снабжения воюющей армии перекачивали топливо. На завершающем этапе службы главной задачей было обеспечить беспрепятственный вывод подразделений из Афганистана. Как говорится, «без сучка и задоринки». Со всеми задачами Никитин и его боевые товарищи справились успешно. Николаю немного обидно за то, что полной правды об афганских событиях так и не писали. Ну, на первом этапе понятно – мы там «строили и сеяли». Но и потом всей правды не говорили. Например во время вывода войск, когда советские части ушли из Кундуза, туда немедленно вошли банды душманов, стали терроризировать местное население,

убивать сочувствующих народной власти, активистов. Часть Никитина с боями выбила духов из этого северного города, а в «Красной звезде» сообщалось, что «подразделения вооруженных сил Афганистана провели успешную операцию по освобождению Кундуза». Политика...

На всю жизнь Никитин запомнил, как первый раз попал под обстрел. Тогда Николай с товарищами отправился в «секрет» – боевое охранение. Машины довели бойцов до подножия горы, чтобы пять человек заняли господствующую высоту, позволяющую контролировать ситуацию и держать под прицелом большой участок местности. Первый раз поднимались взяв с собой только воду и боеприпасы, за теплыми вещами решили сходить после занятия высоты. Поднялась стрельба, но особой опасности Никитин не почувствовал: стояла задача и он её выполнял. Когда дошли до половины пути, по радиостанции передали, что на шедшую за ними группу совершено нападение из засады, есть убитые и раненые. Страшно стало уже вечером, с пониманием того, что жизнь человеческая на войне – копейка. И вообще солдатская жизнь на войне – это постоянное напряжение: чувство опасности, моральная и физическая усталость, вечные песок и пыль...

знаменитыми словами: «За моей спиной ни одного советского солдата не осталось!» поставил в афганской войне долгожданную точку. Однако полк Никитина оставался стоять в Таджикистане на границе с Афганистаном, готовый, при необходимости, в любой момент пересечь реку Пяндж в обратном направлении.

Награжден медалью «70 лет Вооруженных Сил СССР», Грамотой Президиума Верховного Совета СССР, памятным знаком «Воину-интернационалисту», медалью «От благодарного афганского народа», именными часами и медалью «В память 25-летия окончания боевых действий в Афганистане».

После увольнения в запас, с 1989 по 1991 год продолжил обучение в автодорожном техникуме

Часто снился родной дом, лес. За время службы в Афганистане Никитин стал сомневаться, в реальной ли жизни всё это было: веселые дружеские компании, улыбающиеся родители, красивые девушки... Может, это мираж? И Никитин во сне боялся дышать, чтобы не улетели, как сигаретный дым, приятные сердцу видения, не растаяли среди горных вершин, не исчезли навсегда в высоком афганском небе.

Приходилось на войне и терять боевых товарищей. Особенно горько это было во время вывода войск, когда казалось, вот-вот еще немного и опасность будет позади. В районе перевала Саланг, где подразделение, в котором служил Никитин, обеспечивало беспрепятственное прохождение через перевал возвращающихся на Родину советских частей и подразделений, произошел трагический случай. Каждый день душманы начинали утро с обстрела расположения советских войск реактивными снарядами. Постепенно к их свисту привыкли. В тот день с утра все покинули свои укрытия, чтобы позавтракать. Внезапно, в расположении соседнего пятого взвода упал РС. Это был самый горький урок войны, который получил Николай Никитин.

13 февраля 1989 года Николай Никитин с сослуживцами на последней полковой машине вернулся на Родину по знаменитому мосту Дружбы через реку Аму-Дарью, по которому полтора года назад они входили в Афганистан. На родной земле их встречало много людей.

А через двое суток командующий 40-й общевойсковой армией генерал Борис Громов своими

и закончил его по специальности «Техник-механик дорожных машин и подъемно-транспортных механизмов». За два месяца до защиты диплома сломал ногу. Она долго не срасталась, пришлось лечь в госпиталь. Замаячила угроза ампутации, а там и весь организм пошел «вразнос»: сказались военные травмы и напряжение последних лет. Девять долгих месяцев Никитин провел на больничной койке, в результате – инвалидность...

После выздоровления три года работал автокрановщиком на Ирбитском мотоциклетном заводе, следующие три года мастером производственного обучения по специальностям: «Слесарное дело», «Устройство двигателей» в Ирбитском профессиональном училище № 40. В 2001 году был назначен на должность главного инженера Ирбитского аграрного техникума по производственной части в поселке Зайково. С 2002 по 2009 год учился в Уральском экономическом университете. Закончил ВУЗ по специальности «инженер пищевой промышленности».

Стоял у истоков создания в Ирбите общественной организации ветеранов боевых действий в Афганистане. С 2013 года является председателем правления Ирбитского местного отделения Свердловской областной организации имени героя Советского Союза Исламова Ю.В. Общероссийской общественной организации «Российский Союз ветеранов Афганистана и специальных военных операций». Ветераны боевых действий принимают участие во всех районных и городских мероприятиях, посвященных военно-патриотическому воспитанию молодежи. Организация оказывает моральную, материальную и социальную помощь родителям и родственникам погибших в локальных войнах и вооруженных конфликтах воинов, семьям умерших ветеранов боевых действий и инвалидам боевых действий. Много внимания уделяют члены организации сохранению памяти об афганской войне.

В 2016 году на отчетно-выборной конференции избран членом Правления СОО РСВА, работает в общественной комиссии по медицинскому обеспечению и работе с инвалидами, созданной при Правлении.

Азамжон Обидов родился 9 мая 1955 г. в городе Душанбе Таджикской ССР. Окончил школу № 1 им. К.Д. Ушинского. До призыва в Вооруженные Силы учился в медицинском училище.

Срочную службу проходил в Воздушно-десантных войсках. Удостоен знаков «Отличник Советской армии», «Воин-спортсмен».

После увольнения в запас Азамжон хотел поступать в медицинский институт, но был направлен в среднюю школу милиции МВД СССР в г. Душанбе. Учился на втором (выпускном) курсе, когда произошла апрельская революция в Демократической Республике Афганистан. Афганское руководство запросило у правительства СССР военной помощи, и в декабре 1979 г. в эту страну вошли наши войска.

По национальности Азамжон – таджик, а таджикский и афганский языки очень схожи. В Душанбинской школе милиции к тому времени были созданы курсы переводчиков языка «дари». Со всего курса отобрали около 40 человек, и всем стало ясно сразу, что переводчиков готовят для Афганистана. По истечении трех месяцев обучения руководство выделило 11 курсантов, в том числе и Азамжона Обидова. Дальнейшее обучение этой группы проходило в лингафонном кабинете, а параллельно усиленно

занимались оперативно-розыскной деятельностью. Как потом выяснилось, подготовка велась для работы с «царандоем» – афганской милицией, чтобы в дальнейшем довести изученное до сознания местных работников правопорядка, поделиться опытом.

Среднюю школу милиции Обидов закончил с красным дипломом. В сентябре 1979 г. в составе группы, куда входили те, кто прошел срочную службу в воздушно-десантных войсках, морской пехоте, подразделениях специального назначения и др., Обидов «на перекладных» был направлен в г. Ташкент на самолете, затем в г. Термез на вертолете, потом опять на вертолете, в этот раз на Ми-6, в Афганистан. Высадили на перевале Саланг, где группа пробыла 20 дней, проходя акклиматизацию, после чего всех перебросили в столицу Афганистана. После «распределения» Азамжон Обидов, как дипломированный переводчик, был направлен для дальнейшей работы в распоряжение советского военного атташе в Кабуле.

В Афганистане Обидов работал два года, до октября 1981 года. Вся его деятельность проходила в документах под грифом «Сов.секретно». Только в 1987 году, с выходом указа Горбачева о гласности, службу рассекретили.

Обидов действовал в составе группы «А» (агентурная), 22-й отдельной бригады специального назначения ГРУ. Бригада получила зону ответственности в 1100 км по фронту и 250 км в глубину в сторону Пакистана. Почти каждый день лейтенант Обидов выезжал в провинции, обучал отряды милиции ДРА «царандой», вербовал агентуру. Военную форму не носил, выдавал

1. Солдат Шам Масуд
2. Диванчик, север Афганистана, 1981 - 1989 г.г.
3. Младший лейтенант, артиллерия ВДВ, 1981 г.
4. Диванчик, провинция Лодж, 1981 г.
5. Оператор ПТРК «Самсунг»

Азамжон Обидов в ДРА (слева)

Азамжон Обидов с афганскими товарищами
(сидит в первом ряду в центре)

себя за местного жителя, специально отрастил бороду. Восемнадцать раз выходил в рейды на караваны с оружием и наркотиками, идущими из Пакистана и Ирана. Участвовал в боевых действиях в провинциях Гильменд, Кандагар. Из 11 переводчиков его группы обратно в Союз живыми вернулись пятеро, еще один – без ног.

«Афганистан мне снится почти каждую ночь, – рассказывает Азамжон Обидов, – особенно первая боевая операция в Герате, где состоялось первое боевое крещение, когда с силовым обеспечением подразделения специального назначения удалось освободить захваченных душманами заложников. Они были закрыты в медресе. Боевая группа высадилась прямо на купол здания. Быстро уничтожили боевиков, освободили людей и вывезли их в безопасное место».

Азамжон Обидов награжден орденом Красной Звезды, орденом Звезды (награда Демократической Республики Афганистан), медалью «Воину-интернационалисту от благодарного

афганского народа», а впоследствии – медалями «За безупречную службу» трех степеней.

Вернувшись из Афганистана, Обидов служил в органах внутренних дел Таджикской ССР и Республики Таджикистан, Российской Федерации (сначала во Владимирской области, затем в г. Серове Свердловской области с 1994 г.) пройдя в уголовном розыске служебный путь от лейтенанта до майора милиции, четыре года был участником восстановления конституционного порядка в Таджикистане, где принимал участие в боевых действиях, получил осколочное ранение и контузию. Ныне Азамжон Обидов находится на заслуженном отдыхе.

Родился в 1966 году в Свердловске. Участвовал в боевых действиях на территории Афганистана с 1985 по 1987 гг. в составе отряда специального назначения Главного разведывательного управления. Был комиссован вследствие тяжелого ранения. Награжден орденом Красной Звезды.

Когда Александру Овчинникову исполнилось шесть лет, семья переехала в Узбекистан. В Узбекистане Александр закончил школу и оттуда был призван на военную службу в ряды Вооруженных Сил. Уже после службы он вновь вернулся в Свердловск.

О войне в Демократической Республике Афганистан Александр впервые услышал по телевидению. Но предчувствие, что в соседней стране что-то происходит, буквально витало в воздухе. Причем совсем не такое, как рассказывали дикторы телевидения. Ведь Овчинников жил в Узбекистане и видел с друзьями, как нескончаемым потоком в сторону границы шли колонны. Сделать правильные выводы большого труда не составило. Шла техника, везли боеприпасы, попадались машины с военнослужащими, все были вооружены. А немного позже стали возвращаться после службы в Афганистане земляки, знакомые и товарищи, которые рассказали, что происходит в Афганистане на самом деле.

Но в армии Александр служить хотел. В те времена служить было почетно, служба была долгом каждого парня. На тех, кто не служил, посматривали с недоверием. У подавляющего большинства ровесников Александра было нерушимое понимание, что Родину нужно защищать и выполнять приказы командиров. Самые «лихие» целенаправленно старались попасть служить на территории Афганистана, испытать себя. Но были и такие, кто воспринимал происходящее в соседней стране как игру в «войнушку», где, если тебя «убили», можно немного полежать, изображая смерть, потом встать, отряхнуться и идти домой. Афганистан быстро развеивал такие заблуждения.

После окончания училища Овчинников пошел работать. Трудился, пока не пришла повестка из военкомата. Александр сразу же заявил военкому, что хочет служить в Воздушно-десантных войсках. Тем, кто выбрал десант, дали отсрочку, ребят с работы снимали, отправляли на сборы, прыгать с самолета. И те, кто проходил такие сборы, уже стопроцентно попадали служить в Афганистан. Поэтому, когда Овчинников успешно прошел сборы, родители, родственники, друзья все знали, что он будет выполнять интернациональный долг в Афганистане.

«Призывников построили на плацу, и командир учебного батальона сразу сказал, что мы будем готовиться к службе в Афганистане. Он спросил: «Кто не хочет там служить, выйдите из строя». Но никто не вышел, все были готовы отправиться «за речку».

Специальную подготовку я проходил в Чирчике, в учебном подразделении. Ко мне родители приезжали в учебное подразделение, потому что мы в городе жили неподалеку, и всегда просили в Афганистане быть повнимательнее.

Когда нас привезли на пересылку, через сутки приехали «покупатели» – командиры. Вот тогда меня и отобрали в отряд, который позже поехал в Афганистан. Так что на пересылке мы не долго были. Нас забрали, в дороге к месту назначения мы не общались. Со старослужащими мы конечно же общались, но уже когда прибыли в часть.

Я служил в Кандагаре, это юг Афганистана, там была сильная жара, летом бывало до 50 градусов. Но я до армии жил в Узбекистане, более или менее к этой погоде был привыкший, так что особо не страдал при акклиматизации, в отличие от других парней.

Перед тем, как нам в роту попасть, нас держали неделю на карантине, мы жили в специальных отдельных палатках. Но при этом нас возили на стрельбище, стреляли мы из всех видов оружия, которое было в то время на вооружении в СССР. После карантина нас определили в роту специального назначения. Вот там мы и начали свое общение со старослужащими».

Вначале спецназовцы жили в палатках. Только через полгода самостоятельно начали строить сборно-щитовые модули.

Служил Овчинников в спецназе, так что боевые задачи его подразделения существенно отличались от обычных мотострелковых и даже десантных подразделений. Главной задачей спецназа было «забивать» караваны с оружием для многочисленных банд на территории Афганистана, которые шли из Ирана, Пакистана. Засадные действия длились обычно до 3 суток.

После чего сутки бойцы просто отдыхали, ходили в баню, приводили в порядок оружие и обмундирование, посещали обязательные занятия по политической подготовке, на учебном полигоне отрабатывали совместные действия при обнаружении противника, пристреливали оружие, потом опять отправлялись на 3 суток в засаду.

Засады проходили почти всегда по одному сценарию: группа скрытно добиралась до места засады, все окапывались, маскировались и ждали караван. Такие действия назывались «реализация разведанных». Как они добывались – группу спецназа не интересовало. Может, разведчики добыли секретную информацию или сорока на хвосте принесла, а может, кто-то из афганцев за приличную сумму шепнул. Главное в таком деле – из охотника не превратиться в до-

бычу, поэтому ушки всегда держали на макушке. Шли к месту засады только по ночам, днём не ходили, чтобы никто не обнаружил. Иначе вся подготовка насмарку. Начинает действовать «цыганское радио», которое сразу передавало новость о «шурави» по всем кишлакам, а это означало, что караван можно было уже не ждать. На третьи сутки бойцы спецназа уже ждали караван, его «забивали» и вызывали «броню» для эвакуации трофеев. На «броню» обычно и возвращались в расположение батальона.

«Однажды, во время выполнения боевой задачи, наша группа зашла в пустой кишлак. Раньше там кипела жизнь, но душманы поубивали почти всех мужчин за то, что помогали «шурави», а старики, женщины и дети покинули свои дома, ушли в неизвестном направлении. Мы туда зашли, набрали водички, стали отдыхать. Кишлак был удачно расположен: на равнине, а до гор было примерно 10 километров.

Рядом – кяризы, это такая традиционная подземная гидротехническая система, которая иногда использовалась душманами, поэтому надо было быть постоянно настороже.

Вдруг с самого дальнего поста боевого охранения сообщили, что в сторону кишлака двигаются мотоциклисты. Конечно, они нас не видели, а у нас мотоциклисты были как на ладони. Дорога огибала кишлак полукругом, поэтому, когда они повернули и увидели нас, то буквально опешили. Хотели сразу развернуться и обратно уехать, но дорогу им перекрыли ребята из головного дозора. И мотоциклисты рванули прямо по открытой местности.

На спортивном мотоцикле было двое. Который сидел сзади, откинул халат, достал автомат и начал отстреливаться. Мы поняли, что в плен они не сдадутся, и тоже открыли стрельбу. Одного душмана ранили, он упал с мотоцикла, мы

его тут же подобрали и связали. А вот второй, который удержался на мотоцикле, повернул к кяризам и прямо на мотоцикле и на полном ходу влетел в реку. Когда мы подбежали к кяризу, то никого не увидели. На всякий случай кинули вниз пару гранат.

Вернулись мы в этот кишлак обратно. Основная группа собралась и отбыла в часть, взяв с собой пленного душмана.

А мы скрытно остались в кишлаке, сделав перед этим вид, что ушли с основной группой. Ну, вроде «шурави» поняли, что рассекретили себя и отправились обратно.

А глубокой ночью пошёл караван. И когда мы его расколошматили, взяли много трофейного оружия. А мотоциклисты были просто разведчики, которые не справились со своим заданием».

Приходилось Александру и терять боевых друзей. Давно это было, но боль не ослабевает. Конечно, история не терпит сослагательного наклонения. Но, если бы, повернуть время вспять, Овчинников уверен, что снова бы отправился воевать в Афганистан. Был бы более решительным и уверенным в себе. Это чувство долга перед Родиной и осознание, что ты можешь выполнить этот долг лучше, чем другие.

Несмотря на тяжелое ранение, полученную в 2012 году первую группу инвалидности, Александр считает, что взамен Афганистан дал ему много хороших и верных друзей по всей матушке-России. После службы Овчинников закончил юридическую академию, стал активно участвовать в ветеранском движении: встречается с молодежью, проводит Уроки мужества, военно-патриотические игры «Зарница». Потому что знает, как это важно. Если мы позаботимся о воспитании молодежи сейчас, то можно быть уверенными, что наше будущее в надежных руках.

Орлов Вячеслав Николаевич родился 20 января 1962 года в поселке Чашавита Нижнетуринского района. После школы поступил в СГПТУ-22 города Нижняя Тура по специальности каменщик-монтажник железобетонных и бетонных конструкций.

Но закончить учебное заведение не успел. Весной 80-го года пришла повестка. Интернациональный долг в Афганистане выполнял с 22 октября 1980 по 28 апреля 1982 г. Награжден медалями «За отвагу», «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа».

«Когда мне вручили повестку, руководство ГПТУ пыталось договориться об отсрочке, но им по-человечески внятно объяснили, что «тут у нас Афганистан начался». Одним словом, 14 апреля 1980 года я был отправлен на областной сборный пункт в Егоршино, где прошел собеседование с офицером Воздушно-десантных войск. Тут-то и обнаружилась одна серьезная проблема: в новогоднюю ночь 1980 года я неудачно упал и получил серьезный перелом в районе плеча со смещением. Планировали везти на операцию в Свердловск, но я отказался. Писал, что на мне, как на собаке, всё заживает. Военком Нижней Туры, перед этим опрашивая ребят на прыжки с самолета, сказал: «Какой тебе ещё десант с таким переломом!» Поэтому при собеседовании на призывном пункте, я факт перелома скрыл. Повезло, не узнали.

Попал в десантную учебную часть в Гайжюнае (поселок Рукла Литовской ССР). По прибытию, практически сразу же, попал в учебное подразделение – самоходно-артиллерийский дивизион. Приехали мы одними из первых, в середине апреля, поэтому практически месяц ходили по части и «балду гоняли» пока формировался личный состав подразделения.

Авиадесантная самоходная артиллерийская установка АСУ-85, в простонародье ее называли «крокодил». Она была разработана еще в 50-х годах специально для ВДВ. Нужно было тяжелое вооружение для ВДВ, а у нее дальность стрельбы с закрытых позиций – 10 километров элементарно, очень мощная. Нарезной ствол, снаряд в сборе весил порядка 40 килограммов. Серьезный заряд, поэтому стреляли с коротких остановок, чтобы при стрельбе в движении машину не разорвало. Да и с остановок при выстреле машину хорошо подкидывало.

Меня определили в наводчики, хотя экипаж был взаимозаменяемый. Каждый должен был уметь и стрелять, и водить, и заряжать. Через пять месяцев интенсивного обучения уехали на полигон под город Ригу. Этот полигон позволял стрелять на дальние дистанции, поэтому вся серьезная техника отстреливалась там, вплоть до бомбометания с самолетов. Отстрелялись на отлично.

Процесс стрельбы был такой: мишень – танк, мишень – безоткатное орудие на автомобиле, ещё мишени – гранатометчик, пулеметчик, пехота. По три штатных выстрела на танк, на безоткатное орудие, гранатометчик и пулеметчик – 12 выстрелов из ДШК (пулемет Дегтярева-Шпагина, крупнокалиберный) и спаренный с пушкой пулемет ПКТ (пулемет Калашникова танковый) 24 выстрела по пехоте. Выдвигаемся к месту стрельбы, увидев цель, даю команду механику – водителю: – «Короткая!» Он останавливается, я довожу прицел и жду, чтобы машина «устоялась». С момента остановки до выстрела дается 8 секунд. Выстрел! После этого механик водитель сразу же начинает движение. Без моей команды, так были за пять месяцев обучены. Тут же пушку задираем вверх и ставим на стопор. Команда «За пулемет!» Сначала идет стрельба из ДШК, потом по пехоте из ПКТ. Средняя дистанция до цели 800 метров.

В целом АСУ-85 идеальная машина. Проходимость на высоте. Имея плоское дно, по грязи она не буксовала, а плыла. Единственный, на мой взгляд, недостаток – поворотный-планетарный механизм, который не позволял машине быстро остановиться. То есть, на мягком грунте эта проблема решаемая, но на асфальте либо на каменистой поверхности машину просто несет, тем более, если двигаешься с хорошей скоростью.

По прибытию с полигона в учебную часть, меня вызвали на собеседование. На само собеседование я не успел, колонна только подходила к части. Но мой командир батареи старший лейтенант Виталий Попов сообщил, что включил меня в список убывающих в Афганистан.

Нас обучалось 60 курсантов, а разрядка пришла только на семь человек. Но, на всякий случай, определили девять человек. Оно так и получилось, один сразу же отказался, у другого начались проблемы со здоровьем.

Погрузка на машины, марш на аэродром, самолеты Ил-76 доставили нашу группу в Витебск, в 103-ю воздушно-десантную дивизию. 22 октября 1980 года мой самолет, после месяца карантина, приземлился на кабульском аэродроме. Мы прибыли в бушлатах и шапках, а нас встречает жара и солдаты в «хэбешках». Хотели хотя бы расстегнуться, но прибывшие с нами офицеры зарычали, пришлось стоять и изнывать от жары. Пришли местные командиры и забрали нас в подразделение.

Так я попал в 62-й отдельный самоходно-артиллерийский дивизион 103-й воздушно-десантной дивизии, место дислокации – столица Афганистана Кабул. Командир части – подполковник Барановский Игорь Михайлович. Отдельный дивизион, он и есть отдельный, свой штаб, своя столовая, свой хоззвод, в общем всё свое, даже баня. Общий состав 120-130 человек. 18 машин АСУ-85, плюс грузовые автомобили – заправщик, водовозка, машина для подвозки снарядов. Три палатки для личного состава, отдельные палатки для штаба и офицеров. Палатка медпункта и палатка хоззвода, столовая и кухня.

изначально она была просто под навесом. Первое впечатление, это когда вся дивизия ушла на боевую операцию, а нас поставили в караул. И за две недели от жары и немытого тела мы обзавелись вшами. К концу второй недели мы были как автоматы: два часа караула, два часа на отдых и так по кругу. Пришли из караула, отмылись, отстирались, а тут ребята вернулись с «войны», привезли виноград – праздник! Много ли надо солдату?

А тут еще один праздник – Новый год. Мы его встречали дважды, по кабульскому времени и по московскому. Мы, молодые, в роли подай – принеси,

а дембеля, естественно, поставили бражку. И с боем курантов началась всеобщая стрельба, ракетницы, трассера! Для нас, молодых бойцов, дико, думали, что война началась. Офицеры бегают, ругаются, ищут, кто стреляет. Да кого там найдешь ночью? Они заходят в палатку, вроде все на месте и спят. Только уйдут, опять стрельба. В то время ружейного парка не было, все автоматы и магазины с патронами стояли свободно в пирамиде в центре палатки. Да, и как правило, все наши солдатские «косяки» решались на месте. То есть было правило – никого не выдавать, сор из избы не выносить. Если набедокурил – грудь к осмотру на прочность. Получил, зато знаешь за что.

Получил, зато знаешь за что.

Мой экипаж состоял из командира гвардии сержанта Костюкова Алексея, меня – наводчика, и механика-водителя Хайдара Мубаракова. А заряжающих штатных не было – обычно ставили наводчиков.

А вообще, по поводу ночной стрельбы, это было в порядке вещей. Мы, когда прилетели в Афганистан, уже в первую ночь испытали шок. Стреляли с разных сторон, то тут, то там. Не интенсивно конечно, но бабахали. Старослужащие еще тогда посоветовали не обращать на это внимание.

Первое задание – благоустройство родного подразделения. Как уже говорил, моя специальность каменщик-монтажник, поэтому делали самодельный кирпич и заводили под стены кухню,

Так в повседневных хозяйственных работах и нарядах прошло около двух месяцев. Мы пооб-

выкли, как говорится – пообтёрлись. И только в феврале 1981 года нас впервые стали привлекать на боевые операции. Подразделение построили, и командир зачитал приказ, столько человек пофамильно, машин по номерам, направляются на боевую операцию. Тогда было правило, все документы и личные вещи сдать, даже фотографии не разрешали брать. Все офицеры и солдаты были «обезличены»: без погон и кокард, все на одно лицо. На операциях и жили одним организмом: ели с одного котла, спали бок о бок, общались не совсем по уставному. Когда направляли личный состав на первую боевую операцию, я в список не попал. Набравшись наглости, подошел к своему командиру: «Товарищ капитан, а меня почему на операцию не взяли?» Он отвечает: «Давай иди работай, нам такие люди на хозяйственных работах нужнее». Это из-за того, что я показал своё умение в кладке кирпича и камней при строительстве. Тогда я набрался еще большей наглости и подошел уже к командиру дивизиона: «Товарищ подполковник, разрешите обратиться? Рядовой Орлов, наводчик первой батареи». После разрешения продолжил: «Ребят всех на операцию отправляете, а меня оставили. Я в Афганистан прибыл интернациональный долг выполнять, а не строительством заниматься. Если так, то отправляйте меня в Союз, я и там могу строить». После этого случая ни разу в части меня не оставляли, когда подразделение шло на боевые.

А так, служба как и в Союзе, шла по порядку. Вернувшись с боевой операции, мы чистили технику, личное оружие, выполняли хозяйственные работы, а также ходили на политические занятия, изучали труды Ленина, писали конспекты. То есть переписывали конспект из одной тетрадки в другую и спали. Да, спали, потому что любое занятие, не связанное с физической нагрузкой, автоматически вгоняет солдата в сон. Конспекты были «реликвиями», потому что бережно передавались от призыва к призыву. Есть конспект, значит, тебе повезло, и не нужно заморачиваться с писаниной. Ну, и итогом дня, всегда являлся обязательный для всех просмотр по телевизору программы новостей в 9 часов вечера. Для нас эта была очередная борьба со сном.

Кормежка была отвратительной. Начало афганской войны, холодильников нет, продукты хранятся под открытым небом. Да, была выко-

пана яма, наподобие землянки, накрытой маскировочной сетью. В ней хранили продукты в коробках. Тогда всё ещё было консервированным. Сыр в банках, тушенка, сгущенка, картофель (сплошной клейстер), крупы, макароны. И большое количество рыбных консервов. Утренняя перловка с рыбой, рыбный суп и каша с рыбой в обед и такая же беда вечером. Плюс словно пластилиновый, привезённый издалека хлеб. Его выпекали на дивизионной пекарне. Из-за климатических условий Афганистана, он сверху имел красивую хрустящую корку, а внутри, по сути, оставался сырым. Сливочное масло в нормальном твердом состоянии было только зимой, в остальное время его просто наливали в миску. Одним словом, как говаривали наши офицеры: «Главное для солдата это, чтобы калории в еде были, позволяющие выполнить боевую задачу, а не для того, чтобы наслаждаться вкусом. Вкусно будете кушать дома».

До сих пор помню один случай. Периметр дивизии был огражден колючей проволокой. За периметром уже находилась окраина города Кабул, редкие дома и поля с посадками. Наши «дембеля» в бинокль узрели там что-то зеленое. Подошли к солдатикам, охранявшим периметр на нашем участке, и сказали: – «Мы тут на вылазку идем. Если с той стороны будет заварушка и стрельба, вы не «кипишуйте». Мы с автоматами, сами разберёмся». Ушли, через некоторое время идут обратно с большими охапками зеленого лука. Мы из столовой притащили девятилитровые бачки, накрошили туда лук, залили подсолнечным маслом и посолили. Ели просто, иногда даже без хлеба. Никогда, ни раньше и ни позже, я ни ел ничего вкуснее. Ходили за ним в течении дня раза три, пока афганцы не поняли, что у них лук воруют.

Ну и по воде. Сырую пить нельзя, в ней были всевозможные микробы и бактерии. Поэтому кипятили воду с верблюжьей колючкой, природным антисептиком. Сначала пить противно, потом привыкаешь.

Первая боевая операция была скоротечная. Мы выехали из части в районе четырёх часов утра. Недалеко от Кабула встали на боевые позиции. В нашем подразделении 3 машины АСУ-85. На расстоянии выстрела располагался кишлак, перед ним глинобитная крепость. Поступила команда открыть огонь по крепости и попытаться ее разрушить. Меня, как молодого – наверх, за пулемет, а командир машины, старослужащий, сел наводчиком. Я вроде бы заартачился, а он: «Сиди молодой, где сказали. Ещё настреляешься». Ну, сделали выстрелов по пять, команда «Отбой». Пехота пошла на зачистку кишлака. А мы, пушки кверху и несколько часов ждали указаний. Потом вернулись в часть. Вот и вся война.

В расположении чистка оружия, дозаправка топливом, пополнение боекомплекта и обяза-

Мой экипаж – Хайдар, я и Алексей (слева направо)

тельная чистка ствола. Это отдельная, обязательная песня. Сворачиваем специальный ёрш, командир сидит внутри и льет приготовленный из хозяйственного мыла раствор, чтобы убрать омеднение ствола. Как уже говорил, пушка у нас серьезная, нарезная, сама боевая часть снаряда омеднённая, чтобы снаряд лучше шёл по нарезам. За счет этого и попадание в цель очень высокое. Километр–полтора по прямой наводке попадали в камень размером примерно два на два метра как нечего делать.

Как-то раз вышли на позиции и нас попросили помочь танкистам. В пещере засели душманы, танки бьют по ним и всё без толку, пехота лежит, головы поднять не может. Порядка пяти выстрелов из наших стволов и мы просто обрушили свод пещеры, засыпав вход.

Медалью «За отвагу» я был награжден за боевую операцию возле Чарикара, которая началась в феврале 1982-го года. Я уже готовлюсь на «дембель» и все мысли о доме. Команда на выход и ушли на полмесяца. Сначала лазили где-то по ущельям и уже в конце зашли в пригород Чарикара. При нашем появлении люди стали разбегаться с улиц по домам, закрывая окна и ставни. Ощущение – что-то сейчас начнется. А нашу машину иногда ставили впереди боевой колонны. На случай если попадет мина, то при подрыве такой тяжелой машины ущерба

меньше, чем при подрыве бронетранспортёра или боевой машины десанта. Окраина города, «зеленка» (зеленые насаждения, виноградники), впереди – мост. При подходе к мосту начался обстрел, мы попали в засаду. Молотили по нашей колонне отовсюду и из всего, чем можно. Первая самоходка успела мост проскочить, а наша машина, скатившись чуть в сторону, стала обрабатывать снарядами дувалы (глинобитные стены, заборы). Остановившаяся рядом боевая машина десанта всю огневую мощь направила на зеленую зону. Душманы, расположившись за дувалами, вели огонь из гранатометов. Выстрелит душара и опять за дувал, перезарядиться. Выстрелами из АСУ-85 я стал разбирать эти укрытия по частям. Так медленно, но верно, загасил все точки. Душманы отошли в горы, где преследовать их на тяжелой технике не имело смысла. Посчитав, что всё успокоилось, солдаты стали покидать укрытия. Пока суть да дело, переговоры по рациям о дальнейших действиях, мы тоже решили размяться. Выпрыгнули из машины я и командир батареи, старший лейтенант. На нас ещё офицеры зашикали, куда, мол, повылазили. Тут опять стрельба. Я замешкался, а комбат успел на броню запрыгнуть, его и «щелкнули», наверное, из снайперской винтовки. Я еле успел подхватить упавшее тело и затащить за броню. Крикнул механику-водителю, чтобы

помогал. Вкололи обезболивающее и стали смотреть куда попало. Комбат был в «бронике», а пуля вошла в бок между пластинами, в не защищенное место и вышла из другого бока. По рации вызвали вертушку. У комбата это был первый боевой выход, он только-только прибыл из Союза. Зацепило его серьезно, он после лечения обратно в Афганистан не вернулся.

В это время самоходка, что перешла мост перед началом боя, заглохла. Я с механиком-водителем Хайдаром Мубараковым бросились помогать ребятам. Пока подходили, механик-водитель – Валера Рябый со сломавшейся машины, проблему решил самостоятельно. Пожелав удачи, пошли обратно. И тут пуля от прозвучавшего выстрела ранит Валеру в бок, сквозное в печень. Оттаскиваем его в безопасное место и с военврачом, старшим лейтенантом, оказываем первую помощь. Я удерживал Валеру, чтобы он не хватался за рану и за капельницу. Вызываем по рации вертолет. С «той стороны» рации трехэтажный мат: «Вы, что там охренели совсем, за час две потери...» Прилетевший вертолет при первой посадке душманы попытались сбить, он зашел на боевой курс, отработал неуправляемыми реактивными снарядами по месту, откуда его обстреляли, и со второй попытки забрал бойца. Но парень до госпиталя не дотянул, так и умер в вертолете.

Это была единственная потеря в нашем подразделении за время мой службы. И эта «война» была моей последней. В представлении на медаль «За отвагу» про меня так и написали, что во время боевой операции заменил командира и своими действиями обеспечил четкое выполнение поставленной задачи. Медаль мне вручили 10 ноября 1982 года в День милиции, когда я уже работал в органах внутренних дел.

Часто выходили в качестве боевого охранения реактивных установок «Град». В колонне шли спереди и сзади, «Грады» в середине. Во время стрельбы мы стояли с боков, прикрывая работающую технику. Там же впервые я увидел в работе авиадесантную самоходную установку «Нона». Тоже пришлось их охранять. Они тогда еще считались секретным оружием.

Работа реактивных установок «Град» – это неопишуемая мощь и смертоносная красота. Не менее смертельная мощь во время бомбометания. На одной из операций наблюдали работу авиации. Сидим в люках, ждём команду, в это время появляется самолет «Миг-21». Встал в

боевой разворот в нашу сторону. Мы, как в замедленном кино, наблюдаем, как отделившаяся от днища самолета бомба движется в нашем направлении. Одна мысль: «Куда, зачем? Мы же свои!» А бомба летит. Нас с брони как рукой смело. Сидим внутри самоходки и ждем удара в броню. Через некоторое время издалека донесся звук разорвавшейся бомбы. Бомба же летит по траектории, а ты визуальную её видишь, и думаешь, что она сейчас на тебя упадет. Жуткое ощущение.

На длительных операциях, на ночь, как правило, ставили машины в круг, занимали оборону, готовили еду, чистили оружие, пополняли боекомплект. Спали прямо в машине, по два человека, больше не умещалось. Да в принципе, было так, что двое спят, двое стоят в боевом охранении, потом меняемся.

Основным нашим личным оружием был десантный автомат АКМС, калибра 7.62 мм с откидным прикладом, плюс пистолет ПМ, он у меня также в военном билете записан. После нас, как слышал, эту практику прекратили и у всех были только автоматы АКС-74. Кроме АКМС и ПМ в самой самоходке были гранаты Ф-1 и гранатометы «Муха».

Врезалась в память ещё одна история. На боевом выходе впереди колонны шёл сапер с собакой. Участок дороги был сложный, с большой вероятностью, что духи где-то поставили мину. Душманский снайпер не стал стрелять в сапера, он выстрелил в собаку. И парень-сапер накрыл её сверху. На нем «броник», он собаку прижимает к земле и закрывает собой, чтобы снайпер не добил, а собаке от ранения больно и она рвет зубами его руки. Она рвёт, а он сильнее прижимает, чтобы еще раз не попали. Мы их вытащили за броню, погрузили в БТР и отправили в часть. Я тогда обстреливал возможные «засидки» снайперов из ДШК. Было страшно-вато – реально страх подкатил, ты же не знаешь где он сидит, и не прилетит ли следующая пуля в тебя. Так и не знаю, что с ними дальше было. Просто очередной эпизод войны.

Подрывы, конечно, были. Самые опасные мины, это «итальянки» (производства Италии), у них корпус пластмассовый и обнаружить эту мину очень сложно. Был случай, когда по наводке пойманного душмана пошли искать склад с боеприпасами. Нашу машину ставят впереди колонны, сзади штук пять БМД. Сначала шли нормально, потом обратили внимание, что дорога есть, а следов на ней нет, кругом нетронутый снег. Пока думали-гадали, случился подрыв нашей машины со стороны механика. Гусеницу разбило, стоим, в ушах всё звенит. А душманы в это время из-за дувалов из гранатометов стали молотить. Нам ни развернуться, и ни отъехать, ни выстрелить. Ладно, у них кумулятивных зарядов не было, которые броню прожигают. Били осколочными, которые побили фары,

срезали антенну, ну еще причинили кой-какие мелкие неприятности. Ладно, ребята на БМД обошли нас с двух сторон и со всех стволов дали духам прикурить. Мы вызвали вторую машину и, выдернув нашу в безопасное место, отремонтировали поломку. После этого случая машину стало при движении немного «уводить» в сторону. Видимо, при подрыве произошла деформация корпуса. Но машину не списали. Я на ней до конца служил, бортовой номер 113, до сих пор помню. И позывной свой «Пташка», тоже помню.

Домой уходил в «хэбешке», которую заранее припрятал и подготовил к «дембелю». До отправки домой, я последние три дня совсем не спал. Переживал и не верил, что скоро всё закончится. 28 апреля 1982 года полный борт самолета «Ту-134», под завязку загруженный «дембелями», взлетел с кабульского аэродрома. Раздалось долгожданное слово: «Пересекаем границу Советского Союза» – и самолет закачался от единого крика радости. Ташкент, Витебск, войсковая часть, где нас пытались переодеть в парадную форму, которую мы сдали перед отправкой в Афган. Но сдавали мы её под дождем, сушить никто не сушил, и за полтора года она просто сгнила. Так что домой поехал в том, в чем был одет.

Домой попал 3 мая. Выходной, в клубе дискотека. Ребята обступили, просили остаться с ними. Но я рвался домой. Больная мама уже и

лежать не могла, но дождалась, врачи помогли. А через месяц она умерла.

Было желание вернуться в Афган на сверхсрочную службу, потом поступить в Рязанское воздушно-десантное училище, потом, хотя бы прапорщиком, опять же только в ВДВ. Но младшая сестра еще училась в ГПТУ, надо было помогать ей встать на ноги. В общем, пошёл служить в Нижнетуринскую милицию.

После службы долго еще во сне воевал. Потом стали сниться «ментовские» сны, за время службы там тоже впечатлений хватало. Сейчас сны сугубо бытовые, нет, ну бывает, сходишь в школу поделишься воспоминаниями со школьниками и вновь нахлынет. А так дети, внуки, одним словом, сны про семью.

Я же до армии даже в комсомол не вступил, такой хулиганистый был. Афган многое поменял. За 28 лет в милиции дослужился до майора и не имел ни одного взыскания. Вступил в коммунистическую партию, возглавлял комсомольскую организацию ОВД, был председателем суда офицерской чести. В начале 90-х, некоторые «товарищи» стали кидаться партийными билетами, я этого не сделал. До сих пор красная книжица лежит дома как память, также как и комсомольский билет. И я вот, что думаю, когда стану слишком стареньким и дряхлым, соберу своих внуков и правнуков, достану все свои регалии и расскажу им историю. Историю моей жизни».

28 октября 1981 года через понтонный мост возле Термеза, командуя взводом 154-го отдельного отряда специального назначения 15-й отдельной бригады специального назначения, лейтенант Паховский вошел на территорию Афганистана. Сегодня Сергей Николаевич Паховский – руководитель Исполнительного комитета Свердловской областной организации имени Героя Советского Союза Исламова Ю.В. Общероссийской общественной организации «Российский Союз ветеранов Афганистана и специальных военных операций». Полковник запаса. Кавалер орденов Красного Знамени и Красной Звезды.

Отряд располагался на севере страны, в районе города Мазари-Шариф, и выполнял боевые задачи по реализации разведанных, обеспечению безопасной работы газопровода, топливпровода из Термеза в Пули-Хумри, штурму укрепленных районов душманов.

Часто спецназу в Афганистане в 1982-1983 годах приходилось действовать на направлениях главного удара армейских операций. Примером тому может служить операция в ущелье Мармоль.

Основной ее причиной стало бандитское похищение шестнадцати граждан СССР, работавших на строительстве хлебозавода в Мазари-Шарифе. 1 января 1983 года они возвращались в советский поселок после трудового дня. Душманы перегородили дорогу и остановили автобус. Применив оружие, насильственно захватили рабочих и увели в горы.

В Мазари-Шарифе была сформирована оперативная группа поиска, который не прекращался целый месяц. Ведение поисковых работ осложнили тяжелые погодные условия, не позволявшие применять авиацию.

В первые же дни поисков, 3 января, в русле горной речки, недалеко от Мармоля, был обнаружен труп одного из захваченных наладчиков завода. Остальные – словно провалились.

По приказу командующего 40-й армией 30 января в горах за кишлаком Мармоль был высажен первый десант. Вскоре десантники за-

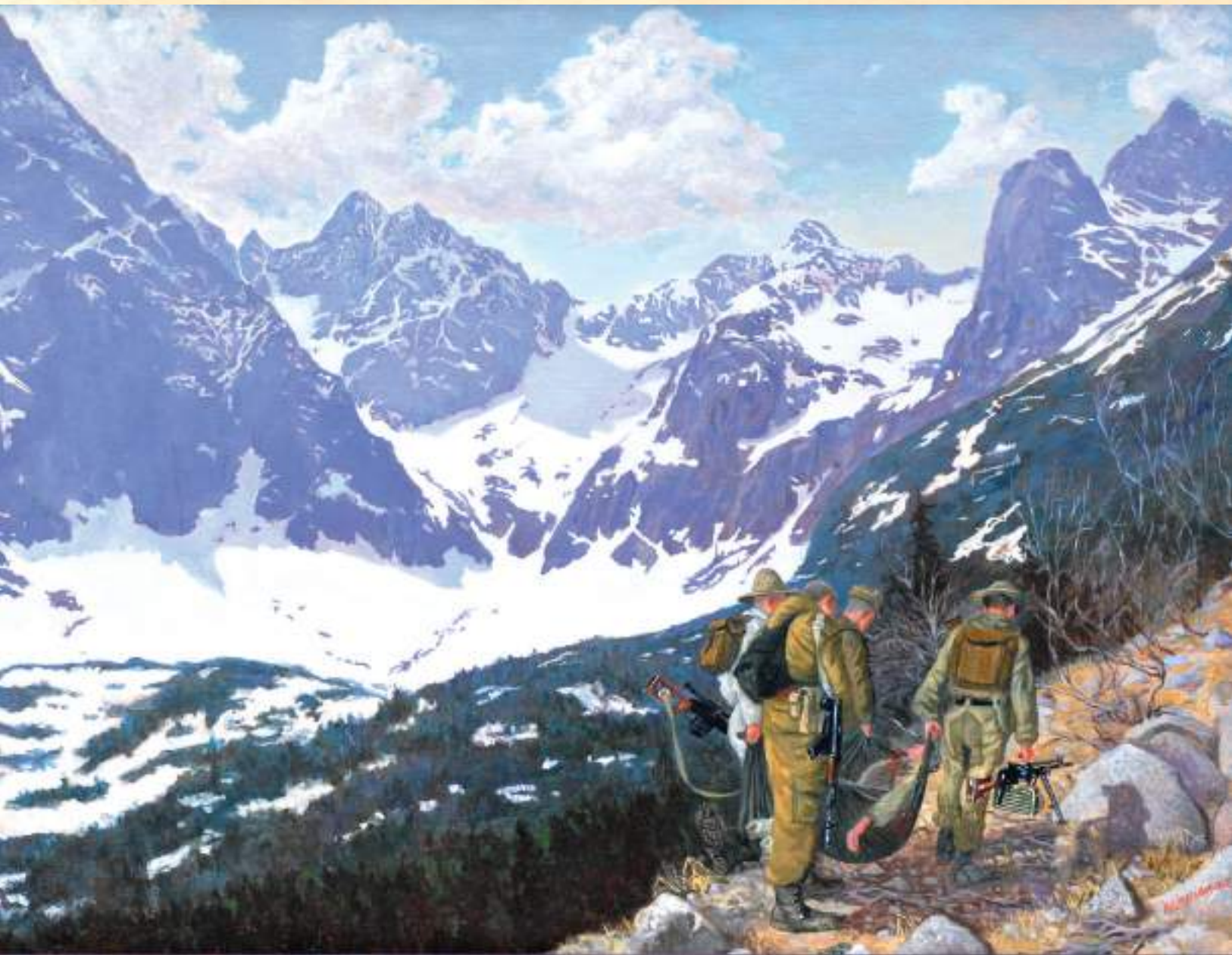
хватили и доставили пленного, которого удалось «расколоть». Он показал, что в кишлаке Вардак в доме муллы видел с десяток пленных «шурави». Немедленно в Вардак вылетела десантная рота и 50 сотрудников ХАДА (афганская служба безопасности).

Во время высадки десанта из дома муллы был открыт мощный стрелково-пулеметный огонь, а «духи» поспешно начали отступать в горы. Перед этим они успели расстрелять специалистов, но в спешке убили пятерых, а троих ранили и не успели

добить. Как рассказали освобожденные советские рабочие, их захватили с пропагандистской целью и впоследствии должны были казнить. Руководитель банды демонстрировал захваченных населению, выдавая их за «летчиков», бомбивших афганские кишлаки, и призывая при этом к «священной» войне с «неверными».

Маршал Соколов, находившийся в это время в Кабуле, приказал провести операцию по уничтожению банды командующего Северным фронтом борьбы с советскими войсками Забибулло. По данным разведки, тот спешно мобилизовал только из местных кишлаков 1300 боевиков. И именно он организовал операцию по похищению специалистов.

По замыслу штаба армии операцию предусматривалось провести высадкой десантов для перехвата путей выхода из Мармольского ущелья, а также непосредственным уничтожением живой силы противника и его материальных средств, находящихся в ущелье.

Мармольское ущелье для наших войск считалось неприступным с самого начала афганской кампании. «Как такового входа в ущелье и не было, – вспоминал И.Ю. Стодереvский, командир 154-го отдельного отряда спецназа. – Весь вход занимала водная поверхность искусственно разлившейся горной реки. А выдолбленные в каменной кладке огневые точки были неуязвимы для ДШК и пушки».

23 февраля, почти через месяц после освобождения специалистов, началась военная операция. Но началась она не со штурма укрепрайонов в ущелье, а с зачистки ближайших к Мазари-Шарифу кишлаков. Советские войска действовали стремительно: на вертолетах высаживался десант, захватывались основные

высоты и уничтожались бандформирования. Через неделю были выброшены десанты вокруг района боевых действий на маршрутах выхода из этого каменного мешка. Тогда еще никто не знал, что в ущелье находятся более 2 тысяч вооруженных до зубов душманов.

В течение всей операции этим подразделением пришлось в суровых зимних условиях высокогорья (2 500 метров над уровнем моря) держать оборону и пресекать отход мятежников. Почти весь отряд спецназа, около 300 человек, под командованием майора Стодереvского, прибыл для участия в операции.

Боевые действия проходили в сложных климатических условиях: дул сильный ветер и шел снег; в горах в такую погоду очень нелегко. Активные боевые действия в районе ущелья продолжались девять суток, из которых неделю наши воины продвигались под сплошным огнем противника буквально по пятьдесят метров в сутки. У «духов» в горных складках ущелья было много долговременных огневых

ном. Мало кто такое может выдержать. Паховский, например, до сих пор эти песни слушать не может.

Не раз бросались спецназовцы на штурм, хлопцы отчаянные, таких еще поискать, да напрасно: каждый раз ущелье огрызалось кинжальным огнем замаскированных узлов обороны. Во взводе Паховского каждые два дня личный состав обновлялся. Убитых, слава Богу, не было, но ранены почти все. Командира тоже зацепило – касательное пулевое ранение правого колена, но офицер остался в строю, продолжил руководить подчиненными.

Как часто бывает, выручила солдатская смекалка. Придумали план. Рискованный, конечно, да разве можно на войне без риска? Дождались, когда ветер подул в сторону ущелья. Под огнем духов подогнали как можно ближе ко входу в

точек, хорошо замаскированных в пещерах, выдолбленных в монолитных скалах. В этих же пещерах, соединенных тоннелями, располагались типография, богатейшие склады с оружием, боеприпасами, снаряжением, медицинским имуществом и продовольствием. Все эти материальные средства предназначались для обеспечения мусульманского фронта, воевавшего с «шурави» на севере. Уничтожение этих складов и было одной из задач операции, проходящей в марте 1983 года. Но захватить и уничтожить их было очень сложно. Даже авиация не могла эффективно поражать огневые точки противника. Поэтому главное слово должны были сказать солдаты спецназа, прорывавшиеся в ущелье по земле. Но длина ущелья 1,5 км, да вход в него всего-то метров 20.

Каждый вечер муллы душманов в ущелье начинали петь свои молитвы. Ветер в сторону десантников – слышимость отличная. Поют всю ночь. Ни днем покоя от них нет, ни ночью. Но спецпропагандисты боевой группы 40-й армии не растерялись, тут же подтянули нашу родную попсовую «артиллерию» – притащили откуда-то пару мощнейших колонок в человеческий рост и каждую ночь стали «бомбардировать» противника песнями Аллы Пугачевой. «Арлекино», «Миллион алых роз» и другие хиты обрушились на головы душманов сокрушительным урага-

ущелье танк, включили термодымовую аппаратуру. Через пару минут – света белого не видно. Пока духи с испугу лупили в него почему зря, как в копеечку, проскочили самое узкое и опасное место.

«Все переходы из одного складского помещения в другое, а также лестницы были выложены из пустых корпусов авиабомб, – вспоминает Сергей Паховский, а подземную систему хранения и огневые точки связывала прекрасная телефонная связь. В сложных лабиринтах подземной крепости мы обнаружили помещения двух тюрем,

где взору предстали страшные средневековые приспособления для пыток заключенных. На пыточных козлах висели бездыханные тела трех афганских военнослужащих, попавших в плен к мятежникам, с вывернутыми в суставах руками и ногами, изуродованные. В самом ущелье обнаружили большой автопарк. На стоянках стояли громадные грузовые автомобили типа «Татра», «КамАЗ», среди них сиротливо затерялись два «УАЗика». При осмотре техники всех удивило ее хорошее техническое состояние. Хотя во время боев машины получили повреждения, но заводились с «пол-оборота». В казематах нашли мощные японские отбойные молотки, с помощью которых и была сделана горная крепость. После

В 1989 году Сергей Николаевич закончил разведывательный факультет Военной академии имени М.В. Фрунзе. С 1989 по 1990 гг. служил командиром отряда специального назначения, заместителем начальника штаба обрСпН (г. Лагодехи, ЗакВО). «Афганистан для меня сегодня, – рассказывает Сергей Николаевич Паховский, – это мои солдаты, которыми я командовал в боях, друзья, с которыми до сих пор встречаюсь. Не было бы в моей жизни Афгана, кто знает, как сложилась бы жизнь? Так что я благодарен, что всё случилось так, как случилось».

вскрытия всей обороны долго не могли найти склады с оружием и боеприпасами, они оказались очень тщательно замаскированными. В складах обнаружили много разного: одних только ДШК было 8 штук, 6 минометов. 20 тысяч боеприпасов к ДШК и многое другое... Завершили операцию 20 марта. Оценивая операцию, могу отметить, что потеряли мы за месяц 5 человек убитыми и около сотни ранеными».

Родился в 1966 году в городе Серове. В СПТУ № 54 получил среднее образование по специальности «электромонтер». С 1985 по 1987 гг. служил в Вооруженных Силах СССР. Три месяца был в карантине в 138-м от-

дельном инженерно-саперном батальоне (город Термез), в двух километрах от моста Дружбы. Потом год и девять месяцев служил в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане в роте спецминирования 541-го отдельного инженерно-саперного батальона 201-й мотострелковой дивизии, которая дислоцировалась в Северном Кундузе. В ходе одной из боевых операций получил контузию.

Впервые о войне в Афганистане Андрей узнал в 1983 году, когда в Серов стали возвращаться первые воины-интернационалисты. В 1985 году он с желанием отправился выполнять воинский долг. О том, что придется воевать на территории другого государства, он не задумывался, везде служить надо честно и добросовестно, такой наказ дали земляки, провожая парня на службу.

Специальность спецминера была интересной: постоянно боевые операции, выезды для выполнения специальных заданий. Может, потому что Андрей тогда был молодым? По признанию самого Петрусенко, в Афганистане ему нравилось больше, чем в Союзе. Там было ощущение нужности, там была настоящая дружба, все, несмотря на войну, чувствовали себя отлично.

Добром вспоминал воин школьные уроки по начальной военной подготовке под руководством Николаева Федора Ивановича: разборка-сборка автомата, снаряжение магазина патронами, стрельба из пневматической и малокалиберной винтовки... Да и физическая выносливость. В детстве сбивали в кровь руки, колени, и дрались, но учились отвечать за свои поступки... Все пригодилось. Жара была под пятьдесят градусов, а вода привозная, сильно хлорированная. Привезут ее – кипяток. И душ одновременно и стирались сразу. Но и этой воды не хватало...

Каждое утро выезжали на разминирование. Вокруг батальона было все заминировано. Саперы постоянно ходили со щупами. С миноиска-

телями смысла не было работать, гильзы кругом валялись, постоянный звон в ушах. Когда находили мины, фугасы, либо обезвреживали кошками, либо подрывали специальными полевыми машинками. Ставили минные заграждения, при разминировании снимали разные устройства, в том числе и с хитроумными «сюрпризами».

Конечно, было иногда тяжело, где-то – страшно, не боится только сами знаете кто... Да, в роте, где служил Петрусенко, были погибшие, подрывались на минах ребята, были и раненые – без глаз, без рук оставались – страшные случаи были. 17 октября 1985 г. погиб от душманской пули командир отделения младший сержант Педоренко Александр, призванный из г. Винница. Его подразделение выполняло боевую задачу по разминированию участка местности. Нарвались на духов, начался обстрел. Младший сержант быстро организовал оборону и под прикрытием огня продолжал обезвреживание мин. Тут его и нашла пуля снайпера...

В 1986 году и Петрусенко война опалила. Подразделение возвращалось с операции, и БТР, на котором находился Андрей, подорвался на mine. Как результат: минно-взрывная травма головы.

Военная специальность у Андрея была непростой. Минная война в Афганистане занимала ведущее место в противоборстве советских частей с душманскими бандами. Минирование с нашей

стороны применялось для защиты объектов (мест постоянной дислокации, аэродромов, застав, блок-постов, баз снабжения, туннелей,

мостов, линий коммуникаций) от атак моджахедов и проникновения их диверсионных групп; для охраны в ходе боевых действий опорных пунктов, мест привалов, позиций артиллерии, узлов связи, полевых посадочных площадок вертолетов, полевых пунктов обеспечения материальными средствами; для блокирования путей подхода моджахедов к коммуникациям (объектам) или для воспрепятствования отхода

и Серовскому району, Управлением культуры и молодежной политики, Комплексным центром социального обслуживания населения города Серова, городским Советом ветеранов войны и труда.

В Северном управленческом округе ветераны боевых действий принимают активное участие в митингах, торжественных мероприятиях,

моджахедов после боевого столкновения; для изоляции районов базирования подразделений моджахедов; для блокирования караванных путей, по которым из-за рубежа к моджахедам поступало оружие, боеприпасы, продовольствие.

Со всеми задачами спецминеры справлялись на «отлично».

Вернувшись из Афганистана, Андрей Петрусенко активно занялся общественной ветеранской работой. Товарищи избрали его председателем Серовского отделения Российского союза ветеранов Афганистана. Организация для достижения своих уставных целей работала и продолжает плодотворно взаимодействовать с органами власти и организациями: Администрацией Серовского городского округа, Управлением социальной политики по г. Серову

военно-полевых сборах с воспитанниками военно-патриотических клубов, Уроках мужества в местных образовательных учреждениях, акциях военно-патриотической направленности, субботниках, встречах с родителями погибших (умерших) ветеранов боевых действий и членами их семей.

Ветеран до сих пор занимается бегом, зимой ходит на лыжах. Афганистан не забывает, иногда с болью вспоминает, иногда как будто молния проходит по телу. У каждого была своя война, считает Петрусенко, – и она живет в каждом сердце. Более 10 лет длилась война, где наша страна потеряла более 15 тысяч солдат и офицеров. Но как я всегда повторил и сегодня повторю: «Мы вышли из Афганистана, но он из нас – никогда».

Попов Александр Николаевич родился 13 декабря 1963 года в городе Кушва. Окончил школу № 3 в городе Качканаре, затем СПТУ № 87 по специальности «помощник машиниста электровоза». Работал машинистом теплово-

за в Управлении горного железнодорожного транспорта на Качканарском горно-обогатительном комбинате. В 1981-1984 проходил военную службу.

Представляете, день рождения у меня 13 декабря, а уже в октябре молодое пополнение повезли в Егоршино. Было нас человек 12, кому в ноябре-декабре исполнялось 18 лет. Был недобор в погранвойсках, мы приехали, встретились с офицерами-пограничниками, заполнили анкету, смысл которой: хочешь служить в пограничных войсках. Хочу! Ждите повестки.

23 декабря призвали, в Егоршино уже не ездили, поехали сразу в Свердловск. В Кировском военкомате собрали человек около 100 и отправили на Дальний Восток. Новый год встретили в поезде. Приехали в Благовещенск – там учебное подразделение, ребята уже вовсю занимались, а мы только прибыли, поэтому ускоренным курсом догоняли уже пройденный материал. Уже в середине февраля нас раскидали по заставам Благовещенского погранотряда. В отряде было 14 застав, я попал на заставу в Бибиково. В соседях на стыке у нас был Шимановский погранотряд.

Так началась служба на заставе. Граница проходила по Амуру, ближе к китайскому берегу. От заставы до границы было метров 300: бутовая дорога, ворота. Правый фланг – примерно 18 километров, а левый – километров 11. Служба пограничная была разных видов: есть часовой границы, есть – дозором идёшь, бывает совмещённая: сначала одно, потом другое. Был еще наряд на автомобиле.

Перед самым отъездом «на юга» у нас случился прорыв: китаец переправился на лодке, перекусил кусачками охранную систему и сделал в ней приличную дырищу. Заставу подняли в ружьё, приехали к этому месту. Нас троих оставили лодку охранять: вдруг вернётся, а вожатый с собакой и замполит (начальник в отпуске был) – пошли по следу. Трое суток ловили. Поймали! Мы же часов 12 находились около этой лодки. Звоним дежурному по заставе: «Нам-то что делать?» – «Выдвигайтесь на заставу!» Приходим – а там с отряда отовсюду людей понагнали, всю границу оцепили, на Амуре корабли – всё перекрыли наглухо. Вертолёты даже были задействованы. Прилетал генерал-майор

В.И. Стус, начальник Дальневосточного пограничного округа. Нарушителя поймали, связали и водили, а он показывал, где переправился через границу. Сказал, что заблудился и был один. А там «дёргаться» смысла нет: пограничная зона, больших городов рядом нет – только деревни, местное население – все друг друга знают, много внештатных помощников. Так что всё, как говорится, «под колпаком».

Потом как-то дежурим на вышке недалеко от заставы, я – младший пограничного наряда, другой – старший, вечером уже боевой расчёт прошёл, старший звонит на заставу: «Куда завтра нас на службу определили?» – «Тебе туда-то, а младшОму с полным расчётом – в отряд». Приходим на доклад: «Здравия желаю! Разрешите обратиться, куда меня?». Командир отвечает: «В Хабаровск съездишь на курсы снайперов и вернёшься». Ребята-старослужащие сразу смекнули: «Точно в Афган».

Ладно, думаю, хоть мир посмотрю. А то застава, периметр 100 на 100, и одно и то же: правый фланг, левый фланг...

Приехали в отряд. Командир отряда вызывал в кабинет и говорил: «Ребята, можете отказаться, продолжите службу – ничего вам не будет». А чего отказываться, раз уж собрались? Проводили нас отлично, гитару дали, у кого сапоги порвались – офицерские выдали, бельё тёплое.

Из Благовещенска этим же вечером поехали в Хабаровск. В Хабаровске собралось со всех отрядов примерно 150 человек. Мы ещё не знали, куда нас направят. Слух ходил, что будет мотоманевренная группа. В течение 3 дней сформировали по подразделениям, съездили на стрельбище. Я попал в противотанковый взвод СПГ-9М – безоткатная «шайтан-труба» – станковый противотанковый гранатомёт на треноге, калибр 73-мм. Нас распределили по расчётам: кто кем будет, я стал заряжающим. Потом погрузили в два вагона, прицепили к почтово-багажному поезду – и в путь. Ехали одиннадцать суток.

Когда уезжали с Дальнего Востока – там была осень, вторая половина сентября, прохладно по ночам, а уже ближе к «югам» – двери в тамбуре практически из-за духоты не закрывались.

Приехали, нас на пароме перевезли через Аму-Дарью в посёлок городского типа Керки. На том берегу были Киркичи, а здесь – Керки, где располагался Керкинский погранотряд. Поселили на учебном пункте. Как-то диковато сначала показалось, словно в фильме про басмачей: одноэтажные здания, только что не соломой крытые, всё такое разваленное было. В тени градусов 35, для нас жарница, а местные говорили: «Разве это жара? Жара летом будет».

Выдали камуфляжную форму, вооружение – всё новое. Автоматы сами пристреливали. Начали нас «дрючить». Каждый день в 6 часов подъём, завтрак, всё закидываем «на горба» – и 10 км до стрельбища, где-то шагом, где-то перебежкой. Там занимались целый день до вечера. В первый-то день сбегали, поползали с пушкой, закапывались-зарывались, на второй день с утра я думаю: «Ну, не может быть, чтобы сегодня опять всё снова!» Ладно бы только с автоматом бегать. А тут ещё и с пушкой, с подкажёнником, который 40 кг, плюс автомат и вся прочая амуниция.

Боекомплект нашего станкового противотанкового гранатомёта был таким: две сумки по 3 выстрела – это гранаты и пороховой заряд; и дополнительно у нас был ящик, из которого мы перегородки убрали, приколотили ручки сбоку как у носилок, и вот из трех ящиков складывали в один 18 выстрелов. Итого с сумками 24 выстрела.

Расчёт наш – 4 человека: командир расчёта, наводчик, заряжающий и подносчик боеприпасов. Гранатомёт таскали вдвоём. Ножи у него складываются-раздвигаются по-разному: можно лёжа стрелять, можно стоймя ставить, можно стрелять раздельной наводкой, как из миномёта. Весит он килограммов примерно 40, причем почти весь вес приходится на заднего бойца. Первый-то что? Ствол он лёгкий, закинул на плечо и пошёл. Двое других несут сумки с гранатами, ранцы, а уж ящик таскать помогали ребята с заставы.

Зато это было очень эффективное оружие. Дальность стрельбы прямой наводкой – 1,5 км, а раздельной – больше 3-х км, а точность такая, как будто из снайперской винтовки лупишь. Мы как-то дорогу на Пакистан перекрывали. Тогда в Мазари-Шерифе душманы захватили автобус с советскими специалистами: сварщиками, строителями... Их, видимо, хотели переправить в Пакистан по горной дороге. И вот мы тогда эту дорогу блокировали, а освобождали пленных десантники. Сидим... Смотрим: начальник штаба идёт. Подошёл, поспрашивал, что да как? А потом и говорит: «Так, бойцы, давайте проверим вашу боеспособность! Вон видите там пещер-

ку?...» А там, где-то далеко-далеко, пещерка в горе виднелась. У нас был Юра Бессонов из Тагила, моложе нас на полгода, он был наводчик, не побоюсь этого слова – от Бога. Ничего ведь не пристреляно было... Первая граната чуть ниже разорвалась. Вторая – чуть выше. А третья вошла в пещеру так, что даже взрыва не было видно. У нас ведь дальномеров тогда не было, если дальномер есть, знаешь точно расстояние – с первого выстрела попасть легче лёгкого.

Сформировали окончательно подразделения, обучили, натренировали, а уже надо было других молодых завозить на этот учебный пункт. Тогда нас отправили на стрельбище: поставили палатки, огородили колючкой. Так на стрельбище и жили: база была там.

На стрельбище жили в палатках, спали на двухъярусных кроватях. Прямо на песке, по углам две печки стояли, углём топили. Но всё равно ночами было прохладно, спали в спальниках. Спальники ватные, а чехол брезентовый – теплющие. Мы когда на последнюю боевую операцию летали, снегу много было, холодрыга, в валенках залазишь в этот спальник, завернёшься – и нормально.

Летом, по самой жаре, обычно носили трусы и маскхалат – удобно и не преет тело. А зимой камуфляж хлопчатобумажный, бушлат и ватные штаны, свитер шерстяной. На бушлате в нарукавном кармане ИПП (индивидуальный медицинский пакет) носили, другой в прикладе автомата. Свитера нам выдавали такие коричневые, они теплые, но растягивались. Погон не было. Обувь – ботинки горные, зимой дополнительно валенки.

В рюкзаке десантника обычно был сухой паёк на 2 дня, боекомплект для автомата, чистое нательное бельё. Спальный мешок подвешивался снизу, плащ-палатка – сверху и обязательно пара фляг с водой. Боекомплект на автомат, 1080 па-

тронов из которых снаряжались в 8 магазинов, остальные патроны в пачках. Ручные гранаты 3 штуки наступательные РГД и одна оборонительная Ф1. И это всё надо было таскать, да по горам. У пянджских погранцов, например, рюкзаки здоровенные были, туристические, и они складывали туда и выстрелы от гранатомёта РПГ-7, и гранаты для АГС, всё в рюкзаках было. Руки у них практически свободны были. А у нас – эти десантные ранцы, в них же ничего толком не положишь! И плюс автомат АКС.

А потом начались боевые операции. Наша боевая группа называлась десантно-штурмовая маневренная группа. Десантно-штурмовых маневренных групп было три: Московская, Пянджская и наша Керкинская. В нашей группе было 50 человек, в неё входили: противотанковый расчёт 4 человека, расчёт АГС 2 человека, расчёт миномёта 82 мм. Остальное как застава шла: расчёт ПК, ручные пулемёты, ручные гранатомёты РПГ-7, снайперы.

Первая боевая операция – вообще ни о чём. Но мы ещё только начинали, ничего не умели: ни окапываться, даже баночку каши не могли разогреть толком. Всё приходило с опытом. Дальше больше, стали на прочёски вылетать, в засады летали, колонны сопровождали. У каждого отряда была своя зона ответственности на сопредельной территории. В зоне ответственности нашего отряда были такие крупные населённые пункты, как Мазари–Шариф, Анхой, Шебарган, Маймане...

У нас много баз было. Мы могли жить в Термезе, Тахта-Базаре... То есть в какое-то из этих мест прилетаем, а уже оттуда выдвигаемся на боевые операции. Поначалу на операцию слетаем – две недели, а то и месяц на базе сидим. Чем больше опыта набирались, тем интенсивней была служба: прилетаешь, три-четыре дня, чтобы «отоспаться-отожраться», и опять куда-нибудь. Или блокировали опасные места, например, чтобы колонна прошла вдоль кишлака – чтобы, если понадобится, своевременно подавить огневые точки. Передвигались на броне, машинах – на чём только не ездили, что движется – на том и ездили.

Когда дорогу на Пакистан перекрывали, мы с Мазари-Шарифа вылетали, там база была, наша маневренная группа стояла, и оттуда уже вылетали в кишлак Ак-Купрук. Туда-то

прилетели, у нас по 6 боекомплектов с собой было, и мы потом целый день от места высадки эти ящики перетаскивали туда, где была наша позиция. Ладно мы – там небольшой бугорок был, а ребята АГС-ники таскали – там гора, склон, градусов больше 40. Они туда таскали свои боекомплекты, а ящички-то не маленькие.

Там долго-долго сидели, стрелять нельзя было пока переговоры с главарями душманских банд шли. Тут разведчики у нас рядом находились. Стрелять нельзя, а у парня день рождения. Что делать? А в горах бараны. Загнали одного,

сварили этого барана в цинке из-под АГС, он вместительный, перец красный у нас всегда в тубусе из-под выстрелов имелся, шурпу такую наварили...

Когда десантники наших специалистов освободили – всё, завтра «домой» летим. А у нас 6 боекомплектов осталось. Мы летели туда на МИ-8, нас 4 человека, остальное ящики с боекомплектом. Поступила команда – оставить один боекомплект, остальные уничтожить. Всю ночь уничтожали. До тошноты от газов. Сопло уже красное. Пойдём с ребятами – из миномёта постреляем, потом пойдём – из АГС. Под утро, уже как стали нас с позиции снимать, кишлак невдалеке был весь, как в тумане.

А в какой-то раз – воды не было. Смотрим: на горизонте караван идёт, там оцинкованные такие баки под воду, блестят, далеко видно. Замполит командует: «Два бойца – со мной!» И поскакали наперерез этому каравану, завернули его, одних

отправили за водой, других взяли в заложники. Они привезли воду. Всё обошлось.

С товарищем своим, Радчуком, я встретился в Москве в метро. Два раза ездил, оба раза со своими в метро встречался: мир тесен. Зубарева Андрея встретил – командира взвода АГС, у нас не было своего командира, он совмещал. Мы «дембельнулись», а он остался. И в метро он – по гражданке идёт! «Андрюха, здорово!» Взяли водочки, пошли в общагу, посидели. «Мне сегодня ночью надо на самолёт в Домодедово, возвращаюсь из отпуска». Потом проводили его в Домодедово. Андрей говорит: «Ребята, так не хочется возвращаться». Он там уж прилично прослужил. Проводили его. Я вернулся в Качканар. От ребят письмо приходит – Андрюха погиб. Как чувствовал...

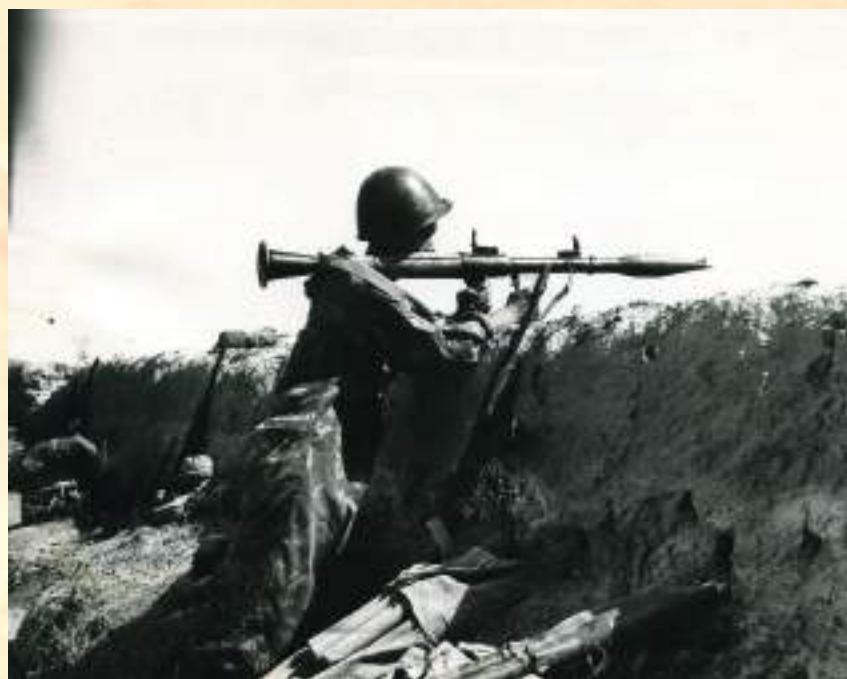
На засады стали летать в середине службы. Однажды два УАЗика бортовых с духами на нас навалились. Там их как тараканов набивается, больше 20 человек, все бородатые. А на крыше у них пулемёты стояли. Лейтенанту Савину пуля в горло вошла – до утра не дожил. Ну, а мы их всех положили конечно.

Ещё такой был случай. С Термеза летели – нас уже снимали. У нас парень был, Саня Флягин, сержант, из Асбеста. Их снимают, а в кабине вертолёта – брат его родной. Встретились там чисто случайно. Они нас высаживают в аэропорту Термеза, а сами летят на ракетно-бомбовый удар – цель у них там была. И брата убивают... Саня в чём был – в полевой форме, так и поехал брата хоронить.

В Кайсар летали – там планировался штурм укрепрайона. Это в конце 1983 года, ближе к зиме. В Кайсаре стояла резервная мотоманевренная группа. Там старая английская крепость была, размером примерно сто на сто метров, блиндажи, плац посередине. Их там долбили постоянно миномётными обстрелами. По периметру БТРы стояли, 60-е ещё, с движками от «ГАЗа», чуть ли не вмурованные. На вертолётах нас выбросили, они за нами приехали на этих БТРах – и туда к ним. Сколько там человек – даже сказать не могу: народу-то я, можно сказать, и не видел столько. Блиндажи – вровень с землёй, нас поселили в пустые. Там у них вышка была, ночью поднимаешься – и «духовский» укрепрайон – в пределах видимости.

Внутри крепости не было колодца, поэтому им приходилось выезжать за водой. Это была целая боевая операция! Водовозка у них была – это что-то: на «ГАЗ-53», цистерна вся в дырах, вареная-переваренная.

Трое суток мы там просидели, Москва «добр» не дала штурмовать этих бородатых. Так мы и улетели – все 3 группы, почти 150 человек. Что они хотели – я не знаю, нам не докладывали. Хотя говорили, что надо этот укрепрайон занять. Видимо решили, шкурка выделки не стоит.

Выше всяких похвал – вертолётчики: как черти летали! Колёсикам передним зацепится где-нибудь – и висит! Мы как-то «зелёнку» блокировали, там духов было очень много, постреляли хорошо. Поступила команда: сейчас прилетают борта, все на точку сбора и улетаем. А там до этой точки надо было спуститься с сопки, и по тропке по ущелью идти километра 3-4. А с нами на позиции был начальник штаба. Нас 4 человека и он, капитан Турулов. Голос у него противный, сам пузатый, но сколько у него здоровья! Он: «Так, ребята, беглым – сколько есть этих выстрелов – огонь! Двое пушку схватили, двое – сумки, а Турулов как пленницу наложил выстрелов – и вниз по сопке. По тропке бежим уже, я думаю – не добегу. И прямо перед нами в ущелье садится вертушка! Так бы нам не добежать со всем этим бараклом.

Кормёжка не вкусная была: тушёная капуста с добавлением хлопкового масла, а оно вонючее. Когда были в Туркмении – обед привозили прямо на стрельбище в термосах – тоже капуста вонючая. Но масло и яйца – давали. Мы первый раз когда на встречу сослуживцев поехали в Екатеринбург там у старшины на даче отдыхали. Он стол накрыл. Заходим – у каждого по банке кильки. Память! Мы рассмеялись.

Мы сначала ходили в столовую, но так как практически всегда «за речкой» находились, нам выдавали сухой паёк: две банки гречи и банка тушёнки. Гречу никто не ел. Она не испорчена, просто 4 месяца изо дня в день её есть невозможно. Желудок уже не принимал. В Тахта-Базаре сидели – у нас целая гора этой каши гречневой. Сухпай получаешь – сразу её туда. Оставалась банка тушёнки, чай, сухари.

Когда на базе находились и деньги были – ходили в местный «чипок». Яиц возьмёшь, сковородки у нас были – пожаришь. Горелки

поначалу маленькие баночки по 50 г, от сухарей остаются крошки, туда их – получается тортик. Хотелось солёного. Я лук, как яблоки ел – лук привозили и раздавали вместе с сухпайком. А летом арбузы, дыни. Нас несколько раз прямо на бахчу высаживали. Красота: накатаешь этих арбузов пол окопа. Ночью разрежешь их, а утром они холодненькие. Дыни – с собой на базу забирали. Гранаты помню: Таш-Курган чесали – весь город в гранатовых садах. Офицеры с нами то же самое ели, никто им отдельно не готовил.

Воду какую только не пили! Бежал мутный ручеёк, сделали отстойничек, вода отстоялась,

всякие: газовые, бензиновые, примуса – это у нас всё было. А если на блоке где-то или на прочёске – на подножном корме: что поймаешь, то и съешь: кур там, кто-то барашка. Начальник штаба сам как-то ловил: 4 барашков загнали в загон, каждый день по барашку и по позициям раздавали мясо. Черепах ели, их по весне там много. Бульон из них нормальный, а мясо – как баран, которому лет 300.

Как-то лошадь духовскую подстрелили. Наш командир взвода идёт с топором на плече: «Бойцы, кому надо мясо, пошли со мной». Кусок отрубили, варили-варили, потом поняли – если б её не убили – сама бы сдохла. Ели всё, что попадётся. Другой раз мы как раз на блоке сидели – телёнок подорвался на mine. Солдат – парень такой деревенский, рассудил: «А что добру пропадать?» Я пошёл в кишлак, он был пустой, мясорубку нашёл, лучку... Мы котлет никогда не ели, а тут нажарили целый поднос. С нами тогда месяца два летали ещё с «Альфы» 12 человек, типа боевая стажировка у них – мы и их накормили. Главное – сами наелись. Кур, бывало, наловишь – худенькие такие. Сухпай желудок не принимает, а курочку увидел – слюнки потекли, с лучком сварили.

А потом, в конце уже, перед дембелем, буквально месяца четыре осталось служить, нам начали выдавать не сухпай, а консервы. Например, картофель: такие литровые банки были жестяные, открываешь – она как полуфабрикат, в рассоле чищенная картошка, чуть-чуть её доварить и готово. Тушёночки ещё туда добавить – и прекрасно. Борщи в банках были. Сладости ели. В сухпайке давали сгущёнку,

прокипятили – и пили. Сухое горючее иногда выдавали. Разжигали с порохового заряда. Пластинки пороховые – как лапша. Разрежешь тряпичную обмотку порохового заряда, «лапши» этой навтыгиваешь для розжига, травы сухой собираешь... Как-то в горах сидели, снег, спичек вообще не было. А курить же охота и костёр нужно разводить. Иголочку на аккумулятор, от ночника – прикурив, пока куришь собирал сухой травы, пороха этого насыпал, потом чинарик в порох кинул, вот и костер получился.

Сигареты выдавали – «Памир» душанбинский.

Новый год отмечали. У нас была полевая кухня, почистили картошки, пожарили – это было праздничное блюдо, к ней маринованные помидоры – были в кадушках. Мы втроём скидывались, добыли бутылку водки «Сибирской» и 2 бутылки вина «Чемен». «Чемен»-то мы в палатке закопали – старый год проводить, а водку закопали за периметром, чтоб никто не «спалил» нас. Там саксаул стоял – здоровенный такой, под ним и закопали. 31 декабря вечером вроде никто нас тревожить не должен, вино приговорили – вроде хорошо. Я остался, а ребята, Олег с Саней, пошли за водкой. 10 минут их нету, 15 минут нету, выхожу – а там луна, светло, они там по песку ползают кверху задницами. А перед этим здесь пацан ходил местный туркмен и эти саксаулы видимо на дрова выкопал. Они найти не могут, где закопали – саксаулов-то нету. Давай я свежим взглядом посмотреть. Вроде тут. Копают – нашли! Праздник продолжился. Связисты из маскировочной сетки ёлочку вырезали, к палатке пришили, лампочки малень-

кие спаяли между собой к аккумулятору и всё – ёлочка горит. Ни телевизора, ничего у нас не было. Брежнев когда умер, мы как раз в Кушке были, самой южной точке Советского Союза, а там комендатура стояла тоже пограничная, от каждой группы отправили по несколько человек смотреть похороны.

Была гитара. Приезжали артисты и выступали прямо под открытым небом. Кино тоже крутили – на заставе прямо в поле установку ставили. Если где-то в отряде ничем не заняты – спортивные праздники проводили, то кроссы, то ещё что-нибудь. В отряде баня была – капитальное строение. Но мы толком-то на одном месте не жили. Мы были как цыгане. Но вшей на нашей позиции не было. Когда долго сидели, месяц или больше, то одежду сдавали в прожарку.

15 февраля 1984 – долгожданный «дембель». Построили на плацу, с нами все попрощались. Выходит замполит отряда, подполковник. А там какое-то голосование должно было быть.

– Так, ребята, вам дали открепительные удостоверения, чтобы вы проголосовали по дороге?»

– Да-да!

– Ну-ка покажите. Ясно. Сегодня вы никуда не едете, до завтра будете ждать.

Выходит начальник штаба отряда майор Дубов. Маленький, коренастый.

– Товарищ подполковник! То, что у бойцов нет открепительных – это ваш недочёт, а мне надо сегодня их отправить, я их и отправлю.

А последний паром в 7 вечера, чтоб до железной дороги добраться. Времени-то уже нет, ведь до парома километров пять. Ладно, наши офицеры сопровождающие побежали и тормознули немножко наш паром. Мы повернулись, с ребятами попрощались, слёзы на глазах – и бегом до этого парома. Нас человек 50 было с двух групп. До парома добежали, переправились, до «железки» ст. Керкечи, нас на машину посадили, довели до станции Аму-Дарьинской, оттуда на поезде до Ташкента. А из Ташкента на самолёте. Правда, в Ташкенте сутки сидели – билетов не было.

После службы в армии пошёл доучиваться на помощника машиниста электровоза. Так и проработал до пенсии железнодорожником.

Я нисколько не жалею, что служил в Афганистане. 9 сентября, в день основания нашей Керкинской десантно-штурмовой группы, все наши съезжаются в Екатеринбург. Едем к «Чёрному тюльпану», в музей заезжаем, вспоминаем. Вот такая военная молодость...

Проценко Сергей Михайлович родился 30 сентября 1966 года. Закончил ГПТУ № 87 в г. Качканар по профессии слесарь-сварщик-стропальщик. На службу в армию призван в 1986 году. С 1987 г. проходил службу в Афганистане в морской части Погранвойск КГБ СССР,

участник боевых действий.

Награжден медалью «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа».

«Не успели мы приехать в Егоршино, как офицеры-морячки и забрали нас. Где-то месяц примерно в части побыли, типа карантина. Это были морские части Пограничных войск. Потом сначала полетели самолётом, в Хабаровске нас высадили. В Хабаровске предложили остаться в учебном подразделении охранять склады, но я сказал, что хочу быть коком. Когда распределили по частям, я попал в Джалинду. Холодно там было, это верхняя часть Амура.

Наша военно-морская часть располагалась на советско-китайской границе. Там я пришёл служить на корабль коком и стрелком, а примерно летом 1987 года пришёл приказ нас командировать на советско-афганскую границу. Несколько кораблей разобрали, погрузили на платформы, и поехали на границу, в город Термез. По прибытию в часть, встретил двух ребят с Качканара – Юру Сазонова и Беспярых Сергея.

Вместе с Сергеем ездили в 13-ю часть погранвойск, вывозили, сопровождали боеприпасы, патрулировали границу со своего берега. Также участвовали при выводе войск из Афганистана, как раз тоже стояли и охраняли. Задача перед нами стояла такая: выходишь на определённый участок реки и патрулируешь, стоишь на месте. Дислокация, передислокация. Проверяешь нарушение границы малыми судами. Выходили на 2-3 недели на реку. Провизия, вода кончалась, приходил другой катер и сменял нас, мы спускались обратно в Хабаровск и отдыхали на базе, примерно в километрах тридцати.

Как причалим к берегу, подцепляется электричество, дизель не гоняем. Но наша основная база – это корабль. В любой момент, как получим приказ, мы загрузились и отчалили. Так же и в Термезе. Водой уже заправлены, боеприпас есть у нас. В любой момент прыгнули и полетели. Точками стоянки периодически менялись.

Корабль, на котором я проходил службу, был небольшой. Из вооружения: на носу пушка, ка-

бина управления тоже там. Дальше размещались стационарные гранатомёты, потом реактивные снаряды, спаренная пушка. Экипаж 16 человек. Два офицера – командир и старший помощник, три дизелиста, связист, двое ребят на пушке и мы – стреляем сзади по воздушным целям. Небольшой корабль, рассчитан на реки, на небольшую волну. Корабли под цифровым обозначением, их потом с корабля убрали, чтобы нельзя было определить принадлежность к части.

Всегда стоял кто-то на вахте, было дежурство по 12 часов, один матрос с утра, другой ночью.

Поспали, отдохнули, работа всегда была, палубу драить, оружие чистить.

Молодые матросы вначале стажировались, учились у старослужащих и друг у друга. Связист, стрелок, старший стрелок, штурман, боцман. Пока себе замену подготовишь, натаскаешь, потом, через три года, можешь увольняться в запас.

Коллектив на корабле был хороший, дружный, никто никого не притеснял, все понимали, что «плывём в одной лодке». Каждый понимал, куда пришел и что от тебя здесь требуется. Ну три года служишь, опять же, а не два. В советские времена к этому по-другому относились. Надо, значит надо.

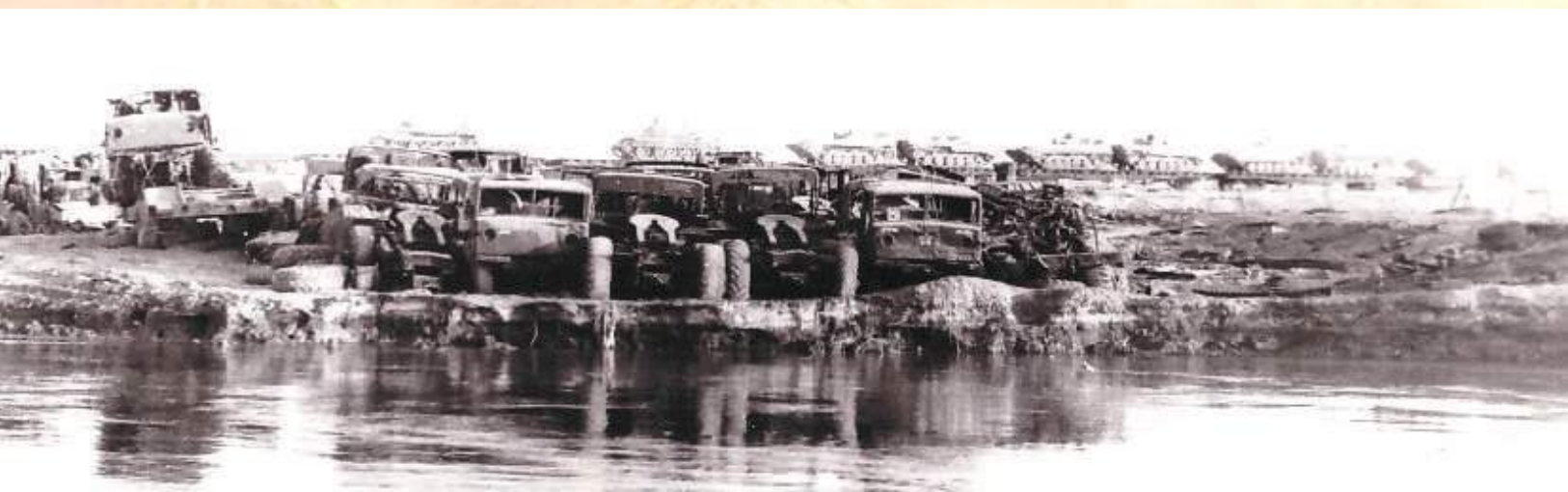
Приехал в Джалинду, мне сказали – вон твой корабль, твои кастрюли. Потихоньку-помаленьку научился кашеварить. Супы гороховые, рыбные варил. Готовил макароны по-флотски, плов, котлеты. Книжечка была с рецептами, я старался по ней готовить, чтобы не приедалось и новое что-то готовить. Пельмени все вместе готовили, тефтельки. В основном на гарниры ребята просили готовить рис, гречку, макароны. Из перловки я ничего не делал, потому что её никто не ел. Пюре делали, из пшёнки иногда кашу варили, рисовую кашу со сгущёнкой. Мясо было в достатке, со снабжением был полный

порядок. Нужно было соблюдать нормы, на 15 человек готовить. Масло каждый сам себе отрезал, сахар также. Пока «стоим» на реке – я кок, как только боевая тревога – я бросил все кастрюли, кубрики закрываются, переделся и становился помощником стрелка – заряжал, ему помогал.

Мы только на ходу готовили, и в сопровождение когда шли на 13 заставу. Только на ходу, также и ели. Днем шли, ночью останавливались.

Ночью, если ребята есть захотели, всё оставлялось – масло, хлеб, самостоятельно перекусят, меня не будили. Поначалу, конечно, не хватало домашних харчей. Раньше специальные пайки были по 20 грамм масла, сахара тоже. А тут приходишь, отрезаешь сколько тебе нужно. Потом привыкаешь, нам всего хватало.

В конце октября я призвался, три месяца пробыл в учебном подразделении. В Джалинду я по весне где-то пришел. В августе мы в Хабаровске ещё стояли на военном заводе. Там нам переделывали систему охлаждения двигателя. Там внутри стояли двигателя дизельные, а сделали снаружи. Соорудили дополнительные баки для воды по 530 литров, подремонтировали корабль, днище покрасили и осенью мы пошли. Представляете, с Дальнего Востока корабли перегнали через всю страну. Где-то шесть судов одновременно в Хабаровск, там отремонтировали, тенты сделали от жары. Корабли отдельно от нас ехали, транспортом в Термез, с охраной, потом в порту специальными кранами выгрузили. В реке Амударья вода мутная, холодная с гор, постоянно русло меняет. Когда шли по реке, всегда следили за уровнем воды, перед носом шест кидали, проверяли – 2 метра, 1 метр, а иначе можно было застрять. Смотрели, где пройти сегодня можно, то на левом берегу, то на правом.

Принцип службы у пограничников везде одинаковый, что на китайской, что на советско-афганской границе: охрана границы, недопущение проплыва запрещенных предметов по реке, чтоб по реке нарушители не ушли на советскую сторону. Радар стоял, смотрящий стоял с биноклем ночного видения. Тут сложности, что боевые действия идут. Ночью обстреливали. Ширина реки метров 300-400, прицеливайся, всё видно, как на ладони... Свет выключали поэтому.

Дежурство длилось две-три недели. Потом к себе на базу. Кто чем занимался: досуг, бытовые дела, а иногда и учебные тревоги. Гости приез-

жали к нам с «той стороны», катер пришвартуется, я накормлю пловом, чаем угощу. Никто из наших ребят в эти дела не совался, знали, что это афганцы-осведомители, которые прибывали всегда ночью и встречались с офицерами-«особистами».

В Афганистане удивила погода, обилие фруктов. А какие волшебные там дыни с базара! Продавцы, в основном, народ доброжелательный, хорошо относились к нам, морячкам-пограничникам. Зима там теплая, максимум до минус 5, в марте уже купаться можно, в феврале

загорать. Но это только когда светит солнце, а вечером – солнце ушло и уже сразу прохладно, чувствуются перепады.

Иногда была возможность половить рыбу, не знаю, как она называется, но что-то типа нашей змееголовки, очень вкусная.

В домино играли частенько, даже с командиром, на турнике самодельном занимались, телевизор смотрели. А в части, когда швартовались, были и спортивные тренажеры, и баня была. Но и на корабле, конечно, часто мылись. Стояли специальные генераторы, которые брали бортовую воду нагревали, и этой водой все

мылись. Душ и туалет совместные были. Да и в реке, если что, можно было помыться.

А вот корабль мыли, только когда в части швартовались, водой, топливом заправлялись.

В город примерно раз в месяц без страха ходили, без оружия, оно на корабле оставалось, и было опломбировано. Ходили в кино даже, покупали фрукты, арбузы. Часто не ходили. А зачем? Только по необходимости, сфотографироваться там или на день рождения купить что-нибудь вкусенького.

С отцами-командирами, которые с нами приехали с Дальнего Востока, отношения были хорошими, ровными. Если делаешь свою работу хорошо – какие могут быть трения? Когда мы в Термез приходили, становились на причал, днем офицеры всегда с нами находились, ночью уходили в поселок, жены к ним приезжали.

В 1988 году, при выводе войск, у нас боевые задачи не поменялись. Выводились войска не постоянно, промежутками. При выводе войск мы стояли выше по реке, охраняли мост два катера – один снизу, другой сверху. На расстоянии где-то с километр, были хорошо видны все подступы к мосту. Потом, после вывода, задачи те же остались: охрана государственной границы Советского Союза, может точки только сменились.

Я на жизнь не жалею. То, что в жизни есть сейчас, пусть оно так и будет. Если оно не получается, упираешься, значит оно не твоё. Зависти нет у меня ни к кому. Если кто злобится, гадости делает, то оно же к нему и возвратится. Чем больше желаешь добра людям, тем больше тебе вернётся».

Людмила Сергеевна Попова родилась в г. Невьянск Свердловской области, закончила в 1972 г. Нижнетагильское медицинское училище. С 1984 по 1986 гг. выполняла интернациональный долг в Демократической Республике Афганистан, старшей медсестрой-анестезистом в Центральном военном госпитале города Кабула.

Впервые о войне в Афганистане Людмила узнала из новостей по телевидению. О том, что требуются медсестры для работы в ДРА, узнала от военного комиссара и тут же, не раздумывая, дала свое согласие отправиться в далекую южную горную страну.

Самолетом долетела из Свердловска до Ташкента, а уже оттуда – в Кабул. Сразу поразила жара и то, что жить пришлось в палатках. Когда Людмила получила назначение в госпиталь, бытовые условия стали полегче. Медицинские специалисты жили в модулях – комнатах на четыре человека, питались в столовой. Но это, когда получалось ухватить кусочек свободного времени. А так всё обычно: с утра до вечера операции, операции, операции, которые спасли жизнь не одному советскому военнослужащему. Часто с группой усиления приходилось выезжать на операции в районы Баграма, Газни и оказывать помощь местной медицинской службе.

В письмах родным она, в основном, писала об истории Афганистана и о погоде: всё хорошо, обычная работа, погода прекрасная.

За такую «обычную работу» Людмила Попова награждена орденом Дружбы народов,

МОЯ ВОЙНА. АФГАНИСТАН

медалями «За трудовое отличие», «70 лет Вооруженным Силам СССР».

Служба в Афганистане ей дала очень многое. Во-первых, вооружила незаменимым опытом в медицинской работе, а во-вторых, поменяла отношение к жизни.

Людмила Сергеевна является членом РСВА, принимает активное участие в ветеранском движении «афганцев», военно-патриотическом воспитании молодежи.

СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ

Что испытала она в тот день, пятого апреля 1985 года, когда советский транспортный самолет произвел посадку в Кабуле, имея на борту, кроме грузов, еще и несколько десятков пассажиров: среди них были и медицинские сестры, согласившиеся сменить размеренное течение домашних будней на сжатость времени в госпиталях и медпунктах Афганистана.

Что испытывала она тогда? Страх? Любопытство? Желание работать в экстремальных условиях или раскаяние, что решила сменить

покой на бессонные ночи, на жизнь, которая стала сплошным дежурством у операционного стола? Всё, что угодно, только не последнее. И в этом убеждалась каждый день, проведенный в Центральном столичном госпитале Кабула, чувствуя, что именно здесь, по-настоящему, по большому счету нужны её руки, знания и умения, её стремление приносить людям пользу.

Людмила Попова, закончив восемь классов, поступила в Нижнетагильское медицинское училище. Трудно сказать теперь, когда Людмила Сергеевна прошла нелегкую жизненную аттестацию в пекле одной из горячих точек планеты, почему она выбрала для себя именно эту профессию. Может быть, сыграло роль то, что медицине училась её старшая сестра? А, может быть, уважение к людям в белых халатах возникло раньше, когда они облегчали страдания самого родного, близкого человека, перенесшего тяжелую болезнь? Всё может быть. Да и к чему

гадать? Она не ошиблась в выборе, сумев сделать смыслом своего бытия спасение жизни и здоровья людей, облегчение их страданий.

Пятого апреля на аэродроме их, притихших и робующих перед неизвестностью, радушно, совсем по-нашему, по-домашнему встретили советские солдаты и офицеры и отвезли на пересыльный пункт, а седьмого Людмила уже приступила к своим новым обязанностям старшей сестры-анестезиста.

Что и говорить, первые недели на новом месте давались трудно. То, что довелось увидеть, оказалось полной неожиданностью. Ни газеты, ни телевидение, ни те, кто готовил в эту ответственную командировку, не смогли создать полное представление о предстоящей работе. Скажем коротко, не была готова к физическим перегрузкам, а тем паче к перегрузкам моральным.

Но шли месяцы, и Людмила научилась, нет, не равнодушно взирать на раненых, но ставить дело выше своих эмоций и чувств. В этом, наверное, и заключается милосердие медицинского работника – приносить боль во спасение человека и самому страдать от этой боли.

Новые условия сразу выработали и новое, неведомое доселе отношение к работе. Там, в госпитале, едва ли можно было найти человека, который бы сказал: «Всё, моё дежурство истекло, мне положено отдыхать». Если поступала новая группа больных, медперсонал, все как один, не дожидаясь вызова или приказа, шел в госпиталь и работал. А иначе нельзя. Иначе просто перестанут уважать тебя, а главное, перестанешь уважать себя сам.

Она хотела работать за границей в какой-нибудь социалистической стране. Это вполне могла быть Болгария или Чехословакия, Польша или ГДР. Об Афганистане, если откровенно, даже не думала. Но в военкомате сказали, там нужнее. Там просто необходимо.

Согласилась без колебаний. Потому что потом до конца своих дней казнила бы себя за трусость. Испугалась позже. Еще как испугалась. Да не в этом дело.

Сколько бы не было работы, люди всегда найдут время для праздника. Совсем по-домашнему справляли дни рождения, отмечали великие даты. И сладости покупали, и торты пекли. Только было в тех посиделках неизмеримо больше душевности, близости, чем у людей, для которых праздник – это, в первую очередь, красный лист календаря. А за столы собирались, между прочим, после работы, ибо боль и недуг не знают выходных и борьба за здоровье людей тоже.

Вернувшись в Асбест, Людмила Попова вновь вернулась на старое рабочее место. На вопрос, чему же научили ее два года пребывания в Афганистане, отвечает не задумываясь: «Там теряешь мелочность и находишь умение дружить по-настоящему».

Прудников Александр родился 10 декабря 1960 г. в городе Серове. После окончания школы поступил в Серовский металлургический техникум по специальности техник-металлург. Затем по рас-

пределению направлен в г. Пермь на завод им. В.И. Ленина.

менного Восточного пограничного округа. Там Александру предстояло прослужить 8 месяцев, охраняя Джунгарскую долину на границе с Китайской Народной Республикой. В 80-е годы прошлого столетия Уч-Аральский отряд был передовым в пограничном округе. В год на участке границы задерживалось около 600 нарушителей.

Александр Дмитриевич вспоминает: «В мае 1982 г. пришел с боевого дежурства и до меня довели приказ о направлении в г. Алма-Ату, в состав экипажа радиостанции Р-140 отдельного батальона связи. В столице Казахстана, в отдельный батальон связи собрали 5 лучших экипажей со всех границ, далее поездом перебросили в по-

В ноябре 1980 года Прудников призван Пермским военкоматом на военную службу и направлен в пограничные войска, в межокружную школу сержантского состава сигнализации и связи, которая находилась в столице Казахской ССР городе Алма-Ата.

Занятия по теории проходили в полевом учебном центре, затем многочасовая работа на радиостанции Р-140, занятия по огневой и тактической подготовке на стрельбище. Также школа запомнилась Александру многочасовыми марш-бросками среди нескончаемых яблоневых садов, субботними просмотрами кинофильмов в клубе, строевыми занятиями на плацу, физической подготовкой на стадионе, несением первой караульной службы, обильными зимними снегопадами и бесконечными чистками плаца перед утренним построением. Ну и главное – конечно же морзянкой, которую до сих пор он помнит великолепно и воспринимает на слух, А еще с территории расположения школы был прекрасный вид на горный хребет на северо-западе Тянь-Шаня Заилийское Алатау (на границе Казахстана и Киргизии), в северных предгорьях которого и расположен город Алма-Ата.

Без малого полгода в школе обучения сержантского состава тянулись долго, но пролетели незаметно – этот парадокс течения времени в армии новоиспеченный сержант Прудников, получивший специальность радиотелеграфист 3 класса, открыл, когда ехал к месту своей будущей службы в продуваемое всеми ветрами село Уч-Арал Алакульского района Талды-Курганской области, в 130-й погранотряд Краснозна-

левой учебный центр города Термеза на берегу реки Амударья, где несколько недель шло обучение начальников радиостанций шифровальному делу, а радистов – на международные Q-коды.

Самолет АН-24 доставил сержанта Прудникова и его товарищей в аэропорт Кабула. В столице Афганистана жили на «вилле», ожидая «покупателей»,

Когда они прибыли – вновь самолетом, на этот раз грузовым АН-26, Прудникова и экипаж отправили в западную часть страны, в город Фарах, вблизи афгано-иранской границы. Здесь Александр прослужил 8 месяцев и 2 дня. Экипаж радиостанции Р-140 был придан находившимся здесь офицерам КГБ СССР, выполнявшим функции советников. Официально – инженерам, занятым на строительстве плотины на реке Фарахруд. Главной задачей Прудникова и его подчиненных было обеспечивать устойчивую бесперебойную связь между «точкой» и Кабулом.

В самом Фарахе было не спокойно. Стало известно о сосредоточении в городе до 800 душманов. Вначале они взорвали армейские склады

вооружения, затем шли боестолкновения наших частей, афганской 4-й пограничной бригады и отрядов народной милиции с нападавшими «духами» в течение трех дней в самом городе и окрестностях. В боях сержант Прудников был контужен, но остался в распоряжении части со своими подчиненными.

Довелось Александру принимать участие в большой общевойсковой операции на перевале Хаки-Сафед, где в ущелье располагалась большая банда моджахедов, но выкурить их так и не получилось даже с применением стратегических бомбардировщиков – скалы были неприступными.

Когда пришел приказ о замене экипажа радиостанции, Прудников, его радист и водитель

самолетом были отправлены в Кабул, затем в Термез. Через день после прибытия Александр Прудников был демобилизован. За добросовестную службу он награжден знаками «Отличник погранвойск» 1 и 2 степени, медалью «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа», а впоследствии – юбилейными медалями и медалями общественных ветеранских организаций.

По возвращении в г. Серов Прудников работал на металлургическом заводе в мартеновском цехе бригадиром на копрах, диспетчером, подручным сталевара, сталеваром. В настоящий момент трудится в должности помощника директора муниципального предприятия «Серовавтодор».

Службу в Афганистане проходил с 1981 по 1983 год в автомобильных войсках в должности заместителя командира взвода. Военское звание – сержант. Место дислокации подразделения – город Мазари-Шариф.

Награды: медали «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа», общественная медаль «Слава солдатам Отечества».

«Меня призвали в армию в 18 лет. К тому времени я успел получить специальность сварщика, работал на Уралмашзаводе. Кроме того, по направлению из военкомата прошел подготовку в ДОСААФ и получил водительские права категории «С» на грузовую машину.

В Афганистан я попал по нелепой случайности. Вообще я был приписан в морскую пехоту. Повестка на расчет выдавалась за две недели до армии – с ней шли увольняться с работы, получали деньги. Давалось время на сборы. Но однажды я узнал, что моя сестра и ее

муж жили по соседству с моим военкомом. И я попросил шурина замолвить за меня слово у соседа, чтобы мне дали повестку пораньше, хотя бы за месяц, чтобы я мог погулять подольше. Муж сестры исполнил мою просьбу. Меня пригласили в военкомат за повесткой, но внезапно, когда я заполнял документы, в кабинет вошел прапорщик, который отправлял меня в ДОСААФ. И тут оказалось, что в Афганистан срочно собирали группу водителей. Мне сказали: «Кулак покажи». Я сжал руку. Старший комиссии отметил: «Хороший кулак – душманов бить можешь». Я и не понял тогда, что это значит. Но при мне повестку, которую только что выписали,

разорвали и выдали новую: через сутки прибыть с вещами к военкомату. Когда я на работе сообщил, мне никто не поверил, решили, что первоапрельский розыгрыш.

Вся моя семья приняла мою отправку в Афганистан с болью и в то же время с пониманием. Куда я отправляюсь, я осознал только на проводах, когда нас посадили в автобус: я как раз смотрел из окна на родителей и друзей, которые остались на улице, – все веселые, смеялись и махали руками. И тут майор, который сел с нами старшим машины, спросил: «А вы знаете куда едете?» Мы промолчали. Он ответил: «Сейчас на самолет

– и в Афганистан». И я тогда действительно испугался, потому что с Афгана уже начали при-

ходить «грузы 200». Два-три часа после этого я сидел молча. А потом как-то успокоился, принял этот факт, и начались армейские будни.

Конечной точкой нашего маршрута был Термез на границе Узбекистана и Афганистана. Оттуда виднелись афганские горы. Там два месяца мы готовились к отправке «за речку». До сих пор у меня на память остался талон о том, что мы прошли 500-километровый марш. Затем последовало еще четыре месяца сержантской школы, где нас учили стрелять, мы проходили физическую и строевую подготовку, посещали политзанятия. Помню, что после обучения, я «подцепил» гепатит «А». Из-за тяжелого климата и плохой воды «желтуха» была обычным делом. Только в тот день в госпиталь из нашего взвода увезли двоих. В госпитале я лежал в палатке, потому что он был переполнен. Лечился

Однажды мне приходилось возить на ремонтный завод «битые» БТРы из Афганистана в город Николаев, на Украину. На нас там смотрели, как на чудо, думали, мы из-за границы, так как у нас была необычная форма – брюки навыпуск, панамы. На заводе нас заставили вскрыть у

и восстанавливался я в общей сложности два месяца.

Служба у нас была организована таким образом: четыре месяца мы ездили в командировки в Афганистан, я возил из Термеза грузы (одежду, провизию, снаряды). Потом два месяца мы обучали новеньких. И так всё время.

Моя первая командировка состоялась в январе 1982 года. Мы ехали в Мазари-Шариф большой колонной машин в 150, а потом возвращались обратно в Термез и попали под обстрел. Стрельба по нам шла со стороны гор, но нас сопровождал вертолет, он прикрыл нас огнем, и мы благополучно проехали опасный участок. Такие происшествия случались почти в каждом рейсе, всегда было опасно и тревожно. Но, к счастью, все наши машины уцелели.

машин всю обшивку, полы, собрать все патроны... В БТРах мы находили даже гранаты... Такие строгие меры соблюдали, потому что однажды из-за плохо проверенной машины на заводе произошел взрыв. Три-четыре дня мы пробыли в Николаеве, а потом на товарном поезде поехали обратно. Помимо этого, нам приходилось возить новые БТРы из подмосковного Арзамаса в Афганистан. Мы сопровождали эти машины как караул.

После армии я кардинально изменился: до службы был хулиганом, дрался, гулял, а после я даже не пошел в старый двор, потому что понимал, что там происходит всё то же самое. Вернулся на работу и ушел в неё, как говорится, с головой, остепенился.

Когда мы уходили в Афганистан из Термеза, мы всей нашей группой в 60 человек договорились между собой встретиться в Свердловске 1 августа 1983 года в 12 часов на площади у железнодорожного вокзала. Пришли 20 человек, а также родители одного погибшего нашего товарища. С тех пор мы постоянно общаемся и дружим. К своей армейской службе я отношусь философски: мой дед прошел Первую мировую войну, а потом гражданскую; отец – участник Великой Отечественной войны; а мне пришлось защищать южные рубежи нашей родины. Значит, это у нас семейное».

Савин Григорий Викторович в 1979 году окончил Свердловское высшее военно-политическое танко-артиллерийское училище. Проходил службу в Афганистане в 1985-1987 гг. в должности секретаря партийного бюро отдельного батальона материального обеспечения.

Сегодня является федеральным государственным служащим в Екатеринбургской таможне. В 2009 году, к 20-летию вывода ОКСВ из Афганистана, написал книгу «Такие неожиданные будни войны».

«ПЕРЕСЫЛКА»

23 ноября 1985 года из штаба Туркестанского военного округа, уже ближе к вечеру, я с офицерами, направленными на замену в Афганистан, попал в Ташкентский пересыльный пункт. Тогда это были старые, обшарпанные снаружи и внутри двухэтажные строения казарменного типа, где в больших комнатах (скорее, отсеках или кубриках) размещалось по 25-30 человек.

Кстати, уже через полтора года, возвращаясь из отпуска, я не узнал пересыльный пункт. Он стал красивым, озеленённым городком, со свежевыкрашенными в светлый жёлто-коричневый цвет зданиями, с вымощенными цветными плитами пешеходными дорожками, с клумбами и фонтаном посреди внутреннего двора. Спальные помещения чистые и уютные, рассчитанные для проживания 6 человек. Появились камеры хранения, душевые комнаты и буфет, где можно было заказать горячие блюда. Рассказали, что такие разительные и приятные изменения произошли после посещения «пересылки» генералом армии Валентином Варенниковым, выполнявшим тогда функции главного военного советника Министерства обороны в воюющей 40-й армии. Герой Советского Союза, который на Параде Победы 1945 года нёс Знамя Победы, такими практическими делами «фронтовик» учил нас любить подчинённых.

А в первый приезд на «пересылку» меня разместили в помещении, где спать предстояло на старых скрипучих солдатских кроватях, ручная кладь с личными вещами лежала здесь же, под кроватями. Большая часть кроватей была уже занята, под ними находились чьи-то сумки, чемоданы, баулы. Я занял свободную койку, и посетил медпункт, где врачи поставили прививку перед убытием в страну с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой. Покинул медпункт уже затемно. В спальном помещении под потолком тускло и пыльно светились две

лампочки. Кубрик уже заполнился весёлой толпой офицеров, вернувшихся из города с прогулки. Это были боевые капитаны и старшие лейтенанты, возвращавшиеся после отпусков в свои воюющие воинские части, в Афганистан. Они уже сдвинули два стола, разложили ещё домашние закуски, и непринуждённо вели общую весёлую беседу. Я поздоровался.

– Здорово! Первый раз в Афган? Давай к нам, не стесняйся! Теперь ты уже свой, обратной дороги нет!

– А как там, в Афганистане?

– Да, всё нормально, привыкните! Главное не суй свою голову туда, куда не надо.

– Не увлекаться, завтра в четыре подъем – и на аэродром!

Все подняли стаканы для первого тоста:

– Ну, братцы, за командиров!

Дошли до третьего тоста. Все новые знакомые, побывавшие на той стороне Пянджа, стали очень серьёзными, их лица подёрнулись непонятной пока грустью.

– Третий тост, за тех, кто погиб на этой войне... Молча, не чокаясь, и до дна!

После третьего тоста за столом некоторое время висела тишина. Взгляды молодых парней, уже хлебнувших горя войны, были устремлены куда-то в своё глубоко личное, надёжно спрятанное от несведущего постороннего человека, и в то же время, понятное им всем, и объединяющее их в единое целое – афганское братство.

Тишина длилась недолго. Раздался возглас:

– А теперь четвёртый тост!

Молчание взорвалось весёлым смехом и радостным братанием с необстрелянными.

– А что это за четвёртый тост?

– А чтобы за нас третий не пили!

Беседа наших новых знакомых продолжилась:

– А то у вас в Рухе было?..

– Да!

– Это вы в Файзабаде духам устроили?..

– Ага! А потом ещё нас командование...

– Ваших тогда, в Баглане...
– Да, до сих пор...
– А как тогда в Газни!..
– Точно! Потом ещё в Кандагаре также сделали, проканалю...
– Нас тогда «грачи» из Шинданда здорово выручили!
– В прошлом-то году сапёры из Баграма что учудили, духи до сих пор икают...

Я прислушивался к незнакомым, совершенно чужим названиям населённых пунктов, которые так просто и обыденно чередова-

лись в рассказах наших новых знакомых, и которые предстояло узнать нам.

– Тебя куда направили?

– В Кундуз, в ОБМО (отдельный батальон материального обеспечения).

– Если хочешь жить как Туз, поезжай служить в Кундуз! Это у нас про каждый крупный город есть поговорки. Вот, например, про наш Джелалабад: если хочешь пулю в зад, поезжай в Джелалабад! Это не значит, что в Кундузе всё хорошо, но с такими присказками веселее. И главное, ваша дивизия ближе всех к Союзу, к Родине.

Как-то всё здорово, просто и по-свойски получилось за тем столом. И для объективности скажу, что у нас, офицеров, прибывших на замену, состояние после того разговора стало менее напряжённым, более уверенным перед предстоящим перелётом на войну.

ПОЛЕТЕЛИ!

Военный аэродром Тузель под Ташкентом. Отсюда отправлялись борта в Афганистан, увозя военнотружущих на войну. Февральским утром садимся в автобус, который подвозит убывающих к самолёту. Два «взмывленных» старших лейтенанта в форме летчиков вдвоем тянут одну большую сумку. Сумка, по-видимо-

му, очень тяжёлая, что в ней – неизвестно, но таможня пропустила. Начинают грузить сумку в автобус. Двери автобуса узкие и втаскивать сумку через эти двери очень неудобно. Первая попытка – неудачно, сумка шлепается на бетон возле автобуса. Вторая попытка – неудачно, сумка вновь шлепается возле автобуса. Третья попытка – неудачно! Всех находящихся в автобусе офицеров и прапорщиков начинает разбирать смех, стали поступать шуточные советы. Начали смеяться и хозяева злополучной сумки. Присутствовавший на отправке самолёта капитан по-

граничник сердито пригрозил:

– Сейчас вас с рейса сниму за задержку!

Один из офицеров, грузивших сумку, с вызовом посмотрел на него и произнес:

– Ну, сними с рейса! Ты что, Родиной меня пугаешь?! Днём раньше, днём позже, все равно я там буду!

Пограничник буркнул что-то себе под нос, махнул рукой и отошел от автобуса под смех пассажиров.

«ЗЕЛЁНЫЕ» В ДЕЛЕ

Конечным этапом операции по ликвидации душманских банд в январе 1986 года стала «зачистка» кишлаков в районе асфальтного завода. Это была моя первая боевая операция. В том месте река Фархар через одноименное ущелье вырывается в долину междугорья. Асфальтный завод был построен в свое время англичанами, тянувшими благоустроенную дорогу в отдаленную провинцию Бадахшан. К тому времени, когда я впервые побывал на асфальтном заводе, от него остались руины нескольких зданий и остовы каких-то ржавых машин. В долине сосредоточились оперативная группа руководства операцией, дивизионная артиллерийская группа, наши автомобильные колонны. Куда-то за гору пролетали вертоле-

КТО НАС ХРАНИЛ?

На дороге вдоль реки Пяндж наша автомобильная колонна встала – впереди задержка. С вершины горы, примерно, с 1,5 километров по колонне ударил душманский миномет. Пока не подскочила БМП сопровождения, и не открыла ответный огонь по душманам, те успели произвести 7 или 8 выстрелов. Дорога, видимо, была хорошо пристреляна, все мины попали точно на дорогу. И, о чудо, все мины легли и разорвались между стоявшими машинами, не причинив вреда ни людям, ни машинам!

НАС НЕ ПОНЯЛИ...

В июле 1986 года автомобильные роты нашего ОБМО в составе объединенной армейской колонны привезли грузы в отдельный

ты, и оттуда были слышны отдаленные звуки разрывов, туда через гору стреляла артиллерия. Наши мотострелковые подразделения оседлали перевал, часть из них ушли за гору для блокирования кишлаков. Кишлаки были малой родиной какого-то душманского главаря, и имели важное оперативно-тактическое значение. Там, за горой, вверх по реке Фархар, были земли Ахмад шаха Масуда – одного из самых известных руководителей душманского движения. Когда стихли звуки взрывов и, видимо, завершилось блокирование кишлаков нашими мотострелками, на зачистку кишлаков двинулась афганская пехота – «зеленые», – тогда я впервые услышал их условное название. С того места, где я стоял, было видно, как до батальона «зеленых» зашли на перевал и скрылись за ним. Оттуда несколько раз с перерывами донеслась ружейно-автоматная стрельба. Ушли афганские пехотные роты утром. После обеда, часа в четыре они показались на перевале, возвращаясь обратно. Дикое зрелище! С перевала спускались, нагруженные большими разноцветными тюками, бляющими баранами и квохчущими курами, солдаты афганской армии. Саша Стародубцев, командир первой автомобильной роты, пояснил: награбили. Для «зеленых» каждая операция – это возможность поживиться, причем, фактически, официально. Афганские офицеры закрывали глаза на подобные случаи: солдаты из беднейших слоев населения, грабежи повышали их заинтересованность в военной службе. Как же так, говорю, ведь они своих грабят! Саша усмехнулся: да какие они свои! Они из другого племени и к чужакам жалости не питают. Не воинское подразделение, а какая-то бандитская шайка, говорю. Саша в ответ только рассмеялся.

мотострелковый полк, дислоцированный в Файзабаде. Я и товарищами пошли посмотреть, как живут люди в таком отдаленном гарнизоне. Зашли в летний клуб весь выгоревший внутри. Спросили местного офицера, что за пожар случился в клубе? Он пояснил: это от ракетного обстрела. Душманы знали, что каждую субботу в клубе с восьми часов вечера для личного состава полка показывают кино. На сеанс собиралось, обычно, человек около восьмисот. В двадцать часов двадцать минут душманы нанесли ракетный удар, все четыре пущенные ракеты попали вовнутрь клуба. Однако заместитель командира полка по тылу и начальник продовольственной службы полка в этот день по каким-то причинам сорвали своевременное начало ужина. Личный состав полка стоял в это время перед столовой. Так, благодаря халатности в полку не произошла массовая гибель

личного состава. До ракетного удара по клубу командир полка успел «взгреть» виновных в срыве распорядка дня, но после обстрела представил их к правительственным наградам. По линии особого отдела прошла информация о том, что недовольные душманы заявили, что их совершенно выбивают из колеи выполнение русскими распорядка дня и их форма одежды.

ЗНАКИ ДОБЛЕСТИ

В Файзабаде наши автомобильные колонны стояли возле военного городка местного мотострелкового полка на охраняемой территории. На следующий день, после того, как личный

состав привел в порядок себя, и подготовил автомобили к маршу в пункт нашей постоянной дислокации, я пришел в распоряжение 4 автомобильной роты подвоза горючего. Нашел командира роты капитана Александра Корсунова, и спросил, чем занимается личный состав. Да ничем, загорают, ответил он. Тогда, говорю, собирай роту на комсомольское собрание. Саша сразу стал искать причины, чтобы не собирать людей и не проводить комсомольское собрание. Я настоял, призвав его к партийной совести. Он неохотно собрал подчиненных, и рассадил на импровизированных лавках из автомобильных бортов. Выступающим был я один. Рассказал о важности проводимой операции по доставке грузов в Файзабад, назвал цифры перевозимого груза в тоннах, о незаменимой роли каждого из них в доставке этих грузов, об их героическом поведении. Именно о героическом – ходить на Файзабад было трудно. В конце собрания я вручил (по согласованию с Сашей) вымпелы, звездочки и письма на родину лучшим водителям первого этапа доставки грузов. По моему мнению, получился эмоциональный и запоминающийся разговор: получившие звездочки и вымпелы водители были искренне рады и даже смущены. Сразу после собрания они прикрепили памятные знаки к лобовым стеклам своих автомобилей – так, чтобы было видно.

После второго рейса расположились там же, возле городка Файзабадского полка. Когда люди были приведены в порядок, а техника подготовлена к обратному маршу, опять по-

явилось свободное время. Меня нашел Саша Корсунов: – Давай снова проведем комсомольское собрание! Бойцы спрашивают: парторг придет к нам на собрание, выпелы вручать?

Я прикинулся, что ничего не понимаю: – Зачем, ведь надо готовиться в обратную дорогу, некогда!

проведу комсомольское собрание во второй и пятой ротях, и обязательно приду к тебе. Примерно, через час.

Эти выпелы и звездочки долго висели на лобовых стеклах автомобилей наших водителей, пока не выцвели, и не потрепались до неузнаваемости. А мы снова вручали наши скромные, но как оказалось, ценные для людей отметки их солдатской доблести.

БЫВШИХ ПИОНЕРОВ НЕ БЫВАЕТ

Проезжали колонной через Центральный Баглан, остановились – впереди, как передали нам по колонне, вертушки обрабатывали «зеленку». Автомобиль, в котором я ехал, остановился напротив чайханы, из которой вкусно пахло шашлыком. Нас было несколько офицеров, собрались и разговаривали, когда к нам подошел чайханщик, на вид лет пятидесяти. Он заговорил с нами на чистом русском языке: – Здравствуйте, как поживаете? Шашлык кушать будете?

Мы вежливо отказались: если покупали у афганцев продукты питания, то только у знакомых. Чайханщик почувствовал наше напряжение, улыбнулся и сказал: – Вы не бойтесь, шашлык хороший! Знаете, а я тоже когда-то в Советском Союзе жил, в Ашхабаде. Пионером был и ходил в Дом пионеров! А потом родители переехали в Афганистан и меня с собой увезли. Вот сейчас я здесь.

Мы говорили с ним минут сорок, пока колонна не двинулась дальше. Про шашлык забыли.

«ВОСПИТАТЕЛЬ»

В Хайратоне мы с командиром пятой автомобильной роты Сашей Алешиним поехали в расположение афганского подразделения за пресной питьевой водой, так как у нас во всех скважинах вода была солоноватой на вкус. Пока солдат водитель водовозки набирал воду, мы с Сашей прогулялись по территории. Подошли к складу с пиломатериалами. Наблюдаем такую картину: офицер афганской армии нещадно лупит свих солдат, лениво грузящих пиломатериалы в автомобили с афганскими номерами. Орёт им что-то на своем языке, бьет их руками, ногами, досками. Подошли, познакомились с ним. Офицер очень сносно говорил по-русски. Оказалось, майор замполит батальона, здесь – старший на погрузке. Майор-афганец рассказал нам, что он родом из Кабула, там у него дом, семья, он окончил университет, у него свое предприятие по изготовлению ковров. Спрашиваем, зачем майор так нещадно бьет своих подчиненных? Майор отвечает: – А, тупые бараны, ленивые скоты! С ними по-другому нельзя, иначе вообще перестанут работать.

Может, я не прав был, но я считал важным, чтобы Саша проговорил причины, почему это надо. – Ты понимаешь, – эмоционально начал Саша, – после собрания люди стали охотнее работать и отношения между ними стали как-то теплее. Мы с тобой попали в точку, когда отметили лучших водителей, солдаты согласны с такой оценкой. У них теперь есть свои герои, и все теперь хотят иметь на кабинах звездочки и выпелы.

– Ты прав, Саша, людям важно знать, что они серьезные дела делают. И главное не в названии мероприятия, на котором можно об этом поговорить: комсомольское ли собрание, или что-то еще. Вот тебе мой список с номерами машин, на мой взгляд, водители этих автомобилей твоей роты отличились во втором рейсе. За основу возьми, конечно, свою оценку и составь список водителей, которых следует отметить выпелами и звездочками. Я сейчас

– Они ведь тоже афганцы, как и Вы.
– Как я?! Не-ет! Я образованный, богатый, уважаемый человек, и род мой из Кабула!
– А вдруг кто-то из них сбежит?
– Не сбежит никто, им по моему рапорту сразу зиндан, тюрьма. Местные жители, если их вылавливают, то нам возвращают. Эти скоты, когда домой пробираются, у местных воровуют, и местным это, конечно, не нравится.

Возвращаясь к своей колонне, мы вспоминали майора замполита афганской армии. Сашка, конечно, не утерпел, вспомнил методы и способы убеждения в системе работы афганского замполита, и в шутку посетовал мне на ограниченность набора советских способов воспитания военнослужащих.

ВЕРНЫЙ ДРУГ И БОЕВОЙ ТОВАРИЩ

Осень. Рано утром собираемся выезжать в штаб дивизии вместе с группой саперов, ежедневно проверяющей дорогу на наличие мин.

Отъезд от КПП инженерно-саперного батальона в шесть утра. Еще темно. Сажу сверху на броне. Снизу, с земли, на верхнюю броню БТРа легко взлетела громадная тень, и шумно задышала. Собака. Пес повернул ко мне голову. Морда – во! (Это я руки развёл не меньше, чем на пятьдесят сантиметров). Стало немного не по себе. Пес тут же равнодушно отвернулся. Следом забрался невысокого роста шупленький солдат-кинолог, в бронежилете, с АКМом и в стальном шлеме, который болтался на его маленькой голове и тоненькой мальчишеской шее.

– Не укусит? – полушутя, но с опаской спросил я, кивнув головой в сторону собаки.

– Не-а! Он своих не трогает! А душар (здесь надо понимать афганцев) не любит, как отличает – непонятно. Вовремя не поймает его, так может порвать душару. Один раз пробовали пе-

реодеть «зеленого» (военнослужащий афганских вооруженных сил) в нашу форму, все равно кидается! Запах, что ли у них особенный? Он у меня молодец! На его счету семьдесят шесть мин! И это притом, что после подрыва он был ранен, и мы его в батальоне лечили. Снова работает, ничего не боится! Больше у нас в батальоне только у Колькиной суки – восемьдесят три мины! Но та красавица, как работает! А мой-то, по настроению работает. Когда бы вает, уже все пройдут, даже после всех мину покажет, а когда как придурок резвится и скачет по всей дороге, другим мешает работать! У, паразит! – солдат ласково потрепал своего пса за загривок.

И эта страшная громадина, завизжав от радости и восторга, кинулась облизывать лицо своему хозяину, да так, что чуть не столкнула того с БТРа. Со стороны мне показалось, что пес превосходил размерами своего хозяина.

ОПАЛЁННЫЙ «ПАЛЁНЫЙ»

Рано утром, сразу после подъема, командир батальона майор Виктор Петрович Мельник приказал экстренно построить батальон. Дело было летом, подъем осуществлялся в пять часов, потому что вскоре начинался резкий подъем температуры, и к семи часам на завтрак шли

уже по сорокоградусной жаре. Личный состав стоял на плацу в линию взводных колонн и тихо гудел, вполголоса обсуждая предполагаемые причины такой экстренности. Командир вышел из штаба и обернувшись, крикнул: «Давай, выводи!» Из штаба показался начальник медицинской службы батальона старший лейтенант Сергей Бакланов с солдатом Алексеем Гусаковым (фамилия изменена), обнажённым

Недели через три-четыре солдат возвратился из госпиталя. С «легкой руки» комбата за ним так и закрепилось прозвище «Палёный», тем более что в Кундузе у нас был знакомый афганец-дуканщик с таким же прозвищем. Иногда его просили рассказать молодым солдатам о пережитых впечатлениях. Рассказывал он довольно охотно (не вредный был солдат, молодец впоследствии), при этом весело поблескивая исподлобья уцелевшими глазами.

«ПАЛОЧКА-ВЫРУЧАЛОЧКА»

В соседнем гвардейском Старокопненском артиллерийском полку начальником штаба в одном из дивизионов служил древний майор. Мне о нём рассказал мой знакомый Володя Корсак, который служил в полку секретарем партийного комитета. Война – удел молодых, все, кому было за сорок, для нас казались древними. Майор был грамотнейшим артиллеристом и прекрасным офицером, его любили в дивизионе все – от солдата до командира дивизиона. Почему он оставался началь-

по пояс, с перевязанными головой и руками от пальцев до локтей. Через оставленные в намотанных на голову бинтах щели на развернутый строй батальона испуганно и тоскливо смотрели бегающие глаза. Командир, обращаясь к личному составу, произнес:

– Постоянно говорю всем вам: топливо не прощает игру с огнем! Я не обманывал! Вот ваш умный товарищ, который ночью, будучи дневальным по парку, решил, зачем-то, проверить сколько осталось керосина в цистерне его «наливника»! А чтобы через заливную горловину видно было лучше, он подсветил себе горящей спичкой!

– Ты в школе был, наверное, беспросветный «двоечник» – продолжил комбат, повернувшись к перебинтованному солдату, – иначе бы знал, что в цистерне скопились взрывоопасные пары! А еще тебя не научили слушать старших, которые знают в этой жизни больше, стараются уберечь тебя от таких происшествий! Ну, что, правду я говорил, запрещая близко подходить к топливу со спичками?!

– Да! – чуть слышно прошелестело из-под бинтов.

– Хорошо глаза целые остались! – резюмировал комбат и, обращаясь к начальнику медицинской службы, дал команду, – Вези этого палёного в госпиталь.

ником штаба дивизиона и майором уже многие годы при всех своих заслугах? Любил он выпить несколько больше, чем того требовала обстановка.

В стрельбе прямой наводкой с ним не мог сравниться никто из артиллеристов дивизии. Где во время боевых операций случались трудности при «выкуривании» духов из щелей и укрытий, призывали на помощь этого майора. Причем, в любом труднодоступном месте: в гору, с горы, между деревьев. Вне зависимости от состояния тела и духа, майор всегда был готов к меткой стрельбе прямой наводкой. Сейчас уже не помню его по имени-отчеству, но диалог звучал, примерно, так: – Николаич (имя условное), помогай, давай! Опять духи крепко окопались!

– Не можете без Николаича, неучи! Таксу знаете? Ну, ведите, показывайте вашу проблему! Да где же моя фуражка?!

Приводят майора к орудию, он меняет фуражку-«афганку» на полевую фуражку ПШ (полушерстяного материала) с картонным лакированным козырьком. Николаичу показывают проблему, он надвигает на глаза фуражку с нанесенными по козырьку рисками, прищуривается, и что-то беззвучно шепчет, наблюдая цель. Затем кладет руки на рукоятки орудия и, не глядя на приборы, наводит. Производит выстрел, и приговаривает: – Получите!

Цель разрывается от точного попадания. Все присутствующие искренне и восхищенно удивляются, не переставая это делать раз от разу: – Ну, Николаич, ты даешь, ну, можешь! Талантище! Нет, гений!!

– Вот так нас учили стрелять в свое время! И вы учитесь, пока я жив!

Живая артиллерийская легенда Николаич забирал плату в стеклянной таре и уходил по своим делам. Молодые офицеры слышали, что когда-то опытным артиллеристам для определения исходных данных для стрельбы достаточно было козырька фуражки с нанесенными на него рисками, соответствующими приборным. И тут они своими глазами видели это чудо!

Про фуражку Николаича знал весь полк. Перед выходом на боевые операции многие интересовались у него, при нем ли «прибор для точной артиллерийской стрельбы»? Эта фуражка стала, наверное, одним из добрых талисманов, обеспечивающих успех.

ЮВЕЛИРНЫЙ «МОРСКОЙ БОЙ»

Ранней весной 1987 года проводилась дивизионная операция по ликвидации укрепрайона моджахедов на севере Афганистана в районе населенного пункта Балх, стоящего на реке с одноименным названием. Наши автомобильные роты обеспечивали снабжение боеприпасами дивизионную артиллерийскую группу. Располагались мы возле кишлака между невысокими горами, подковой огибающими маленькое озерцо. Из этого водоисточника, сравнимого с большой грязной лужей, брали воду местные жители, их было в кишлаке восемь – десять семей. Из неё же, заходя ногами в воду, пили верблюды, ишаки и овцы, принадлежавшие жителям кишлака. Выходов из долины было два. Один – грунтовая дорога, по которой мы въехали, другой – узкая тропа на невысоком перевале. Выходы и вершины гор вокруг долины охраняла мотострелковая рота. Позиции артиллеристов находились километрах в де-

сяти от укрепрайона душманов. Укрепрайон был подавлен нашей артиллерией, и взят мотострелковыми подразделениями в течение трёх суток. Сложность операции заключалась в хорошо подготовленных и замаскированных в инженерном отношении позиций боевиков, наличии у моджахедов большого количества различного вооружения, множества скрытных путей для их маневров силами и средствами. По данным разведки, моджахедов там было более трёхсот человек. И по этому показателю наши атакующие подразделения, организованные в штурмовые группы, ненамного превосходили душманов. Поэтому артиллеристы работали бесперерывно круглые сутки.

На третью ночь меня вызвал к себе командир артиллерийского полка. Времени – около половины третьего. Темень была беспросветная, на небе ни луны, ни звёздочки. Огневые позиции артиллерии ярко освещались почти непрерывными вспышками яркого жёлто-оранжевого огня. Дорогу я знал, и, неярко подсвечивая себе карманным фонариком, двинулся к полевому пункту управления артиллерией. У входа в «бабочку», где размещался пункт управления огнем артиллерии, меня встретил капитан и попросил подождать. Огнем руководил лично командир артиллерийского полка. Он принимал данные артиллерийских наводчиков и доклады командиров стреляющих подразделений, моментально корректировал результаты стрельбы, вводил необходимые поправки, и передавал их на огневые позиции. Бой шёл уже длительное время. Руководил командир стрельбой своей артиллерии азартно, грамотно. Он так был увлечён своей работой, что не обратил внимания на моё появление. Веяло радостным возбуждением. Я знал от своего знакомого артиллериста, что офице-

рам полка нравилось следить за работой своего командира. Руководил тот очень чётко, по существу. По радиостанции до меня невнятно доносились целеуказания артиллерийского наводчика. «Он рядом с «духами» сидит, а они его не засекали, тёмная ночь помогает!» – пояснил мне встретивший меня капитан. Командир полка передавал установки для стрельбы на огневые позиции. В тот момент командир руководил стрельбой одного орудия, подавлявшего душманские долговременные огневые точки: «Вправо..., ближе...Огонь! Есть! Влево..., дальше...Огонь! Есть!» Слово «есть» командир выкрикивал громко и радостно, оно означало прямое попадание в ДОТ противника. Я был очень удивлён, ведь позиции душманов находились за несколько километров, и артиллеристы с такой ювелирной точностью уничтожали маленькие укрепленные объекты противника! Своим удивлением я поделился с капитаном. Офицер, с нескрываемым чувством гордости и несколько рисуясь, ответил мне, что это далеко не самая сложная задача. Командир полка неожиданно и резко обернулся и, довольно потирая руки, засмеялся: «Десять минут – и четырёх духовских ДОТов нет!» В «бабочке» офицеры артиллерийского полка одобрительно загудели, раздался приглушённый смех. Командир обвёл смеющимися глазами находившихся в бабочке офицеров, и неожиданно подмигнул мне: «Вот так, товарищ капитан!» Я невольно улыбнулся ему в ответ, поддавшись царившему на пункте управления общему радостному настроению. Командир полка снова стал руководить огнём артиллерийской самоходки. Я с каким-то радостным волнением наблюдал за этим невидимым отсюда во всех подробностях боем. Я понимал, что каждый уничтоженный вражеский ДОТ – это спасённые жизни многих наших солдат, штурмующих сейчас, ночью, укрепленный район моджахедов. Несмотря на ночь, у всех приподнятое и совсем не сонное состояние. Командир полка по телефонам и радиостанциям продолжил свой необычный «морской бой»: «Вправо... дальше... огонь! Влево... ближе... огонь!» А в ответ от артиллерийского наводчика слышал буквально: «Попал... убил!» В течение получаса прямыми попаданиями выстрелов артиллерийской установки под руководством командира полка было уничтожено ещё несколько огневых точек душманов. Наконец,

командир полка встал со своего «рабочего места», с хрустом потянулся и громко, для всех присутствующих произнёс:

– Всё! Пехота взяла укрепрайон! А мы-то, какие молодцы! Ночью уничтожили прямыми попаданиями одиннадцать огневых точек, и огнём всей артиллерийской группы перемололи «духовский» укрепрайон! Командир дивизии особо отметил нашу сегодняшнюю стрельбу.

Затем повернулся к подполковнику, сидевшему к нам спиной за столом над развернутыми топографическими картами, с нанесёнными на них артиллерийскими условными обозначениями:

– Начальник штаба! Артиллерийский наводчик тот же старший лейтенант, который в прошлый и позапрошлый раз корректировал огонь?

– Да, товарищ полковник, – повернувшись к командиру лицом, спокойно ответил начальник штаба полка, несколько флегматичный на вид, но потрясающе работоспособный человек.

– Вот молодец! У него уже хорошая традиция появилась: максимум второй выстрел – в цель! Даже ночью. И, практически всегда, у духов под боком сидит. Пометьте себе, как приедем в полк – оформить на него представление на орден Красного Знамени. Знамени! Буду у комдива пробивать для парня этот орден.

– Я понял Вас, – начальник штаба сделал в своём рабочем блокноте запись, и обвёл её несколько раз красным карандашом.

Я мысленно отметил для себя: орден Красного Знамени – самая уважаемая фронтовиками награда в годы Великой Отечественной войны и нами: орденом Красного Знамени награждали только за боевые заслуги и только в условиях войны. Это была одна из высших советских боевых наград.

Командир артиллерийского полка просто и доходчиво поставил мне задачу по подвозу боеприпасов на позиции ствольной и реактивной артиллерии и подготовке техники к возвращению в пункт постоянной дислокации. Активная фаза боевой операции закончилась, однако артиллеристам предстояло решить ещё несколько огневых задач.

Так, находясь на пункте управления дивизионной артиллерийской группы, я стал свидетелем завершающей фазы боевой операции по ликвидации укрепрайона моджахедов, когда ночью под раскаты артиллерийской канонады разведчики, мотострелковые и инженерно-сапёрные подразделения вели бой, и под утро закончили этот бой победой.

На подведении итогов боевой операции командир дивизии особо отметил, что во время ликвидации укрепрайона потери с нашей стороны составили несколько раненных военнослужащих, в то время, как со стороны душманов

– только погибших более семидесяти человек. И это всё благодаря умелому взаимодействию всех родов войск: мотострелковых и разведывательных, артиллерийских, инженерно-сапёрных и войсковой авиации.

ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ

– Эй, кроты, пошли в футбол играть! – наш помощник начальника штаба батальона Костя Поморцев залез на забор, ограждающий территорию инженерно-саперного батальона, и приглашает соседей на традиционный субботний футбольный матч.

– У нас сегодня не все, несколько человек ушли с разведывательным батальоном на реализацию! – отвечает не видимый из-за забора, но узнаваемый по голосу спортивный заводила из инженерно-саперного батальона.

– Ну, добавим вам наших, не терять же время!

– Только нормальных, чтобы играть умели!

– Ага, отрядим вам, которые играть не умеют! Не дрейфь, приходите!

А после футбола баня с парилкой и бассейном!

У КАЖДОГО СВОЯ ПРАВДА

После торжественного собрания, посвященного Дню автомобилиста, мы зашли в кабинет командира батальона вместе с приглашенным на праздник первым секретарем Кундузского провинциального комитета народно-демократической партии Афганистана. Разговорились о перспективах нашего взаимодействия по перевозке грузов афганского народного предприятия «Спинзар», о сущности пребывания контингента советских войск в этом государстве. Абдул Кармар, так звали афганского партийного деятеля, учился в свое время в Ташкентской высшей партийной школе и очень хорошо, хотя и с акцентом, говорил по-русски. С тревожной дрожью в голосе он рассказал:

– Может, кому-то советские войска мешают – бандитам, прежде всего, – а я, благодаря вам, да и вся моя семья, остались живы. Я был сторонником Тараки, и когда Амин его сверг, то меня и таких как я, посадили в тюрьму. Я девять месяцев сидел под землей, солнца не видел, кормили плохо. Сначала сидело нас очень много. Постепенно многие умерли, некоторых увели, и они не вернулись. Нас осталось всего восемь человек. Мы молили Аллаха о милости. Я каждый день ожидал, что и меня уведут куда-то, откуда живыми не возвращаются. Тогда, в тюрьме, я стал седым, мое тело гнило. И однажды Аллах смилостивился над нами. Вошли люди и сказали нам: «Вы свободны, Амина больше нет! Пришли русские и помогли нам!» Мы, оставшиеся в живых, плакали от радости,

благодарили Аллаха и русских солдат, которые освободили нас. Я вернулся домой, а дома не было, его уничтожили. Но жена и дети были живы, я нашел их далеко в горах, у родственников. Я получил партийное назначение сюда, в Кундуз, работаю здесь уже пять лет. Я благодарен, и буду всегда благодарен, русским войскам за себя и свою семью и считаю, что ваше при-

сутствие в Афганистане способствует миру и укреплению государственности нашей страны.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ РЕЙС

Командир первой автомобильной роты Александр Стародубцев рассказал мне о событиях, участником которых он стал. Ранней весной возникла необходимость доставить продовольствие в отдаленные афганские селения и вывезти оттуда хлопок. Обычно этим занимались афганские государственные предприятия, но душманы перекрыли пути подвоза, и советское командование по просьбе афганской стороны провело боевую операцию по разблокированию трассы и доставке грузов первой необходимости в те селения. Жители отдаленных кишлаков не получали продовольствие уже несколько недель, свои запасы продовольствия закончились, потому что большую часть из этих запасов отобрали душманы. Люди голодали, ждали помощи от властей Афганистана. Операция получилась очень сложной, автомобильные колонны, груженные хлебом, рисом, сахаром, консервами, обстреливались многократно и интенсивно. Водители из числа этнических афганцев после первого же обстрела отказались ехать дальше и повернули назад, несмотря ни на какие уговоры и посулы. Практически под непрерывным обстрелом наши автомобильные колонны добрались до конечного пункта. В первом же селении нашу колонну встречали все его жители. Впереди стояли старейшины – седобородые аксакалы. Один из них, видимо, самый уважаемый ста-

рик, со слезами на глазах прошел вдоль колонны и поцеловал все КамАЗы в кабины, туда, где были набиты номера автомобильных колонн. Во время рассказа у Саши, у этого могучего и сурового человека, увлажнились глаза, и голос дрогнул – поступок афганского старика произвел на офицера сильное впечатление. А то, что он сам и его водители пробивались к голодающим афганцам по горным кручам, под сильными обстрелами, по заминированным дорогам – так это обычное дело!

УМНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Произошла остановка нашей автомобильной колонны на окраине Южного Баглана. Я вышел из автомобиля и двинулся вдоль колонны, чтобы проконтролировать, чем наши водители занимаются. Практика обычная. Контакт с местным населением не избежать, так хотя бы, по возможности, не допустить сбыт или обмен водителями военного имущества на какие-либо местные товары, особенно наркотические вещества. Наркотиков у афганцев было много, специально для наших военнослужащих. Прошёл пять-шесть автомобилей, и между двумя из них наблюдаю, как наш водитель-узбек что-то гневно выговаривает местному юноше на узбекском языке, крепко удерживая того за воротник рубашки и периодически отвешивая увесистые подзатыльники. Подзатыльники, по-видимому, крепкие получались, у юноши голова после каждого из них резко и глубоко кивала, сразу же возвращаясь в исходное положение. Лицо у молодого афганца было раздосадовано-обиженным, он тарачил глаза, пыхтел, и молча сносил удары. Я остановил нашего водителя:

– Сафаров, прекрати! Он же младше тебя, да к тому же, как и ты – узбек! Чего же ты земляка обижаешь?

Сафаров, обернувшись ко мне, усмехнулся и с интонацией превосходства и искренней убежденностью в своей правоте ответил мне:

– Товарищ капитан, это тупой узбек! Это точно. Все местные прекрасно знают, что умные узбеки живут в Союзе! Да он и не обижается совсем.

Сафаров развернул афганца спиной к себе, и слегка хлопнул его ладонью между лопаток, давая тому понять, что их объяснение закончено.

Вот такой у нас Сафаров служил! Однако история имела продолжение.

Около полугода до этого случая возле Альчина моста был обстрелян автомобиль рядового Голубева из первой роты. Только его автомобиль из всей колонны. Голубев был ранен в ногу, но сумел довести автомобиль до расположения батальона. Он утверждал, что стреляли в него бойцы самообороны кишлака, с которыми у советского командования были добрососедские отношения. Ему сначала не поверили, но дня через три, офицер особого отдела поведал, что, действительно, нашего водителя ранили бойцы самообороны. Оказалось, в своё время Голубев обманул одного из них, забрав пару джинсов, и не заплатив за товар. А на требование афганца расплатиться, избил того. За что и поплатился здоровьем. Афганцы не жадные, но щепетильные. Попроси хорошо, и, если ты им показался, могут подарить понравившуюся тебе вещь. Но если украл – отомстят очень жестоко!

ДОЛГИ НАДО ВОЗВРАЩАТЬ ИЛИ ПРОЩАТЬ

Пришел я как-то в гости к Сергею Кошубе, однокашнику по военному училищу, он в разведывательном батальоне служил в Южном Кундузе. Поговорили о том, о сём, завели разговор о покупках, подарках домой. Сергей крикнул с досадой: «Палёный» (известный в Центральном Кундузе зажиточный дукащик) на меня долг повесил, я ему две тысячи афшек должен». «Афшки» – сленговое название афгани, – валюты Афганистана периода советского пребывания там.

– Это как так получилось? – захотел я уточнить.

– Купил я у него недели полторы назад цветные платки, часы, «варёнку» (джинсовый костюм), по мелочи еще. Позавчера зашел к нему, а он мне показал список той моей покупки, и говорит, что обсчитался тогда, и я ему должен еще две тысячи афшек – разъяснил Сергей причину своего финансового долга – вот еще проблема нежданная негаданная...

Прошло какое-то время. Я посетил дука «Палёного» (у него, по-моему, все местные шурави отоваривались), и сделал какие-то покупки. «Палёный» все мои покупки аккуратно записывал на картонку от упаковочной коробки, проставлял напротив купленных вещей их стоимость, подвел черту, и поставил под ней итоговую сумму покупки. В завершение он еще раз внимательно все пересчитал, и убрал свои записи куда-то под прилавок. Прошло еще две или три недели, и я вновь зашел в дука к «Палёному» за покупками – подарками домой, в отпуск готовился. Самого хозяина не было, меня обслуживал его сын – юноша лет четырнадцати-пятнадцати. Очень вежливый, разговорчивый молодой человек, даже навязчивый.

НЕ БУДИ ЛИХО

– Послушай, умный человек – обратился я к Сафарову, когда молодой афганец отошёл – ты историю Голубева помнишь, или забыл уже?

– Нет, не забыл – Сафаров спасовал, и опустил голову.

Собрался я уходить, а парень меня остановил и достал из-под прилавка картонку.

– Вы отцу деньги должны.

– Какие деньги?! – опешил я.

Вот запись. Это ваш товар? Вы в прошлый раз покупали – молодой дуканщик протянул мне картонку с записями.

Я узнал картонку. Это та, которую «Палёный» при мне заполнял в прошлое мое посещение дукана.

– Ну, мой товар. И что?

– Отец неправильно посчитал, он ошибся в записях цен товаров. Вы должны ему еще две с половиной тысячи афгани.

Я всегда рассчитывался в дуканах чеками Внешпосылторга, – как говорится, своими кровными. Быстро в уме пересчитал по курсу – сто чеков. Ничего себе! Бешеные деньги по тем временам! В Союзе чеки ценились в пропорции один к трём. Наверное, по результатам этого пересчета я почувствовал, как от лица у меня отхлынула кровь, и оно перекошилось в ярости. Я перестал себя контролировать. Парень, по-видимому, увидел во мне перемену, и как-то сжался весь, его испуганные глаза забегали по моим рукам, по ремню автомата, который висел у меня за спиной. Сейчас я понимаю, что со мной приключилась вспышка немотивированной ярости – так по-научному называется эта реакция. А тогда просто, без всякой науки, заорал на парня:

– Что?! Я должен?! Кто это записывал, кто считал?! Твой отец считал, значит, такие цены и были! Что записано, то и оплачено! Давай, зови отца, я ему сейчас все растолкую!

– Нет отца, он в Мазари уехал, нет его сейчас, нет его – испуганным голосом быстро запричитал парень.

– Врешь, где он?! – продолжал орать я и сделал попытку вскочить на прилавок.

Парень вдруг сполз на пол, и прикрыл голову руками. Вероятно, от такой картины я внезапно опомнился, и успокоился. Я глубоко вздохнул, и произнес спокойным голосом: – Хорошо, нет отца, так нет. Передай ему, когда он придет, что я ему ничего не должен.

Сын «Палёного» молча и часто закивал головой. Я повернулся и быстро вышел на улицу к ожидавшему БТРу.

Признаться, я потом пожалел о вспышке гнева, несолидно получилось. Возможно, если бы у «Палёного» не разыгрался аппетит, и он назвал бы значительно более скромную сумму долга, я заплатил бы ему. С другой стороны, впоследствии «Палёный» мне больше никогда не вспоминал никакого долга, всегда был вежлив, и не делал никаких записей после моих покупок. А про тот, скорее надуманный долг я у него не спрашивал.

Я при встрече с Сергеем рассказал о случившемся со мной в дукане «Палёного». Серёга озадаченно спросил:

рил – что толку? Смотрел только на него с укоризной так выразительно, когда речь заходила о подготовке к зиме, что лучше бы выругался, что ли.... И вот однажды на совещании Козеев доложил командиру о начале сварочных работ. Командир удивился: специалист не прибыл. Оказалось, зампотыл научился самостоятельно сварочным работам и, на свой страх и риск, приступил к монтажу отопительной системы и проведению водоснабжения в жилые модули. Командир пытался возразить, но зампотыл возражения комбата не принял: под угрозой зимовка личного состава. Зимы в Кундузе не уральские, но снег и морозы случаются. Комбат понимал безвыходность создавшегося

– Да? На этом все закончилось? У нас тут, кроме меня, еще несколько офицеров и прапорщиков так попались «Палёному». А может ты и прав: никакого долга реально и не было. Это мы русские такие доверчивые...

ЗАМПОТЫЛ

Заместитель командира батальона по тылу – в просторечии зампотыл, – должность тяжелая, а у нас в батальоне еще и личность неординарная. Своё сорокалетие Леонид Козеев – наш зампотыл, – отпраздновал в период службы в Афганистане. Для большинства офицеров батальона, чей возраст не превышал 23 – 28 лет, он казался уже пожилым человеком (хотя сейчас для меня мои шестьдесят четыре – не возраст). С крупной седой и, смело утверждаю, умной головой. Опытный, рассудительный и очень трудолюбивый человек.

Летом и осенью 1986 года зампотыл нашел, изыскал, выбил в тыловой службе дивизии средства для ремонта жилых модулей и коммуникаций. Модули отремонтировали, электрические линии обновили, столовую игрушкой сделали, разрыли территорию, и подготовили траншеи для укладки труб отопительной системы и водоснабжения. Вот тогда и произошла остановка хорошо налаженного зампотылом рабочего ритма. Причина банальная: нет сварщика. Обещали направить к нам специалиста сварщика по тепловым коммуникациям, но мы его не дождалась. Затем сроки переносились с дальнейшими обещаниями. А зима уже на носу, территория городка разрыта, и за два дня всю отопительную систему не наладишь, и не запустишь. Командир батальона на совещаниях знал ситуацию, но ничего зампотылу не гово-

положения и цену инициативы Козеева. Он разрешил зампотылу самостоятельно работать со сварочным агрегатом, используя штатного солдата сварщика помощником, взяв на себя ответственность вместе со своим заместителем. Недели полторы, не меньше, зампотыл варил системы отопления и водоснабжения, вставал раньше всех, ложился позже всех. Ходил с красными, воспаленными от сварки глазами, и систематически их закапывал специальными каплями. В конце октября во все жилые модули пошло тепло, а в комнатах для умывания из кранов потекла вода. Теперь не надо было в холодные зимние утренние часы умываться над тазиком в комнате или трястись на улице возле умывальника.

И кто посмеет сказать, что это маленький подвиг?

ПРО ТУШЁНКУ И ГРУСТЬ ПОД МУЗЫКУ

Советский праздник – 1 мая. Отмечался всегда широко и помпезно. И у нас в батальоне в этот день 1987 года провели торжественное собрание, посвящённое международному дню солидарности трудящихся, спортивный праздник, шикарный по тем меркам и возможностям обед. Вечером с друзьями почаёвничали, побеседовали. Делились воспоминаниями, смеялись и грустили попеременно в зависимости от характера рассказа. Разошлись в приподнятом настроении. Прохожу мимо одной из комнат общежития, а из-за двери громкая музыка и какие-то всхлипывания. В той комнате поселили молодого офицера, совсем недавно прибывшего из Союза. Выхлипывания меня озадачили, и немного напрягли: неужели офи-

цер так реагирует на своё присутствие здесь, в Афганистане? В начале праздника он был в нашей компании, а потом ушёл проверять наряды и караулы, так как был в тот день в группе контроля. Я постучался и вошёл в комнату. Офицер сидел за столом перед магнитофоном, из которого группа «Мираж» орала: «Музыка на-а-ас связала...», всхлипывал, и периодически проводил согнутым указательным пальцем правой руки по глазам.

– Что случилось? – спросил я настороженно.

– Ты знаешь, кто это поёт? Это Рита Суханкина, моя одноклассница, и первая моя любовь. На школьных дискотеках танцевали с ней, домой провожал. Понимаю, что никогда мы с ней не будем вместе, но до сих пор люблю! Эх, Рита-Ритуся!

Офицер тряхнул головой, и улыбнулся мне:

– Вот такая жизнь, я – здесь, она – там! И не знает она обо мне ничего, а я песни в её исполнении по магнитофону слушаю. Мне военная служба нравится, и жить её жизнью не хочу. А любить продолжаю.

Никому не рассказал тогда о реакции офицера на школьные воспоминания – не тема для обсуждения или веселья, – но запомнил навсегда. И воспоминания эти светлые, тёплые. А офицер тот умный, сильный профессионал оказался, и хороший товарищ.

БАТЮШКА

Осенью 1988 года я встретился со своим знакомым Валерием Ершовым, который позже меня проходил службу в Афганистане. Офицер заметно изменился, стал серьезнее, умнее что ли, стал посещать православный храм.

– Валера, ты изменился, обратился к религии, – начал я разговор.

– В сложном месте в Афганистане служил, досталось. Вернулся домой, встретился с родными. Мне тетушка, она верующая и прислуживает в храме, при встрече говорит: «Прилетали ночью ко мне с высокой горы два ангела. Ангелы спросили меня, надо ли тебе, Валера, еще пожить, или хватит. Я сказала им, пусть живет, пусть грехи искупает». Я уважаю свою тетушку, но тут почему-то посмеялся над ее рассказом, спрашиваю: «Ну, и когда ангелы прилетали?» Она назвала дату, от которой у меня кровь от лица отлила и сердце учащённо забилося, а в груди и животе похолодело. Откуда она ее знает? Я никому о той ночи не рассказывал. Тогда мы с другом сидели за камнем на горе и отстреливались от наседавших душманов. Чуть поодаль, спрятавшись за камнями, отстреливались от душманов несколько наших солдат. Духи, значительно превосходившие нас силами и огневыми средствами, обложили наши позиции, обстреливали из

стрелкового оружия, гранатомётов и минометов. Буквально, голову не поднять было. И мороз сильный. Страшно и жутко. Мы с другом даже попрощались на всякий случай, думали, до утра не доживем. А утром духи вдруг сняли осаду и ушли. Просто ушли и все! Вот так.

Встретились мы с Валерием снова через двадцать лет после того нашего разговора. Иерей отец Валерий простой в общении, как и прежде. Меня поразили его глаза – внимательные, участливые, наполненные мудростью, глаза удивительной чистоты и пронзительной доброты.

КРАХ «ЧЁРНОГО ГЕНЕРАЛА»

Сергей Фролов участник афганской войны, служил замполитом разведывательной роты 395-го мотострелкового полка 201 мотострелковой дивизии.

Весной 1987 года проводилась боевая операция в горной местности южнее города Ишкамыш. О тех событиях Сергей рассказывал с улыбкой, выразительно и увлекательно, несмотря на тревожность и тяжесть той боевой обстановки. Но благодаря высокому боевому духу советских воинов – офицеров, сержантов и рядовых – не до конца выполненная задача, стоявшая перед ротой, была особо отмечена командованием полка и дивизии. Было, что боевые задачи участвующих в операциях подразделений советского воинского контингента не были выполнены. Враг был силён, хорошо вооружён, и очень хорошо обучен. В той операции боевые действия разведывательный батальон дивизии вёл против вооружённых формирований Ахмад Шаха Масуда, и кроме них наши разведчики, как стало известно позже, сражалась с элитными подразделениями пакистанского спецназа «чёрные аисты» и группой китайских снайперов. Преимущество душманов и пакистанского спецназа заключалось в заранее подготовленных позициях на склонах гор. Нашему разведывательному батальону пришлось вести бой снизу-вверх, в гору, что, согласитесь, очень трудно. Позиции врага были усилены укреплениями и инженерными сооружениями. Внезапности действий с нашей стороны не получилось. Так иногда бывало, когда в планировании боевых операций участвовало командование афганских правительственных войск: произошла утечка информации. Разведывательный батальон, вышедший на захват крупного каравана, попал в засаду, его предстояло вытащить. Полноценной артиллерийской поддержки операции не было из-за удалённости района операции и скоротечности происходящих событий. Пришлось обойтись огнём «Ураганов» издалека на максимальную дальность и переносных минометов. Наши батальонные разведчики встретили жесто-

чёрное, хорошо организованное сопротивление, понесли потери и закрепились на рубеже. Руководил операцией по «вызволению» батальонных разведчиков из огневого мешка, в котором те, по сути, оказались, заместитель командующего войсками 40-й армии.

Несколько мотострелковых рот из полков дивизии срочно перебросили вертолётами к Ишкамышу. По решению командира полка разведывательная рота, где был Сергей, должна была осуществить многокилометровый обход и выйти во фланг душманам. Сергей со смехом вспомнил, как офицеры и солдаты роты, которых было не более сорока человек, тащили на себе, обливаясь потом и тихо матерясь, тяжёлое вооружение – крупнокалиберный пулемёт, гранатомёты и переносной миномет. А были у всех ещё автоматы, гранаты, вещевые мешки, традиционно в таких случаях набитые не продовольствием и запасным бельём, а дополнительными патронами. И ещё тащили ящики с минами для миномета. Двигались в гору на километровую высоту в условиях жары и пыли. Наконец, добрались до указанной на склоне горы точки, и начали скрытно, тихо и внимательно продвигаться по «зелёнке» в сторону укрепленного района моджахедов.

Двигавшиеся первыми разведчики передового охранения условными сигналами остановили основные силы роты, и вызвали к себе командира. Ротный взял с собой Сергея. Сержант, возглавлявший передовое охранение, стоял за высоким и густым кустарником на краю большой поляны. И на этой поляне, на расстоянии около семидесяти метров от нашей разведывательной роты, находилась весьма живописная группа людей в непривычных чёрных форменных одеждах. Двое, в золотых погонах и с золотым шитьём на чёрных чалмах, сидели в глубоких тростниковых креслах под большим солнцезащитным зонтом. Перед этими высшими чинами стоял стол с прохладительными напитками и фруктами. Сергей сказал, что знаки различия тех пакистанских офицеров соответствовали званиям генерала и полковника. Эти два пакистанских офицера смотрели в бинокли в сторону наших остановленных подразделений, о чём-то громко, не таясь, переговаривались и смеялись. Оно и понятно, их вряд ли было видно и слышно из долины, находились они несколько в стороне от основных боевых событий. Слышались приглушённые звуки автоматической и артиллерийской стрельбы, доносившиеся откуда-то из-за «зелёнки» на противоположной стороне поляны. По нашим подразделениям, находившимся внизу, вели огонь невидимые с того места душманы и «чёрные аисты».

Сергей с ротным гневно переглянулись – ну, гады! Вокруг этих двух пакистанцев стояли несколько младших офицеров, охрана с авто-

матами и солдат в белом переднике, подававший свежие прохладительные напитки, всего человек десять-двенадцать. В это время радист передал ротному головные телефоны с тангентой. Командир полка по закрытому каналу связи требовал немедленно возвращаться, так как стало известно о присутствии в составе душманов значительного количества пакистанского спецназа, и потери среди личного состава разведывательной роты были совершенно не нужны. Ротный ответил, что, оставаясь незамеченным, наблюдает командование спецназа, и может его уничтожить. Тут в эфир прорвался голос «Первого» (заместитель командующего войсками 40-й армии), воплем требующего выполнения приказа о возвращении роты, и угрожающего судом командиру разведроты в случае невыполнения приказа.

Ротный ответил «Есть!» и вернул радиопередаточное устройство радисту. А что он ещё мог ответить? Однако затем подтянул всю роту к опушке «зелёнки», приказал приготовить гранаты и всё имеющееся вооружение. Сергею было страшновато, потому, как он знал информацию о высоком уровне подготовки «чёрных аистов». Но разве тут устоишь, если вот он, враг! Это что-то похожее на азарт охотника,

тем более этот враг нанёс нашим подразделениям урон в живой силе.

По сигналу командира роты бойцы одновременно открыли ужасающий огонь из всех видов оружия, и, подбежав ближе, забросали гранатами командную группу пакистанского спецназа, пресловутых «чёрных аистов», этих наглых веселящихся не к месту разодетых как на праздник офицеров и их окружение! Сергей, пребывая в сильном напряжении, вместе со своей ротой вёл огонь, участвовал в коротком броске по уничтожению «чёрных аистов». Одновременно миномётом произвели несколько выстрелов по предполагаемым позициям основных сил обороняющегося врага.

Сколько личного состава пакистанского спецназа было тогда в боевых порядках душ-

манов, не известно. Возможно, они численно превосходили советскую разведывательную роту, раз их сопровождал такой почётный эскорт из высшего и старшего офицеров и их порученцев. Затем всей ротой наши солдаты и офицеры организованно бросились выполнять приказ командира полка об отходе, чтобы ротного не посадили! Отошли, быстро скатившись с горы вниз, к своим. Чувство тревоги, рассказал Сергей, не прошло у него до того момента, пока рота не соединилась с основными силами полка.

И всё-таки, несмотря на не выполненную до конца задачу фланговой атаки, у всех наших разведчиков, кто участвовал в том коротком бою, осталось удовлетворение. Наверняка этот рейд во фланг противнику и такие незапланированные потери в его рядах помогли выведению пакистанцев из активной фазы операции. По возвращении командир роты доложил командиру полка об уничтожении пакистанского генерала, полковника и их обслуги. Поскольку, потерь в разведывательной роте не было, всё обошлось.

Курячий Сергей Борисович. Окончил военное общевоинское командное училище в 1979 году. Проходил службу в ОКСВА в 1985-1987г.г.

Позывной «Межа»

Сергей Курячий рассказал о себе, когда он в Афганистане был помощником начальника разведки мотострелковой бригады в одной из «серьезных» провинций – под Кандагаром.

Корректирует он ночью огонь артиллерии на боевой операции в районе кишлака Тозна. Так пришлось работать, потому что нашу разведгруппу, спускающуюся с горы, духи об-

стреливали из крупнокалиберных пулеметов ДШК. Вдруг слышит, вклинился кто-то в его установки для ведения артиллерийского огня, требует уточнения по разведчикам. Обозлился, выругался, послал подальше, и потребовал не мешать его работе с бригадной артиллерийской группой.

Вклинившийся пропал из эфира... После выхода группы в безопасный район и окончания артиллерийского огня, Сергей как был – грязный, голодный, – завалился спать. Утром его поднимает связист, и передает приказ комбрига: немедленно прибыть к нему в полевой пункт управления под Шиннарай, что в междугорье на реке Каданайруд. Умыться и чиститься было уже некогда, махнул рукой на свое военное бесстыдство, и как есть чумазый прибыл к комбригу. Докладывает комбригу о прибытии, а тот на штабную палатку кивает, мол, туда иди. «Зачем?». «Там узнаешь!». Приказ не обсуждается, а выполняется беспрекословно. Зашел в палатку. Там за столом сидит человек в камуфляже:

– Я новый начальник штаба 40-й армии генерал Греков. Это Вы «Межа»?

– Так точно!

– Так это Вы меня в эфире обругали?

– ...? Извините, если «Межа», то я.

– В эфире нельзя выражаться, тем более не зная, кто запрашивает!

– Я корректировал работу артиллерии, разведгруппу вытягивал из-под обстрела, никто не имел права вмешиваться!

– Ну, это да, это правильно, согласен! Расскажите мне, пожалуйста, об основных принципах и методах действий в местных условиях.

Сергей продолжил:
– Мы говорили с Грековым около часа. Нам два или три раза чай приносили. Он интересовался буквально всем. Его вопросы были очень принципиальными и точными относительно особенностей боевых действий в местных усло-

виях. Я старался отвечать кратко и точно. Как мне это удалось – судить ему. Юрий Павлович, по моему мнению, был сильным начальником штаба армии. Однажды, в одном из своих интервью, уже в Союзе, он сказал: «Я учился воевать у боевых офицеров. Многие принципы и методы проведения боевых операций мне поведал в свое время «Межа», помощник начальника разведки мотострелковой бригады. Грамотный и опытный офицер, к сожалению, по моим данным, он погиб...» Сергей сказал, что он, буквально, подпрыгнул перед телевизором, услышав это признание. Вот он я, «Межа»!

И вот, как-то на окружных оперативно-тактических учениях, когда он служил заместителем начальника штаба отдельной бригады, прибыл к ним на командный пункт Командующий войсками Краснознаменного Уральского военного округа генерал-полковник Ю.П. Греков. «Что-то мне лицо Ваше знакомо» – обратился Командующий к Сергею. «Так точно, товарищ Командующий, мы с Вами встречались раньше». И рассказал Командующему про ту, первую встречу в Афганистане. «Межа!» – отреагировал Командующий – Ты жив! Вот это здорово! А мне доложили тогда, что ты погиб! Рад, очень рад встрече с тобой!»

МИНОМЁТОМ ПО КАРАВАНУ

На одном из совещаний в разведывательном отделении 70-й мотострелковой бригады (Кандагар), которое было фактически группой планирования реализаций и засад, стало известно о прохождении душманского каравана с вооружением. Сергей Курячий в составе боевой группы принимал участие в засадных действиях по пленению этого каравана. Для повышения огневой мощи боевой группы взяли с собой в засаду минометный расчет с 82-мм минометом.

– Не «Васильки», а эти, знаешь, ну, «подносы» – уточнил Сергей, затем продолжил. – Командир расчета сержант, откуда-то из Дагестана. Здоровый парень, под два метра ростом и с внушительными мышцами. Для повышения мобильности минометчики плиту и двуногу с собой не взяли. Караван мы увидели поздно, когда он начал выбираться из русла реки

на плато перед кишлаком. Механизированный караван очень умело двигался по руслу высохшей реки, скрытый от внешнего наблюдателя высокими берегами. Далеко было до каравана. Сразу пришло решение: разведывательной роте немедленно на максимальной скорости совершить бросок к каравану, а минометным огнем уничтожить едущий первым автомобиль и заблокировать продвижение остальных машин. Разведчики на БМП рванули к каравану. Я кричу сержанту: «Достанешь первую машину?». Он в ответ: «Щас, щас, товарищ капитан!». Садится на корточки, упирает миномет в грунт, зажимает трубу между коленями, руками крепко держит, прицеливается. Дает команду на выстрел. Первая мина пошла с недолетом. Кричу сержанту: «Давай, давай еще!» Он снова прицеливается, сжимая в своих объятиях трубу: «Щас, щас, товарищ капитан!». Второй выстрел пошел с перелетом. Я ему уже буквально ору дурным голосом: «Ну, давай же, родной, давай! Если они в кишлак войдут – все, ищи ветра в поле! Растворятся там и не найдешь никого!». Сержант мне в ответ возбужденно кричит: «Щас, щас, товарищ капитан, щас, щас, щас!». Третий выстрел пришелся точно в первый автомобиль. Машину разорвало, она моментально занялась высоко взметнувшимся пламенем. Всё! Мы с минометным расчетом кинулись к каравану. Это была победа, обеспеченная метким выстрелом командира минометного расчета. Лазером потом замерили расстояние от огневой точки расчета миномета до сгоревшего душманского автомобиля. Оказалось, 5100 метров. А максимальная дальность стрельбы «подноса» – 5700. Мне потом артиллеристы сказали, что вероятность прямого попадания «подносом» для этого расстояния равна 1:3000. ОДИН К ТРЕМ ТЫСЯЧАМ! А сержант, считай, с колена, с третьего выстрела цель уничтожил! Мне бы артиллеристы не поверили, если бы мой рассказ разведанные из других источников не подтвердили. Ас!

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СКАНДАЛ

На Сергея нахлынули воспоминания, и он продолжил свой рассказ:

– Боевые операции мы часто проводили близ границы с Пакистаном. В зоне ответственности бригады со стороны сопредельного государства тянулось много караванных дорог и троп. И с той, и с этой стороны в кишлаках было много складов с вооружением и боеприпасами, с имуществом и продовольствием для душманов. Как-то вблизи афгано-пакистанской границы, через реку от пограничного кишлака Тозна, мы обнаружили кишлак, что называется, без окон, без дверей. Ворот в дувалах (высокие и широкие глинобитные заборы) не было, заложены саманным кирпичом, двери и окна в

домах так же. Разобрали один дувал – а там, во дворе, горы стрелкового оружия, миномёты, гранатомёты, пулеметы ДШК и боеприпасы к ним! В другом дворе – горы продовольствия, сухие пайки американские! Дома забиты японскими магнитофонами и канадскими армейскими спальными мешками на гагачьем пуху, разгрузками. Столько добра всякого! Кстати, американские сухие пайки такая гадость! А вот спальники – замечательная вещь.

Там-то я впервые почувствовал на себе, что это такое организованная радиоэлектронная борьба. Обозначенной границы тогда не было, позже мы помогли афганцам оборудовать пограничную зону, расставить погранзаставы. А тогда афганский кишлак Тозна плавно, едва заметно, переходил в пакистанскую деревню Адраи. В пакистанской деревне стояло американское подразделение РЭБ. Подошли в приграничную зону мы – разведчики, ДШБ бригады, мотострелковые роты – а эфир совершенно глухой. Будто все вымерли! До того непривычно, даже обескураживающе. Подавили американцы наши радиосредства! И совсем меня добил ехидный женский смешок американской военнослужащей в смолкнувшем эфире и её слова на ломаном русском языке: «Поговорите, поговорите...» Минут сорок такая ерунда с радиоэфиром продолжалась. Целое войсковое подразделение радиоэлектронной борьбы! Но не только РЭБ американские были. Возле пакистанского кишлака Дабанди, это километров пять севернее Адраи, батарея американских 175-мм самоходных гаубиц стояла, на территорию Афганистана нацеленная. Разведанные верные были. Вся обслуга американская, полного штата – сто восемь человек. Сто восемь трупов....

– Чего-чего?!...

– Да в той же операции, по завершении зачистки, мы вышли в район сбора на окраину афганского кишлака Самакай. И ротный открытым текстом в эфир доложил: «Вышел на северную окраину Самакай». Никогда с ним такого не было раньше, в эйфории успеха забылся, наверное. Буквально через пять минут по нам огневой налет. У американцев в пределах дальности стрельбы их самоходок всё привязано было. Огромные разрывы от снарядов крупного калибра, огромные осколки, грохот неимоверный. Люди мы уже привычные к обстрелам были к тому времени. Сразу и дружно кинулись под БМП. Обошлось, у нас потерь не было. Я доложил об обстреле в полевой пункт управления операцией, те – дальше. Засекли, откуда огонь велся, и батарея наших «Ураганов» туда свои пакеты ракет разрядила. Американская артиллерийская батарея перестала существовать. Разметало всех и вся. Это позже нам разведанные нашего ответного удара сообщили. Потом еще нота пакистанская была, нам доводили.

– Ну, сами виноваты, первыми начали через границу стрелять. А вам надо было выходить из-под обстрела. Слушай, а если бы там не американцы были, то и ноты никакой, может быть, и не было бы.

– Может, и не было бы. Наверняка, не было бы.

ХИРУРГИЧЕСКОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО

Сергей ненадолго о чем-то задумался, улыбнулся своим мыслям, а вслух рассказал вот что:

– Зажали как-то нашу группу из двенадцати человек духи на высотке, не вырваться – двойное или даже тройное кольцо, наверное. Духи умели это делать очень здорово, сам знаешь. Извне нас пытались вытащить – сразу с наскока не получилось. А время идет, боеприпасы заканчиваются, пайки, что с собой взяли, закончились. Нам боеприпасы и продовольствие с вертолетов сбросили. Самое страшное было в том, что у нас были раненые, и им требовалась медицинская помощь. Если легко раненым пока достаточно было первой медицинской помощи, и они находились на позициях, то тяжелому, раненому в живот парню, требовалась срочная операция.

Духи нас почему добить хотели? Мы у них шороху наделали, хирурга из их лагеря в плен взяли, француза по национальности. Тот у душманов работал, то ли по найму, то ли по убеждению. Этот француз-хирург и делал ночью операцию нашему раненому, медицинский инструмент был у него с собой. Операцию француз делал под присмотром и руководством нашего санинструктора. Гагауз по национальности, ветеринар по образованию, до армии окончил ветеринарное училище, санинструктор именно руководил действиями хирурга. Мы закрыли импровизированный операционный стол сверху кусками какой-то материи, чтобы от пыли прикрыть и светомаскировку хоть маломальскую sobлюсти. С автоматом в одной руке и с электрическим фонариком в другой руке, солдат говорил специалисту с опытом что тому и как делать. И ведь всё хорошо закончилось! Когда нас вытянули с той высотки – не без нашей

разумной инициативы, – все раненые выздоровели в скором времени. У прооперированного французом солдата с тяжелым ранением в живот не было даже намека на инфицирование раны. Санинструктор гагауз ставил полностью в заслугу себе результат той необычной операции. А ведь прав отчасти, в тех условиях он действительно внес значительный вклад в положительный исход дела.

Памяти товарища. Ушёл из жизни девять дней назад (написано 26 сентября 2022 г.)
Заморов Владимир Николаевич. Окончил высшее военное командное общевойсковое училище в 1982 году. Проходил службу в Афганистане в 1984-1986 гг.

ОШИБОЧКА ВЫШЛА...

Ошибки у артиллеристов случаются, догадывается от них иногда и своим. Про один такой случай Володя вспомнил уже с улыбкой по прошествии стольких лет. В пустынной местности рота под его командованием подошла к укрепрайону моджахедов. Оттуда по нашему подразделению открыли огонь из минометов и безоткатных орудий. Володя приказал всем БМП роты отойти и остановиться на безопасном расстоянии, по радио сообщил координаты цели для ведения ответного артиллерийского огня. Из БМП не выходили, как оказалось к счастью. Вдруг совсем рядом раздались взрывы. Между БМП огромными букетами вздыбился песок, приукрашенный огненными вспышками и дымом. Артиллерийские системы залпового огня БМ-21 «Град» накрыли ракетами район, где находилась рота Заморова! Володя рассказал о своих ощущениях: душно, ничего снаружи не видно, в животе подсасывает, а грудь как обручем сжимает, и где-то внутри ёкает после каждого разрыва...

После артиллерийского налета, длившегося несколько минут, настала звенящая тишина. Несколько минут Володя сидел, не решаясь высунуться наружу. Песок и пыль, поднятые разрывами ракет, постепенно улеглись. Он с опаской высунул голову из приоткрытого люка, и окинул взглядом БМП роты. Все целы, никто не горит. Володя по радио запросил своих подчиненных, все оказались живы, ракеты

не повредили ни одну боевую машину. Затем Заморов, используя традиционно русскую для такой ситуации лексику, объяснил артиллеристам на кого они похожи, и у кого должны учиться стрелять. После короткой и понятной тирады ротного, соответствующих уточнений и поправок, артиллеристы в скором времени нанесли точный огневой налет по укрепрайону моджахедов. В тот день, в общем, наши победили.

Что произошло, почему артиллеристы по своим стрельбу устроили? Володя со смехом поведал артиллерийскую «отмазку»: «Солдат у них, видишь ли, ногой зацепил выносной артиллерийский топопривязчик, вот они неправильные установки для стрельбы и сообщили в дивизион, накрыли, ошибочно, не тот район. Во всем как всегда виноват стрелочник».

Виктор Васильевич Белоус. Окончил Рязанское высшее военное командное училище ВДВ в 1973 году. Проходил службу в Афганистане в 1981-1983 гг.

У полковника запаса Виктора Васильевича Белоуса богатая биография. Окончил Рязанское училище ВДВ. Командиром роты в военном училище у него был будущий Министр обороны Российской Федерации Павел Грачёв, а заместителем командира взвода – Александр Лебедь, трагически погибший впоследствии губернатор Красноярского края. Значимое место в биографии Виктора Васильевича занимает служба в ограниченном контингенте советских войск в Афганистане.

ОПЕРЕДИЛИ

Виктор Васильевич оживился, поднял взгляд, и рассказал.

– Ну, довольно о грустном. Были, конечно, победы без потерь, и не мало, и достаточно курьёзные в том числе. В основе которых – боевой опыт, высокий уровень подготовки, смелость, решительность, мужество и полное взаимопонимание наших офицеров, солдат, сержантов, интуиция и, наконец, везение.

Случилось мне с ротой совершать ночной переход в провинции Нангархар, чтобы к утру оседлать высоту 3000,5. Шли цепочкой, то поднимаясь на сопки, то спускаясь вниз в междугорье, в темноте, разумно остерегаясь, что можем наткнуться на душманов. Я шел впереди, за мной – замполит, и далее по боевому расчету. И полная луна на небе. Я «нюхом» почувствовал – душманы близко. Остановил роту, и, находясь за небольшим валуном, в ночной бинокль оглядел склон горы впереди. Сердце ёкнуло: духи уже рядом, в нескольких десятках метров от нас. Идут во встречном направлении, в полный рост, не скрываясь, одеты в белое, по-

этому в серебряном лунном свете я их сразу не заметил. Повезло нам: мы шли по неосвещённому луной склону горы, а они под луной, и нас не видели. Фактически, одними условными знаками на уровне прикосновений я объяснил своё решение подчинённым. Подготовили гранаты. Духи были близко, в каких-то пятнадцати-двадцати метрах от моего валуна. Что-то они, видимо, тоже почувствовали, и остановились, стали прислушиваться, защелкали затворами. Я, буквально, подкатил идущему впереди душману «РГД-шку» под ноги, сразу же кинул «ЭФ-ку» в середину их группы, вжался в валун, спрятал голову, и мысль проскочила: лишь бы осколками мне задницу не задело – объясняйся потом.

За валуном раздались разрывы гранат, вопли раненых. А замполит сзади мне в руки очередные, готовые к применению гранаты суёт. Я их тоже метнул. Замполит, подбежавшие бойцы кинули свои гранаты. Мы кинулись за валун и стали поливать из автоматов и пулемётов мечущиеся тени моджахедов. Прекрасное взаимодействие, что называется, чувство локтя, напор позволили быстро справиться с врагом в том ночном бою. Редкие беспорядочные выстрелы и автоматные очереди со стороны душманов вреда нам не принесли никакого. Вопли душманов постепенно стали затихать и совсем затихли, слышны были только стоны раненых. Оставшиеся в живых духи убежали, побросав раненых и убитых, оставив на поле боя гранатометы и миномёт. Судя по количеству лежавших душманских тел, уйти удалось немногим. Преследовать душманов мы не стали. Начинало светать. В полутьме рассвета собрали в одно место трофеи. Гранатомёты, миномёты, боеприпасы – подорвали, и быстро

пошли дальше. Боевой приказ рота в тот раз выполнила.

ВОЙНА ЕЩЁ ЖИВЁТ ВНУТРИ НАС ВСЕХ...

Более 30 лет минуло со дня окончания нашей войны, с того дня, как Советские войска вышли из Афганистана. На днях посмотрел фильм Аркадия Мамонтова о «Королёвском батальоне», названном так по фамилии командира батальона капитана Королёва, об одном из эпизодов афганской войны, трагической по последствиям для советского контингента боевой операции в Рухе. И фильм своей правдой взбудоражил тяжёлые мысли и воспоминания.

Только один эпизод из этого фильма. Нашли участников того боя и среди местных афганских жителей, бывших моджахедов. Аркадий Мамонтов спросил полевого командира, тогда командовавшего заранее подготовленной засадой против советского подразделения, почему среди моджахедов были такие большие потери, ведь они были в гораздо более выгодном положении – и тактическом, и позиционном. Наверное, профессионально сработало внимание на реакцию того афганца. Я проанализировал его поведение, позу, тональность голоса, в общем, вербальные и невербальные сигналы. Начало ответа прозвучало резко, даже гневно, на высшей степени напряжения голоса, позы и жеста руки: «Потому, что русские умеют воевать!» И я вдруг интуитивно

почувствовал, что этот вопрос заставил афганца снова пережить тот бой, ту же ненависть к врагу, то есть к советским воинам, даже неудовлетворённость результатами боя.

И эта короткая фраза в тот момент прозвучала не как дань уважения, а как высшей степени досада. В афганцах также живет та война, их души также ею ранены. Затем ветеран моджахед взял себя в руки, расслабился, и уже другим тоном, с другой убежденностью добавил: «Русские хорошие воины. Не то, что американцы!»

Я, конечно, могу ошибаться в точности всех фраз, но смысл мною усвоен. Затем были радужные стол и чаепитие, устроенные афганцами. К гостям у них всегда было и есть уважительное, почтительное отношение. Были рукопожатия. Но как мне показалось, бывшие враги вряд ли простили друг другу все обиды, однако это был акт открытого и честного – это я подчёркиваю – примирения, которое, наверное, удовлетворило обе стороны.

Председатель Совета Свердловской областной общественной организации ветеранов пограничной службы «Государственная граница» (2009-2015) подполковник запаса Сафиуллин Галимхан Хайрулинович родился 1 января 1955 года в деревне

Марьино Аскинского района Башкирской АССР в многодетной семье колхозника. После окончания школы до призыва в погранвойска 1,5 года проработал учителем в сельской школе.

С 8 ноября 1973 по июнь 1974 г. Галимхан служил в Пограничных войсках на северо-западной границе Советского Союза. С 1974 по 1978 г. обучался в Московском пограничном училище им. Моссовета КГБ СССР на факультете разведки, после окончания которого получил распределение в Краснознаменный Среднеазиатский пограничный округ в Бахарденский пограничный отряд.

С июня 1984 г. по июнь 1986 г. воевал в Демократической Республике Афганистан в составе мотоманевренных групп Тахта-Базарского пограничного отряда («Калайи-Нау» ММГ-1, «Карабаг» ММГ-3, «Чакав» ММГ-2 и ММГ «Карези-Ильяс»). Был ранен и дважды контужен.

Служил в Московском пограничном отряде и до 1994 года в Группе Пограничных войск Российской Федерации в Республике Туркменистан.

Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги», медалями Республики Афганистан «За отвагу», «Пять лет Саурской революции».

КОНЕЦ БАНДЫ МИРХАМЗЫ

После сильной контузии, полученной при подрыве бронетранспортера на mine и месячного лечения в госпитале в сентябре 1984 года, разведчик капитан Галимхан Сафиуллин вернулся на прежнее место службы, в мотоманевренную группу погранвойск № 3, расположенную в населенном пункте Карабаг провинции Герат. В дружественной Демократической Республике Афганистан уже 5 лет шла настоящая война правительственных войск, которым оказывал военную помощь Советский Союз, с силами оппозиции и их наемниками, поддерживаемыми США.

Не успев принять дела, неожиданно капитан Сафиуллин получил информацию от ХАДовцев (афганский аналог КГБ), что в горах была обнаружена банда полевого командира Мирхамзы,

которая движется на грузовике по единственной дороге, ведущей на Карабаг, с целью захватить его. Немедленно навстречу им была выслана оперативная группа пограничников на боевой машине пехоты и бронетранспортере под командованием капитана Юрия Григорьева.

Конечно, капитан Сафиуллин мог и не ехать на боевую операцию. Он еще полностью не оправился от контузии и каждый толчок или громкий звук отдавался в голове набатом. Но он, наоборот, сам вызвался в рейд.

Выдвинувшись навстречу банде, в 15 километрах от Карабага пограничники устроили засаду в районе старого кладбища. Наступила темная ночь, и тут в километрах пяти, на вершине горы, на секунду блеснул свет фар и тут же пропал. И сразу же в низине раздался взрыв гранаты, и прогремели несколько автоматных очередей. – «Всё, засада сорвалась – кто-то испугнул духов!», – подумал Галимхан. Но через пять минут горная тишина была нарушена нарастающим на подъеме ревом двигателя. Об этом немедленно было сообщено по радиации начальнику ММГ-3 в Карабаг и группе поддержки, расположившейся в развалинах старой афганской крепости Сумбакаррез под командованием начальника штаба ММГ-3 капитана Сергея Юдина. Оттуда последовал приказ: «Машину пропустить, а потом совместными действиями банду Мирхамзы, в случае сопротивления, – уничтожить». Как

только «ЗИЛ-131», до отказа набитый «духами» в кузове, медленно, словно крадучись, проехал мимо засады, пограничники начали преследование. Заметив их, бандиты открыли огонь из автоматов и начали разворачивать в их сторону крупнокалиберный пулемет ДШК.

Капитан Сафиуллин и бойцы, сидящие на броне, открыли по вспышкам выстрелов ответный огонь. Вся эта огненная колесница, сверкая фарами и автоматными и пулеметными очередями, поднимая клубы пыли, катилась по дороге к Карабагу. На очередном подъеме БМП догнал машину моджахедов и, сходу протаранив, столкнул ее в придорожный кювет. В это же время из группы поддержки подошел БТР и открыл огонь по разбегающимся «духам». Оказавшиеся между двух огней бандиты начали сдаваться преследующим пограничникам. Хорошо знавший их язык капитан Сафиуллин начал сразу же допрос пленных. И в первую очередь спросил: «Где главарь банды Мирхамза?» – «Спрыгнул с машины и скрылся в темноте. Он в белой чалме», – ответил пленный. И тут водитель БТРа младший сержант Водолаженко Лёня вспомнил: «Да

я его раздавил колесами недалеко отсюда!» – «Пойдем, покажешь!», – приказал разведчик. Но на указанном месте главаря не оказалось. Лишь следы крови в колее и неглубокие бороздки на песке от волочения ног указывали на то, что он был ранен и, не смотря на это, сумел увернуться в последний момент от колес БТРа. Хорошо подготовленным оказался враг. Пограничники по следам начали преследование и на рассвете вышли к колодцу в небольшом кишлаке Чахи-гагаль вблизи иранской границы. Здесь след обрывался. Главарь спустился в колодец. Капитан Сафиуллин предложил ему сдаться. Но ответа не последовало. Тогда, чтобы не рисковать жизнями бойцов, командир бросил в колодец две «лимонки». От взрыва гранат колодец обвалился...

Банда Мирхамзы, терроризовавшая в приграничной провинции Герат мирное население, перестала существовать.

В пяти боевых операциях участвовал капитан Сафиуллин на земле Афганистана, в трех из них пролил свою кровь. Выполнял приказ командования с честью и достоинством, как в

годы Великой Отечественной войны его отец – пограничник, орденосец Ахметов Хайрула, и дед Ахметов Сафиула, унтер-офицер русской армии, кавалер Георгиевского креста, участник русско-японской и Первой мировой войн.

Но главным для него делом была, конечно же, разведка и оперативная работа с местным населением. Много раз разведчики в тесном взаимодействии с афганскими разведчиками и ХАДовцами срывали готовящиеся покушения на активистов новой власти, правительственные и

наши войска, освобождали из плена афганских пограничников, ликвидировали склады с оружием «духов». Спасали жизнь мирных земледельцев, которые, не подозревая об опасности, продолжали возделывать землю и пасти скот на заминированных бандитами полях. В одной такой операции, разработанной и проведенной капитаном Сафиуллиным, с помощью агентуры был обнаружен и уничтожен склад с оружием и боеприпасами, в котором только противотанковых мин было 40 штук! Сколько наших ребят могли погибнуть от этих мин...

«Воевать не числом, а умением» – этот суворовский принцип был во все времена главным для пограничников. А святые понятия: Долг, Честь, Отечество – не пустой звук, а каждодневный тяжелый ратный труд во благо безопасности границ Родины, которым всегда гордились настоящие мужчины. Этот воинский труд и выбрал основным делом своей жизни Галимхан Сафиуллин. А ведь мог стать хорошим педагогом на гражданке. Все предпосылки для этого были.

МАЛЕНЬКИЙ ПОМОЩНИК В БОЛЬШОЙ СЕМЬЕ

Родился и вырос он в небольшой деревеньке Марьино в многодетной семье колхозника, фронтовика Хайрулы Сафиуллина и матери-героини Майкамал (в семье Галимхан был восьмым ребенком). С детства был приучен к тяжелому крестьянскому труду. В семь лет уже помогал односельчанам грести сено для совхозных коров. Семья жила своим хозяйством. Держали лошадь и двух коров, не говоря уж о домашней птице. Дети вместе с отцом заготавливали сено, дрова. «Дом не велик, а сидеть не велит», – это истина в полной мере относилось и к Сафиуллиным. Маленький Галимхан с отцом и братьями любил зимой на лыжах ходить на охоту. Но сам стрелял редко. Больше любовался красотами уральской природы. Подмечал, как грациозно ранней весной токуют косачи и глухари на далеких полянах – токовищах, восхищался мышкующей рыжей бестией лисицей, восторгался брачными песнями птиц, прилетевших из дальних стран на родину. А потом он, вместе со старшим братом Гиндулой, отображал на холсте акварелью запомнившиеся пейзажи или подбирал музыку на баяне к своим стихам. Тяга с ранних лет к познаниям, стремление к самосовершенствованию и трудолюбие сделали свое дело: Гиндула стал поэтом – автором трех сборников стихов, брат Зуфар окончил военное училище связи и дослужился до полковника.

дискотеки, был вожаком школьной комсомолки – словом, постоянно был в гуще школьных событий. К нему, как магнитом, притягивало ребят. Одно слово – вожак все 10 лет обучения в средней школе! В 70-е годы в школах Башкирии не хватало учителей. И директор Анастасьинской восьмилетней школы, с согласия районо, предложил выпускнику классное руководство. Летом 1972 года Галимхан окончил 1,5 месячные курсы преподавателей сельских школ, а уже осенью молодой учитель начальных классов приступил к работе с присущей ему живинкой в деле. Для того, чтобы уроки проходили интересно, ходил за книгами и учебниками в районную библиотеку в Аскино за 20 километров от школы и проводил со своими учениками музыкальные и литературные вечера, военно-спортивные игры. Его класс успешно закончил учебный год. Директор школы предложил способному учителю

МОЛОДОЙ УЧИТЕЛЬ

Галимхану учеба давалась легко: он прекрасно учился, занимался спортом, осваивал родственные языки, играл на баяне, проводил

поступать в педагогический институт на заочное отделение и, воспользовавшись отсрочкой от призыва в армию, продолжить преподавание.

ЕСТЬ ТАКАЯ ПРОФЕССИЯ...

А он нет, взял и сделал по-своему: на призывной комиссии сказал, что хочет служить вместе со своими одногодками.

В ноябре 1973 года провожали Галимхана в армию всем селом. Односельчане, давая наказы, говорили, чтобы он обязательно после службы возвращался обратно. Никто и не предполагал, что может быть иначе. Но судьба сделала крутой поворот...

Как физически развитого, грамотного и морально устойчивого гражданина призвали молодого учителя в пограничные войска КГБ СССР на северо-западную границу Советского Союза, в 102-й имени Кирова Выборгский погранотряд, в школу сержантского состава. Через полгода

группы. На второй год обучения его перевели на факультет разведки. Так пограничник Галимхан Сафиуллин стал разведчиком и больше двадцати лет своей жизни посвятил служению Родине в Среднеазиатском пограничном округе. А это и Афганская война, и опаленная огнем таджико-афганская граница, где много раз судьба проверяла его на прочность, и откуда он вышел с высоко поднятой головой, не запятнав офицерскую честь.

И сейчас подполковник запаса Сафиуллин Галимхан Хайруллинович не забывает свою пограничную службу, активно участвует в работе Совета Свердловской областной общественной организации ветеранов пограничной службы «Государственная граница», часто на встречах с молодежью рассказывает ребятам о своих боевых товарищах, о всех тех пограничниках, с которыми он не раз с риском для жизни выполнял боевые задачи за границей, – о живых и мертвых...

обучения младший командир Сафиуллин уже сам обучал молодое пополнение и возглавлял комсомольскую организацию части.

Через год службы отлично зарекомендовавшему себя сержанту, после всесторонней проверки, предложили поступать в Московское высшее пограничное Краснознаменное командное училище имени Моссовета КГБ СССР. После подготовительных курсов, успешно сдав вступительные экзамены, Галимхан стал курсантом легендарного пограничного училища. Вот здесь и пригодилось его всестороннее развитие и особенно знание языков тюркской

Не выполнил единственный из наказов односельчан Галимхан Сафиуллин, – не вернулся на малую родину. Но они на него не в обиде. У каждого свое предназначение, своя судьба, своя жизненная дорога. Но он каждый год приезжает в милую сердцу деревеньку Марьино. Вместе с друзьями детства не забывает сходить в вечнозеленый стройный сосновый бор, растущий рядом с деревней. И сосенки-красавицы, завидев его, шумят на ветру густыми кронами, словно здороваясь, говорят: «Мы помним, как ты, Галимхан, вместе с отцом нас бережно высаживал и ухаживал за нами!»

Сedayev Валерий Михайлович родился 19 марта 1962 года в городе Каменск-Уральский. После окончания училища и 11 классов вечерней школы, осенью 1981 года был призван в Краснознаменный Благовещенский пограничный отряд Краснознаменного Дальневосточного пограничного округа.

После окончания с отличием школы сержантского состава, прослужил полтора месяца на заставе «Сергеевка». В Благовещенском районе охранял Государственную границу СССР, которая проходит по реке Амур. В Демократической Республике Афганистан проходил службу в составе легендарной десантно-штурмовой маневренной группы Керкинского погранотряда.

ВАС ВЫЗЫВАЮТ В КГБ...

В январе 1986 года в дверь квартиры жителя Каменск-Уральского Валерия Сedayeva постучали. Открыв дверь, Валерий услышал: «Вы – Сedayev Валерий Михайлович?» Увидев утвердительный кивок, мужчина в штатском, вручая извещение, продолжил: «Вас срочно вызывают в Управление КГБ по Свердловской области». И попрощавшись, ушел.

Ночью Валерий не спал: все думал, что же такое противозаконное он сделал?.. И пока ехал на автобусе до Свердловска, эта же мысль не отпускала его. Устав ломать голову, решил: будь что будет...

В Управлении его встретил подполковник КГБ. Проверив документы, предложил следовать за ним, на пятый этаж. Всю дорогу молчали. В кабинете, подполковник, наливая две кружки чая, спросил: «Знаешь, зачем тебя вызвали?»

Валерий отрицательно качнул головой. И тут хозяин кабинета положил перед ним испорченный казенный лист бумаги. От волнения с

трудом Валерий прочитал последние строчки документа: «Сedayev Валерий Михайлович награждается медалью «За отвагу».

НАПРАВЛЯЕТЕСЬ В КОМАНДИРОВКУ...

В июле 1982 года, после службы на границе, Сedayeva вызвали в канцелярию и начальник заставы объявил: «Вы направляетесь в командировку, подробности узнаете в отряде!»

Утром пришел автобус, на котором сержант Сedayev и еще несколько пограничников с линейных застав прибыли в Управление Благовещенского погранотряда. Оттуда – в Управление КДПО округа, которое дислоцируется в Хабаровске. После формирования двух эшелонов, пограничники, проехав всю страну, прибыли в Среднюю Азию. Всю дорогу бойцы не знали куда едут. Но догадывались... Уже третий год в Демократической Республике Афганистан шла гражданская война. И ограниченный контингент советских войск по просьбе законного правительства ДРА оказывал военную помощь дружественному государству. Но ведь пограничники не должны были пересекать Государственную границу. И это многих успокаивало...

Но, вопреки всему, в Туркмении, 12 сентября 1982 г. на базе Керкинского погранотряда была

На боевом задании, слева – Валерий Сedayev

создана десантно-штурмовая маневренная группа (Керкинская ДШМГ). Это аэромобильное подразделение подчинялось Оперативной группе Главного управления пограничных войск (ОГ ГУПВ) в Москве и принимало участие во всех

Пограничники Благовещенского погранотряда,
убывшие в Демократическую Республику Афганистан в 1982 году

крупных боевых операциях Среднеазиатского пограничного округа по всей зоне ответственности КСАПО. А костюк ДШМГ составили пограничники КДПО, переодетые в общеевойсковую форму. На усиление им и ММГ, которые уже несли службу по охране стокилометровой зоны ответственности на территории ДРА, прибыли благовещенцы.

ТЯЖЕЛО В УЧЕНИИ

Боевое слаживание проходило в Керкинском погранотряде. Занимались необходимой для боевых действий в Афганистане подготовкой: стреляли, ползали по горам, бегали в полной боевой выкладке. Но сначала ранцы почти пустыми были, чтобы попривыкли, а потом в них клали все больше и больше груза.

Обычно в ранце укладывались сухой паек на трое суток, цинк патронов, теплые вещи. У сержантов была еще ракетница. Поднаторели в таскании до того, что эти рюкзаки хватили одним лишь пальцем и закидывали на плечи.

Из основного оружия – автомат АКС-74У. Но, опять же, всё зависело от того, на какой должности стоял солдат. У пулеметчика был пулемет, у гранатометчика – АКМ, РПГ и пара гранат в ранце за спиной. Минометчики таскали на себе разобранное орудие – один трубу несет, другой плиту-лафет, остальные – ящики с минами.

Первое время сами изготовляли себе специальные жилеты с карманами, чтобы носить

автоматные магазины на теле и в бою быстро их доставать. Потом такие жилеты – разгрузки для Вооруженных сил стали шить на предприятиях. Патронов при себе было много: четыре магазина в подсумке, четыре – в кармашках, два спаренных магазина в автомате и в жилете... Как потом пригодилась эта тяжелая физическая и боевая подготовка!

ЛЕГЕНДАРНЫЙ СПЕЦНАЗ ПОГРАНВОЙСК

После боевого слаживания в Керкинском погранотряде, Валерий был распределен командиром отделения в только что созданную ДШМГ Керкинского погранотряда под командованием капитана Сергея Алексева (затем – майора Анатолия Турулова). Базируясь на территории Керкинского погранотряда (г. Керки, Республика Туркменистан) с ноября 1982 г. ДШМГ начала вылетать на операции, десантируясь с вертолетов в различных районах Северного Афганистана.

3 января 1983 г. в г. Мазари-Шариф басмачи, убив охранника, захватили и угнали автобус с 16-ю советскими специалистами мелькомбината. В операции по освобождению заложников приняли участие и пограничники: три мотоманевренные группы и Керкинская ДШМГ, в составе которой было и отделение сержанта Седаева. Заложников спасли, но на этой операции ДШМГ понесла первую боевую потерю – 18

Ночь в горах Афгана холодная, приходилось служить даже в валенках. Справа – Валерий Седаев

преследовать. Впереди шло отделение Седаева, которое догнало сопротивляющегося врага и, выполняя приказ, без потерь личного состава уничтожило «духов».

Если случались засады, обстрелы, похищения советских специалистов, десантники вместе с афганскими военнослужащими, представителями народной милиции – Царандоем и государственной безопасности – ХАД окружали мятежные кишлаки, после чего в село сначала заходили афганские подразделения, и лишь затем советские. Выводили из домов всех жителей, отводили на проверочно-фильтрационный пункт, где с подозреваемыми начинали работать афганские силовики из ХАДа и Царандоя – проверять документы, проводить допросы.

Во время прочесывания в хорошо замаскированных

января 1983 г. погиб при разрыве гранаты рядовой Калачиков Виктор. Вечная память...

Со временем десантники стали направлять на сопроводительные колонны, которые постоянно пытались уничтожить «духи». Попасть в засаду – страшное дело. Колонна заходит в ущелье. Душманы миной или из гранатомета подрывают первую машину, чтобы техника остановилась, потом последнюю, чтобы обратного пути не было, развернуться-то на узкой дороге нельзя. Затем бьют в середину. Получается кровавая бойня...

Для того, чтобы этого не допустить, перед маршем высылали авиацию, которая зачищала прилегающую к дорогам территорию. Затем по возможности скрытно на точку высаживались десантники, которые окапывались на господствующих высотах и прикрывали проходящую советскую технику от нападения моджахедов.

Один раз сами попали в засаду. Во время приземления в большое ущелье пограничников обстреляли. С трудом десантники обнаружили «духов», которые искусно маскировались в знакомых им горах. И под командованием лейтенанта открыли ответный огонь, а затем стали их

схоронах часто находили исправное оружие: от современных АК, до старинных английских «буров», однозарядных «берданок» и автоматов ППШ времен Второй мировой, которое впоследствии передавали афганским правительственным войскам.

Керкинская ДШМГ стала одним из легендарных подразделений КСАПО. Группа не только участвовала во всех крупных операциях в зоне ответственности Погранвойск, но и стала

полигоном для боевых стажировок спецподразделений КГБ.

Керкинская ДШМГ дала стране двух Героев Советского Союза: старшего сержанта Виктора Капшука (1985) и капитана Николая Лукашова (1988).

У истоков этого легендарного спецназа погранвойск стоял и командир отделения старший сержант Валерий Седаев, который участвовал в почти 50-ти боевых операциях.

Переслужил в Афгане четыре месяца: ждали, пока хорошо подготовленную смену прислали. И уволился в запас лишь 6 марта 1984 года. А заслуженная награда его нашла почти через год, уже на гражданке. Вот удивились коллеги на работе, когда его поздравляли на работе! Он-то о том, что выполнял интернациональный долг за границей и участвовал в боевых операциях, никому не говорил...

«О той войне мне вспоминать трудно, – говорит кавалер самой почитаемой боевой медали «За отвагу» Валерий Седаев, – многим она испортила жизнь. Ребята совсем молодыми погибали. У других увечья серьезные остались. Иногда задумываюсь: а как я-то жив остался? А потом осознаешь – соблюдали инструкции, всё то, чему учили, и на рожон не лезли. Как бы всё закономерно получается...»

С ребятами-сослуживцами связи не теряем, встречаемся в День пограничника. Например, когда было 30-летие нашей десантно-штурмовой манёвренной группы, много парней приехало.

Посидели, вспомнили боевую молодость. Периодически встречаемся с каменскими пограничниками.

Там, где служил я, личный состав оказался действительно дружным. Не было такого, чтобы кто-то с кем-то поругался или по лицу врезал. Посылка пришла – пожалуйста, угощайся. Вывалишь ее на стол, попьём чай, покушаем... И это очень правильно. Надо, чтобы армия воспитала настоящего мужчину, как нас – пограничная служба. Погранвойска – это настоящее братство по оружию!»

Директор Центра гражданско-патриотического воспитания молодежи УрГПУ, руководитель военно-патриотического клуба «Авангард» СГПИ (1986-1994 гг.), председатель Совета содействия работе Екатеринбургского муниципального музея памяти воин-

нов-интернационалистов «Шурави». Был первым директором музея до 1992 года.

Награжден медалями «За безупречную службу в ВС СССР» 3, 2, 1 степени, «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа», «За отличие в воинской службе» 1 степени, «За заслуги» РСВА, «Патриот России» и др., Почетными грамотами Министерства образования Российской Федерации, Губернатора Свердловской области, Законодательного собрания Свердловской области, Администрации г. Екатеринбурга и ректора УрГПУ, а также знаком отличия Свердловской области «За заслуги в ветеранском движении».

Владислав Антонович Середина родился 16 декабря 1945 года. После окончания Омского высшего общевойскового командного училища проходил службу на различных офицерских должностях ВС СССР. Окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе. В 1984 году выполнял боевые задачи в Афганистане в должности командира 149-го мотострелкового полка 201-й дивизии.

Служил в Уральском государственном педагогическом университете в должности начальника учебной части – старшего преподавателя военной кафедры, начальником военной кафедры. Работал помощником ректора, проректором по социальной и воспитательной работе.

В настоящее время директор Центра гражданско-патриотического воспитания молодежи УрГПУ.

«Мне было уже 39 лет, но, признаюсь, я мало знал об этой стране. Природные условия достаточно контрастные. С одной стороны – горы, с другой – пустыни, то невероятная жара, то жуткий холод. Мы были в большинстве своём

атеистами, а местное население – очень религиозно, мулла был для них кем-то вроде Господа Бога. Нам это было непонятно. Они, в свою очередь, не понимали нас. Моджахеды были настроены крайне враждебно. Но, главное, я не представлял, что это будут полномасштабные боевые действия, не был к этому готов. Хотя перед отправкой в Афганистан со мной провели собеседование в штабе сухопутных войск...

Поэтому первое впечатление от незнакомой страны оказалось тревожным. Совершенно другая жизнь, совершенно другие горы, обстановка сама: по приземлении в Кабуле первое, что видишь, – стоят модули, с собаками кто-то ходит, саперы, посты охранения.

Меня назначили на должность командира 149-го гвардейского Ченстоховского мотострелкового полка 201-й мотострелковой дивизии. Пункт дислокации и штаб дивизии находились в Кундузе. До этого я имел опыт командования мотострелковым полком на Украине, в Конотопе.

Честно скажу, я не думал, что там, куда я направляюсь, ведутся самые настоящие боевые

действия. Думал, что это вроде учений: проехали, где-то локализовали какой-то очаг...

Зона ответственности нашего полка была довольно протяженной – порядка 150 километров от Баглана до Талукана. Задачи – охрана колонн с боеприпасами и гуманитарной помощью, реализация разведанных, агитационная работа с населением, плюс боевые действия по уничтожению боевиков.

Пришлось осваивать и новое направление – борьбу с «партизанскими» группами. Соответствующего опыта у нашей армии не было со времен Великой Отечественной войны, в военных академиях тоже бороться с «партизанами» не учили. Нас настраивали на другое: стабилизировать обстановку в стране, помочь

правительству остановить гражданскую войну, обеспечить афганскому народу мирные условия для жизни, а также помешать американцам разместить там свои базы.

Первый случай, который меня потряс до глубины души, был связан со смертью. Начальник батальона только-только прибыл из отпуска и ещё не отвык от мирной жизни. Мы выехали на сопровождение колонны. И только он открыл люк БМП, как тут же получил в шею пулю из «Бура» (это мощная английская винтовка XIX века). Точно в кадык. Меня удивило, насколько метким был выстрел, насколько хорошо готовили моджахедов в Пакистане и Иране. Хотя советниками у них были американцы. Кроме того, Афганистан стал для США полигоном для испытания мин. Я увидел тогда много нового. Например, пластиковые мины абсолютно не обнаруживались миноискателем, их могли найти только хороший сапёр при помощи шупа или собака. В Афгане я познакомился с минами нажимного действия, раньше я, кадровый военный, о них ничего не знал. В новинку был и характер ведения боевых действий, когда с гор бьют первую и последнюю машины в колонне, а потом спокойно, не торопясь, расстреливают остальные. Чтобы хоть как-то обезопасить себя, мы стали на 100-200 метров в округе вырубать «зелёнку», чтобы по нам не врезали из гранатомёта. Хочу также подчеркнуть, что воевали мы грамотно, иначе потери были бы в разы больше.

Это была постоянная военная работа. На каждый день был разработан план засадных действий в тех или иных районах. Нам удалось

накопить хороший опыт по охране колонн, отработать тактику выдвигания на боевые действия «перекатами»: головная походная застава, боковые заставы, тыльные. Научились вести боевые действия в «зеленой зоне», особенно в той, что близко примыкала к дорогам.

На войне была какая-то искренность, понимание того, что тебя прикроют, а если ранят – обязательно придёт «вертушка», что тебя не бросят в беде. Представьте себе: если погибал солдат – его кровать не занималась. Мы боролись за каждого, и за каждого были в ответе. Считалось большим позором, если тебя не брали на операцию.

Нам противостоял сильный противник – моджахеды, которых готовили в Пакистане и Иране. Разведка у них была поставлена на очень высоком уровне. Простой пример: при выходе на боевые операции мы, как правило, проводили строевые смотры. А у душманов на соседствующих высотах через определенные расстояния находились скрытые разведывательные пункты – и, как только мы начинали этап подготовки, они это засекали, передавали по «линии».

Вторым неприятным сюрпризом стало использование бандформированиями арыков и подземных тоннелей – кяризов. Случалось, что мы получали разведанные по объектам, «накрывали» их, а там уже пусто. Все, что осталось от врага – след еще дымящегося костра. Они через эти скрытые тоннели затем выходили в совершенно другом месте, нападали на наши колонны, причем наносили серьезный урон».

Конечно, нельзя забывать, что советские войска в Афганистане не только воевали, но и строили, что изначально задачей была вовсе не война, мы искренне хотели помочь: стабилизировать обстановку, ввести паспортный режим, поднять экономику, оказывали гуманитарную помощь.

Лично мне обидно, как всё закончилось в 1989 году. Сегодня я категорически против, чтобы так бездумно выводили войска. Страна была не готова, чтобы за девять месяцев принять такой огромный контингент войск. Такие передислокации всегда требуют определённой подготовки. Война длилась более девяти лет, ради чего? Ведь были неоднократные обращения Наджибуллы, чтобы оставить в Афганистане 12-15 тысяч солдат и офицеров. Чтобы обеспечить безопасность хотя бы в Кабуле. Но мы вывели всех...

Сегодня много говорится о патриотизме, но, мне кажется, молодёжь не всегда понимает, что это такое. Да, патриотизм – это любовь к Родине, но прежде всего это ответственность за неё, желание и способность сделать для неё что-то хорошее, принести пользу.

ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ С ПОИСКОВ ПРАВДЫ

«Скорбные фигуры русской и афганской матерей, застывших у осиротевших жилищ, опаленные взрывом голуби, немой диалог советских солдат и афганцев, которые смотрят с фотографий друг на друга – все это, как и каждый экспонат – правда о войне, ради которой и создавался Екатеринбургский музей.

В восьмидесятых годах прошлого века на отделении НВО факультета физического воспитания Свердловского государственного педагогического института (ныне Уральский государственный педагогический университет – УрГПУ) стали обучаться студенты – «афганцы», которые в составе Ограниченного контингента советских войск выполняли интернациональ-

ный долг в Афганистане. Они выпускались не только военными руководителями начального военного обучения, им предстояло в дальнейшем, используя свой боевой опыт, заниматься военно-патриотическим воспитанием молодежи. Это понимало руководство института, на это мы настраивали студентов. Но для того, чтобы пользоваться авторитетом в молодежной среде,

мало одной лишь героической биографии и даже государственных наград, надо еще что-то иметь за душой, надо многое знать и уметь делать практически. В связи с этим, в 1986 году мы пришли к необходимости создания военно-патриотического клуба «Авангард», который и был призван, в том числе, дать практику будущим военрукам в организации кружков, секций, патриотических клубов и так далее. Война в Афганистане для них стала местом мужества, героизма, честного выполнения своего воинского долга. Появилась потребность рассказать об этом молодежи. Так зародилась идея создания Музея памяти воинов-интернационалистов «Шурави».

На заседаниях клуба выкристаллизовывалась наша позиция в оценках того, что происходило в стране и за её пределами. Понятно, что самый живейший интерес был к Афганистану. Как ока-

залось, ветераны-«афганцы» сами плохо знали историю той войны, не до конца понимали, зачем мы туда вошли, с чего всё началось и почему продолжали воевать. Тому были объективные причины. И, прежде всего – закрытость темы.

Стали изучать историю Афганистана и историю отношений Советского Союза с этой страной, целенаправленно искали публикации о действиях Ограниченного контингента советских войск на территории ДРА. Копились сведения, документы. Мы обретали знания, которыми уже хотелось поделиться с друзьями, земляками. На одном из заседаний клуба родилась идея создания музея, который рассказал бы всю правду о войне.

Мы привыкли к комнатам боевой славы, к парадным музеям со знаменами и орденами... Но всякая война – это, прежде всего, тяжкий солдатский труд, это мужество, отвага и одновременно потери, неизбежное горе матерей, вдов, осиротевшие дети, исковерканные судьбы...

Не хотелось шаблонов, любительского уровня. И мы искали, кто поможет нам создать музей, который станет достойной памятью павшим, напоминанием выжившим, предостережением живущим. А так как быть музеем предстояло в стенах педагогического института, там, где молодежь, значит, он должен был стать неординарным еще и по форме подачи материала.

Стали знакомиться с другими музеями. Понравилось, как нестандартно подошел к показу истории молодежного движения творческий коллектив, возглавляемый Юрием Калмыковым, при создании Музея истории молодежи Урала. Юрий Викторович долго колебался перед тем, как принять наше предложение взяться за оформление экспозиции: тема войны в Афганистане была ему незнакома и непонятна. Мы признались, что сами тоже лишь в начале пути: изучаем, вникаем. Согласившись, Калмыков стал приходить на заседания нашего клуба. Вместе изучали источники, постепенно формировалось видение будущего музея.

Музей – это реальные документы, экспонаты, вещественные свидетельства времени и

конкретных событий. Для того чтобы иметь все это, мы сформировали несколько поисковых групп. Одни занимались сбором фотографий и документов, другие – поиском экспонатов. Когда в 1989 году начался вывод войск, две группы были направлены в Термез и Кушку встречать войска, собирать материал.

Первоначально нам выделили маленькую комнатку. Но в ней уже вскоре стало тесно: люди прониклись идеей, стали приносить письма, вещи, фотографии, вырезки из газет и журналов... Тогда ректор института Борис Алексеевич Сутырин разрешил использовать один из переходов между учебными корпусами. 235 квадратных метров – на этой площади удалось осуществить многие задумки. Вместо полированных стенов использовали ящики из-под снарядов, принципиально не ретушировали фотоснимки, собранные из «дембельских» альбомов ветеранов войны в Афганистане. Письма павших солдат и офицеров, скульптурные образы войны – скорбные фигуры русской и афганской матерей, застывших у осиротевших жилищ, опаленные взрывом голуби, немой диалог советских солдат и афганцев, которые смотрят с фотографий друг на друга – все это, как и каждый экспонат – правда о войне, ради которой и создавался музей.

Сегодня музей превратился в активную площадку общения ветеранов локальных войн и конфликтов с молодежью, центр патриотического воспитания.

Творческая работа коллектива музея во главе с директором Натальей Просянкиной, проведение большой работы по реконструкции музейной экспозиции и техническому оснащению, позволяет с большим оптимизмом смотреть в будущее».

Председатель Комитета ветеранов боевых действий Нижнетагильского металлургического комбината Владимир Серов родился в 1962 году в поселке Горбуново, который сейчас относится и подчиняется Ленинскому району города Нижний Тагил.

Когда Владимир отправился на военную службу, всех призывников, еще не принявших присягу, привезли на территорию бывшего Челябинского танкового училища, где предстояло последующее распределение по частям. Первыми за молодым пополнением приехали представители Воздушно-десантных войск.

У многих приехавших офицеров на груди были награды. Вокруг шептались: «За речкой побывали, «афганцы»...

Попасть служить в Афганистан, да еще в подразделения Воздушно-десантных войск, мечтали почти все, так что отбор был очень серьезный. Во-первых, медкомиссия с повышенными требованиями к психологической подготовке, во-вторых, желающих проверял Комитет Государственной Безопасности на предмет стойкости к вражеской идеологии. Тогда были такие правила.

Родным говорить ничего не советовали, да никто и не говорил – соблюдали секретность. Мама Владимира только примерно через год узнала, что её горячо любимый сын давно воюет в составе инженерно-саперной роты в Афганистане, так не хотел её расстраивать сын. Тогда уже страна знала, что на самом деле происходит в далекой горной стране. А он писал в письмах, что служит на юге СССР, каждый день ест яблоки, виноград и ни в чём не нуждается.

А потом, когда в Нижний Тагил привезли первого погибшего в Афгане парня, а он, к слову, служил в одном подразделении с Владимиром, потом второго, материнское сердце тревожно забилося.

Пережить потерю боевых друзей – это было самое сложное, с чем Серову пришлось столкнуться в Афганистане. Не изнуряющие марши по горам, ни температура под 40 градусов, не бои в ущельях или «зелёнке», не отсутствие родных и друзей не принесли ему столько тяжелой печали, как гибель товарищей.

Бойцов инженерно-саперной роты называли «смертниками». Слишком рискованной была эта служба. Слишком широк был спектр деятельности саперов. В основном, инженерно-саперная рота занималась инженерной разведкой местности и особенно маршрутов передвижения войск

с целью определения условий их проходимости, установкой минных полей или снятием духовских минных полей, разминированием дорог и заминированных машин или участков. А это что значит? Что сапер всегда впереди, на острие любой боевой операции, будь то сопровождение колонн с боеприпасами, продовольствием, медикаментами, горюче-смазочными материалами. Иногда сапёры даже шли впереди разведчиков. По ним первым открывали огонь притаившиеся в засаде душманы. Нагрузка адская, а в роте, по воспоминаниям Серова, было всего человек сорок. Вот и крутились, как могли.

Противотанковые мины, использовавшиеся душманами, представляли собой как самодельные заряды, так и различные типы мин иностранного производства. Они включали в себя противотанковые мины: советские ТМ-46, итальянские TS-2.5 и TS-6.1, американские M19, британские Mark 5 и Mark 7, а также бельгийские H55 и M3. Устанавливали мины на «растяжках», выпрыгивающие, направленного

действия и мины-ловушки. Их постоянно изучали, иногда, к сожалению, на горьком опыте, анализировали способы установки и применения, ведь к каждой mine свой подход нужен, использование шаблона – для сапера смерть. Наши сапёры тоже были не лыком шиты, мастерски минировали подступы к местам расположения войск, аэродромам, заставам, караванные тропы. Так что сапёров в ограниченном контингенте советских войск в Афганистане очень уважали. Это были смелые и мужественные люди – асы своего дела.

Сильно выручали специально обученные минно-розыскные собаки Форд, Лотос и Тайга.

Но и трудностей, в основном бытовых, хватало. Спецодежду замараешь – в арыке стираешь, замараешь – в арыке стираешь, и так без конца, пока не застирывают до дыр. Ведь сапёр он как работает – в основном, как говорится, «на пузе» ползает, чтобы мину не проворонить. Летом еще хорошо, постираешь, разложишь на солнышке, она через пять минут сухая. Зимой воду грели, стирали да прополаскивали так, что намучаешься, будто минное поле «отработал».

В начале 90-х много рассуждали про «дедовщину» в армии. И полы, мол, молодых бойцов мыть заставляют, и другую работу выполнять вместо старослужащих. За всю армию Владимир сказать, конечно, не может, но про своё подразделение говорит твёрдо – не было такого! В суточные наряды ходили все, независимо от званий, от срока службы и имеющихся заслуг и наград. И порядок наводили, и печки-«буржуйки» топили, то есть делали всё, как положено по Уставу.

А вот других примеров Владимир может привести сколько угодно. Когда шли на боевую операцию, сопровождение колонны, выполняли другие задачи командования, старослужащие всегда шли впереди, оставляя молодых позади «набираться опыта». Это был закон.

В Афганистан Владимир прибыл в самый жаркий период «минной войны». Благодаря иностранным инструкторам душманы приобрели опыт, бороться с их минами стало гораздо сложнее. Излюбленным способом действий противника стали засады на наши автомобильные колонны, осуществляющие подвоз боеприпасов и материальных средств. Причем, как правило, минирование полотна дороги проводилось одновременно с засадой. При этом преследовалась цель – прервать или серьезно затруднить движение государственного транспорта с народнохозяйственными грузами, а также военных колонн, подорвав тем самым экономику страны и снабжение войск. В некоторых случаях душманы с целью задержания колонн с помощью взрыва мин и фугасов устраивали завалы на дорогах в местах, где объезд затруднен или невозможен (ущелье, перевалы, узости) либо обрушивали в ущелье целые участки дорожного полотна.

После подрыва нескольких транспортных средств на минах или устройства завала колонна обстреливалась из оружия всех видов. С целью уничтожения большого количества транспортных средств одновременно они применяли минирование цепочкой (30-40 мин на участке 200-300 метров).

Сегодня Владимир внимательно смотрит телевизионные репортажи, которые показывают из зоны специальной военной операции. Особенно интересно смотреть сюжеты про работу саперов. Он отмечает их значительно возросшее мастерство, отличные современные миноискатели, надежную защитную спецодежду. Он радуется за ребят, но нет-нет, да и проскользнет горькая мысль – эх, нам бы такую технику в Афганистане, сколько бы ребят-сапёров остались бы живы... Тогда же всё было, как говорится, на руках. Руками ищешь, руками выкапываешь, руками обезвреживаешь. Помощник – только щуп с иголкой, мастерство да острое чутьё. Но иногда подводили и они...

Последним другом Владимира, который погиб в Афганистане, был челябинец Виталий Дергалёв. В одном из районов провинции Логар, который назывался Мохаммад Ага (по простому – мухамедка), сапёры сопровождали колонну из Гардеза в Кабул. Виталий при разминировании дороги шел первым. Он случайно металлическим щупом замкнул провода мины, которая активировалась электричеством (батарежкой).

А Владимир первый раз подорвался на танке. Тогда уже 60 км дороги прошли, ни одной мины не обнаружили. К вечеру уже все устали. Тем не менее, каким-то чувством, выработанным за время службы, Владимир почувствовал: мина совсем рядом, прямо холодом вдруг обдало. Закричал водителю «Стой!». Но танк не велосипед, остановить не просто. Наехал-таки на мину, тут же взрыв. Хорошо, танк тяжеленный, никто не погиб, но контузило всех прилично.

Самой главной своей наградой Серов считает медаль «За отвагу». Он совсем не жалеет, что в молодые годы прошел суровую школу войны. Именно там он многое понял в жизни, нашел настоящих верных друзей. И этого уже из его жизни не вычеркнешь.

Родился в 1968 году в г. Полевской Свердловской области. После окончания 8-и классов школы № 13 имени Героя Советского Союза Николая Кузнецова, три года учился в городском профессиональном училище № 47, которое закончил с отличием. 10 мая 1987 года призван на армейскую службу. В 32-м военном городке был распределен в команду 20А. Так очутился в самой южной точке Советского Союза – городе Кушка, где прошел обучение в учебной части. Звание – рядовой.

Впервые о войне в Афганистане Салихян услышал от земляка воина-интернационалиста Сергея Болтина, который на одном из митингов 9 мая рассказал как полвчане выполняют интернациональный долг в соседней стране. Поначалу это не вызвало никакого удивления, ведь до этого советские воины выполняли воинский долг на Кубе, в Корее, во Вьетнаме, других странах. И только позже Салихян узнал, что скрывается за словами «интернациональный долг», что нашим ребятам приходится с оружием в руках обеспечивать государственные интересы страны.

В Кушке рядовой Сисамбаев прошел курс молодого бойца. Бегали до полного изнеможения по сопкам, в дивизионном учебном центре рыли окопы, обучались меткой стрельбе из пистолетов и автоматов, метанию гранат, физические нагрузки были очень тяжелыми. Там же от командира учебного батальона узнал, что дальнейшее место службы новобранцев – Демократическая Республика Афганистан. Мыслей о предстоящих боевых действиях в голове у Сисамбаева и его сослуживцев не было. Они радовались: «Наконец-то эта «учебка» закончилась!»

До сих пор Салихян вспоминает яркие-яркие звезды в ночном небе над Кабулом и мысли в голове: «Ну как в таком прекрасном месте может быть война?» Оказалось, может. Еще запомнилась «музыка войны» – ни с чем не сравнимый рев уходящих в цель снарядов реактивных систем залпового огня «Град» – подразделение артиллеристов располагалось по соседству с отдельным ремонтно-восстановительным бата-

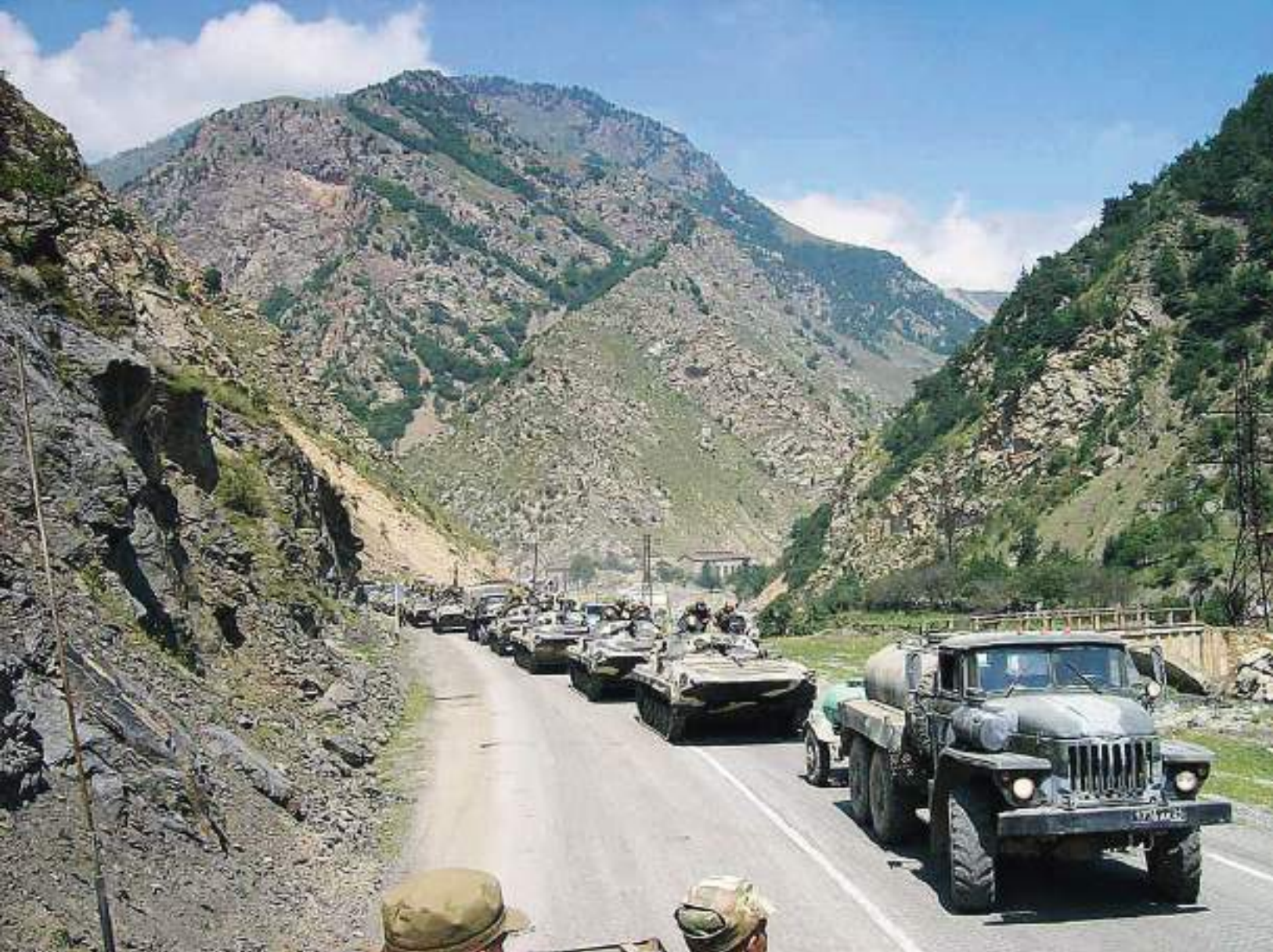
лионом при штабе 40-й общевойсковой армии, в котором служил рядовой Сисамбаев.

В Афганистане Салихян занимался ремонтом техники: БМП, БТР, танков, сопровождением колонн с гуманитарными грузами из Кабула в Термез, Хайратон, ходили в охранение. Приходилось подразделению Сисамбаева участвовать и в боевых операциях, самой известной из которых являлась «Магистраль». Это была крупномасштабная «воздушно-наземная» общевойсковая операция частей и соединений Ограниченного контингента советских войск в Афганистане и правительственных сил ДРА в труднодоступном горном массиве «Сулеймановы горы» в период с 23 ноября 1987 по 10 января 1988 года в зоне афгано-пакистанской границы. Немало пришлось потрудиться ремонтно-восстановительному батальону и в период вывода ограниченного контингента советских войск из Афганистана. Техника была надежная, но условия эксплуатации в горных условиях, обстрелы, подрывы на минах делали свое дело: работать приходилось и день, и ночь. С уходящих колонн сгружали ненужные в Союзе боеприпасы, увозили в пустынные места и подрывали, чтобы не достались душманам.

В Афганистане Сисамбаев переболел гепатитом, лежал в инфекционном госпитале. Рядом лечились ребята от дизентерии, малярии, брюшного тифа – уже подзабытым в СССР болезням, но весьма распространенным среди местного населения, а, соответственно, и среди советских военнослужащих. В госпитале Салихян отметил и свое двадцатилетие. Это было самое неподходящее место для праздника. И тем не менее «ходячие» ребята сделали из печенья и сгущенки торт, заварили крепкий чай. Этот

день рождения Салихян запомнил на всю жизнь. Отдельная история – письма. Про трудности и боевые действия Салихян домой не писал, чтобы родители и друзья не волновались. Описывал местную погоду, обычаи, рассказывал про товарищей и командиров, обо всем, что было не запрещено военной цензурой. В ответ получал согретые душевным теплом письма, которые хранил и при случае перечитывал.

вновь увидеть звезды над ночным Кабулом, такие яркие-яркие...

Сыну Салихяна уже 10 лет, он учится в 20 школе г. Полевской и занимается в военно-патриотическом клубе «Ратник». Иногда интересуется: «Из чего стрелял? Много врагов убил?» Сисамбаев не торопит события, подрастёт – узнает о войне в Афганистане побольше, отец обязательно расскажет.

За выполнение интернационального долга рядовой Сисамбаев награжден грамотой Президиума Верховного Совета СССР и медалью «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа».

Сисамбаев часто созванивается с однополчанами, которые живут сегодня в Башкирии, Тюменской и Челябинской области, иногда получается встретиться, поговорить, порыбачить. Боевую дружбу не забыть, это он знает точно. Афганистаном Салихян интересуется до сих пор. Смотрит по карте, что на месте, где стояла их часть, уже жилая застройка. Время идет, но так хочется вернуться в молодость,

Алексей Николаевич Страшков родился в селе Казаковское Талицкого района и получил начальное образование в восьмилетней школе, которая в настоящее время носит имя легендарного

разведчика Героя Советского Союза Николая Кузнецова.

После окончания школы он поступил в Свердловский педагогический колледж имени А.М. Горького, где получил образование учителя физической культуры. После окончания колледжа работал в Юшалинской школе, а затем решил пойти на военную службу. Несмотря на то, что учебный год был не закончен, он был призван на действительную военную службу, хотя изначально это было причиной отказа в армейской службе.

Вначале рядовой Страшков находился в учебном подразделении на территории Латвийской ССР, где он по письмам узнал, что его друг уже отслужил, да не где-нибудь, а в Афганистане. Решив также отправиться в эту страну, он написал рапорт на командира части и уговорил это же сделать двух своих земляков. Примерно через месяц после написания рапортов, Алексей и его земляки были вызваны к приехавшему из Москвы полковнику, который начал проверку. В ходе проверки ребятам задавали вопросы о том, кто они такие, почему и зачем приняли решение отправиться в воюющую страну. После этого все

заполнили анкеты. Через несколько месяцев в подразделение, в котором служил Алексей, поступило еще несколько анкет от офицеров. Прибыл майор, который передел всех изъявивших желание служить в Афганистане в гражданскую форму одежды и сфотографировал. Затем эта группа прошла медкомиссию в г. Елгава. И... всё стихло.

Алексей уехал в Калининград к новому месту службы на узле связи Московско-Минской орден Ленина, дважды Краснознамённой, орденов Суворова и Кутузова дивизии. А через некоторое время на узел связи пришла телеграмма, что он должен выезжать к новому месту службы на следующий день. Так Алексей Страшков оказался на территории Афганистана.

После того, как брат Страшкова отслужил в армии, он вместе с отцом прилетел в Калининград, где в то время служил Алексей. Только они двое знали, куда он отправляется. Мать же узнала о службе сына в Афганистане совершенно случайно. В 1987 году сын случайно отправил ей к 8 марта пакистанскую открытку с поздравлением, после этого тайна была раскрыта и в Афганистан полетели «письма со слезами».

Отряд Алексея Страшкова улетел в Афганистан в декабре, в Москве стояли морозы. А попали сразу в лето – на термометре +25 градусов. Осень и зиму в Афганистане обычно идут дожди, а в феврале начинается по-настоящему «летний» климат, в это время там расцветают тюльпаны. «Поля тюльпанов красных и белые вершины гор», – описал на Родину в первом письме домой свои впечатления Александр. К температуре вплоть до +50 градусов новички привыкли довольно быстро и переносили жару относительно легко.

Отряды связистов, воюющие в Афганистане, не имели официальных названий. После прибытия на Кабульский аэродром солдат встретили строгие люди в гражданской одежде, которые посадили вновь прибывших на распространённое в армии тех лет транспортное средство – ГАЗ-66 и началось распределение по так называемым «точкам» на узлах связи в столице Афганистана Кабуле, где каждая группа выполняла специальные задания по разведке и сбору секретной информации, а также координации действий с подразделениями афганской армии. «Самыми запоминающимися моментами службы в Афганистане, – считает Алексей Страшков, – были дни, когда ты на «точке».

Отношения между военнослужащими, по воспоминанию Страшкова, были хорошими. Взаимное уважение было на высоком уровне, все старались поддерживать друг друга, потому что на многих «точках» по 15 советских солдат и много афганских. Хотя иногда возникали проблемы с афганскими сослуживцами из-за различий в культуре и взглядов на добросовестную службу. Отношения с афганскими офицерами были тоже очень хорошими, ведь большинство из них окончили советские военные учебные заведения, свободно владели русским языком. Также было много переводчиков, которые при необходимости помогали советским и афганским военнослужащим общаться. Самый трудный момент в общении заключался в многозначности русских слов. Например, слово «кисть» имеет много значений: кисть руки, кисть ягод, кисть художника. У афганцев таких слов нет, они искренне не понимали смысла некоторых словосочетаний, поэтому переводчики были необходимы.

Солдаты проживали в казармах, построенных еще французами. К тому времени, по солнечному календарю Хиджры, в Афганистане был 1406 год. Все казармы были обнесены колючей проволокой. Внутри была столовая, где солдатам можно было готовить привычную пищу, а офицеры питались в столовой, где им готовили афганцы. Но офицеры часто заходили в столовую, чтобы поесть любимые блюда. В основном, на первое, второе и третье подавалась каша. Кроме того,

было много сгущенного молока, сливочного масла, которые и солдаты, и офицеры, с радостью ели.

Кстати, казарма, где жил в годы армейской службы в Афганистане Страшков со своими сослуживцами, до сих пор существует и находится в пригороде Кабула – в лагере Карга. Её даже можно найти на карте, если приложить старание и некоторые усилия.

Не со всеми сослуживцами по Афганистану у Алексея Страшкова остались хорошие отношения. В основном, конечно, из-за проведения российскими войсками специальной военной операции на Украине. Общение осталось, говорит ветеран, но уже «не на том уровне». Сам Страшков к операции относится с одобрением. Он много общался и, по возможности, продолжает общаться с участниками Великой Отечественной войны и тружениками тыла, поэтому хорошо знает, через какие трудности и лишения они прошли, выстояли и победили. Он хорошо понял, что нацизм не может привести ни к чему хорошему, и его проявления надо тут же пресекать любыми способами. Он считает, что надо было вмешиваться в ситуацию, которая складывалась на Украине с притеснением русскоязычных людей, раньше, но и сейчас не поздно вырвать этой змее жало.

В преддверии распада Советского Союза все участники Афганской войны уже вернулись на Родину. В 1990-1991 годах Алексей работал в Доме культуры села Казаковское и тогда удалось собрать на концерт, приуроченный к годовщине дня вывода ограниченного контингента советских войск из Афганистана, всех ветеранов-«афганцев» Талицкого района. Это был огромный концерт для такого небольшого населенного пункта, а после него собрались в столовой местной школы. Второй раз вывод войск отметили в Бутке, третий – на территории бывшего пионерского лагеря «Сосновый бор», где также приняли участие ветераны-«афганцы» и руководство района.

После выборов президентом России Ельцина «всё затихло» вплоть до 2000-го года. А 28 июля в Троицком Доме культуры ветераны решили создать свою организацию, председателем которой выбрали Алексея Страшкова. Первое мероприятие было проведено 1 июля – в день памяти ветеранов боевых действий. Организация росла и крепла, сегодня на её счету огромное количество добрых дел.

Службу в Афганистане проходил с 1985 по 1987 год в должности старшего наводчика артиллерийского орудия артиллерийского подразделения, которое дислоцировалось в городе Герат.

Воинское звание – младший сержант.

Награды: медаль «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа».

«В армию я призывался с родной Чувашии после окончания техникума. Попал в осенний призыв, сам напросился в сержантскую школу. Полгода провёл в «учебке» в Черниговской области, где нас готовили для службы в Венгрии, но вдруг пришел приказ отправляться в Афганистан. Нам тут же понаставили прививок «от всего» и через две недели повезли в Ташкент. Мы понимали, куда едем, но родителям я сообщил о том, что служу в Афганистане, только через полгода. Я учился на командира самоходной установки 2С-1 «Гвоздика», но в Афганистане их не оказалось, там были 152-миллиметровые орудия. В итоге я попал в реактивную артиллерию на «Град» БМ21 сначала наводчиком, потом – старшим наводчиком.

Наша батарея стояла в Герате, где я стал служить во взводе по охране дивизии и аэродрома. Всего на «точке» нас было 18 человек. В нашем распоряжении оказались три боевые и три транспортные машины со снарядами. Жили в фургончиках в «капонирах» – мы так называли большую яму, куда загоняли машину, чтобы ее спрятать от возможных обстрелов со стороны душманов.

Осенью бывали сильные дожди. Однажды ночью, заступая на пост, я слез с полатей и оказался по колено в воде. Сапоги плавали. Я выловил их, вылил воду и надел. В заморозки вода в «капонирах» накапливалась и замерзала, и мы, как дети, катались по льду. А в остальном всё было, конечно, предельно серьезно: рядом со спальными местами, в нарушение всех инструкций по хранению оружия в

отдельных, специально охраняемых оружейных комнатах, стояли всегда готовые к бою автоматы. В любой момент они могли пригодиться...

В Афганистане и природа, и погода не похожи на наши, мы были к ним не приспособлены, и многие болели. Я сам перенес тиф в легкой форме, лечился в инфекционном госпитале, благо он находился недалеко от нашей «точки». Один солдат во взводе у нас трижды болел гепатитом – в конце концов его отправили в Советский Союз.

Особого страха я не ощущал, хотя и был на войне. Мы стояли на «точке» внутри дивизии, обстрелы шли, но не по нам, а по аэродрому.

Наше присутствие в Афганистане было очень важно. Если бы первыми вошли не мы, то это были бы американцы, которые оказались бы на границе с Советским Союзом и история могла пойти по-другому. Мы исполняли свой долг, воевали за Родину. Да и как раньше было: в

армии не служил – какой ты мужчина? Вот и я пришел в Афганистан мальчишкой, а вернулся мужчиной. С однополчанами, увы, мы не общаемся. Но здесь, в Верхней Пышме, у нас дружная компания «афганцев», мы часто собираемся. В нашем местном Музее военной техники я бываю часто, чтобы посмотреть на свое боевое орудие, с которым прошел бок о бок эти полтора афганских года».

Подполковник в отставке. Родился в 1953 году. Его отец служил на границе. Сначала рядовым, потом остался на сверхсрочную. Поэтому не удивительно, что появился на свет Рашит в городе Пяндж Таджикской ССР, который находится на самой границе с Афганиста-

ном. Вообще, воинские традиции у Рашита Рахимзяновича были заложены с самого детства. И судьба, можно сказать, была предрешена.

Когда мальчику исполнилось шесть лет, семья переехала в город Серов. Здесь Рашит закончил школу. Затем учился в Тюменском высшем военно-инженерном командном училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, стал офицером. И в Афганистан попал уже с большим военным опытом.

А до этого офицер Фаткуллин 5 лет отслужил в Ленинградском военном округе. Начинать службу в инженерно-саперном полку командиром инженерно-саперного взвода, занимался разминированием. Всю Ленинградскую область объездил. После Великой Отечественной войны там еще находили различные взрывоопасные предметы.

Почти каждую весну выходили на поверхность снаряды, мины времен войны. Поступала заявка, отделение солдат во главе с офицером выезжало на разминирование.

А вскоре старшему лейтенанту Фаткуллину, имевшему к тому времени уникальный опыт разминирования, предложили отправиться к дальнейшему месту службы в Афганистан, чтобы показать свои знания и навыки в боевой обстановке. Было тогда самое начало военного конфликта на территории Демократической Республики Афганистан.

«Мы после нового 1980-го года заходили туда, – рассказывает Рашит Рахимзянович, – приходим 3 января после новогодних праздников на службу, командованию сообщают, что наш инженерно-саперный батальон разворачивается до штата военного времени. Получили технику, людей, сформировали взводы, роты и батальон полностью, погрузились в эшелон и отправились в Краснознаменный Среднеазиатский военный округ. Пять суток добирались до Термеза. Приехали, разгрузились. На разгрузочной площадке познакомились с офицерами, которые уже побывали «за речкой», мы их спрашивали. На полигоне за две недели нас перевооружили,

переделали всех: офицеров, прапорщиков, сержантов, солдат в одну форму. Выдали каски, оружие. Потом колонну сформировали. Фаткуллин ехал старшим на ЗИЛ-131, с шестью тоннами тротила в кузове. Перешли Амударью по понтонному мосту, тогда моста Дружбы еще не было, и за первый день дошли колонной до Пули-Хумри. Там база была, стоянка. На следующий день пошли на перевал Саланг. Зима, машины у неопытных водителей глохнут, скользят назад, а сзади наша машина с шестью тоннами взрывчатки. Приходилось в пургу идти пешком впереди машины, показывать водителю дорогу. Тоннель Саланг переехали, а это почти три с половиной километра, спустились в Чарикарскую долину. И в Чарикарской долине, недалеко от города Чарикар стали обустраиваться. Голое место, одни камни. Там мы стали обживать и попутно выполняли уже боевые задачи. Был сформирован 45-й отдельный инженерно-саперный полк».

Служба у саперов в Афганистане была специфическая: минирование троп, по которым душманы завозили караванами оружие из Пакистана, разминирование, включая хитроумные мины-ловушки.

Выходили на зачистку аулов вокруг расположения. Были и рейды. Сначала на Джелалабад, потом до Асадабада. Летали на вертолетах, разведывали тропы душманов на границе с Пакистаном, наносили их маршруты на карты. К следующему вылету на вертолеты вместо пусковых для НУРСов подвешивали по два контейнера с каждой стороны, в них капсулы по 72 противопехотные мины. Выпускали капсулы над тропами – минировали. Несколько раз выходили в засады. По полученным данным приезжали, выходили на тропу, выставляли датчики, которые затем подавали сигнал, что по этой тропе прошла банда. Саперы шли в засаду, выбирали участок, устанавливали мины МОН-50, МОН-100, МОН-200, натягивали провода, ставили машинки и ждали душманов. Остальное – дело техники.

Участвовали и в крупных операциях по выкуриванию душманов из пещер. Там много ребят погибло. Мины приходилось тащить к самому входу, чтобы подорвать, с целью завалить проход. Пехота прикрывает, а сапер ползет, ящик тротила 25 кг за собой тащит...

С десантно-штурмовым батальоном из Джелалабада в рейды ходили. Однажды в штаб 40-й армии по вызову ездили, довелось проверять дворец Амина с собаками, которые перед этим поступили из центра подготовки в Нахабино, под Москвой. Нюх отличный у них был. Специально проверяли: ставили в кабинете противотанковую мину, собака идет по коридору – у двери садится. Тоннель на перевале Саланг поехали с собаками проверять. Им равнинным на большой высоте тяжело стало работать без адаптации, но ничего, справились собачки.

Каждый день рядом со смертью. К этому привыкнуть невозможно. Солдат, а их во взводе Фаткуллина было 23 человека, учили не на пальцах, а на конкретных боевых операциях. Сначала показывали, потом проверяли, контролировали, помогали в разминировании. За 11 месяцев, что офицер прослужил в Афганистане,

убитых в его взводе не было, только три сапера получили ранения.

«Я вам скажу – мне очень повезло, – улыбается Рашит Рахимзянович, – был очень хороший контингент солдат. Я их с благодарностью вспоминаю. До сих пор крепки и традиции боевого братства, сплоченности и взаимовыручки, закаленные в годы войны. Мы не теряем друг друга из вида, поддерживаем общение, когда есть возможность – очно, когда нет – в социальных сетях».

Рашит Фаткуллин прослужил в Вооруженных силах 27 с лишним лет, из них почти 2 года в Афганистане. Это, по его словам, были самые впечатляющие годы, которые надолго врезались в память. Тем более, это был самый начальный период войны. Годы службы забыть невозможно. До сих пор он помнит все точки на карте, все передвижения, конечно, боевые задания, товарищей по оружию.

После Афганистана Рашит Рахимзянович жил и служил в разных регионах. А заканчивал службу на Украине. В Серов окончательно вернулся в 2015-ом году.

Важнейшим делом своей жизни ветеран боевых действий считает сохранение истории и памяти, поэтому всегда активно участвует в мероприятиях по патриотическому воспитанию молодежи. В первую очередь, конечно, это касается родной школы № 23.

«Я, когда учился в выпускном классе, – вспоминает Рашит Рахимзянович, – участвовал в организации Музея боевой славы 363-й Уральской стрелковой дивизии. Долго работали, тогда Интернета не было. Все приходилось искать в книгах, в библиотеках. Я 40 с лишним лет здесь не был. Но я приезжал сюда. У меня отец, мать, четыре сестры, все в 23-й школе учились».

Музей, в первую очередь, нужен молодежи. Чтобы знали и помнили нашу историю. Историю настоящую, а не ту, которую придумывают на Западе. Кто хорошо знает историю, тот чтит память о своих дедах, прадедах.

Андрей Александрович Фёдоров родился 5 июля 1969 года в городе Серов. Закончил училище и получил средне-специальное образование.

В 1987 году Фёдорова призвали на службу в ряды Вооруженных Сил Советского Союза. Эшелоном привезли в юго-западный пригород Ашхабада, в учебное подразделение Кишинского мотострелкового полка. Молодые воины с утра до вечера обучались, в основном, выносливости. С изнурительным изнеможением и в полной экипировке, не менее 20 кг, поднимались в горы, а там опытные инструкторы обучали их, как правильно занимать боевые позиции, десантироваться из вертолётов и поражать противника. Кстати, Кишинский полк готовил служащих не только для службы в Афганистане, но и в качестве советников в другие страны с особо жарким климатом, в том числе и на Кубу.

Кого куда распределяют после окончания учебного подразделения, конечно, держалось в тайне. Когда прозвучало слово «Афганистан», страха Андрей Фёдоров не испытал, внутренне он был готов и к такому повороту судьбы.

В Афганистане Фёдоров служил в 1988-1989 гг., в должности стрелка, потом водителя бронетранспортёра. Часть располагалась в Пули-Хумри провинции Баглан.

Конечно, многое оказалось, не как в книжках. Это был свой опыт, свое взросление. И это была невероятно тяжелая, опасная работа. Водители, как правило, не воевали непосредственно, но обеспечивали доставку личного состава и груза в назначенное место, находясь под постоянным

прицелом. Водители хорошо просматривались на дорогах, их одними из первых выцеливали снайперы противника, ведь стоящая без движения машина – прекрасная цель, её можно обстреливать, забрасывать снарядами. Все ребята подразделения старались водителей беречь. Разные, конечно, были в подразделении парни: прибалты, украинцы, армяне и другие, но тогда, перед лицом опасности, меньше всего задумывались о национальной принадлежности. Критерий был один:

на тебя можно положиться или нельзя.

Советские военнослужащие были уверены, что несут благополучие и цивилизацию в страну с практически феодальным строем. Тогда поддерживалась великая идея мирового социализма. Продолжалось военно-политическое противостояние СССР-США. Нельзя было сбрасывать со счетов и страх перед проникновением в нашу страну исламского фундаментализма с его наркотической базой.

Свой самый тяжелый день в Афганистане Андрей... не помнит. Конечно, они были, и не один, сколько вон километров «намотано» по

смертельным афганским дорогам, но память со временем выкинула их из головы, чтобы не перегружать мозги тяжелыми воспоминаниями. Такая вот, можно сказать, лечебная амнезия. Хотя время от времени память прорывается сквозь заслоны. Однажды на улице проезжавшая мимо машина буквально выстрелила выхлопными газами, Фёдорова сразу будто обожгло: вновь перед глазами появилась разбитая афганская дорога, спасительная колея, клубы пыли, слышались команды командиров, встревоженные голоса друзей.

И сны снились про службу в Афганистане. Сначала часто, почти через день, но с каждым годом всё реже и реже.

И мысли приходят – как там живут-поживают его сослуживцы? Вот бы встретиться с ними опять...

Дослуживал срок военной службы Фёдоров в Кушке Туркменской ССР – самом южном городе СССР. Так что поговорка «Дальше Кушки не пошлют», – не про него. Послали на прикрытие государственной границы СССР.

Уходил в Афган я мальчишкой, – вспоминает Андрей Фёдоров, а вернулся настоящим мужчиной. Живой, здоровый, не всем ребятам так повезло.

Уже после возвращения из Афганистана Андрея Фёдорова вызвали в Серовский военкомат, где торжественно вручили медаль «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа» и Грамоту от Верховного Совета СССР.

■ Легендарный командир батальона 56-й отдельной десантно-штурмовой бригады. Родился 8 мая 1947 года в городе Шадринск Курганской области в семье военного. Потомственный офицер в третьем поколении. Его дед, Степан Никитич, офицер русской армии, участник русско-японской, а затем и первой мировой войн. Отец, Василий Степанович, офицер Красной Армии, в конце Великой Отечественной войны был начальником штаба стрелкового полка.

Интернациональный долг в Афганистане Леонид Хабаров выполнял с 1979 по 1980 и с 1984 по 1985 годы. Награжден орденами Красного Знамени, «За военные заслуги», а также медалями.

Леонид Васильевич не только продолжил военную династию Хабаровых, но заложил новую семейную традицию – служить в воздушно-десантных войсках, признанных боевой элитой Российской Армии. Оба его сына – Виталий и Дмитрий – закончили Рязанское воздушно-десантное командное училище, воевали против бандформирований в Чечне, награждены боевыми наградами.

«С детства я хотел быть летчиком. Тогда, наверное, все мальчишки мечтали стать космонавтами или летчиками. Окончил вечернюю школу, после которой в профессионально-техническом училище получил профессию экскаваторщика, год проработал на производстве. Потом пытался поступить в авиационное училище, но из-за сломанной во время боксёрского поединка носовой перегородки в лётчики путь мне был закрыт. Врач на медкомиссии так и сказал: «Дело безнадежное, а вот Воздушно-десантные войска как раз для тебя».

Время позволяло в тот же год попытаться поступить в Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище, я документы сдал, поехал поступать, но сначала заехал к своим. Тогда еще батя был жив и дедушка. Дедушка старый, он еще до революции служил, спрашивает: «Куда едешь?» «Да вот», – отвечаю, – «в военное училище поступать». А он: «Как же так? Не послужив? Надо сначала попробовать».

пота солдатского». Я в Нижний Тагил приехал, записался в парашютный клуб при военкомате, прыгнул 4 прыжка и в ноябре 1966 года был призван в Воздушно-десантные войска. Служил в Прибалтийском и Московском военных округах. После окончания артиллерийского учебного центра служил в десантном полку командиром минометного расчета, заместителем командира взвода.

В 1972 году надел на плечи лейтенантские погоны и по собственному желанию отправился к новому месту службы в 105-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию Туркестанского военного округа, которая дислоцировалась в Фергане. Принимал участие в учениях, в результате которых впервые в истории ВДВ было проведено десантирование бойцов на высокогорный ледник. Но вскоре дивизия была расформирована, а меня назначили командиром 4-го десантно-штурмового батальона создававшейся тогда 56-й отдельной десантно-штурмовой бригады.

Через месяц, 25 декабря 1979 года, нашу десантно-штурмовую бригаду подняли по тревоге. Начальник штаба округа, фронтовик,

генерал-майор, поставил мне задачу, которая уместилась в одну строку: «Вот, сынок, афганский перевал Саланг», – сказал он мне, – через сутки он должен быть взят. Это боевая задача». Почти пятьсот километров мы прошли за 22 часа непрерывного марша. В восемь часов Саланг был наш, взяли на два часа раньше. Туда вошли как нож в масло. Приходит ко мне начальник штаба батальона Алексей Хмель, царствие ему Небесное, и говорит: «Сейчас по радиоканалам передавали сообщение ТАСС, что присутствие советских войск в Афганистане является злым вымыслом империалистической реакции». А мы уже сидим.

Вот так и получилось, что 4-й батальон 56-й отдельной десантно-штурмовой бригады под моим командованием первым из ограниченного контингента советских войск вошел в Афганистан. За 22 часа военнослужащие батальона прошли 450 км без потерь личного состава и взяли перевал. Уже позже исследователи истории афганской войны сделали вывод, что, взяв под контроль самый высокогорный перевал в мире, мои бойцы обеспечили проход советским войскам в Афганистан, а я стал первым командантом Саланга. Но тогда, конечно, об этом никто из нас не думал.

Саланг – стратегический перевал в Афганистане, в горах Гиндукуш, связывающий северную и центральную часть страны. Высота почти 4 тысячи метров. Через перевал идёт автомобильная дорога, являющаяся важнейшей жизненной артерией в экономике Афганистана. На ней, кроме тоннеля Саланг, построено одиннадцать километров железобетонных галерей, защищающих дорожную магистраль от снежных лавин.

Несколько месяцев, проведенных на перевале, нам пришлось действовать в очень тяжелых условиях высокогорья, при сильном северном ветре, снегопадах, нехватке кислорода. Успешно отбивать атаки и не прерывать транспортное сообщение в таких обстоятельствах удавалось исключительно благодаря личным навыкам и подготовке. Именно в результате упорных тренировок, постоянной работы с личным составом были сохранены жизни многих бойцов.

В конце марта 1980 года я получил приказ готовить свой десантно-штурмовой батальон к боевым действиям в Панджшере.

Батальон стоял тогда между Джабаль-Уссараджем (выход с юга – на перевал «Саланг», с востока – на Панджшер) и Чарикаром. Для подготовки операции отвели примерно неделю. Мы изучали карты района боевых действий, собирали сведения о противнике и местности. Приняли решение на боевые действия и органи-

зовали плановую к ним подготовку. Проводили рекогносцировки, готовили технику и вооружение, создавали необходимые запасы.

Батальону была поставлена задача: пройти вдоль долины до последнего кишлака ущелья Панджшер, находящегося под контролем полевого командира Ахмад Шаха Масуда, и вернуться назад. Ахмад Шаху подкинули дезинформацию. А он – толковый, грамотный мужик, у него уши и глаза, как мне сказали, были во всех правительственных афганских структурах. И мы этим ушам подкидывали информацию: мы по-русски говорим, а они вроде ничего не понимают. Говорим, что не на Панджшер готовим операцию, а на Бамиан – в обратную сторону. Он принял эту дезинформацию на сто процентов, мало того, Ахмад-Шах часть своих отрядов отослал в Бамиан на усиление. Мы весь Панджшер прошли насквозь до последнего кишлака, дальше уже была пакистанская граница. Вдруг срочно команда возвращаться. Как, зачем, почему, в чем дело? Как можно так – пришел-ушел! Это, как берлогу медведю разворотил и убежал. Старики вышли, говорят: «Шурави», оставайтесь, будем подчиняться, зачем уходите, забрали у нас последние дедовские ружья, завтра душманы придут, чем защищаться будем?» Я спрашиваю у командира приданного подразделения афганской армии «Почему вы мирных жителей бросаете, оставьте им хоть дедовские

ружья». А он в ответ: «Приказа не было». И тем более, разговоры про эту ситуацию ведут в ночное время по открытой связи.

Из-за этой беспечности почти на всем обратном пути батальон подстерегали вражеские засады. Передвигались пешком, впереди шли охранные группы разведчиков. По ним ударили из засады. Мы к голове колонны выскочили, отбили их, ну и нам досталось, сами попали под сильный пулеметный огонь. Я успел пару

прицельных выстрелов сделать, а потом получил одну пулю, вторую. Разрывная пуля раздробила мне плечевую кость, вторая поразила ту же руку ниже локтя.

Кабульские хирурги совершили чудо – пришили висевшую на кусках кожи руку, с которой я уже мысленно попрощался. Ташкентские врачи вывели из тяжелого общего состояния. Затем в Москве лечение продолжили в Главном военном госпитале имени Бурденко и в отделении острой травмы Национального медицинского исследовательского центра травматологии и ортопедии. Врачи сделали очень сложную операцию, и руку удалось отстоять. Спасибо огромное нашим врачам и медсестрам.

Ближе к выздоровлению пошли разговоры о том, что пора на пенсию по инвалидности, кто после такого ранения служить будет... Но я чувствовал, что еще много могу сделать, тем более с таким опытом боевых действий.

Начал постоянные тренировки, требовались огромные усилия, чтобы заново научиться шевелить пальцами, поднимать руку хотя бы на пару сантиметров. Поставил перед собой новую цель – не только руку сохранить, но и заставить ее работать. Чтобы научиться поднимать руку на пять-десять сантиметров потребовалось около года, через полтора — зашевелились пальцы...

Между двумя операциями сдал вступительные экзамены в Военную академию имени Фрунзе. После долгого лечения написал рапорт на имя министра обороны с просьбой остаться в армии. Получил назначение на должность командира кадрированного мотострелкового полка в поселке Азадбаш Узбекской ССР и звание подполковника. Но через четыре года спокойной, размеренной, не особо обременительной службы, чтобы не «прокиснуть», сам попросился в Афганистан.

Вторая моя командировка в Афганистан продлилась с октября 1984-го по сентябрь 1985-го года в должности начальника штаба 56-й отдельной десантно-штурмовой бригады. Выполняя боевую задачу по проводке колонны автомашин с продовольствием на границу с Пакистаном, мы благополучно миновали одно из самых опасных мест – ущелье Шикарак, как раздался сильный взрыв и меня буквально снесло с машины. И кинуло под когда-то сгоревший, сваленный с дороги танк. Так получил второе тяжелое ранение – была перебита ключица, сломано три ребра, повреждена правая рука, за которую я так упорно боролся...

После второго тяжелого ранения военную службу пришлось оставить. Такое ощущение, будто часть сердца потерял».

Службу в Афганистане Айдар Хикматуллин проходил с 1981 по 1983 год в должности водителя автомобиля «Урал» в автомобильном батальоне, который дислоцировался в Северном Кундузе.

Награжден медалью «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа».

«Я призвался служить в армию в 19 лет по собственному большому желанию, но сначала меня не брали... После окончания ПТУ я работал на оборонном заводе, поэтому у меня была «бронь» от службы. Но меня это не устраивало, так что я временно устроился в леспромхоз, и оттуда предъявил справку в военкомат.

Сбор назначили на 2 апреля 1981 года, так что друзья даже не поверили, когда я пригласил их на провода. Все думали, что это первоапрельская шутка. Правда, я тогда не знал, что попаду в спецнабор для отправки в Афганистан. А как узнал – сник немного, но куда уже было деваться?

Сначала мы три месяца проходили учебную подготовку в Термезе на границе между Узбекистаном и Афганистаном. А затем меня отправили на Северный Кундуз. Те места неприятно меня поразили: после пышных термезских садов мы оказались в пыльной пустыне.

А однажды при нас случилось землетрясение – никогда не забуду, как качает автомобиль, как земля под ногами ходит ходуном, даже с ног сбивает.

В афганской войне я оказался в первой волне призывников, поэтому помню, как менялось отношение местного населения к советским войскам: от нейтрально-дружелюбного на первых порах до настороженно-враждебного, когда начались активные операции против «духов», от которых, кстати, в большей степени страдало и мирное население. Во время боевых действий разрушались дома и кяризы, которые орошают земли, гибли простые люди.

Я служил в автобате водителем автомобиля «УРАЛ» и, в основном, занимался доставкой продовольствия, боеприпасов, одежды из Советского Союза в Афганистан. Почти каждый рейс случались обстрелы со стороны душманов, а также колонны попадали в засады, автомобили наезжали на мины. В одном из таких происшествий, уже перед отправкой домой, я потерял друга, и это самое тяжелое воспоминание, связанное с той войной.

9 июня 1983 года колонна примерно из сотни автомобилей следовала из города Кундуза в город Пули-Хумри, от нашего батальона там было 10 машин. Впереди ехал БТР, за ним старший колонны старший лейтенант Абашин, потом я, за мной – Саша Чернышев. Обстрел начался, когда мы заехали в северный Баглан – его называли «город-призрак», там было много «зелёнки» – опасных дебрей виноградника, и полуразрушенных глиняных домов, в каждом из которых могла притаиться опасность.

Сначала на дороге подорвался БТР, который перекрыл нам дорогу, и тут началось! Колонна встала. Я выскочил с автоматом и залез под «Урал» между колес, начал стрелять в «зелёнку», рядом «палили» мои друзья – Пестов и Чернышев. Во время любой боевой операции мы всегда старались держаться вместе. Через какое-то время все стихло. БМП стала объезжать нас и сталкивать подорванный БТР с дороги, освобождая проезд, немного погодя колонна двинулась дальше. Но вдруг подбили БМП, и обстрел начался по новой. Выскочив из машины снова, я спрыгнул в арык – оросительный канал, и начал отстреливаться. Впереди я видел Пестова. А вот Чернышев куда-то пропал, поэтому мы с Пестовым поползли проверить его машину. В кабине Саши не было, но

в ней зияли дыры от пуль. Я огляделся вокруг и увидел Чернышева в яме, пули ему попали в бедро. Сашка был санинструктором в роте, и у него хранился медицинский чемоданчик. Мы пере-

прикрывал нас огнем из автомата, а машину повел другой водитель. Так нам удалось вырваться из-под обстрела. На подъезде к южному Баглану с обеих сторон вдоль дороги мы увидели гаубицы — из них в нас выстрелили, да так, что меня оглушило ударной волной. Как только стекла у машины не выбило! В итоге мы остановились в Южном Баглане, а Чернышева повезли в госпиталь в Пули-Хумри. Вечером, когда мы туда приехали, нам сказали, что Сашка и

вязали и перетянули рану. Чернышев попросил забрать его автомат, а мы успокаивали товарища, что все будет хорошо — рана, на первый взгляд, казалась пустяковой. Прилетела наша «вертушка» поддержки и стала обстреливать «зелёнку». Наконец, удалось освободить дорогу, но нападение продолжалось. Мы поместили Сашу в его «Урал» с пассажирской стороны, Абашин

еще один наш товарищ из автобата — Мурад Гарраев, скончались от ранений. С тех пор каждый год 9 июня, в день гибели Чернышева, я и трое наших боевых товарищей встречаемся на его могиле — уже больше 30 лет, а потом обязательно заезжаем к Сашиним родителям. В память о друге каждый из нас четверых назвали своих сыновей Александрями».

Коренная свердловчанка Наталья Цихалевская родилась 7 декабря 1954 года. Закончила Свердловское городское медучилище № 2, раньше оно находилось по адресу: проспект Ленина, дом 16, сейчас –

на Визе. Примечательно то, что сейчас она живет на том месте, где родилась, потому что после приезда из Афганистана получила квартиру за Дворцом молодёжи.

Медицинским работником Наталья Цихалевская мечтала стать с раннего детства. В отличие от подружек, все её куклы были перебинтованы и носили следы других детских «операций». Но у родителей на дочь были другие планы. Так что Наталья закончила музыкальную школу, играла на фортепиано. Потом девочке купили пианино «Урал», и у неё появилась еще одна мечта – побыстрее его продать и купить... шубу.

В итоге, обе мечты сбылись, работа нашлась, а что дальше?

– В Афганистан уехала добровольцем, вспоминает Наталья, – так как я медработник, то была военнообязанная. Раньше сложно было медикам, как, впрочем, и сейчас: нет жилья, зарплата 60 рублей – это довольно-таки мало даже в перерасчете на деньги того времени. Наступила какая-то такая черта, которая у каждого человека бывает в жизни. Мне было 32. Казалось, что всё, дальше не знаю, что делать. Я в этот момент встретила хорошего человека, который, как я знала, работал в Комитете Государственной Безопасности СССР, который приехал в отпуск. Он работал в Афганистане, семья жила с ним. Мы разговорились, а у меня такое было состояние, что говорю и плачу.

Тогда он сказал, что мне нужна хорошая встряска. И на вопрос: «Какая?» предложил поехать работать в Афганистан.

Я подумала-подумала и пошла в военкомат. Стоит очередь, много людей. Говорят: «Мне в Польшу», «Мне в Германию», иногда добавляют «Только не в Афганистан». А я подхожу и говорю: «Мне только в Афганистан». Сотрудники

военкомата вначале меня не поняли, подумали, что ослышались: «Только или не только?» Пришлось повторить, что поеду лишь в Афганистан, больше никуда. А вещи уже были собраны.

Я Стрелец по гороскопу и характеру. Решила, сделала и забыла. Методом исключения – это принцип моей жизни до сих пор. Если что-то нужно сделать обязательно, то не надо откладывать. Чем быстрее, тем лучше.

Раньше об Афганистане, тем более о войне на его территории она слышала мало, т.к. раньше это закрытая была информация. Это сейчас есть Интернет, все всё знают. Пару раз она сходила в библиотеку, где пыталась хоть что-то найти про страну Афганистан. Конечно, что там находятся наши ребята Наталья слышала, но про военные действия говорили только на кухне и шёпотом. Один папа повысил голос и сказал, что дочь ненормальная. Он всегда следил за новостями и говорил, что нас там не должно было быть.

В Афганистан Наталья прилетела 1 июня 1986, домой вернулась 1 июля 1988 года. Работала медсестрой в инфекционном госпитале.

Была сначала в Ташкенте в пересыльном пункте. Распределили в легендарный «полтинник» – 350-й гвардейский парашютно-десантный Краснознамённый ордена Суворова полк 103-й воздушно-десантной дивизии. На пересылке было так: в частях, где не хватало сотрудников, старались добавить кого-нибудь. Так Наталью привезли в инфекционный госпиталь напротив аэродрома. Из части, в которой она была прикомандирована, оказалась в другой – в кабульской мобильной бригаде, врачи и медсестры которой вылетали на инфекционные вспышки по всему Афганистану. Были такие заболевания, которые Наталья в Свердловске только по книжкам учила и никогда в Союзе не встречала.

«Мы жили в модульных домах, – вспоминает Наталья Цихалевская, – это были почти что

карточные домики, которые при землетрясении могли «сложиться». То же и при обстреле. Такие временные неосновательные сооружения. Была одна история: мы пошли в душ в соседний модуль. Возвращаемся, и модуля нет, разрушился. До моего приезда были палатки».

Когда Наталья прилетела в Кабул, была одета в сарафан. Нам кажется, что когда жарко, то надо

В Афганистане советские военнослужащие часто болели воспалением легких. Казалось бы, такая жара, почему так? Часто встречалась кондиционерная болезнь. Когда люди приходят домой в модули, включают кондиционеры на всю катушку. Сразу из-за такого резкого перепада температур – воспаление легких. Во многих частях были бассейны. Прыгать в ледяную воду

раздеваться. Жители жарких территорий делают наоборот – одеваются. При прилете местные ей сказали, что температура 55 градусов – это самое то, прохладно. Пока Наталья дошла от аэродрома до госпиталя, то обожгла лицо, плечи и руки. Там солнце абсолютно другое. Например, в Джелалабаде на солнце бывало более 70 градусов.

сразу после перегрева тоже плохая мысль.

Строгого распорядка дня у нас не существовало. Выходных не было, работали по сменам. В модулях стояла радиосвязь, и медицинским работникам передавали куда необходимо ехать.

Питались калорийно, но однообразно: вчера перловка с тушенкой, завтра тушенка с перловкой. Повезло еще, что рыбу соленую завозили. Консервированная картошка в банках была не по вкусу почти всем, кто пробовал.

На территории госпиталя были магазинчики военторга, и все пытались купить что-то вкусненькое. Но при такой жаре, в основном, всё было консервированное.

С формой одежды было построже: халат, колпак. Даже если на выезде в кишлаках. Неважно, что пыль. Когда были командировки на вертолете или самолете, то все переодевались в полевую форму. Медицинские работники представляли СССР, оказывали безвозмездную медицинскую помощь мирному афганскому населению, поэтому были обязаны всегда выглядеть соответствующим образом.

«Мы должны были обязательно доверять друг другу, – вспоминает Наталья Цихалевская, – не было никаких обычных женских разборок. С больными точно также. Они полностью верили нам. Заболевания были такие, что иначе никак. Я работала в тифозном отделении. Там лежали ребята с тифом, малярией, гепатитом и другими заразными болезнями, на которые был так «богат» Афганистан. Для них мы были мамами. Мне, например, было тридцать два года, а больному восемнадцать. Нам рисовали на бумаге открытки, поздравления. У меня они до сих пор сохранились».

Самым тяжелым днем в Афганистане Наталья считает свою первую поездку в кишлак. Обычно встреча с пришедшими на прием больными местными жителями проходила на открытой местности, сидя на коврах. Врачей и медсестёр сопровождала охрана на БТРах. Они всегда просили медработников запомнить всего одно слово: «Уходим!» Как только эта команда произносилась, то надо было бросать всё и прыгать в БТР. Встречи поэтому и были всегда на открытой местности, чтобы можно было быстро уехать.

«Нас однажды пригласили в обычный дом, – вспоминает Наталья. Не могли отказаться. Здания в кишлаке были похожи на улей – окно следующей комнаты выходит на крышу предыдущей. Внутри узкая винтовая лестница, вырубленная в камне, по которой одновременно может пройти только один человек. На третьем этаже – шикарная, богато обставленная комната. Нас хорошо встретили, всё было приготовлено. Начали прием больных. Такую картину раньше

Досуг, кстати, тоже был налажен неплохо для таких условий. Были концерты, приезжали известные певцы и артисты. Проводился конкурс на лучшую медсестру. Новый год всегда праздновали с елкой. Но, представьте себе, елку, где 50 градусов жары. Медсестры красили спички зеленой краской, это была трава. Находили дерево и украшали. Не могли жить без новогодней традиции. Праздничный стол старались украсить чем-то особенным, как можно красивее накрывать. Тем, кто уезжал в отпуск, давали список продуктов. Не всегда всё доходило в желаемом виде. Медработники проявляли находчивость и, к примеру, умудрялись варить сгущенку в автоклаве. Его потом еле-еле отмыли от любимого лакомства.

С коллективом отделения, другими медицинскими работниками и находящимися на излечении военнослужащими отношения были всегда выше среднего, по-другому нельзя было. Кстати, медсестры афганской поры и сейчас продолжают общение. Каждый август женщины собираются на военно-патриотическом фестивале в Бузулуке.

только в фильмах видела. Ползут по лестнице, все в язвах. Первый раз мы столкнулись с такими больными. Страшно было скорее потом, когда вспоминали, а в тот момент не до этого было. Весь проход на третий этаж был забит больными. Когда прозвучала команда «Уходим!», пришлось прыгать из окна. По лестнице проход был забит людьми, через окно, которое выходило на крышу комнаты снизу, тоже нельзя было выбраться: оно было под прицелом. Надо было прыгать в соседнее окно прямо на улицу. Мы доверяли ребятам, что даже не думали. Когда встали на подоконник, они сразу растянули плащ-палатку. И мы прыгнули!

Потом поехали на БТР. Обязательно должны были приехать в райком партии Афганистана, чтобы отчитаться. Подъезжаем к зданию райкома – играет музыка, выстроен почетный караул. Это нас так встречали. Нас пригласили на банкет, который почему-то организовали в бункере, в подвале. Отказаться опять не могли, ведь приехали мы с миссией доброжелательной. Сидим за столом, а состояние внутри... Но закончилось всё благополучно. Когда мы вышли на свежий воздух, то я испытала радость от того, что всё закончилось».

Самым светлым пятнышком в афганской службе было прибытие почты. Письма ждали, даже выбегали на КПП, каждый надеялся, что ему тоже пришло.

Вернувшись на Родину, немного поработав, в 1995 году Наталья создала городской союз медработников-ветеранов войны в Афганистане и стала председателем общественной организации. Члены Союза активно участвуют в военно-патриотическом воспитании молодежи, встречаются с ребятами, проводят Уроки мужества в школах и училищах.

Самыми главными своими наградами Наталья Цихалевская считает медали «Трудовая доблесть» и «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа».

Про Афганистан, работу в госпитале, своих подругах она вспоминает часто. Её тянет вернуться туда, в годы своей молодости. Некоторые удивляются: «Как ты можешь хотеть вернуться туда, где шла война, вновь подвергнуть свою жизнь опасности?» Да всё очень просто. Без громких слов и высокопарных фраз: там она как нигде больше чувствовала себя нужной людям.

Родился в 1959 году в городе Серов. После окончания профессионального училища № 54 в октябре 1978 года был призван на действительную военную службу в ряды Вооруженных Сил СССР. Выполнял интернациональный долг в Демократической Республике Афганистан с 1979 по 1980 г. Место службы – 2 взвод 9 роты 3 батальон 395-й мотострелковый полк.

У каждого из ветеранов боевых действий за плечами большая и непростая история, которая, чаще всего, начинается одинаково: «как и все, пацаном ушёл в армию». Так начал свой рассказ и Виктор Чудов.

В начале служить довелось в городе Волгограде. Кстати, военную присягу Виктор принимал на Мамаевом кургане – священном не только для волгоградцев месте, а, без сомнения, и для всех россиян.

После рядовой Чудов оказался в Калининградской области. Место неплохое, служи да радуйся, но тут началось непонятное. Сначала личному составу части объявили, что все отправляются на уборку в Казахстан. Потом сообщили, что планы изменились, все едут на уборку хлопка в Узбекистан. В конечном итоге, офицеры и солдаты оказались в Афганистане...

Виктор тогда даже не думал, что попадёт в зону боевых действий, но, по его же словам, в Афганистан его как будто вел внутренний голос – после обучения он отказался от возможности остаться киномехаником в армейской учебной части, потом было еще несколько возможностей устроиться на «теплое место». Но, даже оказавшись в Афганистане, Виктор Чудов не мог поверить, что приехал на настоящую войну.

В узбекском городе Термез получили новую технику, оружие, а 25 декабря часть вошла в Афганистан. Через неделю просто подняли всех по тревоге, и поехали. Реку переезжали по понтонному мосту, «Мост Дружбы» тогда еще не построили, бойцы ехали и думали «Ну какая война?» Машины навстречу ехали все разукрашенные, красивые. Виктор вначале подумал,

что это цирк. Но оказалось, что это афганцы так машины разукрашивают.

Где-то километров через пятнадцать колонна остановилась на короткий привал. Там командир всех построил и сообщил, что часть прибыла на территорию Афганистана для оказания интернациональной помощи афганскому народу. Показал на горы вдаль. Сказал, вот туда мы сейчас доедем и передохнем. Виктор возразил: «Товарищ майор, мы не доберемся туда и к вечеру». Таких больших гор Виктор никогда не видел, хотя до этого почти два года ходил в походы с группой из родного 54-го училища, по горам лазить любил и, по его же словам «немного соображал».

К слову, даже спустя 40 лет, ветеран вспоминает, что именно красивые горы Афганистана оказались самыми настоящими врагами солдат. По его словам, ни одно боевое задание не сравнится с постоянной изнуряющей жарой, условиями жизни солдат и страхом перед неизведанными горами, которые, как казалось тогда, не закончатся никогда.

Быт, конечно, был не налажен, первыми быть всегда трудно. Из еды – сухая картошка, которую заливали кипятком и пытались добиться из нее что-то отдаленно напоминающее пюре, одна банка кильки в томате на двух человек. Жили в вырытых землянках, постельное белье никто никогда не менял, стирали самостоятельно, руками. Вот такие были первые месяцы

службы в Афганистане.

А вот про боевые операции Виктор сегодня вспоминает с улыбкой. Говорит, что первые бои давались очень легко, потому что парни просто не понимали куда попали, для них это был повод изучить местность, пострелять из настоящего оружия и почувствовать себя героями. Первое время это и правда больше напоминало детскую игру «в войнушку». Даже первые потери в роте, по словам ветерана, происходили не на поле боя, а по юношеской глупости ребят и элементарному незнанию: у одного взорвалась в руках разрывная пуля, другой неправильно вытащил застрявший патрон из разводной рамки. И все же, по словам Виктора, врагов недооценивать было нельзя, ведь и он сам не остался без боевых ранений. Один из случаев и вовсе мог стать летальным, тогда машину, в которой находился только Виктор и прапорщик, пытались взорвать.

– Ехали на машине из Пули-Хумри, где получили продукты питания. Попали в засаду, взрывы, выстрелы. Очухался от того, что прапорщик орет, как сумасшедший, взрывом ему оторвало руку. Мы упали в кювет, под гору,

машина вроде не горит. Я подскочил, увидел автоматную очередь и сразу лег. А духи ждут, видимо поняли, что нас тут только 2 человека. Счастье, что у меня автомат на шее висел и 4 магазина было, мы их сматывали изоляцией. Мы когда уезжали из полка, дежурный по радиостанции доложил командованию, что машина выехала в полк. И между полком и батальоном было четыре блок-поста. Три мы проехали, а на четвертый не прибыли, нас тут же начали искать. Хорошо сразу услышали стрельбу, поняли, что как будто бой идет. Группа бойцов поехала нам на встречу. Пока добирались к нам, час прошел. Долго рассказывать про эту заваруху, но когда я понял, что помощь близка, то подскочил, и в это

время мне в ногу хлестанули очередью, я упал как подкошенный и больше ничего не помню. Лишившись машины, которая после подрыва не подлежала восстановлению, водитель Чудов переквалифицировался в пулеметчика, а потом в снайпера.

Также в ходе одной из боевых операций Виктор получил две контузии и ранение в голову. По его словам, осколок, который застрял в черепе, смогли вытащить только спустя два года после того, как он вернулся в родной Серов.

Государственных наград за выполнение интернационального долга и за ранения Виктор Чудов, как и большинство «первых», не получил. Официально ведь считалось, что советские войска не участвуют в боевых действиях, а помогают становлению молодой апрельской революции: сажают деревья, строят школы, а значит, и награждать боевыми наградами не за что. Но Виктор об этом не жалеет.

– Мы воспитывались на примерах молодоговардейцев, Зои Космодемьянской, других героев Великой Отечественной войны, были патриотами и романтиками, объясняет Чудов, – сегодня я смотрю на девушек и парней в этом возрасте и думаю: «А мы же такими воевали!»

ты, Чудов, и сказочник!», да и среди ровесников тогда мало кто верил, что в Афганистане идет настоящая война.

А потом началось то, что врачи называют «посттравматический синдром». Виктор по утрам просыпался и боялся, что за ним милиция приехала. В голове ничего не было, одна пустота. А если, не дай бог, кто-то посмотрит не так или толкнет, ветеран тут же, по его словам «из белого превращался в черного». Силы было хоть отбавляй! Виктор даже на заводе перешел в крупносортовый цех, пятнадцать лет тяжелой кувалдой махал.

Сегодня, спустя почти 40 лет после армейской службы, Виктор Чудов большую часть времени уделяет собственному бизнесу и семье, в том числе и любимому внуку Арсению. С ним он ходит на мероприятия ветеранов боевых действий и даже отшил будущему защитнику Отечества его первую форму. Говорит, что внук очень гордится дедушкой и любит его рассказы о службе. В хороших отношениях Виктор и со своими сослуживцами. Развитие технологий помогло ему в социальных сетях найти боевых товарищей из разных уголков страны. Так что общение не прекращается и поныне.

Всего в Афганистане Виктор и его товарищи отслужили один год, после чего вернулись домой. Как вспоминает ветеран боевых действий, адаптироваться к повседневной жизни было сложно, помогала жена Людмила и друзья. А вот на Надеждинском металлургическом заводе, где Виктор Чудов продолжил работать после армии, пришлось не легко, он ведь самый первый был в Серове, кто вернулся из Афганистана. Коллеги вначале посмеивались над его армейскими рассказами: «Ну

Шалобаев Александр Юрьевич, родился в 1962 году в Каменске-Уральском. Интернациональный долг в Демократической Республике Афганистан выполнял с мая 1981 по декабрь 1982 года.

Служил в танковом батальоне в составе 180-го мотострелкового полка. Заместитель начальника управления культуры г. Каменск-Уральский, поэт, член Союза писателей России. За книгу стихов «Воспоминания об Афганистане» удостоен Всероссийской литературной премии имени поэта-фронтовика Венедикта Станцева.

«Я окончил школу в 1979 году. В это время как раз все начиналось в Афганистане. У меня не было какого-то стремления туда попасть. Или не попасть. Так же как, наверное, у большинства ребят, призванных в армию.

Я был в Елани в «учебке» первые полгода. Выучился на наводчика орудия среднего танка. Это было зимой, и я простудил уши. Ничего не слышал неделю. Возили меня в Екатеринбург, вылечили, весной я уже про это забыл. Вся наша рота должна была ехать в Чехословакию. Меня оставляют. Я: «Что такое? Что происходит?». Мне ничего не говорят. Потом выяснилось, что в Чехословакию нельзя было ехать больным и нарушителям дисциплины.

Весной нас сажают в поезд. Один поезд, пересадка, другой. И поехали мы куда-то через всю страну. Все «больные» и разгильдяи – такой был веселый поезд. Гадали: куда же мы едем? Проехали Россию, начались среднеазиатские республики, ничего не понятно, но интересно. Глядишь в окно: другая природа, другие люди, одежда, другие дома, обычаи.

Приехали непонятно куда, пустыня какая-то, место, обнесенное колючей проволокой, палатки стоят. Привезли нас туда, выгрузили. Это был какой-то пересыльный пункт. Ребята, которые там были уже несколько дней, указали в сторону колючей проволоки и сказали, что вот это – граница. На самом юге СССР.

Мы пробыли там несколько дней. Потом – в аэропорт, и вот мы летим. Куда, не знаем. Догадывались, конечно, но только в самолете нам сказали про Афганистан. Не знаю, зачем нужно было из этого делать такую тайну. Сотовых телефонов в то время не было. Ерунда какая-то. Многие в то время было непонятно, но зачем-то нужного.

Летим. Внизу горы, горы и горы. Серо-красноватые, бескрайние. Ни зелени, ничего. Приле-

тели в Кабул. Там санитарная палатка огромная стоит. С одной стороны в нее все заходят, с другой выходят. Нескончаемый поток солдат. Заходишь в эту палатку, в ней с двух сторон медицинские работники с пистолетами для впрыскивания различных сывороток. Идешь, тебе – бах! бах! – в одну руку прививки ставят, в другую... От чумы, от холеры, от тифа, от всего.

Выходишь, голова немного пошатывается, но парни молодые, здоровые, ничего. Какое-то время мы там пробыли, распределили нас по полкам. Ехать надо было через весь Кабул.

Сзади меня – знаменитая Баграмская дорога

Впечатлений – масса, потому что Кабул того времени, да, думаю, и сейчас ничего не изменилось, – это сказка «Тысячи и одной ночи».

Такая природа, дома, дворцы, торговцы – настоящий Восток. Нам же в СССР не говорили, что тут война. Мы ничего такого не чувствовали, пока ехали. Тогда говорили: да, мы вошли, помогаем строить школы и больницы...

Но был один момент, после которого мое сознание начало перестраиваться. Мы ехали в кузове «Урала» по горной дороге, по склону, и вдруг наш водитель остановился. Смотрит назад. Мы ехали двумя машинами, а второй – нет. Он развернулся и поехал обратно. Увидели ее, развернулись и снова поехали в нужную сторону. То есть, постоять и подождать было – не вариант. Эта взаимовыручка, этот тревожный момент, ощущение того, что может случиться всё, что угодно.

Уезжали из России – было холодно. Зимняя форма одежды. Шерсть, шапки. Приехали, а там

– за 30 градусов жары. Сидим в курилке, спрашиваем у старших: «Ну что тут, парни? Война-то идет? Нам бы тоже немножко повоевать». Они говорят: «Успеете еще, повоюете».

Так оно и вышло. Это был 180-й мотострелковый полк. В нем служил Руслан Аушев (в дальнейшем – Герой Советского Союза, первый президент Ингушетии). Следующим командиром полка у нас был полковник Высоцкий, тоже Герой Советского Союза. Боевой такой полк. Большею частью мы – танкисты – стояли на охране дороги Кабул – Термез на участке от Кабула до Чарикара, дорога эта связывала Советский Союз с Афганистаном. По ней осуществлялся трафик всего: горючего, боеприпасов, людей...

Временами нас снимали с дороги, и мы шли в рейд. В мотострелковом полку был танковый батальон. И мы – как усиление: если пехота куда-то выезжает, обязательно танки отправлялись. Поэтому мне довелось и на «точках» постоять (сейчас это называется «блокпосты»), в основном, от Баграмского поворота до Чарикара

Слева от меня – наш механик-водитель **Вася Носков**

Сержант Дзысь и я радуемся редкому в Афганистане снегу

(столица провинции Парван). Там я пробыл в общей сложности больше года.

Что такое «точка»? Там был взвод артиллерийского противотанкового дивизиона (как его в Афганистан занесло?). Мы – танкисты, они – «противотанкисты». Три пушки и наш

танк. Всё это в афганском доме, который, как крепость, – глинобитные стены огромные, двери огромные, с коваными накладками, внутренний двор... И вот мы там жили. А пушки и танк закопаны снаружи. Круглосуточное дежурство и периодические выезды.

Были периоды, когда мы каждую ночь воевали. Много было случаев, связанных с боевыми столкновениями. Это, конечно, самое яркое, что помнишь...

Это была настоящая война. Мой первый бой все расставил по местам.

«Учебка» – это было только название. Воевать нас там не научили. Снег с плаца убирали, дорожки чистили, листья обрывали с деревьев, потому что они почему-то той осенью не опали, а «Зимой листьев на деревьях быть не должно!» Я, конечно, ездил на танке, научили, мог стрелять из пушки. Но были вещи, о которых я понятия не имел. Например, в наших учебных танках внутренняя связь не работала, и поэтому я о ней вообще ничего не знал.

Когда мы приехали в Афганистан, полк был в рейде. Нас надо везти в рейд, а дембелей оттуда забирать и отправлять домой. Приезжает прапорщик – техник роты: «Кто поедет со мной?». Все, конечно: «Меня, меня возьмите!» И я тоже. Он отобрал нас человек 5-6, загрузил. Проселочные дороги ужасные, у нас таких нет,

едешь в кузове «Урала» – от стенки к стенке летаешь, надо во что-нибудь вцепиться, чтобы удержаться. Глина, которая выжигается солнцем, превращается в тончайшую пыль. Если оглянуться, – как извержение вулкана из-под колес. И она часами висит в воздухе, видно, кто где проехал.

Приехали мы в район Чарикара, зеленую зону прочесывать. Ночь. Нам сказали залезать в танк и спать. Я залез и уснул. Проснулся от того, что двигатель завели. Грохот такой, что или в ухо орать или по внутренней связи говорить, но я же про нее не знал. Сел на свое место наводчика, сижу. Сзади прапорщик, командир, стоит, внизу механик, справа заряжающий. Едем. Куда, зачем – не знаю. Рассвело, там это быстро происходит. Темно, темно, раз – и светло. Вечером – наоборот.

Танк остановился. Вдруг как мне прилетает ногой командира – сзади, как раз по почкам! Потом еще. «Да за что?» – не понимаю. Он спускается, глаза бешеные, еще пару раз по голове приложил. От шлемофона взял у меня штекер, воткнул в гнездо, и я услышал все, что он обо мне думает. «Заряжай! Наводи!» «Куда?» «Туда!»

Смотрю – дом какой-то. «Стреляй!» Я выстрелил. «Еще!» Запах пороха, дым. Снаружи пыль, ничего не видно. Еще пару снарядов туда. Едем дальше. Бой идет! А я еще не понимаю,

что я в бою, что я воюю. В какой-то момент удар страшный, мысли все вылетели, просто сижу. Меня снова попинали. «Вылезай!», – кричат.

Я вылезаю из башни. Вижу, дерево стоит – смоковница: половина с листьями, а половина без. Что такое? Меня тащат вниз. Смотрю, у танка один каток всмятку, выворочен, гусеница разорвана, нескольких траков вообще нет. Мина. Оглянулся – а за нами длинная колонна – БМП, танки – мы, оказывается, первыми в колонне шли. Наши в конец колонны побежали за катком. Мы в середине кишлака стоим, подорвались. Постреливают кругом, пехота вперед пошла. А мы, чтобы не мешать колонне, на одной гусенице в переулочек под полуголую смоковницу заехали.

Мне приказали сидеть на башне и стрелять, если кого увижу. Сажу, припекает, ем ягоды со смоковницы – зрелые, вкусные. Смотрю, мелькнуло что-то в переулочке и... ничего не происходит. Вдруг дувал взрывается. Оказывается, нас пытались добить из гранатомета, но я этого не понимал. У Льва Толстого это хорошо в батальных сценах описано: человек мало что понимает во время боя. После войны я Толстого по-другому уже воспринимал.

Прибегает прапорщик. «Залезай! Заряжай!» Я – на место заряжающего, прапор – к прицелу.

Я во внутреннем дворе нашего дома-крепости

Снаряд засунул, он развернул башню и выстрелил. Пустая гильза из пушки вылетела, а она раскаленная, и, по идее, есть механизм, который выбрасывает эту гильзу из башни. Но он почему-то не работал. Поэтому надо было ее взять голыми руками, вырвать из зажимов и выбросить. Рукава у меня были закатаны, как у всех, жарко же. И как ее взять? И так, и так верчусь. Прапор кричит: «Убью! Заряжай!» Ну, я и вырвал эту гильзу руками, потом долго ожоги заживали.

Пока мы меняли каток и гусеницу, всё стихло. И мы поехали обратно на место, где базировались. Это был мой первый бой. Я получил легкую контузию, пару раз по морде, по почкам, так сказать – приобрел бесценный боевой и жизненный опыт. На опыте этого дня вся моя дальнейшая служба и строилась.

Я понял, что надо быстро взаимодействовать и хорошо работать в команде. Мне всё стало ясно. Опыт пришел мгновенно. Тогда же мне объяснили, как различать по звуку, когда стреляют в тебя, а когда – от тебя. Когда в тебя стреляют, звук у автомата совсем другой. Сухой, резкий, щелчки такие. А от тебя – более гулкий.

Различаешь уже подкоркой. В опасных случаях организм сам приказывает тебе куда-то двигаться, прятаться, маневрировать. Таких эпизодов было потом много. И на минах я еще два раза подрывался, причем в один день. Когда туда ехали и когда обратно. Мины пехотные. Противотанковых, к счастью, не было.

После того, как танк подрывается, требуется огромный труд, чтобы его восстановить. Один каток весит 200 кг. Его надо прикатить, снять поврежденный, и дальше – как колесо у машины меняют, только это колесо весом в 2 центнера. Это можно сделать только всем экипажем. Вчетвером. Один направляет, двое поднимают, да еще яму нужно под ним подкопать. Хотя можно ехать и без катка, если не на что заменить. Танк – машина живучая.

Было, и товарищи погибали... Был случай, когда мы стояли в охране дороги. Утром заходит лейтенант-артиллерист. Говорит: «Поедете с нами на соседнюю «точку». Наш командир, Сергей Петухов, начал объяснять, что мы в ремонте, планов куча на день, пушка давно не чищена, мол, один раз без нас справитесь. «Ну, смотрите», – говорит. Хороший был офицер, лейтенант Анисимов, на гитаре классно играл,

пел песни группы «Воскресенье». Впервые песни этой группы я услышал от него.

Они поехали одни. Через какое-то время кричат: «Тревога! Танкисты, на выезд!» Мы срываемся, едем, а там бой идет. МТЛБ (многоцелевой бронетранспортер легкий бронированный) подбили из гранатомета. В переднем отсеке их было трое. Двоих – лейтенанта и пулеметчика – убило, а механику – Толе Бабину – оторвало руку. Тягач горел. Ребята, которые в десанте ехали, – лежали в кювете, держали оборону. Пришлось сначала отбиваться. Танков душманы боялись, мы их быстро отогнали. Зацепили тягач, отвезли к себе на «точку», там уже тушили, лили воду ведрами прямо в люк, потом вытаскивали ребят. Страшная картина. Парня одного – механика – попросили залезть внутрь тягача и заглушить двигатель, прежде чем доставать тела. Когда он вылез, его лицо было блее бумаги. Никогда не видел такого ни до, ни после.

Риск был всегда. Не только в боях. Очень плохая была эпидемиологическая обстановка. Многие болели малярией. У меня был гепатит, мой одноклассник два раза им переболел. Гепатит вообще там был очень распространен.

Вокруг «точки» везде были расставлены растяжки. Каждый новый состав их ставил, и потом уже неизвестно было, где они все стоят. Кругом виноградники, и мы, бывало, тайком ходили за виноградом. С нами собаки местные увяжутся. Идешь обратно, и вдруг – щелк, звук взрывателя – собака растяжку зацепила! Бежит к нам, уши прижала! Падаешь на землю, на этот самый виноград, закрываешь голову руками – в стороне взрыв...

В перерывах между боями время медленно тянется. Помню, на одной «точке» мы стояли. И было у нас там всего три книжки. Одна – «Героикомсомольцы» из серии «Пламенные революционеры» издательства «Молодая гвардия». Мы ее в очередь читали до дыр. Делать-то днем нечего особо, когда тихо. Вторая книга – «Рассказы» Олега Куваева, был такой прозаик, автор романа «Территория». Рассказы, надо сказать, классные. Я их тогда чуть ли не наизусть выучил.

А еще я собирал фольклор. С нами служил парень, детдомовец, Вася Бубнов. Он знал много песен беспризорников, бродяжки, уголовные – сотни. Я их записывал. Вася говорил: «Ну, кому это надо?!». Я говорю: «Ты не понимаешь, это фольклор». У меня было несколько блокнотов исписано. Но когда мы улетали из Кабула, на аэродроме работали «особисты», следящие за тем, чтобы ничего запрещенного с собой не увезли. Фольклор вроде как никто не запрещал, но ведь на это нужно время – чтобы разобраться, что там на всех листочках написано. И я решил все выбросить. Пропали наши с Васей труды. Но в тот момент цель была одна – вернуться домой. Как можно скорее.

Стихи я начал писать еще в школе, считал себя поэтом, но в Афганистане написал всего несколько стихотворений. Писалось мне там тяжело. Даже в моменты затишья, я не переставал думать о том, где стоит автомат. По возвращению у меня точно был посттравматический синдром, но тогда еще не было никакой реабилитации, я мучился этим. Первый год я шел по улице и автоматически искал укрытие. Так, здесь, здесь, здесь можно укрыться. Стоп! Это Каменск-Уральский, иди нормально, расслабься. Через 5 минут ловишь себя на том же самом. Тяжело было выходить из этого состояния. Год-то точно искал, куда прыгнуть, если что.

Было и много хорошего – во взаимоотношениях между людьми. Та самая взаимовыручка, прежде всего. Много людей вокруг, люди разные, интересные. Но в целом война – это грязь, кровь, пот, страдания. И много тяжелой работы. Может быть, когда-нибудь я напишу об ощущениях человека на войне книгу...

Афганистан – это сказочная страна. Красивейшая. Горы, много зелени. Грецкие орехи, как у нас тополя, везде. Виноградники. Ехали как-то в рейд, завернули в кишлак. Увидели большой пруд. На берегу – гигантский орех, под которым не один танк может встать в тени, а за прудом гора, вся в красных помидорах. Рай на земле! Мы вылезли из танка, встали на этом берегу, и в голове мысль промелькнула – блин, здесь бы жить, а не воевать!..»

Стихи Александра Шалобаева:

В час, когда я завершу
Путь среди могил,
Что на небе я скажу
Тем, кого убил?
Может стану сказки петь
О своей любви?
Но куда мне руки деть?
Ведь они в крови!
А, быть может, им сказать,
Что, мол, не хотел?
Но куда мне деть глаза?
Это же прицел!
А, быть может, их презреть,
И не дать ответ?
Но куда мне душу деть,
Если тела нет?

СОЛДАТ

Толкнуло в грудь, когда он вылезал
Из чавкающей мартовской траншеи.
И с пулей ветер в лёгкие попал,
Минуя горло, бронхи и трахеи.
И вот, когда он начал умирать,
Увидел вдруг: сидит на лавке мать,
И на цветастом выцветшем подоле
Измученные вены и мозоли.

ПРОЧЕСКА

Продвигается отряд,
Тихо в кишлаке.
Как ребенок, автомат
Дремлет на руке.
В нем убийца заключен,
Запечатан в медь.
Не рожденная еще,
Будущая смерть.
Только в сумраке окна
Дрогнет чья-то тень,
И взорвется тишина
Криками смертей.

Привычно обходя растяжки,
Болтая жемами хвостов,
Три иностранные дворняжки
Спешат с обходами постов.
Открою им «Минтай в томате»,
Из банки вывалю на лед,
И лунный блик на автомате
По сердцу холодом лизнет.
Измазав шерстяные морды
В томатной пасте, как в крови,
Собаки преданно, но гордо
Посмотрят вдруг на шурави.
От окровавленных оскалов
По телу пробежит озноб.
Я буду слушать плач шакалов,
Мучительно борясь со сном,
Я буду наблюдать во мраке,

Упрятав огонек в горсти,
Как движется туман в овраге,
Пытаясь ближе подползти,
Единоборствуя со страхом,
Почувствую до тошноты,
Как пристально Христос с Аллахом
Следят за мною с высоты.

Зимой седьмой наступит год,
Как сняли нас с Баграма...
Я научил смеяться рот,
А вот глаза – упрямы:
Они молчат, как зеркала,
В них мыслей паутина.
Такие грустные дела.
Такая вот картина.

1987 г.

ЗЕМЛЯНКА БОЕВОГО ОХРАНЕНИЯ

Огонь печурки дремлет и во сне
Расписывает глиняные стены,
И мы сидим, и просто ждем замены,
На нашу крышу спать ложится снег.
Сверчок подхватит тихий разговор,
И тлеет чуть беседа о «гражданке»,
А за стеной, в насквозь промерзшем танке,
Не спит ночного виденья прибор.
Дым сигарет, в два яруса кровать,
У входа – наготове автоматы...
Не спят, вздыхают, дембеля-ребята,
И дома всё не спит, вздыхает мать.

1982 г.

249

Сергей АБРАМОВ ЛЮБАЯ ВОЙНА – ЭТО ПЛОХО 4	Александр ГРОШЕВ Я ДОРОЖУ ЛЮБИМЫМИ ЛЮДЬМИ..... 58
Андрей АНДРЕЕВ Артиллеристы, зовёт отчизна нас 6	Александр ГУРЬЯНОВ «ИСКРА ЖИЗНИ» ВЕТЕРАНОВ-«АФГАНЦЕВ»..... 60
Лев АНИСИМОВ ДРУГОЙ СУДЬБЫ НЕ НАДО 10	Равиль ДЖАМАЛОВ Через десять дней после призыва я уже оказался «за речкой» 64
Накип АСКАРОВ Принять решение ты должен сам 14	Павел ДОБРЕЦОВ Когда раскалывались горы 66
Андрей БАННИКОВ Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне 16	Вадим ДУЛЕПОВ Мы в Азию ещё вернёмся..... 68
Владимир БАТЬШКИН В ущелье «Пяти львов» 20	Сергей ЕВДОКИМОВ Цену жизни знают ветераны 72
Юрий БОГДАНОВ Мы просто знали, что воюем за мир 22	Ибрагим ЕСМАГАМБЕТОВ Марат ЕСМАГАМБЕТОВ и почтальон сойдёт с ума, разыскивая нас 74
Виктор БОРИСОВ Вместо отпуска – на боевую операцию 26	Александр ЗАРЫГИН Букет из «Гиацинтов» 78
Ян БУСЫГИН Командир шайтан-трубы..... 28	Евгений ЗЕЛЕНКОВ Время первых 80
Дмитрий СИДЛЕЦКИЙ Наша девятая рота 30	Сергей ЗЕМЛЯНОВ А вместо сердца – пламенный мотор 82
Илдус ВАЛИЕВ Крепче за баранку держись, шофёр..... 34	Олег ЗЛОБИН Фарахруд: мы были первыми 84
Вячеслав ВАСИЛЬЕВ Быть первым всегда труднее 36	Игорь ИВАНОВ У нас тут одна национальность – спецназ 90
Эдуард ВЕРБЕЦКИЙ Солдатская работа на войне 38	Андрей КАЗАЧКОВ Туман под ветром 98
Юрий ВОЛОГЖАНИН Афганистан не вычеркнуть из жизни 40	Дмитрий КАРПОВ Испытание на прочность..... 100
Александр ВОЛОДИН Уходим на караван 44	Владимир КАСЬЯНЕНКО Я сразу понял: здесь будет не просто 110
Владимир ВОРОНОВ Иди вперёд и ничего не бойся 46	Александр КОЛЯСНИКОВ Чтобы быть свободными, мы должны быть сильными 114
Владимир ГОВОРУХИН Война – тяжелая работа 50	Валерий КОМУХИН Полгода как один день 118
Станислав ГОНЧАРЕНКО Первый бой принял спустя пару часов после того, как оказался в Афгане..... 54	Михаил КОНОНОВ В любое время, при любой погоде 120
Валерий ГРАНКИН Я был молод, горяч и о смерти не думал 56	Сергей КУЗНЕЦОВ Дважды в одну и ту же реку 122

Эдуард КУЗЬМИН «ДЕМБЕЛЬСКИЙ» ВЫХОД В МЕЛЬТАНАЙСКОМ УЩЕЛЬЕ.....	124	Людмила ПОПОВА ТЫ, СЕСТРИЧКА, В МЕДСАНБАТЕ, НЕ ТРЕВОЖЬСЯ БОГА РАДИ	182
Павел КУЛЁВ ЗАКАЛЁННЫЙ АФГАНОМ.....	128	Александр ПРУДНИКОВ ВСЕГДА НА СВЯЗИ.....	184
Геннадий КУНЯВСКИЙ ПИСАТЬ ПЕСНИ НАЧАЛ НА АФГАНСКОЙ ВОЙНЕ.....	130	Андрей РЕДИКУЛЬЦЕВ ВОЕВАТЬ – ЭТО У НАС СЕМЕЙНОЕ... ..	186
Вадим КУТКИН РАЗ НАДО, ЗНАЧИТ НАДО	132	Григорий САВИН И ТЫЛ БЫЛ СЛУЖБА БОЕВАЯ	188
Александр ЛОБАНОВ С «ЛУНОЙ» НА ПУЛЕМЁТЕ.....	134	Галимхан САФИУЛЛИН ТОЧКА НА КАРТЕ.....	208
Алексей МАКСИМОВ БОГИ ВОЙНЫ НА САЛАНГЕ.....	136	Валерий СЕДАЕВ ПОГРАНВОЙСКА – БРАТСТВО ПО ОРУЖИЮ	212
Леонид МЕДВЕДЕВ МОЁ СЕРДЦЕ С УРАЛОМ	138	Владислав СЕРЕДА ОПЫТ ПОЛУЧАЛИ В БОЯХ.....	216
Юрий МЕЛКОЗЁРОВ НАУКА ПОБЕЖДАТЬ.....	140	Владимир СЕРОВ ВОЙНА НАВЕЧНО В ПАМЯТИ МОЕЙ	220
Дмитрий МЕТЕЛЬСКИЙ Юрий ПУЛИН СЛУЖИЛИ ДВА ТОВАРИЩА.....	142	Салихян СИСАМБАЕВ ЗВЁЗДЫ НАД КАБУЛОМ.....	222
Вячеслав МИРОНЕНКО В НАС ЖИВЁТ БОЕВОЙ ДУХ И ЖЕЛАНИЕ ПРИНОСИТЬ ПОЛЬЗУ.....	144	Алексей СТРАШКОВ ПОЛЯ ТЮЛЬПАНОВ КРАСНЫХ И БЕЛЫЕ ВЕРШИНЫ ГОР	224
Валерий НАЗАРОВ ВОЙНА МЕНЯ НЕ ОТПУСКАЕТ	146	Виктор ТЕРЕНТЬЕВ В ГЕРАТЕ НА «ТОЧКЕ»	226
Николай НИКИТИН ВОЙНЫ ГОРЬКИЕ УРОКИ.....	152	Рашит ФАТКУЛЛИН ГОДЫ СЛУЖБЫ ЗАБЫТЬ НЕВОЗМОЖНО	228
Азамжон ОБИДОВ ПОД ГРИФОМ «СОВ. СЕКРЕТНО»	156	Андрей ФЁДОРОВ ОПАСНАЯ РАБОТА	230
Александр ОВЧИННИКОВ БОЕВЫМ НАГРАЖДАЕТСЯ ОРДЕНОМ.....	158	Леонид ХАБАРОВ РУБЦЫ НА СЕРДЦЕ.....	232
Вячеслав ОРЛОВ БОРТОВОЙ НОМЕР 113.....	160	Айдар ХИКМАТУЛЛИН ОН ВЧЕРА НЕ ВЕРНУЛСЯ ИЗ БОЯ... ..	236
Сергей ПАХОВСКИЙ Я БЛАГОДАРЕН АФГАНУ.....	166	Наталья ЦИХАЛЕВСКАЯ ХОЧУ БЫТЬ НУЖНОЙ ЛЮДЯМ.....	238
Андрей ПЕТРУСЕНКО АФГАНИСТАН ЖИВЁТ В МОЕЙ ДУШЕ.....	170	Виктор ЧУДОВ НАШЕ ДЕЛО ПРОДОЛЖАЮТ ВНУКИ.....	242
Александр ПОПОВ ВОТ ТАКАЯ ВОЕННАЯ МОЛОДОСТЬ	172	Александр ШАЛОБАЕВ НА НАШУ КРЫШУ СПАТЬ ЛОЖИТСЯ СНЕГ	244
Сергей ПРОЦЕНКО ПО ВОЛНАМ, НЫНЧЕ – ЗДЕСЬ, ЗАВТРА – ТАМ	178		

МОЯ ВОЙНА. АФГАНИСТАН

Авторский коллектив выражает искреннюю благодарность членам Регионального отделения Общероссийской общественной организации военных инвалидов «ВоИн» в Свердловской области, ветеранам боевых действий, их родственникам и друзьям, предоставившим информационные и иллюстрационные материалы для книги воспоминаний и очерков ветеранов войны в Афганистане, посвященной 35-летию вывода советских войск из Афганистана и изданной в рамках проекта «Моя война. Афганистан» при поддержке Фонда президентских грантов, Департамента внутренней политики Свердловской области. Также благодарим сотрудников муниципального музея памяти воинов-интернационалистов «Шурави» (г. Екатеринбург), музея Воздушно-десантных войск «Крылатая гвардия» (г. Екатеринбург), юных журналистов и воспитанников военно-патриотических клубов, журналистов Ирину Котлову, Олега Подкорытова за помощь в подготовке материалов книги.

